АМИТАВ

ГОШ

ДЫМНАЯ РЕКА

18+



Дымная река
Амитав Гош

Аннотация
Амитав Гош. Дымная река
Часть первая. Острова
1
2
3
4
5
6
Часть вторая. Кантон
7
8
9
10
11
12
Часть третья. Комиссар Линь
13
14
15
16
17

Аннотация

Второй том саги-трилогии.

В сентябре 1838 года в Индийском океане шхуна «Ибис», перевозившая заключенных и наемных рабочих из Калькутты на Маврикий, попала в самый центр мощного шторма. Роман следует за судьбами людей, угодивших в бурю — не только природную, но и историческую. Некоторых из них шторм и судьба забросили в китайский Кантон, где сосредоточена торговля с иностранцами. Несмотря на усилия китайского императора остановить торговлю опиума, корабли европейцев, курсирующие между Индией и Китаем, по-прежнему доставляют зелье.

Центральные фигуры во второй книге трилогии — богатый опиумный торговец-парс из Бомбея; бывший индийский раджа, ставший писарем в торговой миссии; юная француженка-сирота и пестрая компания, объединившаяся в погоне за романтикой и богатством. Каждый из них пытается справиться со своими потерями, а некоторые — и с обрушившейся на них свободой.

Книга содержит нецензурную брань.

Амитав Гош
Дымная река

RIVER OF SMOKE by AMITAV GHOSH.
Copyright © Amitav Ghosh 2011.

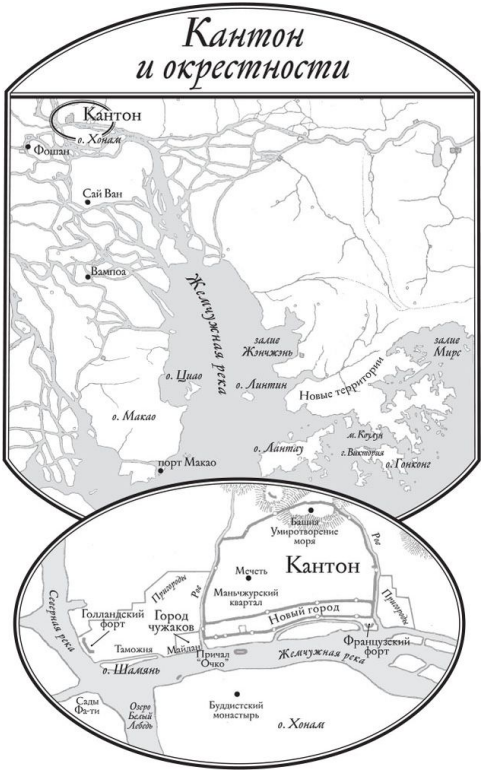
Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Книга издана при содействии The Wylie Agency (UK) LTD.
Перевод с английского Александра Сафронова.
Редактор Игорь Алюков.
Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко.

© Александр Сафронов, перевод, 2021.
© Андрей Бондаренко, оформление, 2021.
© «Фантом Пресс», издание, 2021.

* * *

К восьмидесятилетию моей матери


Кантон
и окрестности
Кантон
о. Хонам
Фошан
Сай Ван
Вампоа
Желчужная река
залив Жэнжжнь
о. Циао
о. Линтин
Новые территории
залив Мирс
о. Макао
м. Кэтьэ
о. Лантау
г. Виктория
о. Гонконг
порт Макао
Башня Умиротворение моря
Рва
Кантон
Мечеть
Маньчжурский квартал
Новый город
Призоры
Призоры
Рва
Голландский форт
Город чужаков
Северная река
Таможня
Майдан
Причал
Очко
Желчужная река
Французский форт
о. Шамянь
Сады Фэ-ти
Озеро Белой Лилии
Буддистский монастырь
о. Хонам

Часть первая
Острова



1



Святилище Дити пряталось в дальнем уголке Маврикия, где на стрелке западной и южной оконечностей острова вознесся продуваемый ветрами скалистый купол Ле-Морн-Брабан. Пещера в известняковом утесе, сотворенная ветром и влагой, представляла собою природную аномалию, подобия которой не было нигде на острове. Позже Дити уверяла, что не случай, но сама судьба привела ее к этому невообразимому месту, открывавшемуся лишь тому, кто в нем оказался.

На склоне лет, когда артрит сделал ее колени негнущимися, Дити уже не могла добраться от фермы Колверов, расположенной по другую сторону бухты, до святилища самостоятельно, но только в особом устройстве «пус-пус», этаком

симбиозе паланкина и носилок. И посему паломничество превращалось в полномасштабную экспедицию, требовавшую изрядного числа мужчин, непременно молодых и крепких.

Собрать весь род Колверов (на креольском диалекте «ла фами Колвер»), рассеянный по всему острову и за его пределами, всегда было непросто. Однако раз в году, во время летних Больших выходных накануне Нового года, все старались съехаться. В середине декабря семейство приходило в движение, и к началу праздников весь род пускался в путь: уйма Колверов в сопровождении свояков, свояченицы, золовок и прочих деверей огромным потоком устремлялась к ферме. Одни, обитавшие в Курепипе или Катр-Борне, добирались сушей, в повозках поднимаясь на туманное плоскогорье, другие, жители Порт-Луи или Маебурга, плыли морем, прижимаясь к берегу, пока не завиднеется выступ Ле-Морн-Брабан, затянутый мглистой дымкой.

Многое зависело от погоды, ибо восхождение на обдуваемую ветрами гору могло состояться лишь в погожий день. Если погода благоволила, с вечера начинались приготовления. Трапеза после

пуджи[1] была самой желанной частью похода, и подготовку к ней сопровождало взволнованное предвкушение: хижина полнилась звяканьем сечек по разделочным доскам, стуком скалок и ступок, пока готовились *масала* и *чатни*, а груды овощей превращались в начинку для *параты* и *дхал*[2]. Затем снедь упаковывали в коробки и корзины, и все пораньше отправлялись на боковую.

На рассвете Дити лично удостоверялась, что путники хорошенько искупались, но не съели ни крошки, ибо их паломничество, как и всякое другое, требовало чистоты тела изнутри и снаружи. Проснувшись, как обычно, первой, она расхаживала по хижине и, стуча клюкой по половицам, на странной смеси родного бходжпури и креольского диалекта возвещала побудку:

— Подъем! Подъем, лежебоки! Хватит дрыхнуть!

Когда все племя наконец пробуждалось, солнце уже подсвечивало облака, цеплявшиеся за ма-

---

[1] Примечания: 1

Пуджа — молитвенный обряд в индуизме.

[2] Примечания: 2

Масала — смесь специй, которую добавляют в блюда и напитки; чатни — соусы разных видов: от сладких до огненно-острых; парата — слоеная лепешка; дхал — традиционный пряный суп из бобов, нута или гороха.

кушку Горы. В тарахтящей повозке, запряженной лошадью, Дити возглавляла процессию, которая, миновав ворота фермы, спускалась с холма к перешейку, соединявшему горный монолит с островом. Дальше можно было двигаться только пешим ходом. Дити пересаживалась в пус-пус, который молодые мужчины, чередуясь, несли сквозь густые заросли, укрывавшие подножье Горы.

Перед последним и самым крутым участком подъема была славная опушка, где делали привал, дабы перевести дух и полюбоваться восхитительным видом джунглей между зубчатыми береговыми линиями в кайме песчаных отмелей.

Зрелище не завораживало только Дити, которая через пяток минут уже рявкала:

— Пошевеливайтесь! Мы здесь не для того, чтоб до темноты пялить зенки на всякую дребедень! Встали! Пошли!

Жаловаться на головокружение и ноющие ноги было бесполезно, в ответ слышалось яростное «*Бус ту фана!* Вставай!»

Правда, никого особо подгонять не приходилось: отправившись в дальний путь натощак, все, а дети особенно, с нетерпением ждали трапезы

по завершении пуджи. Крепкие парни подхватывали шесты пус-пуса, и Дити вновь возглавляла поход по крутой осыпчивой тропе, огибавшей горный хребет. И вот вдруг открывалась обратная сторона горы, отвесно обрывавшаяся в море. Налетал оглушительный шум волн, бившихся о скалы, хлестал свирепый ветер. На этом самом опасном участке пути уже было некогда любоваться изогнутым обручем горизонта, соединявшим море и небо. Копуш подгоняла клюка Дити: «*Гаратва!* Шевелись!..»

Еще немного, и паломники достигали неприметного уступа, служившего порогом святилища — удивительного творения природы, в семействе прозванного Узилищем и с которым не смог бы тягаться и обученный архитектор: просторно, почти ровный пол, нависший каменный потолок. Возникавшему впечатлению тенистой веранды способствовала этакая балюстрада из корявых деревцов, вцепившихся в края утеса. Но чтобы глянуть вниз, требовались крепкий желудок и крепкая голова: даже в тихий ясный день казалось, что неистовые волны, проделавшие долгий путь от Антарктики, стремятся смыть дерзкий клочок суши, преградивший им дорогу на север.

Однако Узилище обладало удивительным свой-

ством: стоило сесть на пол пещеры, как волны исчезали из виду, скрытые корявыми деревцами, что изображали балюстраду. Коротко говоря, это было идеальное место для семейных собраний, и зарубежные родичи, изъяснявшиеся на хинди, ошибочно думали, что потому-то оно и прозвано Узилищем — мол, в тесноте, да не в обиде. Но любой островитянин знал, что на креольском диалекте это слово означает еще и доску, на которой раскатывают лепешки *роти*. А прямо посреди пещеры грибной шляпкой торчал огромный плоский валун, трудами не человека, но природных стихий превращенный в удобную столешницу. Женщины тотчас раскладывали на ней *дал-пури*[3] и лепешки параты, наполняя их давеча приготовленной лакомой овощной начинкой из пурпурных корешков, зеленой моринги и прочего.

Сохранилось несколько фотографий Дити того времени, в том числе пара прелестных серебряно-желатиновых дагерротипов. На одном, сделанном в Узилище, на переднем плане Дити сидит в пус-пусе, поставленном на пол пещеры. Она в сари, но, в отличие от других женщин в

---

[3] Примечания: 3

Дал-пури (дхай-пури) — очень тонкие лепешки из гороховой муки.

кадре, позволила накидке соскользнуть с головы, обнажив невероятной белизны волосы. На *паллу*[4], переброшенном через плечо, висит связка ключей, символизирующая главенство в семье. Круглое смуглое лицо изборождено глубокими морщинами, дагерротип отлично передает впечатление огрубелой задубевшей кожи. Руки сложены на коленях, но в целом поза не выглядит спокойной: губы плотно сжаты, сощуренные глаза направлены прямо в объектив. Один глаз, затуманенный катарактой, лишь тускло отражает свет, а вот другой, неоспоримо серый, смотрит твердо и пристально.

За спиной Дити виден вход в собственно святилище — не верится, что столь узкая расщелина ведет в еще одну пещеру. На заднем плане толстяк в *дхоти*[5] выстраивает детишек в ряд, чтобы следом за главой семейства они прошли во внутренний покой.

Дити строго следила за этой незыблемой частью ритуала: малыши должны первыми совершить пуджу и поесть раньше других. Во главе юной

---

[4] Примечания: 4

Паллу — свободный конец сари, служащий накидкой.

[5] Примечания: 5

Дхоти — традиционная мужская одежда, ткань, обертываемая вокруг ног.

поросли Колверов она — в одной руке клюка, в другой горсть свечей — шагала в святилище. Изголодавшиеся ребятишки поспешали за ней, даже не глядя на стены большой пещеры, покрытые рисунками. Малую пещеру Дити называла своей молельней. В обычной церкви это была бы алтарная часть — здесь изображения божеств группировались вокруг фигур, менее знаменитых в индуистском пантеоне: марутов и бога ветра Ваю, отца Ханумана[6]. При мигающем пламени светильника детишки наскоро совершали пуджу: бубнили мантры и шептали молитвы. Затем, в ритуале арати осыпав цветами божества и заглотнув ломивший зубы прасад, они спешили в Узилище, где их встречали криками «К столу, к столу!», хотя в пещере не было ни столов (одни банановые листья), ни стульев (одни подстилки и коврики).

Еда, приготовленная в незамысловатой утвари на открытом огне, всегда была вегетарианской и потому очень простой. Основу составляли лепешки параты и дал-пури, а вдогонку к ним шли люффа, маринады, паста из томатов и арахиса, чатни из тамаринда и плодов комбавы, а иногда

[6] Примечания: 6

Хануман — чтимый в индуизме Бог-обезьяна, сын бога ветра Ваю и апсары (полубогини) Пунджисталы.

из лайма и билимби, огненный *мазавару*[7] из перца чили и лайма и, уж конечно, *дахи* и *гхи*[8] из молока от коров Колверов. Пища, повторимся, была простейшей, но после трапезы все, привалившись к стенам пещеры, стонали — мол, так объелись, что вот-вот лопнет живот…

Даже много лет спустя, когда утес уже рухнет под натиском циклона и лавина снесет все святилище в море, те, кто детьми совершал эти паломничества, сохранят яркие воспоминания о лепешках, дал-пури, чатни и приправах, дахи и гхи.

Когда наконец приживалось съеденное и зажигались керосиновые лампы, ребятишки приступали к осмотру разрисованных стен большой пещеры, прозванной *Дити-ка-смрити-мандир* — Поминальный храм Дити.

В семье все малыши знали историю о том, как под руководством своей бабушки Дити научилась рисовать, когда совсем крохой жила Еще Там, в родной провинции Индостана. Ее деревня в се-

---

[7] Примечания: 7

Мазавару — очень острая приправа, в которую, кроме чили и лайма, добавляют имбирь и чеснок.

[8] Примечания: 8

Дахи — кисломолочный продукт, отдаленно напоминающий йогурт; гхи (ги) — топленое масло.

верном Бихаре называлась Наянпур и стояла на слиянии двух больших рек, Ганга и Карамнасы. Тамошние дома сильно отличались от здешних: никаких тебе жестяных крыш, вообще никакого железа и бревен. Люди жили в крытых соломой хижинах, обмазанных коровьим навозом.

В Наянпуре многие оставляли стены своих жилищ голыми, но семья Дити была иной. В молодости ее дед проходил военную службу в Дарбханге, что в шестидесяти милях на восток от их деревни. Там-то он и взял жену из семьи Раджпут и потом привез ее в Наянпур.

В далеком Еще Там у каждого города и поселка имелся свой предмет гордости: одни похвалялись гончарными изделиями, другие — лакомством из сушеных фруктов *хобби-ки-лай*, третьи — непревзойденной глупостью жителей, четвертые — великолепным рисом. Мадхубани, бабушкин поселок, славился великолепно украшенными домами с чудесно разрисованными стенами. Перебравшись в Наянпур, бабушка привезла с собою творческие секреты и обычаи своей родины: она научила дочерей и внучек белить стены рисовой мукой, создавать яркие краски из плодов, цветов и разнообразного грунта.

В семье у каждой девочки был свой круг обязан-

ностей, и Дити отвечала за изображение простых смертных, путавшихся под ногами у богов, богинь и демонов. Зарисовки, выходившие из-под ее руки, имели черты окружающих и составляли пантеон тех, кого она больше всего любила и боялась.

Выполненные контуром и чаще всего в профиль, портреты несли опознавательный знак модели: так, старший брат Кесри Сингх, сипай армии Ост-Индской компании, легко узнавался по военному символу — дымящемуся ружью.

Когда Дити вышла замуж и покинула родную деревню, выяснилось, что в мужнином доме, никогда не знавшем мазка краски, перенятое от бабушки искусство не приветствуется. Однако новые родичи не могли запретить ей рисовать на листьях и тряпицах и на свой вкус украсить собственную молельню — закуток, ставший вместилищем ее мечтаний и видений. В долгие семь лет замужества рисование было не только утешением, но главным и единственным способом сохранить воспоминания — неграмотная, иначе Дити не смогла бы запечатлеть события своей жизни.

Этой привычке она не изменила и после того, как вместе с Калуа, ставшим ей вторым мужем,

бежала от старой жизни. В пути на Маврикий Дити поняла, что беременна, и, по семейному преданию, именно сынок Гирин указал ей дорогу к святилищу.

В то время Дити была *кули*[9] и работала на плантации, недавно расчищенной по другую сторону бухты. Хозяином был француз, участник наполеоновских войн, израненный телесно и духовно. Он-то и привез Дити и восьмерых ее спутников по «Ибису» в дальний уголок острова, дабы те отработали контракт.

В той самой дальней и почти безлюдной части Маврикия земля была невероятно дешева, а дорог не имелось вовсе — весь провиант туда подвозили в лодках, и порой бывало, что кули, подъев все припасы, отправлялись на поиски съестного в джунгли. Всего богаче природными дарами был лес на Горе, но мало кто дерзал вскарабкаться по ее склонам, пользовавшимся дурной славой — мол, там сгинули сотни, если не тысячи людей. Во времена рабства неприступность Горы привлекла изрядное число беглых рабов, обустроивших там свое поселение. Эта община беженцев (по-креольски «каштанов») существовала вплоть

---

[9] Примечания: 9
Кули — наемный батрак в колониях.

до 1834 года, когда на Маврикии отменили рабство. Не ведая о переменах, каштаны так и жили себе на Горе, но вот в один прекрасный день на горизонте замаячила воинская колонна. Солдаты в роли вестников свободы казались чем-то невообразимым, и каштаны, приняв их за карателей, прыгнули со скалы, насмерть разбившись о камни.

Трагедия случилась незадолго до прибытия Дити и ее спутников, и память о ней была свежа. Ветер, порою завывавший в тех местах, мнился плачем по покойникам, пробуждая такой страх, что никто из кули на гору не совался.

Дити не меньше других боялась горы, но у нее был годовалый ребенок и он соглашался только на банановое пюре, когда иссякал запас риса. В горном лесу бананов было немерено, и Дити, собравшись с духом, привязывала малыша к спине и по перешейку отправлялась за пропитанием. И вот однажды на горе ее застигла надвигавшаяся буря. Пока Дити соображала что к чему, начался прилив, затопивший перешеек и отрезавший дорогу к плантации. Дити разглядела неприметную тропу, некогда проложенную каштанами, и понадеялась, что она приведет ее к какому-нибудь укрытию. Тропа, вившаяся вверх по склону

и вкруг хребта, довела ее к уступу, позже получившему название Узилища.

Дити решила здесь переждать непогоду, еще не ведая, что уступ — всего лишь порог более безопасного убежища. Согласно семейному преданию, вход в пещеру отыскал Гирин. Дити опустила его на землю и огляделась — куда положить собранные бананы. Она отвлеклась всего на минутку, но малыш, юркий ползунок, исчез.

Дити завопила, подумав, что ребенок сорвался в пропасть, но потом вдруг расслышала его тонкий голосок, эхом разносившийся в скале. Все еще не видя сына, она ощупала расщелину и сунула в нее руку. Внутри было прохладно и, похоже, просторно. Дити шагнула в проем и тотчас споткнулась о сына.

Вскоре глаза ее обвыклись с сумраком, и она поняла, что некогда пещера была обитаема — вдоль стен вязанки хвороста, на полу кремни, скорлупа и осколки калабаса, о которые она чуть не порезала босые ноги. В углу высилась кучка засохшего человеческого дерьма, уже давно утратившего запах. В иных обстоятельствах оно бы вызвало отвращение, но сейчас, напротив, успокоило — стало быть, в пещере хозяйничали не призраки, упыри или демоны, а человеческие существа.

Снаружи разразилась буря, завыл ветер; воспользовавшись кремнями, Дити развела костер и на меловых стенах пещеры увидела рисунки углем, похожие на детские каракули. Гирин, испугавшийся злобного воя ветра, разрыдался, и тогда-то ей пришла идея.

— Смотри, сынок, — сказала она, — с нами твой папа. Бояться нечего, он рядышком…

И вот так Дити нарисовала свою первую картину — гигантский портрет Калуа.

Через много лет дети и внуки часто спрашивали, почему на стенах святилища так мало изображений самой Дити, почему так скупо отражены ее собственные первые годы на плантации, но полно рисунков мужа и других беженцев. «Уясните себе, — отвечала она, — для меня ваш дед живой человек, а не просто персонаж картины. Сюда я приехала, чтоб быть с ним вместе. Там, внизу, каждый миг моей жизни состоял из преодоления тягот, а здесь я вновь соединялась с мужем…»

Осмотр святилища всегда начинался с гигантского портрета Калуа в набедренной повязке, на котором он, как и в жизни, был всех выше, мощнее и черен, точно сам Кришна. Изображенный в профиль, он занимал всю стену, словно

всепобеждающий фараон. Под ногами его кто-то вырезал и обвел узором имя, которое он получил в калькуттском лагере переселенцев — Маддоу Колвер.

Как во всяком паломничестве, члены семейства подчинялись строго установленному порядку осмотра и поклонения. От портрета основателя рода переходили к панно без подписи, но известному всему роду как «Расставание» (*Бираха*). Даже малыши знали, что здесь запечатлен критический момент в истории их семьи — разлука Дити с супругом.

Это произошло, когда на «Ибисе» Дити и Калуа вместе с сотнями других закабаленных рабочих пересекали океан, добираясь из Индии на Маврикий. Путешествие не заладилось сразу, а кульминацией всех несчастий стал смертный приговор Калуа, вынесенный за обычную самозащиту. Однако разыгравшийся шторм не позволил привести его в исполнение, и Калуа вместе с четырьмя другими беглецами уплыл на баркасе.

Для Колверов сага о чудесном избавлении патриарха, часто излагавшаяся в семействе, была сродни легенде о бдительных гусях, спасших Рим, и служила знаменьем того, что сговор Рока с Природой уготовил им особенную судьбу.

Рисунок Дити навеки запечатлел тот миг, когда озлобленные волны уносили баркас прочь от «Ибиса», изображенного в виде мифической птицы: огромный клюв бушприта и два громадных распростертых крыла парусов. Шхуну и баркас беглецов, расположенный чуть правее, разделяли две условные высокие волны. Баркас, похожий на выглянувшую из воды рыбину, резко контрастировал с птичьим обликом «Ибиса», однако в размерах почти не уступал шхуне, чем, видимо, подчеркивалась значимость его роли в спасении родоначальника семьи. На обоих судах виднелись небольшие людские группы: четыре человека на шхуне, пять на баркасе.

Повторение — метод, с помощью которого чудо становится частью повседневной жизни: все прекрасно знали канву легенды, но всякий раз в святилище Дити слышала одни и те же вопросы.

— Деда? — кричала малышня, показывая на великана. — Дедушка?

Но и здесь Дити, невзирая на детский ор, неизменно следовала собственному строгому ритуалу, сперва указав клюкой на самого низенького из пятерых пассажиров баркаса:

— Видите вон того с тремя бровями? Это ласкар Джоду, он рос вместе с вашей тетей Полетт и был

ей как брат. А вон тот в тюрбане, это серанг Али, лучший на свете мореход и тот еще башковитый хитрован. Двое других — узники, коих отправили отбывать срок на Маврикии. У того, что слева, отец был богатый бомбейский купец, женившийся на китаянке, и мы звали его «китайчонок», хотя настоящее его имя А-Фатт. А рядом с ним не кто иной, как ваш дядюшка Нил, любитель историй.

И лишь затем клюка перемещалась к центральной фигуре Маддоу Колвера, который, единственный из пятерых беглецов, был развернут лицом не к зрителям, но к шхуне — он словно прощался с женой и еще не родившимся ребенком. Кстати, себя Дити изобразила с огромным животом.

— А вон я на палубе «Ибиса», по одну руку от меня ваша тетушка Полетт, по другую Ноб Киссин-бабу. А за нами — Зикри-малум, Захарий Рейд, второй помощник.

В композиции панно самым удивительным было положение Дити: в отличие от всех других персонажей, твердо стоявших на палубах обоих судов, она как будто парила в воздухе и, запрокинув голову, устремляла взгляд к грозовым небесам. И вот эта ее поза вкупе с другими деталями картины создавала странное впечатление статичности, словно все происходило очень

неспешно и размеренно.

Но стоило о том обмолвиться, как Дити возмущенно кричала:

— Гля-ко! Рехнулись, что ли? Надо ж такое удумать! Вся эта катавасия длилась минуты, не дольше! Просто чудо, что им удалось сбежать! И ничего бы не вышло, если б не серанг Али. Это он все придумал, его затея. Ласкары, конечно, были в курсе, но все делалось шито-крыто, и капитан ничего не проведал. Задумано было ловко, этакую хитрость мог изобресть только баламут вроде серанга. Беглецы дождались, когда шторм загонит охранников и надзирателей вниз, и заклинили дверь центральной каюты. Али рассчитал, что и малумов не будет на палубе — уйдут передавать вахту. Китайчонку А-Фатту, самому проворному, было велено запереть их в каюте, а он взял да отправил в ад первого помощника — сунул ему ганшпуг под ребро. Но это обнаружилось уже после побега. Джоду выпустил меня из трюма, и я, ей-же-ей, подумала, что ослепла. Тьма хоть глаз коли, дождь стеной, только молыньи полыхают да гром так бухает, что вот-вот оглохнешь. Моим делом было отвязать вашего деда от мачты, но в такую-то непогодь поди справься…

Из рассказа выходило, что вся эта лихорадоч-

ная гонка заняла не больше пары минут, но Дити вдруг спокойно заявляла, что в обычном временном счислении ее прощание с мужем длилось бы час-другой. И это был не единственный парадокс в событиях той ночи. Полетт уверяла, что постоянно была рядом с Дити: с момента, как Калуа перетащили на баркас, и до той минуты, когда Захарий отправил их обратно в трюм. И все это время, говорила она, ноги Дити ни на миг не отрывались от палубы. Однако слова ее не могли поколебать уверенности Дити в том, что произошло за те скоротечные мгновения: она неизменно клялась, что потому-то и нарисовала себя парящей над шхуной, ибо сама мощь шторма ее подхватила и забросила в небо.

Слушатели подмечали, что Дити ничуть не сомневается в том, что вихрь поднял ее на высоту, дабы она, не испытывая ни малейшего страха, но только безмятежный покой, взглянула на происходящее внизу. Как будто шторм, выбрав ее своим конфидентом и остановив течение времени, позволил ей все увидеть его глазами. И пока длилось то мгновенье, сквозь ветреную круговерть она видела «Ибис» и себя среди четырех фигур, укрывшихся под квартердеком, а в отдалении — цепь островов, пронизанных глубо-

кими протоками, рыбацкие лодки, спрятавшиеся в прибрежных бухтах, и какое-то странное суденышко, скользившее по проливу. И тогда шторм, точно родитель, направляющий взгляд ребенка на нечто интересное, чуть пригнул ей голову, и она поняла, что исхлестанное волнами суденышко — баркас с беглецами, которые, пользуясь затишьем в глазу бури, рвутся к ближайшему острову. Вот они высадились на берег, потом зачем-то перевернули баркас вверх днищем и опять столкнули в воду, где его тотчас подхватил бешеный поток…

Череда этих видений, утверждала Дити, длилась не больше нескольких секунд. Видимо, так оно и было, однако глаз бури дал передышку не только беглецам, но и охранникам с надзирателями, которые, едва стих ветер, стали дергать заклиненную дверь каюты и через минуту-другую могли вывалиться на палубу…

— Спас нас Зикри-малум, — рассказывала Дити. — Если б не он, быть страшной беде — жутко подумать, что стало бы с нашей троицей. Но малум успел затолкать нас обратно в трюм. На палубе никого не было, когда там появились конвоиры…

О том, что происходило дальше, обитатели

трюма могли только догадываться. Казалось, в короткое затишье перед новым натиском ветра на «Ибисе» разразилась собственная буря: палуба дрожала от топота туда-сюда носившейся охраны. Потом вновь налетел ураган, слышались только рев ветра и грохот дождя.

Лишь много позже переселенцы узнали, что во всем случившемся обвинили Зикри-малума — мол, он один в ответе за бегство узников и Калуа, дезертирство серанга и ласкара и даже убийство первого помощника.

Обитатели трюма пребывали в полном неведении о том, что творилось наверху. Наконец их выпустили на палубу, но лишь для того, чтобы сообщить им о смерти пятерых беглецов. Обнаружен баркас с пробитым днищем, сказали охранники, и, стало быть, беглая сволота получила по заслугам. А Зикри-малум находился под арестом — капитану пришлось дать обещание разъяренным надзирателям, что по прибытии в Порт-Луи он передаст виновного властям.

— Бог ты мой, не описать, как всех сразили эти новости. Ласкары горевали по серангу Али, а гирмиты — по Калуа, Полетт оплакивала Джоду, он был ей как брат, и Зикри-малума, которому отдала свое сердце. И только мои глаза, скажу я

вам, были сухи, ибо я ведала истину. Успокойся, шепнула я вашей тетушке Полетт, они живы и нарочно столкнули баркас в море, чтобы их сочли мертвыми и поскорее забыли. И о Зикри-малуме не печалуйся, не голоси, он все устроит, доверься ему. И вот через день-другой один ласкар, тиндал Мамбу его звали, принес ей сверток с мужской одеждой и прошептал: как придем в порт, переоденься, а уж мы найдем способ доставить тебя на берег. Я ничуть не удивилась, потому что все так и должно было случиться, как показал мне шторм, поднявший меня в небеса…

Маловеров, сомневающихся в рассказе Дити, всегда хватало. Многие ее слушатели, выросшие на острове, были близко знакомы с ураганами и не понимали, как это можно взглянуть на мир глазами шторма. Может, она все это вообразила, вспоминая те события? Или с ней случился припадок, в котором ее посетила галлюцинация? В правдоподобии этаких видений сомневались даже самые покладистые родичи.

Но Дити была непреклонна: в предсказания по звездам, планетам и линиям руки вы верите? Согласны, что они могут поведать судьбу тем, кто умеет читать их знаки? А чем хуже ветер? И потом, звезды и планеты движутся по определен-

ным орбитам, а вот путей ветра не ведает никто. Он властитель перемен и преображений, и она, Дити, всегда полагавшая, что судьбой ее управляют звезды и планеты, в тот самый день поняла: именно ветер предначертал ей новую жизнь на Маврикии, именно ветер устроил шторм, давший свободу ее мужу…

И вот тут Дити показывала на самую, пожалуй, примечательную деталь картины — изображение собственно шторма. Занимая верхнюю часть панно от края до края, он был представлен в виде гигантского змея, свернувшегося кольцами, которые, постепенно уменьшаясь в размере, венчались огромным глазом.

— Убедитесь, это ли не доказательство? — обращалась Дити к маловерам. — Могла ли я вообразить око урагана, если б не видела его своими глазами?



2



Обычные люди, Колверы не отличались особой доверчивостью и воспринимали картину «Расставание» как своеобразную семейную реликвию, поскольку для иного не имелось рационального повода. Обратить внимание семейства на воистину провидческую деталь картины — а именно, глаз бури — выпало Нилу. Для того времени подобный подход к природной стихии был поистине революционным, ибо в 1838 году, когда случился шторм, ученые еще только предполагали, что ураган представляет собою завихрение воздушных масс вокруг безмятежного центра, то есть глаза.

Ко времени, когда Нил оказался в святилище, понятие «глаз бури» стало почти банальностью,

но картина произвела на него столь сильное впечатление, что он четко припомнил, как лет десять назад впервые прочел в журнале статью об этом удивительно интересном явлении, породившем у него образ гигантского ока во вращающемся окуляре. Оно все разглядывает, что-то испепеляет, а другое оставляет нетронутым, выискивает новые возможности и создает иные начала, переписывает судьбы и сводит людей, которые иначе не встретились бы никогда.

Уже потом собственный опыт пережитого шторма обретет форму и смысл, а в то время Нил еще не понимал его значения. Но вот как неграмотная запуганная Дити могла обладать этакой прозорливостью? Ведь о том знала лишь горстка самых выдающихся мировых ученых.

Это была загадка, и Нил, слушая рассказ Дити, как будто вновь переносился в глаз бури.

— …И вот все вокруг кричат мне: ну же! скорее! А дед-то ваш, такой огромный, такой тяжелый… Добрался он до борта, и я падаю ему в ноги, молю его: позволь мне с тобою! А он меня отталкивает: нет! нельзя! подумай о нашем ребенке! Шторм ярится, ярится, а баркас с беглецами отвалил от шхуны и тотчас пропал из виду…

Нил будто вновь ощутил, как под ногами проги-

баются доски палубы, как в лицо хлещет дождь, и даже обрадовался, когда тормошившие его детишки отогнали это невероятно реальное наваждение.

— Что случилось дальше, дядя Нил? Тебе было страшно?

— Тогда — нет. Страх накатывает, когда я о том вспоминаю, а в те минуты бояться было некогда. Ветер неистовствовал, и мы что есть мочи вцепились в леер, чтоб нас не смыло с баркаса, который, казалось, вот-вот перевернется. Каким-то чудом он удержался на плаву, а потом вдруг ветер стих, и мы, очутившись в глазу бури, успели пристать к берегу. Баркас хотели спрятать в укромном месте, но серанг Али нас остановил: нет, в нем надо сделать пробоины и столкнуть в воду. Мы это сочли безумием — как же тогда выберемся с острова? Тут проходит много судов, успокоил нас боцман, а баркас нас выдаст и накличет беду. Если его обнаружат, враги поймут, что мы живы, и будут преследовать до конца наших дней. Нет, пусть нас спишут в покойники, мы же начнем жизнь с чистого листа. И он, конечно, был прав.

— А потом? Что было потом?

— Первую ночь мы провели в скалах, укрывших нас от буйства шторма. Вообразите наше

смятение: мы крепко потрепаны бурей, однако живы и, главное, свободны. Но что нам делать с этой свободой? Кроме серанга Али, никто не знал, где мы очутились. Мы думали, нас вынесло на необитаемый остров и нам грозит голод. Но очень скоро сей гнетущий страх развеялся. К рассвету шторм стих. В безоблачном небе засияло солнце, и мы, выйдя из укрытия, увидели тысячи кокосов, сбитых ветром и разбросанных по берегу и на мелководье.

Наевшись и напившись, мы с А-Фаттом провели короткую разведку. Судя по тому, что мы увидели, весь остров представлял собою поднимавшуюся из моря мощную гору, у подножья окаймленную темными валунами и золотистым песком. Выше был сплошной лес, густые джунгли, донага ободранные штормом и теперь представшие в виде бесконечной череды голых стволов и веток. Похоже, опасения наши подтверждались — мы и впрямь попали на необитаемый остров!

Но серанг Али ничуть не тревожился — улегся в теньке и спокойно уснул. Мы сочли за благо его не будить и, усевшись поодаль, ждали, снедаемые беспокойством. Вообразите наше нетерпение, когда он наконец проснулся: что теперь делать?

Вот тогда-то серанг и поведал, что местность

ему знакома — в юности он не раз сюда приплывал в китайском сампане. Остров назывался Большой Никобар и был вполне обитаем — на побережье с другой стороны горы имелись поразительно богатые селения. Как так? — удивились мы. Серанг показал на стаи быстрокрылых птиц, носившихся в небе: видите? Здесь их называют «хинлен»; островитяне боготворят этих птах, источник своего богатства. Хоть с виду невзрачные, они обладают кое-чем невероятно ценным. — Чем же? — Гнездами. За них выкладывают кучу денег.

Вообразите, какое впечатление произвело это на трех индусов — вашего деда, Джоду и меня. Похоже, боцман держит нас за дураков, подумали мы.

Да кто, скажите на милость, станет платить за птичьи гнезда? — Китайцы. Они их варят и едят. — Как дхал? — Да. В Китае это чрезвычайно дорогой деликатес.

В полном недоумении мы посмотрели на А-Фатта: это правда? — Да, сказал он. Если речь о гнездах, в Кантоне известных как «янь-во», то они и впрямь очень ценны, не уступают любым деньгам, имеющим хождение на востоке. За гнезда хорошего качества выплачивают серебром

или золотом сумму, равную их весу. В Кантоне за ящик гнезд отвалят восемь тройских фунтов золота.

Вот уж разбогатеем! — возрадовались мы. Всего-то и надо — отыскать и собрать гнезда. Но серанг Али нас быстро остудил. Птицы эти селятся в огромных пещерах, сказал он, и каждая такая пещера принадлежит определенному селению. Сунемся без спросу — живыми не уйдем. Сперва надо разыскать деревенского старосту, по-здешнему *омджах каруха*, испросить позволения, условиться о доле добычи и все такое прочее.

По счастью, Али был знаком с одним таким старостой, и мы отправились на поиски его деревни. Шли полдня и вот, наконец, отыскали этого *омджах каруха* на горном склоне. Он возглавлял большой отряд сборщиков, однако очень обрадовался лишним рабочим рукам.

Наверное, с час мы, изнемогая, карабкались вверх по склону и, добравшись до пещеры, застыли, потрясенные зрелищем. Яркий солнечный свет, отраженный полом, густо укрытым птичьим пометом цвета слоновой кости, явил нам невиданных размеров грот. Его отвесные стены высотою в сотни футов были сплошь усеяны белыми гнездами, создававшими впечатление

облицовки жемчужными раковинами.

В основном гнезда располагались высоко, однако некоторые были не так уж далеко от земли — примерно на уровне моего плеча. В одном я увидел птичку размером меньше ладони. Она не шелохнулась, даже когда я взял ее в руку, ощутив биение ее сердца. Выглядела она неброско: не больше восьми дюймов в длину, черные и коричневые перышки, белое брюшко, раздвоенный хвост, серповидные крылья. Позже я узнал название этих птиц — саланганы. Я разжал пальцы, и птичка взмахнула крыльями, но взлететь смогла, лишь когда я подбросил ее в воздух.

Шторм нанес колонии серьезный урон, сорвав со стен и разбросав по полу изрядно гнезд, которые, очищенные от перьев, веток и пыли, предстали перед нами в своей переливчатой белизне. С первого взгляда было видно: они изготовлены из совсем иного материала, нежели тот, какой используют для постройки своих жилищ другие птицы. Тонкие волокна, уложенные по кругу, придавали гнездам вид мастерски выполненного изящного изделия. Маленькие и легкие, штук семьдесят этих гнезд весили не больше одного кантонского ганя или китайского катти, равных двадцати одной английской унции.

Мы собрали тысячи гнезд и затем помогли отнести их в деревню. В награду за труды нам оставили часть добычи, не обогатившую нас, но позволившую продолжить путь.

Получив необходимый капитал, мы поняли, что перед нами неожиданно большой выбор дорог. На севере — бирманское побережье Тенассерим с оживленным портом Мергуи; на юге — султанат Ачех, одно из богатейших княжеств региона; на востоке, в нескольких днях пути — Малакка и Сингапур.

Мы понимали, нам нужно разделиться, ибо группой мы привлечем ненужное внимание. Серанг Али нацелился на Мергуи, и Джоду решил составить ему компанию. А-Фатт, в свою очередь, выбрал Сингапур и Малакку, где с недавних пор обосновались его родственники — сестра с мужем.

Маддоу Колверу и мне решение далось нелегко. Первым порывом вашего деда было добраться до Маврикия, чтобы воссоединиться с вашей бабушкой. Однако он сообразил, что на маленьком острове затаиться непросто и как только его обнаружат, сразу отправят в тюрьму, а то и на виселицу. Со мной та же история: жена Малати и сын Радж Раттан остались в Калькутте,

и я жаждал увезти их оттуда, но о моем скором возвращении непременно стало бы известно.

Мы всё обсудили, обдумали, и ваш дед решил присоединиться к серангу Али и Джоду, поскольку до Мергуи путь был короче. А за меня решил А-Фатт. Вдвоем мы много пережили и стали близкими друзьями. Он уговаривал меня вместе с ним отправиться в Сингапур и Малакку, и я в конце концов согласился.

Вот так мы расстались. Серанг Али договорился, что малайское *проа*, направлявшееся в Мергуи, возьмет трех пассажиров. А мы с А-Фаттом дождались бугийскую[10] торговую шхуну, сделавшую остановку на пути в Сингапур.

— А потом? Что было дальше?

Сжалившись над Нилом, Дити одернула ребятишек:

— Уймитесь! Совсем замучили дядюшку своими вопросами! Он тут на празднике, ему недосуг с вами лясы точить. Хватит балаболить, ступайте поешьте лепешек.

Однако после ухода малышей выяснилось, что ее вмешательство преследовало иную цель. Дити протянула Нилу уголек:

---

[10] Примечания: 10

Бугийцы — народность в южной части острова Сулавеси.

— Давай, твой черед.

— На что?

— Добавь свой рисунок. Ты же был с нами на «Ибисе», а это — наш поминальный храм. Все, кто его посетил, оставили рисунки — Зикри-малум, Полетт, Джоду. Теперь твоя очередь.

Нил не нашел причины отказаться.

— Ладно, — сказал он. — Попробую.

Художник из него был никакой, однако он взял уголек и, помешкав, приступил к работе. Вернувшиеся ребятишки сгрудились за ним и, подбадривая его, переговаривались:

— Вроде, человека рисует, да?

— Точно. Вон борода, тюрбан…

— А сзади корабль, что ли? Вон, три мачты…

Возраставшее любопытство озвучила Дити:

— Кто это?

— Сет[11] Бахрам-джи.

— А кто он?

— Отец А-Фатта. Сет Бахрам-джи Навроз-джи Моди.

— А что это у него за спиной?

— Его корабль. «Анахита»[12].

---

[11] Примечания: 11

Сет — обращение к почтенному человеку.

[12] Примечания: 12

Анахита — богиня воды и плодородия в зороастрийской мифологии.

Позже было много споров, пострадала ли «Анахита» от того же шторма, что накрыл «Ибис». Имевшаяся информация позволяла сделать только одно определенное заключение: ненастье застигло ее в менее чем ста милях к западу от Большого Никобара на пути к проливу Десятого градуса. Шестнадцатью днями ранее корабль покинул Бомбей и транзитом через Сингапур направлялся в Кантон.

Поначалу все складывалось благополучно, и «Анахита» на всех парусах проскочила сквозь несколько шквалов. Этот стройный изящный трехмачтовик был из тех немногих судов бомбейской постройки, что регулярно опережали самые быстроходные английские и американские транспортировщики опия, даже такие легендарные, как «Красный пират» и «Морская ведьма». В нынешнем рейсе «Анахита» уже показала отличное время и, похоже, готовилась установить новый рекорд. Однако в Бенгальском заливе сентябрьская погода печально известна своей непредсказуемостью, и потому, едва небеса начали темнеть, капитан, молчун-новозеландец, не мешкая приказал убрать паруса. Когда ветер достиг ураганной силы, через вестового капитан попросил своего работодателя сета Бахрам-джи

до конца шторма оставаться в хозяйской каюте.

Минул час, другой, и Бахрам все еще сидел в своих апартаментах, когда к нему влетел его управляющий Вико с известием, что в трюме разболтался груз опия.

— *Киа!* Не может быть!

— Но оно так, патрон. Надо что-то делать, и поскорее.

Бахрам поспешил следом за управляющим, стараясь не оступиться на скользких трапах. В качку отомкнуть замки на цепях трюмного люка, наглухо задраенного от воров, было непросто. Когда наконец-то Бахрам смог опустить фонарь в люк, он увидел нечто невообразимое.

Кормовой трюм почти весь был занят грузом опия. Под ударами волн крепеж лопнул, и ящики рассыпались, выронив свое содержимое. Разлетевшись, точно пушечные ядра, глиняные шары-футляры разбились о переборки.

Мутно-бурый по цвету и кожистый на ощупь, данный вид опия от жидкости размякал. Корабелы, строившие «Анахиту», учли это обстоятельство и, проявив немалую смекалку, постарались сделать трюм водонепроницаемым. Однако шторм так трепал судно, что стыки досок дали течь. Ослабленные влагой, пеньковые канаты

порвались, и рассыпавшиеся ящики разбились, выпустив свой груз. И теперь на полу трюма плескалось, согласуясь с качкой, клейкое пахучее месиво.

Такого еще не случалось. Бахрам не раз попадал в штормы, но подобного безумия не бывало. Он считал себя аккуратистом и за тридцать лет в китайской торговле выработал собственные правила доставки опийного груза. Сейчас он вез опий двух видов: две трети трюма занимала «мальва» — продукт западной Индии, сбывавшийся в форме шариков, весьма напоминавших пальмовый сахар. С ним особо не чикались, упаковкой ему служили только листья и маковый мусор. А вот второй вид, «бенгали», упаковывали тщательнее: опийный кругляш помещался в твердый глиняный футляр, размером и формой похожий на пушечное ядро. В каждом ящике, простеленном листьями, соломкой и прочими маковыми отходами, покоились сорок таких ядер. Ящики, изготовленные из крепкой древесины манго, надежно сберегали свой груз все три-четыре недели, обычное время рейса из Бомбея в Кантон. Лишь протечки и сырость изредка наносили незначительный ущерб. Дабы избежать и его, Бахрам оставлял просветы между рядами ящиков, чем

обеспечивал циркуляцию воздуха.

Правила себя оправдали: за долгое время, что Бахрам курсировал между Индией и Китаем, после каждого рейса он списывал в убыль не больше одного-двух ящиков. И так уверовал в свой способ транспортировки, что не удосужился заглянуть в трюм, когда начался шторм. Лишь грохот падающих ящиков встревожил корабельную команду, известившую Вико: с грузом что-то неладно.

И вот сейчас Бахрам смотрел на ящики, бившиеся о переборки, точно плоты — о рифы, и шары-футляры, что колошматились о балки, исторгая опийную шрапнель.

— Беда, Вико! Надо лезть в трюм и спасать что еще уцелело!

Здоровяк Вико, полное имя Викторино Мартинхо Соарес, обладал внушительным брюхом, смуглым лоснящимся лицом и глазами навыкате, в которых навеки застыла настороженность. Сын служащего Ост-Индской компании, родом он был из деревеньки Васай, иначе — Бассайн, что неподалеку от Бомбея. На службу к Бахраму он поступил лет двадцать назад и, кое-как владея уймой наречий, в том числе и португальским, неизменно величал хозяина «патроном». Поднявшись до ранга управляющего, Вико не только

руководил челядью, но выступал в роли советника, посредника и делового партнера Бахрама. Уже давно он вкладывал часть своего жалованья в коммерцию хозяина, и в результате сам стал вполне зажиточным человеком, владеющим недвижимостью не только в Бомбее, но и других местах. Набожный католик, в память о матери он даже возвел часовню.

Вико по-прежнему сопровождал хозяина в поездках, но уже не по необходимости, а по целому ряду иных причин, среди которых пригляд за судьбой своих вложений был далеко не последним. В нынешнем грузе «Анахиты» он имел существенную долю, и оттого не менее Бахрама тревожился о его сохранности.

— Ждите здесь, патрон, — сказал Вико. — Я призову на помощь ласкаров. Сами вниз не лезьте.

— Почему?

Вико уже был готов уйти, однако пояснил:

— Случись что, и окажетесь в ловушке. Дождитесь меня, я быстро.

Однако в данных обстоятельствах последовать сему бесспорно дельному совету было нелегко. Для непоседы Бахрама покой был хуже пытки, и в минуты безделья он, борясь со своей неугомонностью, вечно притоптывал ногой, щелкал языком

и хрустел фалангами пальцев. Сейчас он свесился в люк, и его накрыло облаком вздымавшегося испарения — опий-сырец, размякший в трюмной воде, источал приторно-сладкую удушливую вонь, от которой мутилось в голове.

В юные годы Бахрам, стройный, гибкий и резвый, сиганул бы вниз, не задумываясь, но теперь ему было под шестьдесят, суставы его слегка заржавели, и он весьма раздался в талии. Однако этакая тучность (если слово уместно) не казалась болезненной, он выглядел бодрым молодцом, что подтверждали прекрасный цвет лица и румянец на щеках. Ждать и полагаться на волю случая было не в его характере, а потому он скинул *чогу*[13] и, невзирая на сильную качку, по шаткому трапу стал спускаться в трюм.

Цепляясь локтем за железные перекладины, в другой руке он крепко сжимал фонарь. Однако, несмотря на всю свою предосторожность, Бахрам не был готов к липкой слизи, укрывшей пол. Листья и прочий маковый мусор, высыпавшиеся из ящиков, превратились в скользкое слякотное месиво, и теперь трюм напоминал загаженный коровами хлев.

---

[13] Примечания: 13

Чога — кафтан, традиционная мужская одежда Раджастана.

Сойдя с трапа, Бахрам тотчас поскользнулся и ничком упал в навозную слякоть, однако сумел перевернуться на спину и сесть, упершись затылком в деревянную балку. Фонарь погас, вокруг была непроглядная тьма; Бахрам промок от верхушки тюрбана до подола длинной рубахи *ангаркхи*, в кожаных туфлях чавкало опийное месиво.

К щеке его прилипло что-то мокрое и холодное. Он хотел это смахнуть, но тут корабль дал сильный крен, опять посыпались ящики, и рука, мазнув по щеке, придвинула неведомую гадость к губам. Шибануло одуряющим запахом опия. Бахрам лихорадочно заскреб по лицу, стараясь избавиться от мерзкой липучки, но свалившийся ящик пихнул его под локоть, и он ненароком протолкнул ошметок опия себе в рот.

Потом наверху вспыхнул свет фонаря, из люка донесся встревоженный голос:

— Патрон! Патрон!

— Вико, помоги!

Пятно фонаря стало медленно спускаться по шаткому трапу. Очередной крен судна отбросил Бахрама в сторону, и он едва не захлебнулся опийной жижей, облепившей все лицо. Перед глазами его, как перед взором утопающего, промелькнула

череда лиц: жены Ширинбай, что ждала его в Бомбее, двух дочерей, любовницы Чимей, не так давно почившей в Кантоне, и сына, которого она ему родила. И вот ее-то лицо исчезло не сразу — Чимей как будто смотрела ему прямо в глаза, пока он, задыхаясь и отплевываясь, пытался сесть, и казалась настолько реальной, что он к ней потянулся, но рука его ткнулась в фонарь Вико.

Бахрам невольно ощупал свой *кошти* — священный кушак из семидесяти двух шнуров, который всегда носил на поясе. С детства кошти был его талисманом, защищающим от ужасов непознанного, но сейчас и он насквозь промок.

И тут, заглушая рев шторма, раздался страшный треск, словно корабль разламывался на куски. Шхуна круто завалилась на правый бок, Бахрама и Вико отбросило к борту. Высыпавшиеся опийные кругляши градом стучали по балкам, каждый из них стоил немалой суммы серебром, но сейчас об этом никто не думал. Казалось, вот-вот «Анахита» перевернется килем вверх.

Но корабль медленно, как бы нехотя, выровнялся, потом завалился на левый борт и вновь на правый, после чего обрел неустойчивое равновесие.

Каким-то чудом фонарь не погас.

— Что случилось, патрон? — спросил Вико, когда качка немного унялась. — Почему вы так смотрели? Что вы увидели?

С головы до ног перемазанный бурой слизью, управляющий выглядел жутковато. Он всегда уделял большое внимание своему внешнему виду и одевался в европейской манере, но сейчас изгвазданные опием сорочка, жилет и брюки выглядели уродливой коростой. А на лице, с которого стекала мутная жижа, дико сверкали белки больших выпуклых глаз.

— О чем ты?

— Вы как будто увидали призрака.

Бахрам тряхнул головой.

— *Кай най*. Пустяки.

— И еще вы позвали…

— Сына Фредди?

— Да, только назвали его иначе, китайским именем…

— А-Фатт?

Вико знал, что хозяин почти никогда так не называет сына.

— Глупости. Ты, наверное, ослышался.

— Нет, уверяю вас. Я хорошо расслышал.

Бахрам был как в тумане, язык его еле ворочался.

— Видимо, испарения… опий… — пробормотал он. — Что-то помнилось…

Вико озабоченно нахмурился и под руку повел хозяина к трапу.

— Патрон, вам надо отдохнуть. Ступайте в свою каюту, я тут за всем присмотрю.

Бахрам окинул взглядом трюм. Впервые его благополучие так зависело от конкретного груза, и еще никогда ему не была так безразлична дальнейшая судьба его дела.

— Ладно, Вико. Откачай воду и спаси, что сможешь. Потом сообщишь, насколько велик ущерб.

— Слушаюсь, патрон. Не спешите, потихоньку.

Из-за качки (а может, головокружения) подъем по трапу показался нескончаемым. Но Бахрам не торопился, был очень осторожен и делал остановки, чтоб отдышаться. Полудюжина ласкаров, столпившаяся возле люка, расступилась, глядя на него в немом изумлении. Бахрам опустил глаза и понял, что он тоже весь в коросте размякшего опия. В голове его бухало, когда он, собравшись с силами, выбрался из люка. Вкус опия был ему не внове: наведываясь в Кантон, он порой выкуривал трубочку-другую, однако принадлежал к числу счастливчиков, не попавших под несокрушимую власть зелья, и никогда по нему не

тосковал. Но вот оказалось, что одно дело — вдохнуть опийный дым, и совсем другое — заглотнуть размякший клейкий сырец. Бахрам был не готов к внезапно накатившей слабости и противной тошноте; он и думать забыл о понесенных убытках, перед взором его, вдруг обретшим ясновидящую силу, неотлучно стоял образ Чимей. Словно китайский фонарик, лицо ее освещало путь, пока тесными коридорами он пробирался на полуют, где размещались офицерские каюты и его собственные роскошные апартаменты.

Каюта Бахрама была в конце длинного прохода с множеством дверей. Возле одной из них сгрудились ласкары; заметив хозяина, тиндал сказал:

— Сет-джи, секретарь ваш сильно расшибся.

— Что случилось?

— Болтанкой его скинуло с койки, да еще придавило свалившимся сундуком.

— Выживет?

— Поди знай.

Секретарь, старик-парс, служил уже много лет и вел всю деловую корреспонденцию. Бахрам не представлял, как без него справится, но горевать не было сил.

— Еще какие-нибудь потери? — спросил он.

— Двоих смыло за борт.

— А что с кораблем?

— Разбита носовая часть, сорвало стаксель.

— И ростру?

— Да, сет-джи.

Нос корабля украшала фигура покровительницы вод богини Анахиты — семейная реликвия жениных родичей, владевших судном. Конечно, семья Мистри сочтет это дурным знаком, но пока что надо разобраться со своими знамениями. Сейчас хотелось одного — поскорее зайти в каюту и скинуть грязную одежду.

— Проследи, чтоб о секретаре позаботились, извести капитана…

— Будет исполнено, сет-джи.

Вклад Дити в портретную галерею святилища Нил распознал без подсказки, увидав мужской профиль, похожий на карикатурное изображение полумесяца, которому приданы человеческие черты: нос, точно длинный обвислый хобот, брови торчком, загнутый клин бороды.

— Узнаешь? — спросила Дити.

— Конечно. Мистер Пенроуз.

Такую личность забыть нелегко: впалые, изборожденные морщинами щеки, кустистые брови, задранный подбородок, изогнутый, как лезвие косы. При ходьбе этот высокий и очень

худой человек сильно клонился вперед, словно систематизируя травы, примятые его ногами. Абсолютно равнодушный к своему внешнему виду, он не замечал соломин в бороде и репьев на чулках, а залатанная одежда его вечно была чем-то испятнана. Когда он впадал в глубокую задумчивость (что бывало часто), его борода клином и косматые брови шевелились и подергивались, словно подавая знак окружающим: не беспокоить по пустякам. Причем сия мимика не была данью возрасту, этак он гримасничал с самого детства, за что и получил прозвище Хорек, поскольку в такие минуты весьма напоминал опасливо принюхивающегося зверька.

Однако вопреки всем этим странностям держался Хорек с достоинством, а взгляд его светился умом, что не позволяло счесть его придурковатым чудиком. Вообще-то Хорек, Фредерик Пенроуз, был хорошо образованным и весьма обеспеченным человеком: известный садовод и собиратель растений, он сколотил солидный капитал, продавая семена, саженцы, черенки и садовую утварь; в Англии пользовались большим спросом его патентованные скребки для мха, резаки для коры и огородные культиваторы. Питомник «Пенроуз и сыновья», головное предприятие, располагав-

шееся в Фалмуте, графство Корнуолл, славился импортом из Китая растений, чрезвычайно популярных на Британских островах, — таких как определенные виды плюмбаго, цветущая айва или акокантера.

Именно охота за растениями и привела Хорька в восточные края, куда он добрался на собственном судне, двухмачтовом бриге «Редрут».

В Порт-Луи бриг вошел через два дня после «Ибиса», совершив плавание, также отмеченное бедами и трагедией. Хорек перенес путешествие тяжелее всех, и команда настояла, чтоб он отдохнул на берегу. Следующий по прибытии день выдался ясным, и два матроса, в шлюпке перевезя хозяина на берег, наняли ему лошадь, дабы он посетил Ботанический сад Памплемуса.

В общем-то, ради этого сада, одного из первых заведений подобного рода, «Редрут» и зашел в Порт-Луи. Среди его основателей и управляющих были такие известные в ботанике фигуры, как Пьер Пуавр, выявивший истинный черный перец, и Филибер Коммерсон[14], открывший бугенвиллею. Если б у садоводов существовали

[14] Примечания: 14

Пьер Пуавр (1719–1786) — французский ботаник-исследователь, интендант острова Маврикий. Филибер Коммерсон (1727–1773) — французский ботаник, медик и естествоиспытатель.

места поклонения, сад Памплемуса, несомненно, стал бы одной из наиболее почитаемых святынь.

От порта до поселка было не больше часа езды. Однажды на обратном пути из Китая Хорек уже посетил этот сад. Тогда остров был французской колонией, а теперь стал британским владением, претерпев заметные изменения. Как ни странно, Хорек без труда отыскал дорогу к поселку. На обочине он подметил великолепные экземпляры растения, известного под названием «неопалимая купина». В другое время этакая находка его бы взбудоражила и обрадовала, он бы спешился, дабы рассмотреть обилие пламенеющих цветков, но сейчас, пребывая не в лучшем расположении духа, проехал мимо.

Поселок возник неожиданно.

Ярко выкрашенные бунгало, беленые известью церкви и мощеные мостовые, по которым мелодично цокали лошадиные подковы, радовали глаз. Дома и улицы именно такими и запомнились. Но вот Хорек обратил взор к Ботаническому саду и едва не выпал из седла: вместо широких живописных аллей в аккуратной кайме деревьев он увидел дикие заросли. Хорек тряхнул головой, отгоняя наваждение, и протер глаза: ворота были на месте, но за ними расстилались джунгли.

Натянув повод, он обратился к прохожей старухе:

— Мадам, как проехать к саду?

Та скорбно поджала губы и прошамкала:

— Ах, мсье… сада больше нет… считай, уж лет двадцать… англичане сгубили…

Качая головой, старуха зашагала дальше, оставив Хорька в одиночестве.

Он был опечален, однако не слишком удивлен тем, что его соотечественники в ответе за гибель сада. Со смертью сэра Джозефа Бэнкса, последнего управляющего Королевских садов Кью, даже в Англии ботанические заведения пришли в упадок, и немудрено, что такая же участь ожидала сад в далекой заморской колонии. Однако это не смягчило горечи от царившего здесь запустения: неухоженные кроны деревьев срослись в плотный полог, укутавший бывшие клумбы и мощеные дорожки густой тенью; повсюду, куда ни глянь, непроходимая стена зарослей; необрезанные воздушные корни бенгальских смоковниц, часовыми высившихся у ворот, сплелись в крепостную решетку, преграждавшую путь незваным гостям. Но это были не девственные джунгли, ибо ни в одной дикой чаще не встретишь такого изобилия особей с разных кон-

тинентов. В природе не существовало леса, где африканские вьюны опутали китайские деревья, а индийский кустарник сошелся в смертельном объятье с бразильской лозой. Сей ботанический Вавилон сотворил человек.

Хоть в расстроенных чувствах, Хорек сообразил, что ему выпал исключительный шанс. Одичавшее или нет, угодье хранило в себе множество редких растений, и коль теперь оно ничье, вряд ли кто обвинит в воровстве ботаника, присвоившего парочку ценных экземпляров.

Привязав лошадь к изъеденной ржавчиной стойке ворот, Хорек нырнул под сплетение корней смоковниц, загородившее вход. Однако сделал всего несколько шагов и замер, вдруг осознав, что сад не так уж безлюден, каким выглядел — на влажной земле виднелись свежие следы башмаков. Хорек задумался. Говорят, кое-где на острове иногда еще случался разбой, и вполне вероятно, что следы эти оставил какой-нибудь лихой душегуб. Уведомленный о возможной угрозе, Хорек запасся пистолетом и мачете. Проверив заряд, он спрятал пистолет в карман, достал мачете из ножен и двинулся в чащу, не сводя глаз со следов.

Сырая земля предательски чавкала, и потому

Хорек, вскидывая ноги, ступал осторожно, точно канатоходец. Вскоре следы скрылись в зарослях, и он, остановившись, огляделся. Вроде бы никого, но чутье подсказывало: тут кто-то есть, и совсем близко. Крадучись, Хорек сделал еще пару шагов и замер, услыхав тихий звук, в котором безошибочно распознал скрежет лопаты о землю.

Похоже, звук доносился из просвета меж деревьев; прячась за стволами высокого бамбука, Хорек двинулся вперед и через минуту увидел спину человека, одетого в штаны и рубаху навыпуск. Сидя на корточках, тот копал яму, намереваясь, видимо, скрыть уворованное добро или мертвое тело.

Чуть сместившись, Хорек получил лучший обзор и с удивлением понял, что ошибся: человек копал вовсе не яму, но скорее лунку под саженец. И в руке он держал садовый совок, каким не выроешь схрон или могилу. Наметанным глазом Хорек определил, что незнакомец привычен к сему инструменту. Тут человек сдвинулся в сторону, приоткрыв нечто, похожее на ведерко с торчащим штырем. Хорек вгляделся и опешил, узнав посадочную машинку — профессиональный садовый инструмент для безболезненной пересадки растений.

Черт-те что. Поди разберись, кто это: лиходей, притворяющийся садовником, или садовод, изображающий разбойника? А может, коллега-натуралист, тоже решивший поживиться дармовщинкой? Вероятно, последнее.

Незнакомец чуть развернулся; Хорек видел только край его щеки, но понял, что никакой это не головорез, а безусый паренек. Он вроде как безоружен и никакой опасности не представляет.

Хорек уже раздумывал, как деликатнее объявить о своем присутствии, но тут под ногой его громко хрустнула бамбуковая ветка. Парень резко обернулся; в глазах его полыхнул испуг, когда за деревьями он увидел Хорька со сверкающим мачете в руке.

— Прошу прощенья, юноша…

Хорьку было неловко за свое шпионство, и он бы не осудил незнакомца, если б тот его обругал или даже чем-нибудь кинулся. Однако руки молодого садовника не стали нашаривать камень, но согласованно взметнулись к горлу и, сложившись крестом, прикрыли грудь незастегнутой рубахи. Этот жест укрепил благоприятное впечатление о юноше, ибо и сам Пенроуз с детства был приучен к тому, что без сюртука появляться на людях неприлично. Он поспешил к молодому

человеку, дабы толком принести извинения и представиться, но тот вдруг развернулся и задал стрекача, ломясь сквозь чащобу.

— Постойте! Я не сделаю вам ничего дурного! — крикнул Хорек, однако парень уже скрылся в зарослях.

В посадочной машинке угнездилось какое-то серовато-синее растение, похожее на сочный отросток кактуса, но разглядывать его было некогда. Хорек кинулся вдогонку за беглецом, с помощью мачете прорубая себе дорогу.

Незнакомца давно и след простыл, но Хорек, весь в репьях и колючках, упрямо торил путь сквозь дурнолесье и наконец выбрался на заросшую высокой травой поляну, по краям которой высились, словно украшая проспект, ровные шпалеры пальм. На дальнем конце поляны виднелся полускрытый разросшимися кронами небольшой, но очень ладный дом в плачевном состоянии: на крыше и в стенах, пробив черепицу и обшивку, пустили корни цепкие деревца, укрытые вьюном ставни распахнулись и печально покачивались, скрипя петлями.

Хорек помнил этот дом, который ему показали в его прошлое посещение острова — это был Монплезир, построенный самим великим Пьером

Пуавром. На подходе к дому Хорек, охваченный священным трепетом, замедлил шаг — подумать только, здесь жил человек, давший свое имя целому виду пряности! Наверное, такое же чувство посещает паломника, в дикой глуши узревшего руины храма. Забавно только, что данный храм поглотила Природа, в честь которой он был воздвигнут.

Хорек уже собрался взойти на растрескавшиеся плиты крыльца, как вдруг в дверях возник юный садовник, теперь надлежаще одетый в сюртук и шляпу, однако с толстой дубинкой в руке.

Хорек положил мачете на землю и подал руку:

— Я Фредерик Пенроуз по прозвищу Хорек. Вреда вам не причиню, можете сложить оружие.

— Это уж мне решать, сэр, — отрезал парень, игнорируя протянутую ладонь. — Сперва хотелось бы узнать, что привело вас сюда.

По-английски он говорил свободно, но что-то в его речи показалось странным — не столько панибратская манера, сколько интонация, в которой проскальзывали нотки, свойственные ласкарам.

— Я жду ответа, сэр. — Тон парня стал чуть жестче.

Хорек переступил с ноги на ногу и почесал

бороду.

— Вероятно, мы с вами преследуем одну цель.

Парень нахмурился, будто услыхав бессмыслицу. Присмотревшись, Хорек понял, что его визави, чьи щеки еще не покинул юношеский румянец, даже моложе, чем показался вначале. Однако он ничуть не тушевался, хотя иной его ровесник выказал бы робость, а то и страх.

— Не понимаю, сэр, как вы можете судить о схожести наших целей, ежели вам не ведомы причины моего пребывания здесь.

— Просто я видел, как вы копали лунку под кактус.

Юный садовник сощурился, на лице его промелькнула усмешка.

— Вы ошибаетесь, сэр, я уж давно не имею дела с кактусами.

Хорек озадачился: что за нужда отрицать очевидное?

— О чем вы, милсдарь? — спросил он чуть досадливо. — Я не мог обознаться, поскольку своими глазами видел кактус.

Юнец равнодушно пожал плечами:

— Ничего страшного, сэр, не переживайте. Ваш промах вполне извинителен, ибо многие впадают в подобное заблуждение.

— Тогда что же это? — вскипел Хорек, не привыкший к этакой снисходительности. — По-вашему, я столь несведущ в ботанике, что не распознаю кактус?

Парень расплылся в улыбке.

— Раз уж вы так в себе уверены, мистер Пенроуз, может, заключим пари?

— Ах вон оно что! — Хорек не был азартен, но достал из кармана серебряный доллар. — Вот моя ставка. Надеюсь, вам есть, чем ответить.

— Идемте! — оживился парень. — Я покажу вам материнское растение, и вы сами все поймете.

Жестом пригласив следовать за ним, он нырнул в высокую траву. Хорек старался не отстать, но вскоре выдохся, ибо юнец несся, как на почтовых.

— Куда вы, черт возьми, учесали? — остановившись, крикнул ботаник.

— Я здесь.

Хорек пошел на голос и наконец увидел юного садовода, присевшего на корточки перед задрапированной мхом каменной скамьей, из-под которой выглядывало колючее растение, полузадушенное вьюном. Наросты с крохотными шипами тотчас уведомили Пенроуза, что он и впрямь допустил позорную дилетантскую

ошибку.

— Ну как, сэр, убедились, что это не кактус, а молочай? — ликующе спросил парень. — Данный вид Линней назвал *Euphorbia regis-jubae*. К несчастью, эта прекрасная особь вымирает, вот потому-то я и пытаюсь ее расплодить.

Пристыженный Хорек уселся на скамью.

— Что ж, спору нет, я выставил себя дурбенем. — Он достал из кармана доллар. — Вот, вы честно выиграли пари.

Парень молча выставил ладонь и, приняв выигрыш, уставился на него, словно в жизни не видел испанскую монету.

— А где вы живете? — спросил Хорек.

— Как — где? Здесь и живу.

— В смысле, в доме? Но ведь он разрушен.

— Ничуть, сэр. Идемте, я вам его покажу.

И опять последовала дикая гонка сквозь высокую, чуть не в рост человека, траву. Когда взопревший Хорек, отдуваясь, прибыл к Монплезиру, парень уже поджидал его на крыльце.

— Убедитесь сами, что дом вовсе не такая развалина, какой выглядит снаружи, — сказал он, точно хозяин, гордый своей обителью.

Хватило одного взгляда, чтобы удостовериться в истинности этих слов: несмотря на пол в шма-

тах пыли и затянутые паутиной углы, было видно, что дом не поддался натиску разрухи. Правда, ни мебели, ни других аксессуаров жилья.

— А где же вы спите? — спросил Хорек.

— Здесь достаточно места, сэр. Взгляните.

Парень открыл следующую дверь, и Хорек прошел в чисто убранную комнату, где приятно пахло полынью, пучками лежавшей на каминной полке и подоконниках. Посреди комнаты скирдой высилось спальное ложе, сооруженное из тюфяков и покрывал, угол комнаты занимали протертые от пыли стол и кресло. Внимание Хорька тотчас привлекла рукопись в кожаном переплете, раскрытая на странице с рисунком от руки, выполненным яркими красками.

Пенроуз не устоял перед искушением получше рассмотреть иллюстрацию, представлявшую неведомое ему растение с продолговатыми листьями. Ниже был текст на французском и латыни, который он не одолел.

— Так это ваша работа?

— Нет-нет, только рисунок, все прочее не мое.

— А чье же?

— Моего… дядюшки. Он был ботаником и обучил меня всему, что я знаю. Увы, дядя умер, не закончив свой труд, вот мне и пришлось им

заняться.

Заинтересованный, Хорек пошевелил бровями. В маленьком, почти по-семейному тесном сообществе натуралистов все друг друга знали, если не лично, то понаслышке.

— Позвольте узнать имя вашего дядюшки?

— Ламбер. Пьер Ламбер.

Хорек придушенно вскрикнул и плюхнулся в кресло.

— Мусью Ламбер! Так он вам дядя? По чьей линии?

Юный садовник вдруг стал заикаться:

— Он… это… брат моего отца, и я, Поль Ламбер… ему, значит, племянник. Его дочь Полетт — моя кузина.

— Вот как?

Пенроуз и сам не отрицал, что он нелюдим, однако в наблюдательности ему не откажешь, и он сумел сложить одно с другим: смущенный испуг, с каким «парень» прикрыл руками грудь, пучки полыни в спальне… Он вновь повернулся к рисунку, разглядывая подпись.

— Чье, говорите, это творение?

— Мое, сэр, а что?

Хорек пригнулся к листу.

— Однако, если не ошибаюсь, его автором зна-

чится не Поль, а Полетт.

Кроме Бахрама, лишь Вико знал о трех тысячах ящиках с опием в кормовом трюме «Анахиты». Оба приложили немало сил, чтобы сохранить это в тайне: выписывали липовые накладные, тасовали бригады грузчиков, меняли маркировку ящиков. Огласка создала бы массу сложностей: затруднила страховку и увеличила риск воровства и пиратского абордажа, поскольку данный фрахт был самым дорогостоящим не только в практике Бахрама, но, возможно, во всей истории грузов, когда-либо покидавших Индию.

Мало кто из других коммерсантов, не имеющих таких связей и репутации, взялся бы за подобную перевозку: редкий индийский купец мог похвастать тем, что сделал больше трех-четырех ходок в Кантон, Бахрам же за свою карьеру совершил пятнадцать рейсов. Кроме того, он, считай, единолично создал в бомбейской фирме Мистри экспортный отдел, который проворачивал крупные и неизменно доходные торговые операции.

Одна из наиболее солидных компаний, однако, имела традиционно узкую специализацию, почти не отвлекаясь на что-либо другое, кроме судостроения и проектных работ. Торговый отдел стал детищем Бахрама, сумевшего вписать это

маленькое подразделение в респектабельную структуру знаменитой верфи. Встретив немалое сопротивление со стороны фирмы, он преуспел в затее благодаря своей беззаветной преданности тестю Рустам-джи Пестон-джи Мистри — патриарху, который принял его в лоно семьи и дал ему путевку в жизнь.

Как и все прочие, чью судьбу переменило выгодное супружество, Бахрам как никто другой почитал доброе имя новой семьи, но в его случае почтение было окрашено еще безмерной благодарностью за возможность вырваться из унизительных жизненных условий, сопутствовавших его детству.

Некогда родная семья Бахрама, процветающая и уважаемая, занимала видное место в обществе города Навсари, что в прибрежном штате Гуджарат. Дед Бахрама, известный мануфактурщик, имел хорошие связи в княжеских столицах, таких как Барода, Индор и Гвалиор. Однако на закате жизни он, прежде столь благоразумный, сделал ряд опрометчивых вложений, затянувших его в трясину непомерного долга. Человек, железно верный своему слову, он выплатил все до последнего гроша, чем вверг семью в пучину столь ужасной нищеты, когда, как говорится, не

свести концы с концами. Переезд из роскошного *хавели*[15] в квартирку на краю города оказался роковым для самого старика и его слабого здоровьем сына, страдавшего чахоткой; отец не дожил до *навджота* — священного ритуала, которым Бахрама ввели в зороастрийскую веру.

К счастью для мальчика и двух его сестер, матушка с девичества владела прибыльным ремеслом — она была отменной рукодельницей, и шали с ее вышивкой вызывали всеобщий восторг и восхищение. Когда в городе прошла молва о злосчастной доле семьи, заказы хлынули потоком, и мать, на всем экономя и неустанно трудясь, сумела не только прокормить детей, но дать Бахраму какое-никакое образование. Позже слава ее, достигшая Бомбея, одарила чрезвычайно выгодным заказом на свадебную шаль для дочери тамошнего крупнейшего дельца-парса — сета Рустам-джи Пестон-джи Мистри.

Семьи их друг друга знали, ибо Мистри начинал свое дело в Навсари, открыв небольшой мебельный цех, которому Моди, тогда благоденствовавшие, оказали щедрую поддержку. Наряду с мебелью в цехе строили лодки, и постепенно

---

[15] Примечания: 15
Хавели — дом богатого торговца, служащий жильем и конторой.

это деловое направление, хилое поначалу, вытеснило все другие. Выиграв большой контракт с Ост-Индской компанией, семейство Мистри перебралось в Бомбей, где в портовом районе Мазагон основало верфь. Возглавив фирму, сет Рустам-джи энергично взялся за дело, и под его руководством судостроительный завод Мистри стал одним из самых успешных предприятий на индийском субконтиненте. Теперь дочь хозяина готовилась выйти за наследника богатейших коммерсантов Дадисетов с острова Колаба, ожидалась свадьба невиданного размаха.

Но тут, когда к торжеству все было готово и нетерпение достигло предела, вмешалась судьба: кто-то из аденских компаньонов Дадисетов презентовал завидному жениху великолепного арабского жеребца, и пятнадцатилетний парень загорелся немедленно опробовать подарок. Конь, ошалевший от долгого морского путешествия, был явно не в духе и, взяв с места в карьер, сбросил наездника, который расшибся насмерть.

Для Мистри гибель юноши стала двойным ударом: семейство не просто лишилось зятя, о каком можно только мечтать, но теперь приходилось смириться с мыслью, что сия трагедия затруднит, а то и сделает невозможным поиск хорошей пар-

тии для дочери, отмеченной знаком несчастья. Они разослали сватов, и вскоре худшие опасения подтвердились: девушке все сочувствовали, однако приемлемых брачных предложений не последовало. Уяснив, что среди равных себе жениха не найти, Мистри неохотно расширили круг поисков вплоть до родного города, и вот так вот проторили путь к двери матери Бахрама.

Моди переживали нелегкие времена, но бесспорно принадлежали к ветви благородных кровей, а симпатичный крепыш Бахрам, которому почти сравнялось шестнадцать, был нужного возраста и хоть как-то образован. Получив отчет о кандидате, сет наведался в Навсари, и Бахрам произвел на него благоприятное впечатление своей энергией и устремленностью. Вот тогда-то глава семейства и решил, что парень, несмотря на некоторую неотесанность и следы нищенской жизни, годится в мужья его дочери. С учетом всех обстоятельств, в предложении, направленном матери Бахрама, были сделаны определенные оговорки: поскольку жених неимущ и без всяких видов на карьеру, молодые будут жить в бомбейском особняке Мистри, а потенциальный зять войдет в семейное дело.

Союз этот сулил невообразимые блага, однако

мать не давила на Бахрама. Жизнь в тяготах наделила ее пониманием того, как устроен этот мир, и, ознакомившись с вышеозначенными условиями, она сказала:

— Жить примаком в женином доме очень непросто. Ты, наверное, слыхал поговорку: *кутра пос, билара пос, пер джемейна джениян варма кхос* — приюти собаку, приюти кошку, а зятя с его приплодом вышвырни в нужник…

Бахрам только посмеялся над этой кондовой мудростью, не имевшей никакого отношения к таким обеспеченным и утонченным людям, как Мистри. Ему не терпелось распрощаться со своим простецким окружением, и он понимал, что другая такая возможность вряд ли когда представится; он все решил сразу, но, приличия ради, неделю выждал, прежде чем попросил мать от его имени ответить согласием.

После свадьбы, которую сыграли без особой шумихи, Бахрам и Ширинбай поселились в бомбейском особняке Мистри на Аполло-стрит.

Недавняя трагедия подкосила застенчивую немногословную Ширинбай, и новобрачная, вечно окутанная печалью, выглядела скорее вдовой, скорбящей по своему несостоявшемуся мужу. Женой она была покорной, если не сказать

холодноватой, но большего Бахрам и не требовал; супруги неплохо ладили и вскоре одну за другой произвели на свет двух дочерей.

Пусть между ними не было страсти, зато не было и вражды, чего не скажешь об отношениях Бахрама с прочими членами обширного семейства, состоявшего из родителей Ширинбай и трех ее братьев с их женами и детьми. За исключением патриарха, всех остальных объединяла неприязнь к деревенскому нищеброду, затесавшемуся в их ряды, к этому хаму-выскочке, что прокрался в их дом, явно умышляя его оттяпать.

Бахрам и сам не отрицал того, что манеры его подчас неуклюжи, а провинциальный выговор и скверный английский режут изысканный слух обитателей особняка. Но все это были мелочи, а главное его негожество состояло в том, что он был начисто лишен качеств, необходимых мужскому сословию Мистри, являвшему собою плеяду строителей и мастеров, гордых своими умениями. Тесть Рустам-джи поставил себе целью доказать, что суда индийской постройки, в Европе прозванные «цыганскими корытами», могут быть не хуже, а то лучше любых других. Он не только сам привнес ряд значительных новшеств в технологию судостроения, но приучил

своих подмастерьев идти в ногу с техническим прогрессом в этой быстро меняющейся отрасли. В Бомбей регулярно заходили изящные современные суда зарубежного производства, и путем дружбы с ремонтниками, их обслуживающими, Мистри всегда были в курсе новинок в корабельном оборудовании, которые тотчас брали на вооружение, порой даже улучшая. Передовой дизайн и весьма невысокая цена кораблей фирмы «Мистри и сыновья» привели к тому, что многие европейские флотилии, включая флот ее величества, и судовладельцы стали делать заказы на этой верфи, отдавая ей предпочтение перед заводами Саутгемптона, Балтимора и Любека.

В среде, где царила жесткая конкуренция, фирма отвоевала себе заметное место лишь потому, что целиком и полностью сосредоточилась на избранном поле деятельности. Чтобы вписаться в столь узкоспециализированную структуру, новичку требовались определенные навыки, которыми Бахрам не обладал: неловкие руки его роняли инструмент, ему претило однообразие, и вообще он был слишком индивидуалист для бригадной работы. На поприще плотницкого подмастерья он подвизался недолго и вскоре был отправлен в обшарпанную контору на задах

верфи, где корпели счетоводы. Но и там он не пришелся ко двору, ибо ни сами цифры, ни те, кто их складывал, его ничуть не интересовали — в мирке учетчиков и менял с их ограниченным видением жизни не было места фантазии и деловому азарту. Бахрам считал, что одарен способностями совсем иного рода: он легко сходился с людьми, всегда был в курсе всего нового и, главное, умел соразмерить риск и выгоду от всякой затеи. Томясь в конторе, он подсчитывал выручку и заполнял ведомости, но внимательно следил за возникавшими вакансиями, ни капли не сомневаясь, что в один чудесный день сумеет проявить себя во всей красе.

Вскоре Бахрам четко определился с тем, чего он хочет: быстро набиравшая обороты экспортная торговля между Западной Индией и Китаем не только сулила прибыль, но и открывала возможность путешествий, то есть бегства от скуки к захватывающим приключениям. Однако он понимал, что будет нелегко убедить Мистри выйти на эту арену: в вопросах бизнеса семья была глубоко консервативна и не одобряла всего, что попахивало спекуляцией.

Вполне естественно, что при первом разговоре на эту тему тесть гадливо сморщился:

— Что? Заморская торговля опием? Наша фирма не участвует в грязных играх.

Но к этому Бахрам был готов.

— Я знаю, уважаемый *сасраджи*, — сказал он, — что ваша семья спокон веку занимается инженерией. Но взгляните, как меняется окружающий мир. Нынче самый большой доход приносит торговля тем, в чем нет нужды. Вовсе ненужное дает прибыль. Скажите, разве новомодный китайский рафинад, прозванный «китаезой», слаще меда и пальмового сахара? Отнюдь, но за него платят втридорога. А как наживаются торговцы ромом и джином, которые ничуть не лучше нашей браги, вина и прочего шараба? Однако народ согласен за них платить. С опием та же история. По сути, это лекарство, но тот, кто раз его отведал, уже не остановится, и спрос на опий все растет и растет. Вот почему англичане пытаются взять сию торговлю под свой контроль. К счастью, им не удалось установить монополию в Бомбейском президентстве, и что плохого, если на этом мы чуть-чуть заработаем? Все другие верфи уже обзавелись маленькими флотилиями для заморской торговли. Взгляните, какую отдачу они получают от экспорта хлопка и опия: всякий груз, отправленный в Китай, оку-

пается вдвое, а то и втрое. Если позволите, я бы охотно совершил пробную поездку в Кантон.

Но сет Рустам-джи был непреклонен.

— Нет, — сказал он. — Это слишком далеко от нашего дела. Я не даю позволения.

И Бахрам вернулся в контору, но так скверно исполнял свои обязанности, что тесть вновь призвал его к себе и без обиняков заявил: ты превращаешься в полную *никаммо*, никчемность. В цехах от тебя никакого толку, с домашними ты не ладишь — если так будет продолжаться, этакий зять станет обузой для семьи.

— Любой может ошибиться, сасраджи, а мне всего двадцать один год, — понурившись, сказал Бахрам. — Отпустите меня в Кантон, и я покажу, чего стою. Я всегда хотел быть полезным вам и вашей семье.

Сет Рустам-джи смотрел на него долго и пристально, потом чуть заметно кивнул:

— Ладно, езжай. Поглядим, что из этого выйдет.

И вот фирма «Мистри и сыновья» обеспечила первую поездку в Кантон, результаты которой удивили всех, не исключая Бахрама. Однако всего больше его поразил иностранный анклав Кантона, где обитали торговцы. В «Фанки-тауне»

(Городе чужаков), как называли его старожилы, нужда уживалась с безумной роскошью, там ты находился под постоянным присмотром и в то же время был свободен от хмурого взгляда семьи; присутствие женщин здесь категорически возбранялось, но они входили в твою жизнь совершенно неожиданным образом, и вот так случайно возникла чудесная связь юного Бахрама с прачкой Чимей, подарившей ему сына, которого он любил еще сильнее из-за невозможности объявить в Бомбее о его существовании.

В Кантоне Бахрам, сбросив многослойную шелуху благопристойных обязанностей перед семьей и обществом, ощутил себя новой личностью, которая прежде дремала в его недрах: он стал Барри Модди (с двумя «д»), уверенным в себе, напористым, компанейским, радушным, разбитным и невероятно успешным. Но по возвращении в Бомбей его иное «я» спряталось под старой шелухой, и Барри опять превратился в Бахрама, тихого преданного мужа, безропотно обитающего в тенетах большой сплоченной семьи. Не сказать, что одна ипостась была подлиннее другой. Для Бахрама оба эти облика были важны и необходимы, он не хотел бы ничего менять ни в одном из них. Даже бесчувственная покорность

и плохо скрытое разочарование Ширинбай казались ему непременными атрибутами жизни, ибо невольно вносили необходимые коррективы в его кипучую натуру.

Успешность плана позволяла запросто отделиться от Мистри и основать собственную торговую фирму, но Бахрам над этим никогда всерьез не задумывался. Во-первых, он получал такое щедрое вознаграждение, что было просто грех жаловаться. Но даже больше заработка ему нравились привилегии, какими наделялся представитель высоко чтимой бомбейской компании: скажем, право заказать лучшие апартаменты Кантона или почти не лимитированные траты на личные нужды. И как престижно было иметь в своем распоряжении «Анахиту» — этакий флагманский корабль, который тесть собственноручно построил специально для Бахрама. Мало кто из купцов в Кантоне или еще где мог похвастать такой бесподобной роскошью.

Кроме того, отделение от семьи неизбежно повлекло бы за собой смену места жительства, а Бахрам знал, что жена никогда не согласится покинуть отчий дом. Стоило коснуться этой темы, и Ширинбай заливалась в три ручья. Как ты можешь такое предлагать? *Ай апру гхер натхи?*

Разве это не наш дом тоже? Мать не переживет моего ухода. И что я буду делать во время твоих долгих отлучек в Китай, одна-одинешенька, без всякой мужской поддержки? Другое дело, если б *гхер ма дикра хоте* — если б в доме был сынок, но…

И вот Бахрам, оставшись в лоне Мистри, потихоньку развивал свое детище, превращая его в достойного отпрыска семейного предприятия. Как ни странно, удача Бахрама ничуть не смягчила шуринов — напротив, к их давним подозрениям добавились страх и обида, порожденные растущим доверием отца к зятю.

Такое отношение озадачило Бахрама, но не его мать, которая все разъяснила, порывшись в своей котомке с поговорками. Не понимаешь, чего они боятся? — спросила она. Знать, помнят присловье: *палело кутро пег кедде* — собака ластится, да кусается…

Как всегда, Бахрам посмеялся над этой доморощенной мудростью, но потом оказалось, что мать-то была права.

Бахрам много лет оттрубил на фирме и, помня заверения тестя, рассчитывал, что когда-нибудь отдел, им созданный и выпестованный, перейдет под его единоличное управление. Но с тестем

вдруг случился удар, сделавший его недвижимым и бессловесным. Долгие месяцы он балансировал на грани жизни и смерти, а на заводе и в доме воцарился кавардак. Завещания, которое, по слухам, тесть составил, так и не нашли, и после его кончины сыновья и внуки тотчас сошлись в схватке за будущее фирмы. Бахрам и Ширинбай в ней не участвовали, поскольку наследственная доля Ширинбай была под опекой братьев, а Бахрам не обладал достаточным паем, чтобы считаться правопреемником.

Через некоторое время шурины призвали его на совещание, и вот тогда-то он уразумел, к чему идет дело. Усевшись полукругом, родичи объявили о своем решении насчет будущего компании: судостроительный бизнес уже давно пребывает в упадке, а посему они ликвидируют верфь, дабы обеспечить себя и своих детей стартовым капиталом для иного занятия. Торговый отдел и его флотилия, наиболее ценные активы фирмы, будут проданы в первую очередь. Жаль, конечно, но Бахраму придется уйти на покой. В признательность за его труды компания, разумеется, выплатит весьма щедрое выходное пособие. Как ни крути, ему уже за пятьдесят, обе дочери его выданы замуж и хорошо обеспечены. Не пора ли

уйти на богатый заслуженный отдых, достойный венец блестящей карьеры?

Иными словами, Бахрама, столько сил отдавшего фирме, отлучали от дел и спроваживали на пенсию.

Он и представить не мог, что Мистри захотят продать чрезвычайно прибыльный торговый отдел. Мысль об отставке была невыносима. Значит, он больше никогда не выйдет в море, больше никогда не увидит Кантон? Это вдвое укоротит его жизнь, превратит в живой труп. С последней поездки в Китай минуло три года, за это время умерла Чимей и пропал без вести его двадцатилетний сын. Уже из-за этого невозможно навеки распрощаться с Кантоном — как жить в муке неведения о том, что сталось с его мальчиком?

— Зачем торопиться? — сказал Бахрам. — Зачем продавать отдел именно сейчас, когда он приносит небывалый доход? Не лучше ли год-другой подождать?

Шурины объяснили свое решение тревожными слухами о ситуации в Китае: поговаривают, что вскоре император наложит полный запрет на ввоз опия. Никто не знает, насколько это затянется, и потому многие бомбейские дельцы сворачивают торговлю с Китаем. Что касаемо

их, братьев Мистри, то они всегда считали сию затею чересчур авантюрной и теперь пришли к мнению, что лучше избавиться от отдела сейчас, пока он не утянул на дно всю фирму.

Бахрам молчал, удивленно разглядывая шуринов. Он был гораздо лучше осведомлен о положении дел, внимательно следил за всеми слухами и сплетнями, и пришел к совершенно противоположному выводу: нынешняя ситуация давала уникальный шанс, какой выпадает раз в жизни. В 1820-м уже ходили подобные разговоры, и сет Рустам-джи пытался отговорить его от рейса в Китай. Бахрам не только настоял на своем, но даже загрузился опием сверх обычного; расчет его оправдался в точности, и он получил громадную прибыль. Эта удача ввела его в избранный круг заморских купцов, которых в Кантоне прозвали тайпанами.

Сейчас были все основания полагать, что история повторится. По имевшимся сведениям, верховные мандарины подали императору записку, в которой рекомендовали узаконить торговлю опием. Похоже, это вот-вот произойдет, и тогда ввозные пошлины дадут огромный доход в казну, в накладе не останутся и сами мандарины, а спрос на опий резко возрастет.

Бахрам мог бы об этом рассказать, а также известить шуринов о своем намерении нынче взять небывалый груз опия, который изрядно обогатит фирму. Однако ничего этого он не сделал, ибо принял давным-давно назревшее решение: хватит тратить свои мозги, нервы и опыт на родичей, пора подумать о себе. Если собрать все имеющиеся средства — обналичить сбережения, заложить имущество, продать женины драгоценности и взять в долг у друзей, можно затем удвоить или даже утроить свой капитал, что позволит создать собственную фирму. Надо рискнуть.

Бахрам одарил шуринов вежливой улыбкой и сказал:

— Торговый отдел не продается.

— Как это?

— Он не продается, потому что я сам его выкуплю.

— Ты? — хором воскликнули шурины. — Прикинь, во что это обойдется: суда… «Анахита»… жалованье командам… страховка… конторщики… пакгаузы… оборотный капитал… накладные расходы…

Братья смолкли и только изумленно пучились на Бахрама, потом один, отперхавшись, спросил:

— А у тебя такие деньги-то есть?

Бахрам покачал головой:

— Сейчас нет. Но как только условимся о цене, я дам слово за год с вами расплатиться. А до той поры прошу ничего не предпринимать, я буду управлять отделом, как считаю нужным.

Шурины растерянно переглянулись, и Бахрам мягко добавил, вбивая последний гвоздь:

— Поймите, выбора у вас нет. В Бомбее все знают, что этот отдел я создал с нуля. Никто его не купит, не переговорив со мной. Вам не выручить и сотой доли его настоящей цены.

И тут за потолком что-то грохнуло. Видимо, просто какая-то тяжелая штуковина свалилась на пол, но Бахрам, зная, насколько суеверны его собеседники, этим воспользовался. Он приложил руку к сердцу и набожно произнес:

— *Хак наам те Саахебну!* Истина — имя твое, Всемогущий!

Как и ожидалось, это положило конец прениям: шурины приняли его условия, и Бахрам тотчас взялся за дело.

За долгие годы он вскормил целую сеть мелких торговцев, караванщиков и ростовщиков, занимавшихся доставкой опия с рынков западной и центральной Индии в Бомбей. И теперь его посыльные разлетелись в Гвалиор, Индор, Бхопал,

Девас, Бароду, Джайпур, Джодхпур и Коту, неся весть, что нынче в Бомбее только один купец дает справедливую цену за опий. На закупку товара Бахрам истратил все свои сбережения и кредиты, какие только смог получить. Но этого было мало, и тогда он, невзирая на зубовный скрежет супруги, продал земли, находившиеся в их совместном владении, семейное золото, серебро и украшения.

И все равно этих денег не хватило бы на воплощение задуманного, но помог непредвиденный оборот событий. К концу сезона дождей, когда основная масса торговых кораблей отбывала в Кантон, разнесся слух, что в Китае скверная ситуация только усугубилась. Закупочные цены рухнули, и тогда-то на сцену вышел Бахрам.

Вот так ему удалось снарядить корабль, угодивший в сентябрьский шторм 1838-го года. За этот груз Бахрам рассчитывал получить больше миллиона китайских таэлей серебром, что примерно равнялось сорока английским тоннам драгоценного металла.

Велик ли урон? — вот что его мучило, пока в хозяйской каюте он отходил от воздействия опия. Вико слышал один и тот же вопрос:

— Сколько? *Китна?* Сколько пропало?

— Подсчитываю, патрон. Пока не знаю.

Отчет управляющего вызвал двоякое чувство: да, потери велики, но могло быть хуже — утрачено триста ящиков, десятая часть груза.

Лишиться пяти *тонов* серебра — это, конечно, тяжелый удар, однако страховка покроет ущерб, а сохранившийся груз позволит расплатиться с заимодавцами и получить хорошую прибыль.

Теперь все зависело только от Бахрама: карты сданы, ему заходить.

Хорек, не выносивший женских слез, растерялся. Он крепко дернул себя за бороду, раз-другой прокашлялся, а потом вдруг сказал:

— Вы, наверное, удивитесь, мисс Полетт, но я был знаком с вашим батюшкой. Скажу вам, вы на него очень похожи.

Полетт отерла глаза.

— Но это *incroyable*… невероятно, сэр. Где вы могли с ним встречаться?

— Здесь, в этом самом саду.

Тридцать с лишним лет назад Хорек возвращался из своего первого вояжа в Китай. Дорога была тяжелой, в шторм пострадали растения, которые он вез в специальном ящике; соленые брызги и ветер сделали свое черное дело — погибла половина коллекции. Жутко расстроенный, Хорек

наведался в Памплемус. На входе в сад он встретил Пьера Ламбера, молодого ботаника, недавно приехавшего из Франции. Оказалось, ученый придумал новый футляр для транспортировки растений, в котором глухие деревянные стенки заменил на прозрачные из толстого стекла. Он преподнес Хорьку два таких контейнера, не взяв за них денег.

— Мне с тех пор хотелось как-нибудь отблагодарить вашего батюшку, но мы больше не виделись. Печально узнать о его кончине.

И тогда Полетт, отринув сдержанность, взахлеб поведала свою историю: рассказала о смерти отца, оставившей ее в бедственном положении, и своем решении добраться на Маврикий, где некогда подвизались ее родные; о том, как тайком пробралась на «Ибис», перевозивший кули, о путешествии, полном всяческих невзгод, и добросердечных матросах, помогших ей сойти на берег; о втором помощнике Захарии Рейде, одолжившем ей эту одежду, а сейчас под арестом ожидающем отправки в Калькутту, чтобы предстать перед судом за бунт на корабле; о том, что ей, без гроша в кармане, идти было некуда, и тогда она направилась в Ботанический сад и, найдя его в страшном запустении, укрылась в

заброшенном доме, где теперь и живет на подножном корму.

— И что вы собираетесь делать? Уже решили?

— Пока что нет. Но коль я неплохо справилась поначалу, то, наверное, продержусь и дальше.

Хорек снова откашлялся.

— А что, если я предложу кое-что получше, мисс Полетт? Работу. Как вам такое?

— Работу, сэр? — насторожилась Полетт. — Какого рода, позвольте узнать?

— Должность садовника, правда, корабельного. У вас будет своя каюта со всем необходимым молодой даме. Жалованье боцмана, стол бесплатный. — Хорек помолчал. — Я в долгу перед вашим отцом.

Полетт улыбнулась и покачала головой.

— Вы очень добры, сэр, но я не потерявшийся котенок. Отцу бы не понравилось, если б я воспользовалась вашим великодушием. Да я и сама, признаюсь, устала жить милостынею.

— Милостынею?

Хорек вдруг изнемог, словно его подкараулила неведомая хворь: сдавило грудь, затряслись руки, нестерпимо зачесались глаза. Он рухнул в кресло и, схватившись за горло, с удивлением почувствовал, как с бороды его что-то капает. Хорек

оглядел свои мокрые пальцы, точно они, претерпев необъяснимую метаморфозу, обратились в колючие побеги.

Он был не из тех, у кого слезы близко, и не плакал даже мальчишкой, насухо снося удары, тычки и пинки. Но сейчас казалось, будто все накопившиеся за жизнь горести оставили влажные дорожки на его щеках.

Полетт присела на корточки, беспокойно вглядываясь в его лицо.

— Что с вами, сэр? Если я вас обидела, то, поверьте, неумышленно.

— Вы не поняли, — давясь рыданиями, проговорил Хорек. — Вовсе не из милости я предлагаю вам работу, мисс Полетт. Знаете, и у меня была дочь. Ее звали Эллен, она сопровождала меня в поездке. С детства мечтала отправиться в Китай и вместе со мной собирать растения. Месяц назад ее скосила болезнь, перед которой мы оказались бессильны. Теперь ее нет, я один и не знаю, зачем мне жить дальше. — Он убрал руки с лица. — По правде, это вы, мисс Полетт, проявите милосердие ко мне, старику.



3



Долгое время Бахрам считал недавно оперившийся Сингапур этакой блажью в джунглях.

Прежде, минуя пролив, он всегда останавливался в своей любимой Малакке, очень нравившейся ему местоположением, строгими голландскими постройками, китайскими храмами, беленой португальской церковью, арабским базаром и лодками, в которых издавна обитали семьи гуджаратцев. Чревоугодник, он пристрастился к обильным застольям в местных домах купцов-перанакан.

В те дни Сингапур был всего лишь одним из множества островов, засорявших горло пролива. Возле речного устья в южной его оконечности располагался небольшой малайский поселок, в

который корабли, встав на якорь, направляли баркасы за пополнением запасов пресной воды и провианта. Однако из-за тигров, крокодилов и ядовитых змей в здешних джунглях остров пользовался дурной славой, и оттого сверх необходимого там никто не задерживался.

Когда англичане выбрали это бесперспективное место для строительства города, Бахрам, как и многие другие, полагал, что вскоре джунгли поглотят новое поселение. Зачем кому-то здесь останавливаться, если до Малакки всего день ходу? Однако через какое-то время Бахраму, вопреки его любви к Малакке, пришлось все чаще уступать корабельным офицерам, утверждавшим, что в Сингапуре портовые условия предпочтительнее, и особенно превозносившим удобное расположение ремонтных доков мистера Тивендейла, лучших, по их словам, в здешних местах.

Вот туда-то и направилась потрепанная штормом «Анахита»; она лишилась утлегаря и ростры, но сохранила мачты, и потому могла добраться до Сингапура меньше чем за неделю. Всю дорогу Бахрам, до сих пор страдавший от угощения сырцом, не вставал с постели. Первые дни его жутко тошнило — приступы рвоты были несравнимо

сильнее тех, что он изведал при морской болезни. Раз-другой в час его буквально выворачивало наизнанку, словно организм надумал расстаться со всей требухой, вытолкнув ее через рот. Бахрам так обессилел, что без посторонней помощи не мог повернуться на бок.

Когда шхуна пришла в Сингапур, он еще был очень слаб, и потому все время ремонта и переоснастки оставался в постели. Хотя это не стало таким уж большим испытанием, поскольку удобство каюты значительно превосходило все, что мог предложить единственный приличный в городе отель мистера Датронквоя. Пожалуй, роскошь хозяйских апартаментов, включавших в себя спальню, гостиную, кабинет, ванную и ватерклозет, не снилась и королевской яхте. В спальне, как и в других помещениях, переборки были укрыты панелями с рельефами, навеянными художественными мотивами древней Персии и Ассирии: желобчатые колонны Персеполя и Пасаргад, профили бородатых копьеносцев, крылатые *фраваши*[16] и скачущие кони. Один угол занимал огромный стол красного дерева, другой — небольшой алтарь с изображением Пророка

[16] Примечания: 16

Фраваши — в зороастризме благой дух всего, что было и будет, присущий каждой частице мироздания.

Заратустры в золоченой раме.

Лежа в поистине царской кровати под балдахином, в иллюминаторы Бахрам видел гавань и впервые смог оценить, как быстро меняется остров.

В устье реки Сингапур ремонтные доки Тивендейла расположились посередке меж береговым причалом и внешним рейдом бухты. «Анахита» стояла на якоре, но, подчиняясь течениям, то и дело кормой описывала дугу. При развороте шхуны к бухте в иллюминаторах появлялась уйма маркитанских лодок и барж, облепивших корабли на рейде. Возвращаясь на берег, они проходили близко от «Анахиты», и Бахрам слышал голоса лодочников, болтавших или певших на тамильском, телугу и ория. Затем корму сносило в обратную сторону, и в иллюминаторах возникала панорама недавно отстроенных складов, а порой даже набережная Боут-Ки, где плоскодонные динги освобождались от груза и пассажиров.

Наблюдая за неустанно снующими лодками и суетой на берегу, Бахрам уразумел, почему с недавних пор кое-кто из его коллег покупает или арендует склады и контору в Сингапуре: похоже, центр деловой активности смещался из Малакки именно сюда. Открытие породило смешанные

чувства: сдается, это обустроенное англичанами поселение не обладает благодушием старой доброй Малакки, где малайцы, китайцы, гуджаратцы и арабы жили рука об руку с выходцами из старинных португальских и голландских родов. Сингапур был так спланирован, чтоб отделить «белый город» от прочих районов, предписав китайцам, малайцам и индусам жить строго в своих округах, уже прозванных «гетто».

Во что превратится этот странный новый город? Что определенно: здесь процветала коммерция — возвращаясь с берега, Вико докладывал о множестве базаров и развалов, особенно ему глянулась еженедельная «толкучка», где жители ближних и дальних окрестностей торговали и менялись старьем.

Из отчетов управляющего и собственных наблюдений за рекой Бахрам сделал вывод, что Сингапур активно претендует на роль форпоста в Индийском океане, и потому не особо удивился, узнав, что его старинный друг Задиг Карабедьян сейчас в городе — Вико с ним столкнулся на Торговой улице.

— Что же ты не привел Задиг-бея? — воскликнул Бахрам.

— Он куда-то спешил, патрон. Сказал, зайдет,

как освободится.

— Что он тут делает?

— Направляется в Кантон.

— Вот как? — Бахрам резко сел в кровати. — Он уже оплатил проезд?

— Не ведаю, патрон.

— Вико, сейчас же его отыщи. Скажи, он поедет с нами. Отказа я не приму. Жду его на борту «Анахиты». Ступай, живо!

Задиг Карабедьян был одним из немногих настоящих друзей Бахрама. Познакомились они двадцать три года назад в Кантоне. Часовщик Задиг нередко наведывался в разные порты Индийского океана и Южно-Китайского моря, где торговал ходиками, карманными часами, музыкальными шкатулками и другими механическими штуковинами, прозванными «динь-дон» и пользовавшимися большим спросом в Кантоне.

Родом он был из армянской семьи, столетья назад осевшей в Египте и обитавшей в старом каирском квартале, где селились иудеи и христиане. По семейной легенде, одного его предка еще мальчиком продали египетскому султану, и он, дослужившись до высокого мамлюкского чина, перевез кое-кого из родичей в Каир, где те добились процветания на поприщах мастеровых,

мытарей и дельцов, наладив крепкие связи с Аденом, Басрой, Коломбо, Бомбеем и другими портами Дальнего Востока, включая Кантон.

Самый заядлый путешественник в семье, Задиг владел многими языками, включая хиндустани. Он обладал еще одним большим талантом, который Бахрам в шутку называл *кхабар-дари* — умение держать нос по ветру. Отчасти благодаря этой его способности и пересеклись их пути в Кантоне.

В конце ноября 1815 года первая ласточка новостей о поражении французов под Ватерлоо достигла южного Китая, и основная часть европейской общины испустила вздох облегчения. Многие купцы, из-за войны откладывавшие возвращение в Европу, теперь засобирались в путь, что породило всякого рода сумятицу, в частности нехватку векселей. На бумаги, принимавшиеся к оплате в Индии, возник ажиотажный спрос, и Бахрам вдруг понял, что за сезонной выручкой ему придется ехать в Англию.

Он ничуть не расстроился, поскольку еще не бывал в Европе, а поездка сулила массу ярких впечатлений, но вышла заминка: оказалось, что все билеты на корабль уже раскуплены. Вот тогда-то приятель-парс и свел его с Задигом Ка-

рабедьяном.

Поднаторевший в европейской политике, Задиг сумел извлечь пользу из того, что предугадал исход Стодневной войны. Так вышло, что он тоже отбывал в Англию и, предвидя большой спрос на билеты, выкупил всю каюту, дабы перепродать второе место какому-нибудь приятному попутчику, готовому на солидный бакшиш. После упорного, но дружелюбного торга они с Бахрамом достигли обоюдного согласия и 7 декабря 1815 года в порту Макао взошли на борт «Каффнеллса» из флотилии «Благородной компании».

Рослый Задиг обладал длинной тонкой шеей, паутиной «гусиных лапок» возле глаз и ярко-румяными, будто вечно обветренными щеками. В дороге спутники много времени проводили вместе: покинув свою каюту в недрах корабля, где ощущалась вонь трюмной воды, они прогуливались по палубе и беседовали, опершись на леер и подставив лица морскому ветерку. Обоим было за тридцать, однако их изрядно удивило, что у них так много общего для людей, взросших вдали друг от друга. Задиг тоже изведал прелести морганатического брака — его женили на овдовевшей дочери богатых свойственников, и он знал, каково это — быть бедным родственником

в жениной семье.

Однажды, перегнувшись через борт и разглядывая пенные буруны под носом корабля, Задиг спросил:

— Скажи, когда ты вне дома, живешь в Китае, как ты управляешься… с телесными потребностями?

Бахрам всегда стеснялся подобных тем и, запнувшись, сказал:

— *Киа?* А что?

— В этом, знаешь ли, нет ничего постыдного. Свои запросы не только у плоти, но и у души, и человек, в собственном доме чувствующий себя одиноким, вправе искать утешения на стороне.

— Ты считаешь, это хорошо?

— Хорошо или плохо, но я не скрою, что, подобно другим, часто бывающим в разъездах, завел себе вторую семью в Коломбо. Моя тамошняя жена с Цейлона, и пусть наше сожительство незаконно, наша с ней семья дорога мне не менее той, что носит мое имя.

Бахрам бросил быстрый взгляд на спутника и отвернулся.

— Это очень тяжело, правда? — сказал он.

Задиг что-то уловил в его тоне и, помолчав, спросил:

— Значит, у тебя тоже кто-то есть?

Бахрам несмело кивнул.

— Она китаянка?

— Да.

— Из тех, кого называют шалабольницами?

— Нет! — вскинулся Бахрам. — Вовсе нет. Она вдова, была прачкой, когда мы познакомились… С матерью и дочкой жила в лодке, на жизнь зарабатывала тем, что обстирывала чужеземцев…

Раньше Бахрам ни с кем об этом не говорил, и ему вдруг до того полегчало, что он, не удержавшись, пустился в рассказ.

С Чимей он встретился, когда впервые приехал в Кантон; его, самого молодого в общине парсов, часто нагружали всякими поручениями и даже порой приказывали забрать из стирки вещи старшин. Вот так он ее и увидел — на корме плоскодонки она терла о доску чью-то одежду. Он отметил завитки волос, выбившиеся из-под плотно повязанного платка и прилипшие ко лбу, яркие темные глаза и свежее румяное лицо, напомнившее о спелом яблоке. На секунду взгляды их встретились, и девушка тотчас отвернулась. Возвращаясь в факторию, он оглянулся и увидел, что она смотрит ему вслед.

Лицо ее неотлучно стояло перед глазами. Он

и раньше, бывало, предавался фантазиям о девушках, которых видел на берегу, однако сейчас его охватило жгучее томление. Вновь и вновь он вспоминал взгляд прачки, и его тянуло к ней неудержимо. Под надуманными предлогами он стал наведываться на берег и раз-другой подметил, как девушка, увидев его, вспыхивает и прячет глаза. Стало быть, она тоже его приметила.

Он уже выяснил, что вместе с девушкой в сампане обитают лишь старуха и маленькая девочка, но нет никаких мужчин. Открытие это ободрило, и однажды он, улучив момент, спросил:

— Как твоя есть звать?

Прачка зарделась.

— Ли Чи мой. Как твой звать-прозвать?

Уже потом он понял, что она представилась «сударыней Ли», а в тот момент лишь обрадовался, что собеседница сносно изъясняется на языке обитателей Фанки-тауна.

— Я Барри. Барри Модди.

— Барри. — Она как будто опробовала слово на вкус. — Мистер Барри?

— Да.

— Мистер Барри быть *пак-тав-гвай*?

Он улыбнулся — «белоголовыми призраками»

называли парсов, носивших белые чалмы.

— Да.

Девушка застенчиво кивнула и скрылась в лодочной каморке.

Он уже знал, что босоногие ушлые лодочницы совсем иные, нежели их сухопутные сестры: лихо торгуют, управляются с лодкой не хуже, если не лучше мужчин и бессовестно жадны до денег. Новичков предупреждали, что с ними нужно держать ухо востро.

Но, в отличие от других прачек, Чимей никогда не требовала чаевых, хотя горячо торговалась из-за платы. Однажды он попытался дать ей лишку. Чимей дотошно пересчитала медяки и бросилась за ним вдогонку:

— Мистер Барри! Шибко много давать. Держи сдача.

Отказ взять деньги ее рассердил. Она показала на аляповатые лодки цветочниц на причале:

— Вона продажный девка. Мистер Барри купить себе.

— Мистер Барри не хотеть продажный девка.

Чимей пожала плечами, всунула ему деньги и ушла.

В следующую встречу он себя чувствовал неловко, что ее развеселило. Отдав ему выстиранное

белье, Чимей шепнула:

— Мистер Барри купить не купить себе девка?

— Не купить, — сказал он и, собравшись с духом, добавил: — Мистер Барри не хотеть девка. Хотеть Ли Чи мой.

— Эва! — засмеялась она. — Мистер Барри охальничать! Ли Чи мой не торговать себя.

Удивительно, но исковерканные фразы придавали необъяснимую чувственность их общению. Иногда он ловил себя на том, что мысленно беседует с Чимей, пытаясь рассказать ей о себе: «Мистер Барри иметь жена и два маленькая дочка…»

Однажды он попытался выяснить ее семейное положение и, притворившись, что узел с выстиранным бельем слишком тяжел, сказал:

— Ли Чи мой муж есть? Пусть он нести.

Лицо ее опечалилось.

— Нет муж. Умереть. В море. Один год пройти.

— Ох. Мистер Барри горевать душа.

Вскоре и он понес утрату — в письме мать известила о смерти его младшей сестры. Она долго болела, но ему о том не сообщали — зачем понапрасну тревожить, коль он в такой дали? Но вот непоправимое случилось, чего уж теперь утаивать беду.

Он души не чаял в сестре и был так убит горем, что даже ничего не сказал соотечественникам, а просто закрылся в своей комнатушке, наплевав на все свои обязанности. Старшина устроил ему выволочку за ненадлежащее внимание к отданным в стирку вещам и в конце тирады всучил свою порванную чалму:

— Вот к чему привел твой недогляд!

У него не было сил оправдываться, он взял чалму и поплелся на берег. Уже стемнело, но он без труда отыскал лодку Чимей. Почему-то прачка была одна.

— Мистер Барри привет-привет. Чего надо хотеть?

— Ли Чи мой шибко плохо делать.

— Ай вай! Что делать плохо?

— Вещь порвать.

— Какой такой вещь порвать? Мистер Барри мочь показать?

— Мочь, мочь.

В лодочной каморке, где горела единственная лампа, было так мало пожитков, что жилище вовсе не казалось тесным. Присев на корточки, он искал дырку в чалме, но вскоре весь опутался длинной тканью и, не сдержавшись, выматерился:

— *Бахнход! Мадарход!*

— Годить, мистер Барри, годить. — Чимей взяла его за руку и краем ткани отерла ему лицо. — Мистер Барри горевать? Печаль душа?

У него перехватило горло, но он сумел выговорить:

— Да. Сильно печаль. Сестра умереть.

Чимей сидела рядом, и он ткнулся лицом в ее плечо. Как ни странно, она его не оттолкнула, но стала поглаживать по спине.

Еще никогда чужое прикосновение так не утешало; он преисполнился чистой благодарностью без всяких мыслей о плотских утехах.

Чимей, похоже, приняла какое-то решение: она прошептала, что скоро пришлет весточку, а сейчас ему пора уходить, потому как вот-вот вернутся ее мать и дочка.

— Прислать мальчишка, мой родич. Имя звать Давай.

Прошло два дня. Кто-то дернул его за подол чоги, и он, обернувшись, увидел мальчонку, под носом которого жемчужиной зависла мутная капля. Одетый в грязную рубаху и рваные штаны, паренек ничем не отличался от беспризорников, что слонялись по Городу чужаков, выпрашивая деньги и предлагая исполнить поручение.

— Имя звать Давай?

Мальчишка кивнул и зашагал к берегу. Шел он странно: ноги его так заплетались, словно он вот-вот грохнется ничком. В сгустившихся сумерках столь приметная походка позволяла не терять его из виду. У воды паренек знаком велел забраться в лодку с погашенной лампой. В темной каморке сидела Чимей. Она приложила палец к губам, и оба не проронили ни звука; Давай отвязал лодку и погреб вверх по течению в сторону озера Белый Лебедь. Лишь тогда Чимей расстелила циновку.

— Приди, мистер Барри.

Весь его плотский опыт исчерпывался супружеской постелью, и оттого в делах любовных он был настолько же робок и зажат, насколько уверен в себе и раскрепощен в торговых сделках. Обычно процесс раздевания происходил в суровой тишине, а тут вот Чимей беспрестанно хихикала, помогая ему размотать чалму, скинуть чогу и распустить вязки штанов. Но когда она схватилась за его кошти, он прошептал:

— Талисман. Ни-ни снимать.

— Ха! Тоже талисман иметь?

— Иметь, иметь.

— Белоголовый Бес одежда шибко большой.

— Зато и кое-что другое шибко большой.

Теснота, качка, жесткое лодочное днище, пропахшее сушеной рыбой, вдруг породили в нем безумное желание. Соитие с Ширинбай всегда напоминало медицинскую процедуру, в которой тела соприкасались лишь строго необходимыми частями. Он был абсолютно не готов к жаркому липкому поту, выскальзыванию, хватанию за что угодно и неожиданному фырканью детородного органа партнерши, отрыгнувшего воздух.

Потом, изнемогшие, они умиротворенно лежали в объятьях друг друга, и вдруг снаружи раздался треск фейерверка. В деревне на берегу озера что-то праздновали, запуская шутихи в небо. Разноцветные всполохи отражались в темной глади воды, и казалось, будто лодка зависла в сияющем световом шаре.

На обратном пути он ничуть не удивился, услышав ее просьбу:

— Теперь мистер Барри давать бакшиш. Дело справить. Цыпа кушать, деньга платить. Мистер Барри хороший бакшиш давать.

Добрых полчаса они препирались, сколько с него причитается, и этот торг был слаще любого флирта. В привычной стихии сделки он мог гораздо точнее выразить свои чувства цифрами, нежели ласковыми словами. В результате он

охотно отдал ей все, что у него было с собою.

Он уже вышел из лодки, когда Чимей сказала:

— Мистер Барри платить Давай тоже.

Он рассмеялся и показал пустые карманы:

— Больше нету. Давай получить бакшиш потом.

Мальчишка проводил его до квартиры и расплылся в широченной улыбке, получив свой гонорар — в порыве щедрости его вознаградили половинкой опийного кругляша, наказав тотчас ее продать, а на вырученные деньги приобрести башмаки, одежду и рис. Осчастливленный парень умчался, улыбаясь во весь рот.

С тех пор встречи с Чимей проходили регулярно, раз-два в неделю, и связным неизменно служил Давай, который, вынырнув из толпы мальчишек, носившихся по городу, посылал ему знак вскинутой бровью или подмигиванием. Вечером он шел на берег, где в лодке его ждала Чимей.

С ней он не скупился и даже был расточителен. Перед отъездом в Бомбей спросил, не нужно ли ей чего, и, узнав, что она хотела бы лодку побольше, тотчас оплатил ее покупку. В следующий раз он приехал с грудой подарков и потом в конце каждого сезона удостоверялся, что до его очеред-

ного визита Чимей, ее мать и дочка обеспечены всем необходимым. Он не допускал, что в его отсутствие Чимей принимает других мужчин, поскольку доверял ей безгранично, а она не давала ни малейшего повода сомневаться в своей верности.

В марте 1815 года, за несколько дней до его отъезда, Чимей взяла его руку и приложила к своему животу:

— Чуять, мистер Барри.

— Дитя?

— Дитя.

Радость, его охватившая, была ничуть не меньше, чем от известий о беременностях Ширинбай, и боялся он одного: лишь бы Чимей не вздумала избавиться от плода. Он устроил ее переезд из Кантона в окрестную деревню, чтоб байка о приемном ребенке выглядела достоверной.

Предстоящее отцовство так его взбудоражило, что в Бомбее он пробыл всего четыре месяца и по окончании сезона дождей вернулся в Китай. В Макао он не стал дожидаться парома, а нанял «левака», который укромными протоками доставил его в дельту Жемчужной реки.

Младенец был запеленут особым способом, позволявшим его причиндалам гордо выгляды-

вать наружу. Он взял сына на руки, но прижал младенца к себе чересчур крепко, и крохотный херок исторг теплую струю, оросившую ему лицо и бороду.

Он рассмеялся.

— Какой имя давать?

— Линь Фатт.

— Нет. — Он покачал головой. — Имя звать Фрам-джи.

Они какое-то время спорили, но так и не сумели прийти к согласию.

Воспоминания о событиях, произошедших всего три месяца назад, были очень свежи, и Бахрам, поведав свою историю другу, опять залился счастливым смехом. Задиг ответил ему улыбкой:

— Ну и как назвали малыша?

— Она зовет его А-Фатт, а я — Фредди.

— Он твой единственный сын?

— Да.

Задиг потрепал его по плечу:

— Молодчина!

— Спасибо. А у тебя сколько детей от другой жены?

— Двое. Мальчик и девочка: Саргис и Алина. — Задиг смолк и, опершись на поручень, задумчиво опустил подбородок на сведенные кулаки. — Ска-

жи, ты никогда не хотел оставить официальную семью, чтобы жить с Чимей и своим сыном?

Бахрам опешил.

— Нет, и в мыслях не было. Зачем? А ты о таком думаешь, что ли?

— Да, и, по правде сказать, частенько. Моя каирская семья в полном порядке, а у второй нет никого, кроме меня. С каждым годом все тяжелее быть вдали от тех, кому я действительно нужен. Прям сердце разрывается.

В голосе его звучала неподдельная печаль, и Бахраму показалось невероятным, что такой ответственный делец может всерьез помышлять о разрыве с семьей и общиной. Для него самого подобный шаг означал бы публичный позор и финансовый крах. Странно, что человек в здравом уме, муж и отец, позволяет возникнуть столь незрелой мысли.

— Вспомни поговорку, Задиг-бей: разумный человек держит своего дружка в узде, — пошутил Бахрам.

— Дело не в том.

— А в чем? Неужто здесь так называемая *ишк*, любовь?

— Называй это как угодно — *ишк, хубб, пьяр*, но оно в моем сердце. Разве у тебя не так?

Бахрам на миг задумался и помотал головой:

— Нет, для нас с Чимей это не любовь. Мы это называем «делом», и, по мне, так оно лучше. Правда, я не умею выразить свои чувства. Она тоже не умеет. И как нам знать, что между нами, если для этого нет слова?

Задиг послал ему долгий оценивающий взгляд.

— Мне тебя жаль, дружище, — сказал он. — Ведь это самое главное.

— Да ну? — Бахрам расхохотался. — Ты сошел с ума или, может, шутишь?

— Да нет, брат, не шучу.

— Что ж, коли так, тебе придется бросить первую жену, — сказал Бахрам беззаботно.

Задиг вздохнул.

— Да, когда-нибудь я это сделаю.

Бахрам ни на секунду ему не поверил, однако через некоторое время именно так и произошло. Задиг оставил изрядно денег каирской семье, а сам купил просторный дом в Коломбо, в районе Форт. Вскоре Бахрам навестил друга, познакомившись с его степенной хозяйкой голландских корней и двумя хорошо воспитанными детьми, на вид здоровыми и счастливыми.

Потом он пригласил Задига в Кантон, где представил ему Чимей и Фредди. Чимей потчевала

гостя вкусным обедом, а малыш его просто очаровал, и с тех пор Задиг взял себе за правило навещать их в каждый свой приезд в Китай, а по возвращении домой сообщать новости Бахраму.

Из одного такого письма тот и узнал об исчезновении Фредди и смерти Чимей.

В результате все решил «Редрут» — бриг очаровал Полетт, положив конец ее сомнениям относительно полученного предложения.

Если бы кораблям придавали сходство с их владельцами, то всякий сказал бы, что поджарый угловатый «Редрут» — копия костлявого Хорька. Казалось, корабль, поводя носом-бушпритом, принюхивается, точно его хозяин, а ветер в его снастях свистит совсем иначе, нежели в мачтах других судов. Умей корабли говорить, в речевой манере «Редрута» слышались бы, наверное, растянутые гласные и пришепетывание Хорька.

Однако главным отличием брига от прочих парусников была палуба, сплошь укрытая зеленью. Конечно, на всяком корабле имелось полдюжины горшков с растениями, кои служили приправой к блюдам или просто дарили отдохновение глазу от бескрайних морских просторов. Но вот палуба «Редрута» была вся уставлена «ящиками Уорда» — новомодным изобретением со съемными стек-

лянными стенками, этакими миниатюрными теплицами, совершившими революцию в транспортировке растений на дальние расстояния. Надежно закрепленные канатами и веревками, они заполняли палубу брига.

Самой зеленой частью корабля был квартердек, где вдоль поручней и вкруг бизань-мачты выстроились ряды ящиков и горшков. Для дополнительной защиты своих подопечных Хорек соорудил тенты, дававшие тень в жару и оберегавшие от ветра в непогоду. В дождь они превращались в сборщики пресной воды, которой растениям требовалось много, и Хорек не желал, чтобы хоть капля ее пропала втуне.

На «Редруте» существовала собственная уникальная система использования пищевых отходов, которые не выбрасывали за борт бездумно: все, что могло пойти на подкормку растений, тщательно отделялось от остатков солонины, составлявшей основное меню команды. Спитая чайная заварка, кофейная гуща, рис, объедки бисквитов и галет загружались в огромный бочонок, подвешенный к корме. Он был плотно задраен крышкой, однако в безветренные дни амбре из сего компостного устройства вызывало нарекания со стороны рядом пришвартованных

судов.

Конечно, буйная зелень и сверканье застекленных ящиков придавали «Редруту» необычный вид, вызывавший насмешки соседей по стоянке и порождавший вопросы, не та ли это знаменитая «психушка», что перевозит сумасшедших на отдаленные острова. Однако бриг, как и его хозяин, только выглядел чудно, и Полетт вмиг поняла, что в нем нет ничего странного, но, напротив, все подчинено двум целям: расчетливости и доходу. Скажем, груз его не требовал значительных финансовых вложений, но давал поистине астрономическую прибыль. Кроме того, он не привлекал воров и пиратов, не ведавших его истинную ценность.

На палубе «Редрута» не было ничего случайного: Хорек лично отбирал все растения, большинство которых лишь недавно проникли с американского континента в Европу, но вряд ли успели добраться до Китая. В нынешней его коллекции были львиный зев, лобелия и георгины, найденные Александром фон Гумбольтом в Мексике; из тех же краев происходили «мексиканский апельсин» и новая прекрасная фуксия; Северную Америку представляли гаультерия шаллон, декоративное растение с лечебными

свойствами, и новый вид замечательного можжевельника, открытые Дэвидом Дугласом. Хорек не сомневался, что последняя особь произведет неизгладимое впечатление на китайцев, обожающих все хвойные сорта. Не были забыты и кустарники, особые надежды Хорек возлагал на цветущую смородину. Одно это растение, поведал он Полетт, окупило все затраты мистера Дугласа на первую американскую экспедицию, но еще никто не додумался привезти его в Китай.

Хорек намеревался обменять всю эту американскую флору на представителей китайского растительного мира, не известных на Западе. Полетт сочла идею остроумной и оригинальной, но Хорек решительно отрекся от ее авторства.

— Вы слыхали об отце Д'Инкарвилле? — спросил он.

Полетт задумалась.

— Не в его ли честь названа инкарвиллея, у которой чудесные цветки колокольчиками?

— Именно так. Иезуит Д'Инкарвилль несколько лет провел в Пекине при дворе императора. Его перемещения, как и всякого иностранца, были очень строго регламентированы: ему запрещалось собирать растения за пределами города, не разрешалось и посещать императорские сады.

Дабы изменить ситуацию, он придумал ботанический обмен: по его просьбе из Франции ему прислали тюльпаны, васильки и колумбины. Но не они пленили императора, а скромная недотрога.

— Коли так, почему ее нет в нынешней коллекции?

Вид озелененного брига создавал о нем ложное впечатление, ибо этакий облик ему придал не безумный ученый или блаженный мечтатель, но усердный садовник, который, не утруждаясь размышлениями, решал практические задачи и считал Природу собранием головоломок, верное решение коих обеспечит ему хорошую прибыль.

Полетт прежде никогда не сталкивалась с подобной позицией. Для отца, всему ее обучившему, любовь к Природе была своего рода религией, этаким духовным подвигом: он верил, что в попытке познать жизненную суть всякого растения человечество сумеет выйти за искусственно созданные пределы земного мира. Ботаника была его Библией, а садоводство — формой богослужения; в посадке семян и обрезке деревьев Пьер Ламбер видел не просто уход за садом, но духовный труд, способ общения с бессловесными формами жизни, понять которые можно лишь

через тщательное изучение их собственных средств выражения, их языка цветения, роста и увядания. Только так, наставлял он дочь, человечество сможет постичь жизненные энергии, составляющие Дух Земли.

Взгляд Хорька на мир был совершенно иным, но, как ни странно, сам он вписывался в естественный порядок вещей лучше, нежели отец Полетт. Подобно старому корявому дереву, вцепившемуся в каменистый склон, он был непоколебим в своей решимости урвать жизненные соки, чем и нажил богатство, которое для него ничего не значило: к роскоши он был равнодушен и большие деньги считал источником не покоя, но хлопот, этакой обузой, вроде мешков с капустой, в подполе хранимых на черный день.

Узнав Хорька лучше, Полетт поняла, что позицию ботаника сформировало его детство. Сын корнуоллского зеленщика, родился он в продуваемом ветрами домишке на окраине приморского Фалмута. Отец его некогда был матросом на юркой «фруктовой шхуне», связующем звене между садами Средиземноморья и рынками Британии, но несчастный случай, искалечивший его правую руку, заставил изменить образ жизни: он стал торговать с лотка овощами и фруктами,

часть которых ему поставляли бывшие сослуживцы. В семье Пенроузов было пятеро детей, но жизненные обстоятельства позволяли им посещать школу лишь урывками: когда мальчики не помогали отцу, они подрабатывали на соседних фермах. И вот так юный Хорек привлек внимание приходского врача, который на досуге увлекался естествознанием: приметив, что парнишка имеет подход к растениям, он дал ему учебники по ботанике, чем разжег в нем аппетит к самообразованию. Все это сослужило добрую службу, когда Хорька самого взяли матросом на «фруктовую шхуну». Он быстро обучился уходу за нежным средиземноморским грузом: апельсинами, сливами, хурмой, абрикосами, лимонами и фигами. Как и на других торговых суднах, команда имела право загрузить кое-что для себя с целью дальнейшей продажи. В тихую погоду Хорек использовал свою квоту для провоза саженцев фруктовых деревьев и садовых растений, которые при заходе шхуны в Лондон сбывал задорого.

Он не изменял выбранному курсу, который помог ему сколотить состояние. За годы терпеливого труда питомник Пенроуза стал лидером в мире британского садоводства, и отойти от дел даже на время было непросто. Поставщик

экзотической флоры, Хорек прекрасно понимал, что садоводческий бизнес как никакой другой требует постоянного обновления, ибо, во-первых, всякий новый цветок, поначалу воспринимающийся благородной редкостью, уже через короткое время считается заурядным сорняком, а во-вторых, рынок все больше заполняли безжалостные конкуренты. Наиболее опасным соперником фирмы «Пенроуз и сыновья» был, пожалуй, питомник Вейча в соседнем Девоне: в неустанном поиске новых видов он то и дело снаряжал исследовательские экспедиции. Хорек тоже профинансировал несколько таких разведок, но с одинаково печальным результатом: одни посланники смылись с его деньгами, другие сошли с ума или умерли страшной смертью, третьи вернулись с добычей, не имевшей никакой ценности. Один такой юный разведчик из Корнуолла утаил самые ценные находки, а после продал их фирме Вейча. Предательство стало тем горче, что конкуренты были не коренными местными жителями, но переселенцами из Шотландии.

Сей опыт научил Хорька, что все нужно делать самому, так будет дешевле и лучше: ведь когда-то он, стесненный в средствах новичок, в южном

Китае лично собрал экземпляры, принесшие наибольший доход его питомнику. Он понимал, что достигнет большего, отправившись в Китай на собственном судне, но такая поездка заняла бы, самое малое, два-три года и не могла состояться без предварительного улаживания всех семейных дел. Женился он поздно, а жена безвременно скончалась, оставив его с тремя детьми — мальчиками-близнецами и дочкой, много моложе братьев. Сбагрить детей родственникам было немыслимо, а брак по расчету, который обеспечил бы их заботой, выглядел еще хуже. И потому Хорек был вынужден отложить свои планы до той поры, когда подросшие сыновья смогут войти в семейное дело. Пока же он тщательно готовился к путешествию и даже по собственным эскизам построил корабль, который назвал в честь родного города покойной жены.

Сыновья Пенроуза были ребята смышленые — толковые в деле и весьма здравомыслящие. Из рассказов их отца Полетт поняла, что единственное, чем они его огорчали, так это полным отсутствием интереса к ботанике и естествознанию вообще: для них растения ничем не отличались от дверных ручек, колбасы и прочего, что можно продать по рыночной цене.

И только Эллен унаследовала отцовский интерес к природе, но это было лишь одной из причин особой любви к ней. (Внешне, рассказывал Хорек, она была вылитая мать, Кэтрин, лицо которой он называл «самой красивой частью ее тела».) Далеко не крепышка, Эллен настояла на своем путешествии вместе с отцом. Хорек попытался ее отговорить, перечисляя опасности долгой поездки, но дочь привела пример Марии Мериан, легендарного иллюстратора, которая в пятьдесят два года совершила путешествие из Голландии в Южную Америку. Крыть Хорьку было нечем, поскольку он сам поощрял ее интерес к ботанике и преподнес ей репродукции рисунков, на которых Мериан запечатлела цветы и насекомых Суринама.

Тихоня Эллен проявила неуступчивость и решительность, не хуже отцовских. В конце концов Хорек неохотно уступил: обустроил каюту для дочери, и весной бриг отправился в плавание, имея на борту команду из восемнадцати человек и солидный груз растений и оборудования. Попутные ветра вмиг домчали «Редрут» до Канарских островов, где склоны холмов в покрывале диких цветов покорили Эллен. Она захотела сойти на берег и там-то, видимо, подхватила лихорадку,

проявившуюся позже, когда корабль вновь был в открытом море. Ничто из имевшихся под рукой снадобий не помогло, Эллен скончалась, когда до острова Святой Елены оставался всего день пути. Хорек похоронил дочь на холме, заросшем колокольчиками и лобелией.

Когда ботаник подвел Полетт к запертой каюте, она без каких-либо объяснений поняла, что туда давно никто не входил.

— Теперь эта каюта ваша, мисс Полетт. В сундуках осталась кое-какая одежда Эллен, можете ею воспользоваться, если сочтете нужным, — сказал Хорек и вышел, предоставив ей обживаться на новом месте.

Помимо узкой койки и письменного стола, довольно скромная каюта располагала всем необходимым для удобства юной дамы, пребывающей в мужском корабельном сообществе: ватерклозетом, фарфоровым умывальником и медным тазиком-душем, хитроумно приклепанным к потолку.

Содержимое книжной полки, подвешенной над койкой, давало некоторое представление о том, что за человек была Эллен Пенроуз: зачитанная Библия, жизнеописание протестантского проповедника Джона Уэсли, методистский псалтырь и

еще пара религиозных книжек, а также небольшая подборка трудов по ботанике, включавшая альбом с иллюстрациями Марии Мериан. Полное отсутствие художественных произведений говорило о том, что Эллен увлекалась романами и поэзией не больше своего отца.

Впечатление серьезной девушки подкрепляла обнаруженная в сундуках одежда с минимумом оборок, кружев и прочей мишуры. Высокие воротнички строгих платьев, преимущественно черного цвета, наглухо закрывали горло. Примерив одно из платьев, Полетт поняла, что прежняя его хозяйка была чуть полнее, но коробка для рукоделия, найденная в сундуке, позволила подогнать наряд под себя.

Она собралась с духом, прежде чем появиться перед Хорьком в платье его дочери. Но тот, занятый подвядшей дугласовой пихтой, не обратил внимания на перемену ее вида и только сказал:

— Возьмите-ка садовые ножницы.

Лишь через день-другой он мимоходом обронил:

— Знаете, Эллен была бы рада, что ее одежде нашлось применение.

Слова его застигли Полетт врасплох.

— Сэр… даже не знаю, как вас благодарить…

за все…

Ком в горле не дал ей продолжить, что было к лучшему, поскольку Хорек и без того смешался — весь покраснел и едва слышно пробурчал:

— Некогда рассусоливать, работы полно.

Уже через пару дней Полетт чувствовала себя на корабле как дома, а команда была так рада избавиться от садовничьих обязанностей, что приняла ее даже теплее хозяина. Освоилась девушка быстро, и во время, что оставалось до отхода из Порт-Луи, главной ее тревогой был Захарий. Но и это беспокойство слегка улеглось после случайной встречи на пристани с Ноб Киссином-бабу, сообщившим: Захарий все еще томится под арестом, ожидая отправки в Калькутту, где его допросят о происшествии на «Ибисе».

— Утешьтесь, мисс Ламбер, все будет хорошо. Капитан Чиллингворт сгладит косые углы. Он даст благоприятные показания, и дело спустят на рукавах. Я там буду и за всем бдительно пригляжу.

Полетт воодушевилась.

— Пожалуйста, передайте мистеру Рейду, что я здорова и благополучна. Я познакомилась со знаменитым садоводом мистером Пенроузом. Он вроде как архимиллионер и сейчас направляется

в Китай для сбора растений. Я получила предложение стать его ассистентом.

— Так вы едете в Китай? Буду молиться о вашей легкой дороге.

— И вам счастливого пути, Ноб Киссин-бабу. Еще скажите Захарию, что я надеюсь на нашу скорую встречу, где бы я ни была…

Путь до Сингапура вышел чрезвычайно долгим: бугийская шхуна, на которую сели Нил и А-Фатт, возвращалась из хаджа и, проходя вдоль побережья Суматры, часто останавливалась, чтобы высадить паломников. В результате поездка растянулась на несколько дней. К Сингапуру подошли в отлив, пришлось бросить якорь на внешнем рейде. Пассажиры решили не дожидаться прилива и, скинувшись, наняли тамильский лихтер, чтоб доставил их к набережной Боут-Ки.

В устье реки кишели проа, сампаны, джонки, лорчи и дау. В этой разномастной флотилии морских и речных судов выделялся средних размеров трехмачтовик, образец высокого мастерства. Он так расположился, что лихтеру пришлось пройти впритирку с его правым бортом. Изящные линии шхуны, придававшие ей щегольской вид, делали тем заметнее полученные повреждения: на форштевне, где надлежало быть утлегарю и ростре,

зияла большая, укрытая сеткой дыра.

Обезглавленный корабль разглядывали все пассажиры лихтера, но несчастное судно буквально заворожило А-Фатта, который, не сводя с него глаз, так вцепился в планшир, что побели костяшки его пальцев.

К берегу пристали уже совсем в темноте. Наши путники собирались отыскать какую-нибудь ночлежку, за пару медяков дающую приют ласкарам, кули и всякому рабочему люду, но А-Фатт вдруг сказал:

— Я оголодал. Пошли, найдем лодку-кухню.

Вдоль набережной стояло много лодчонок с зажженными фонарями, на некоторых клиенты, преимущественно китайцы, что-то ели и пили. А-Фатт останавливался возле каждой лодки, но чем-то они его не удовлетворяли, а потом он вдруг подал знак Нилу следовать за ним и по сходням решительно направился к суденышку, темнее и малолюднее прочих.

— Почему сюда? — спросил Нил. — Чем здесь лучше?

— Ничем. Идем.

Обитатели лодки, круглолицая девушка и двое стариков, похоже, ее дед и бабушка, готовились отойти ко сну — старик уже улегся на циновку.

Шагая по сходням, А-Фатт что-то им крикнул. Нил не знал, было это приветствием или вопросом, но слова его спутника оказали магическое воздействие: старики встрепенулись, расплывшись в гостеприимных улыбках, а девушка радостно всплеснула руками и что-то прокричала в ответ.

— Что она говорит?

— Дядюшка и тетушка уже почивают, но она будет счастлива нас накормить.

Подобное радушие было тем удивительнее, что путники выглядели нищими бродягами: обтрепанные штаны, грязные рубахи, котомки за спиной.

— Что ты им сказал? — поинтересовался Нил. — Почему они так тебе обрадовались?

— Я заговорил на лодочном языке, — в своей отрывистой манере ответил А-Фатт. — Они поняли. Не бери в голову. Пора поесть рису. И выпить. Кантонского грогу.

Лодка-кухня имела любопытную форму: надстройки на корме и носу создавали впечатление вырезанной середины корпуса. На корме располагался дощатый «домик» с тяжелой дверью, а на носу — крытый соломой навес, под которым питались клиенты, усевшись за «столы» — уложенные на борта доски. Собственно кухня была в

центре лодки, и повару хватало полшага, чтобы доставить блюдо к столу.

Устроившись под навесом, А-Фатт о чем-то перемолвился с девушкой и показал на «домик», с крыши которого свешивались головой вниз живые куры, за ноги подвязанные к карнизу. Девушка кивнула и сдернула одну курицу, точно плод с ветки. Птица кудахтнула, затрепыхалась, а потом, уже безголовая, молотила крыльями, очутившись в речной воде. Через минуту она стихла и подверглась разделке, в результате которой внутренности ее переместились в привязанный к борту садок, откликнувшийся бульканьем; чуть позже заскворчало масло на раскаленной сковороде, и вскоре гости получили тарелки с жареными потрохами.

Блюдо оказалось таким вкусным, что Нил пренебрег палочками *хаси* и жадно орудовал руками, а вот А-Фатт, жаловавшийся на голод, даже не притронулся к еде, но все смотрел на пострадавший корабль в устье реки.

— Чего ты на него уставился? — спросил Нил. — Что в нем такого особенного?

А-Фатт тряхнул головой, словно выходя из транса.

— Скажу, только ты не поверишь.

— Но все-таки поведай.

— Корабль принадлежать… моя семья. Мой отец. — А-Фатт гоготнул.

— В каком смысле?

— В прямом. Им владеть семья мой отец.

На столе возник кувшин с ядрено пахнущей жидкостью, которую А-Фатт плеснул себе в маленькую белую плошку. Сделав глоток, он рассмеялся, что порой служило признаком его замешательства или смущения. Нил не понял, знаком чего это было сейчас — серьезности или веселости, поскольку настроения его друга внешне проявлялись иначе, нежели у других людей. За месяцы общения с ним Нил усвоил, что внезапная детская дурость может быть симптомом клокочущего гнева, а глубокомысленное молчание вызвано не чем иным, как приступом сонливости.

Однако Нил почуял, что спутник его не особо расположен к веселью, но как будто сопротивляется сильной и противоречивой связи, существующей между ним и кораблем.

— И какое имя носит корабль? — Нил нарочно задал этот вопрос, подозревая, что не получит ответа, но тот пришел без всякой паузы:

— «Анахита». В отцовской вере — богиня воды.

Вроде нашей А-Ма. Раньше на носу иметь фигура. Как называться?

— Ростра?

— Ростра. Теперь пропасть. Семья печалиться. Особенно дед, он строить этот корабль.

— Дед? — переспросил Нил. — Ты имеешь в виду, со стороны отца?

— Нет. Со стороны старшей жены отца. Сет Рустам-джи Мистри, известный бомбейский корабел…

Рассказ перебила кухарка, поставившая на стол тарелку с поджаристой куриной ножкой. А-Фатт взял хаси и, отщипнув кусочек мяса, поднес его к губам девушки; после недолгой шутливой борьбы та его проглотила и, рассмеявшись, шлепнула гостя по руке.

— Прости, Нил. — Глаза А-Фатта сияли. — Давно не иметь женщина. Отвык от флирт. — Он фыркнул и снова плеснул напиток в плошки. — Только ты да я. Со связанными ногами, точно куры. — Он показал на подвешенных птиц.

— Да уж, — кивнул Нил.

В узилище «Ибиса» даже повернуться на другой бок они могли только согласованно. Еще никогда Нилу не доводилось проводить так много времени и в столь тесном соседстве с другим человеком,

однако сейчас он вновь подумал о том, что почти ничего не знает об А-Фатте.

— Ты хочешь сказать, что состоишь в родстве с сетом Рустам-джи Мистри? — спросил Нил.

— Да. Через отца. Его старшая жена — дочь сета. Долгое время даже я этого не ведать…

Уже подростком А-Фатт узнал, что в далеком Бомбее у него, оказывается, есть родичи. С детства он считал себя сиротой — отец с матерью, сказали ему, умерли, когда он только родился, и его усыновила вдовствующая тетушка, ставшая ему приемной матерью. Так говорилось всем знакомым на кантонском побережье и в Городе чужаков. Внешность А-Фатта ничем не выдавала его истинного отца — приобретенная под солнцем смуглость была обычной среди лодочного люда. Он постепенно рос и считал свою семью самой обычной, хотя имелось одно отличие: у них был богатый покровитель — дядя Барри, «белоголовый» чужак из Индии, который стал его *кай-е*, крестным отцом. По рассказам, когда-то отец А-Фатта работал на дядю Барри, и тот, чувствуя себя в большом долгу перед осиротевшим ребенком, давал деньги на его содержание, привозил индийские подарки и оплачивал учителей.

Приемная мама не одобряла дядиных амби-

ций, считая их зряшной тратой денег. Устроить обучение сына лодочницы было непросто, но дядя Барри щедро оплачивал уроки, чтобы мальчик, овладев литературным китайским языком и основами английского, превратился в «респектабельного жан-тиль-мана», который легко сойдется с чужеземными коммерсантами, впечатлив их своими знаниями и спортивной сноровкой. Приемная мама не видела в том никакого проку: лучше бы дядя Барри просто давал деньги и оставил ребенка в покое. Зачем А-Фатту чистописание, если лодочникам запрещено держать экзамен на место в государственных учреждениях? Для чего ему уроки бокса и верховой езды, если лодочникам не позволено даже строить дома на берегу? Пусть бы мальчик учился рыбачить, ходить под парусом и на веслах.

Но если не наяву, то во снах приемная матушка сознавала, что сын ее вовсе не лодочник, ибо ее частенько посещали кошмары, в которых на мальчика нападала рыба-дракон — гигантский осетр. И посему она не подпускала его к воде.

Как все другие лодочные дети, А-Фатт носил на щиколотке колокольчик, извещавший о его местонахождении; как всех других, его сажали в бочку, едва лодка отплывала от берега; как

всем другим, к спине ему привязывали доску, которая, свались он за борт, удержала бы его на плаву. Но к двум-трем годам все другие дети уже избавились от колокольчиков и досок, а он — нет, что делало его мишенью для насмешек. Другие ребятишки зарабатывали деньги, на забаву чужеземцам ныряя за монетами и побрякушками, которые те бросали в воду. А-Фатт тоже хотел плавать, нырять и зарабатывать, но из-за призрака рыбы-дракона, притаившейся в засаде, ему это категорически воспрещалось.

Однако приемная мать понимала, что дитя водяных отлучить от воды невозможно.

— С малых лет они… мы плаваем…

На столе появились миски с прозрачным бульоном, в котором покачивались куриные фрикадельки, и А-Фатт палочкой ткнул в одну:

— Вот так и мы учимся держаться на воде. *Пун-тей*, сухопутные люди, над нами смеются — мол, у нас плавники вместо ног. И я учиться плавать, когда матушки нет рядом, иногда вместе с ребятами нырять за монетами. Однажды она меня застукать и тащить из воды. Очень стыдно, я хотеть утопиться, пусть меня съесть рыба-дракон. Я думать, тетушка так поступать, потому что я сирота. Родной сын она не лупцевать. Я думать,

лучше сбежать. Я строить план, говорить с нищими бродягами, но старшая сестра проведать. И все мне рассказать: тетушка — не приемная, а моя родная мать. Дядя Барри — не крестный, а мой родной отец. Матушку не спросить — она побить старшая сестра за то, что разболтала. Я ждать дядя Барри, улучить момент и пытать: ты правда мой отец, а тетушка — моя мать? Сперва он говорить: нет, неправда. Я не отставать, и тогда он плакать и сознаваться: да, все правда, он мой отец, в Бомбее он иметь другая семья.

А-Фатт смолк и чокнулся с плошкой друга; когда тот молча выпил, он снова наполнил плошки.

— Наверное, ты пережил шок? — тихо спросил Нил. — Обо всем узнать, да еще вот так…

— Шок? Да, наверное, — буднично произнес А-Фатт. — Сперва я просто хотеть узнавать. Про Бомбей. Про старшую жену. Про сестер. Вообрази, как все это странно. Всю мою жизнь мы живем вот в такой же лодке, мы такие же бедняки. И вдруг я узнавать, что мой отец *хоугвай*, богач, белоголовый бес. Теперь я думать: мать меня лупить, потому что я не настоящий китаец, я ее тайный позор, но я все-таки нужен, поскольку отец давать ей деньги. Теперь все равно. Есть другая семья. Я хотеть о ней знать все. Я спрашивать,

отец молчать. Не хотеть о том говорить. Рассказывает про Малакку, Коломбо, Лондон, а про Бомбей — нет. В книгах я читал, что «Западный остров», Индия, обладать золотом и чудесами, я хочу туда полететь, как Царь обезьян. Но это мечты, а живу я в лодке-кухне. Потом я узнаю про отцовский корабль «Анахита» и страсть как хочу его увидеть.

— Он пришел в Кантон?

— Нет, большим кораблям в Кантон не зайти, как и в здешнюю реку. Слишком мелко. Они бросают якорь в Хуанпу — по-английски, Вампоа. Туда-сюда снуют лодки, и я узнаю, что корабль поставить рекорд — из Бомбея в Кантон за семнадцать дней. Отец приходить, и я прошу: возьми меня на твой корабль. Он краснеть, качать головой. Бояться, что обо мне проведают в Бомбее. Старшая жена узнать, быть беде. Отец говорить: корабль не мой, им владеть тесть и шурины, а я как наемный слуга и должен быть начеку. Я не слушаю, мне все равно. Говорю: или возьмешь меня, или я тебя опозорю. Сам доберусь в Вампоа. Ладно, говорит отец, возьму. Только отвозит не сам, велит своему управляющему. Вико водит меня по кораблю, рассказывает о нем. Таким он мне и представлялся — дворец, богаче лодки мандарина. Не поверишь, пока не увидишь своими

глазами…

А-Фатт повернулся к «Анахите», шканцы которой были чуть озарены лившимся из нактоуза светом.

— Как по-английски называть третья мачта, что ближе к корме?

— Бизань.

— Там она, как дерево. От ствола отходят корни, в одном вырезана лавка. Дед нарочно придал мачте вид баньяна. Вико рассказал. Как увижу «Анахиту», всегда вспоминаю эту *мою* лавку…

И вновь повариха его перебила, подав миски с дымящимся рисом и последними порциями разнообразно приготовленной курицы. Рассказ А-Фатта настолько увлек Нила, что он даже не взглянул на еду, источавшую соблазнительный аромат.

— Потом ты еще бывал на корабле?

— Нет, не бывал, но много раз видел. Возле острова Линтин.

— Ездил туда повидаться с отцом?

— Нет, он никогда посещать Линтин, — сказал А-Фатт и, видя недоумение спутника, добавил: — Смотри-гляди, сейчас поймешь… — Ловко орудуя хаси, он выудил из куриной грудки косточку-дужку и положил ее на доску. — Это устье

Жемчужной реки, путь в Кантон. — А-Фатт взял несколько рисин и рассыпал их вокруг дужки. — Это острова, их много, торчат из моря, словно зубы. Очень полезны пиратам. И заграничным торговцам вроде отца. Чужеземный корабль не может везти опий в Кантон. Запрещено. И купцы притворяться, будто не ехать в Китай. Они ехать сюда… — палочка указала на зернышко посредине развилки, — …на остров Линтин. И там продавать опий. Как условятся о цене, покупатель высылать «резвого краба» — быстроходную лодку в тридцать весел. — А-Фатт рассмеялся и палочкой запульнул дужку в воду. — Вот в таком «резвом крабе» я попасть на Линтин.

— Зачем? Что тебе там понадобилось?

— А как ты думать? Брать опий.

— Для кого?

— Мой хозяин. Он большой торговец опий, иметь много «резвый краб», много работник. Мы все один большой семья, а он наш Старший брат. Мы зовем его Брат Лу. Он из Кантона, но много ездить, даже в Лондон. Долго там жить, потом возвращаться и затевать дело в Макао. Много, как я, на него работать, такой ему годиться.

— Что значит — такой?

— *Цзап-цзюн-цзай*, полукровка. На Жемчужной

реке, в Макао, Вампоа, Гуанчжоу, такой много. В любом порту, где можно купить женщину, полно ублюдков, кого надуло западным ветром. Им тоже надо есть и жить. Брат Лу давать нам работа, хорошо относиться. И впрямь быть мне старший брат. Но потом случись беда. И я бежать из Кантона. Обратно нельзя.

— Что произошло?

— Брат Лу иметь женщина. Не жена, а… как сказать?

— Наложница?

— Да. Наложница. Очень красивый. Звать Аделина.

— Европейка?

— Нет. Ее тоже ветром надуло. Она как я: наполовину китаянка, наполовину ачха.

— Кто это — ачха?

— В Кантоне так называть ваш народ. Все индусы — ачха.

— Это слово означает «добро», «благополучие».

А-Фатт рассмеялся:

— В кантонском диалекте смысл обратный — «плохой человек». Выходит, для меня ты хороший, для других — плохой.

Нил тоже засмеялся:

— Значит, твоя Адели наполовину хорошая?

Откуда она родом?

— Мать ее из Гоа, но жить в Макао. Отец — кантонский китаец. Адели очень красивый и любить курить опий. Когда Брат Лу уезжать, мне приказ смотреть за Адели. Иногда она просить подымить вдвоем. Она и я наполовину ачха, но никогда не видеть Индия. Мы говорим об Индии, о матери Адели и моем отце. А потом…

— Вы стали любовниками?

— Да. Мы оба *динь-динь-дак-дак*. Обезумели.

— И хозяин узнал?

А-Фатт кивнул.

— Что он сделал?

— Как ты думаешь? — А-Фатт пожал плечами. — Страна иметь законы, семья — правила. Я понимать, что Брат Лу захочет меня убить, и потому я прятаться у матери. Потом я узнавать, что приходить один из семьи, и я бежать прочь. В Макао я притворяться, будто христианин. Прятаться в семинарии. Меня отправлять в Серампор, Бенгалия.

— А что Адели?

А-Фатт посмотрел на Нила и палочкой хаси показал на мутные воды реки.

— Она покончила с собой?

А-Фатт чуть заметно кивнул.

— Но все это в прошлом, — сказал Нил. — Ты не думаешь вернуться в Кантон?

— Нет. Нельзя, хоть там мать. Брат Лу иметь глаза повсюду. Нельзя.

— А что отец? Почему не повидаешься с ним?

— Нет! — А-Фатт грохнул плошкой о стол. — Не желать его видеть.

— Почему?

— Последний наша встреча я просить взять меня в Индия. Хотеть уехать. Прочь из Китай, долой из Кантон. Я понимать: если останусь, беда мне и Адели. Брат Лу узнать и делать с нами что угодно. И вот прихожу к отцу. Прошусь на «Анахиту», в Индию. Он говорить: нет, Фредди, невозможно. Никак. Я делаться злой. Как черт. Больше никогда не видеть отца.

Вопреки ярости, звучавшей в голосе друга, Нил чувствовал, что А-Фатта тянет на корабль, как магнитом, и тянет все сильнее.

— Послушай, что бы ни было между тобой и отцом, все это осталось в прошлом. Возможно, он стал другим. Не хочешь узнать, сейчас он на корабле или нет?

— Я и так знаю, — сказал А-Фатт. — Он там.

— Как ты узнал?

— Видишь флаг с колоннами? Его поднимают,

лишь когда отец на борту.

— Так, может, послать ему весточку?

— Нет! — А-Фатт будто выплюнул отказ. — Не желаю!

Обычно он не проявлял своих чувств, но сейчас лицо его и вовсе превратилось в застывшую маску. Правда, уже через секунду он выпрямился, тряхнул головой и залпом опорожнил плошку.

— Что-то я разговорился. Хватит болтать. Пора спать.

— Где?

— Здесь, в лодке. Хозяйка позволять нам заночевать.



4



Отправляясь с Маврикия в южный Китай, Хорек выбрал кратчайший путь, пролегавший через Яву; остановка для пополнения запасов провизии предполагалась в порту Ангер, откуда был виден вечно дымящий конус Кракатау на другой стороне Зондского пролива.

Когда на бриге прозвучала команда «поднять паруса», «Ибис» по-прежнему стоял на якоре. Покидая гавань, «Редрут» прошел в паре сотен ярдов от шхуны с оголенными мачтами, на палубе которой не было ни души. По сравнению с высокими парусниками, стоявшими рядом, она выглядела совсем крохой, и казалось удивительным, что такое маленькое судно сыграло столь большую роль в жизни многих людей. Ветер надул паруса

брига и погнал его вперед, а Полетт все не могла оторвать глаз от «Ибиса». Хорьку пришлось напомнить, что ее ждет работа:

— Смотрите в оба, мисс Полетт, в море канителиться некогда.

В верности этих слов она убедилась быстро: уход за растениями на плывущем корабле почти не оставлял времени на досуг. С ящиками и горшками, как будто притороченными к спине строптивого животного, все время что-то происходило. Казалось, «Редрут» забыл о ровном киле, но просто качка была бы счастьем, ибо бригу нравилось круто заваливаться на борт либо зарываться носом в волну, и подобные выкрутасы таили в себе угрозу для растений. Крен заставлял тенелюбивые кустики выглянуть под палящее тропическое солнце, игривая волна обдавала горшки вредоносными солеными брызгами, а «ящики Уорда» старались, освободившись от вязок, прокатиться по палубе.

Для борьбы с этими многочисленными сложностями имелись приемы, разработанные лично Хорьком, которым он, не пускаясь в долгие объяснения, обучал по принципу «смотри и делай, как я». Правда, иногда за работой он начинал что-то бормотать себе под нос, и из этой невнятицы

Полетт сумела извлечь для себя много полезного.

Вот, скажем, грунты: заметив, что какое-нибудь растение вянет даже в тени, Хорек искал причины его нездоровья в почве, из которой оно произрастало. Грунты он подразделял на «горячие» и «холодные», имея в виду, что одни быстрее прогреваются, а другие дольше удерживают тепло. Для получения сбалансированного грунта он держал запас бочонков с землей, промаркированной «холодная» и «горячая». Первый тип грунта был светлый, вроде известкового, второй — темный, торфянистый, пересыпанный корешками. Когда возникала необходимость, Хорек командировал ассистентку в трюм за тем или иным грунтом, и потом в тщательно отмеренных дозах использовал это снадобье.

Поначалу Полетт сочла подобное подразделение грунтов причудой и выдумкой, но потом уже не могла отрицать того, что иногда метод ее наставника оказывает чудодейственно животворящий эффект.

Столь же глубоко Хорек изучил воздействие органических удобрений. Ничуть не отвергая традиционные обогатители почвы (в трюме «Редрута» было изрядно бочонков с рапсовым жмыхом, дробленым солодом и молотым льня-

ным семенем), он больше верил в то, что удавалось раздобыть во время плавания — например, морские водоросли. Он считал, что некоторые их виды, претерпев вымачивание, сушку и измельчение, будут чрезвычайно благотворны для растений. Заметив пятно водорослей, Хорек тотчас забрасывал сеть и ведра, возвращавшиеся с уловом, после чего отделял нежелательные особи, а остальное замачивал в пресной воде и развешивал на снастях. Потом в ступке растирал высушенные травы и далее использовал полученный порошок по щепотке, как драгоценное лекарство.

Корабельный выводок кур был еще одним важным источником подкормки растений. В обязанность Полетт входил ежеутренний сбор помета, который, по словам Хорька, после заливки водой и брожения становился мощным удобрением. Кости и перья птицы, отдавшей жизнь ради питания команды, тоже шли в дело: измельченные, они отправлялись в компостные бочки, подвешенные к корме брига. Морские птицы, уверял Хорек, были еще полезнее, поскольку рубке подвергались целиком. Стоило усталой гагарке или чайке присесть на рею, как среди матросов возникал ажиотаж, ибо за пойманных

птиц Хорек выплачивал небольшое вознаграждение.

Кости млекопитающих были еще одним ценным компостным ингредиентом и, раздробленные молотком, неизменно отправлялись в кормовые бочки. Полетт даже не слышала о подобном их использовании, но Хорек поведал, что это обычное дело в Лондоне, где мясники за хорошие деньги сбывали фермерам отходы своего ремесла — не только кости, но также шерсть и рога. Доход приносили даже костная мука и костная стружка: их варили, растирали в порошок и формовали в брикеты, богатые известью, фосфатами и магнезией.

Не были забыты рыбы и рыбьи кости — за бригом всегда тянулись две-три лески. С крупной рыбой, которую можно было подать к столу, Хорек соглашался расстаться лишь на том условии, что после аккуратной разделки ему вернут голову, хвост и скелет; мелкая рыбешка без разговоров отправлялась в компостную бочку. В Корнуолле, рассказывал Хорек, некондиционные сардины считались отличным удобрением, их целиком зарывали в землю.

Однажды на крючок попалась небольшая морская свинья; Полетт предложила ее выпустить,

но Хорек и слышать о том не хотел. Он где-то прочел, что на ферме в Суррее лорд Соммервиль с большим успехом использовал подкожный жир, и теперь радостно смотрел на свой трофей, «извивавшийся, как уж на сковородке». К огорчению Полетт, морскую свинью казнили, а добытый из нее жир поместили в отдельный бочонок.

Из ингредиентов компоста исключалось лишь то, что в присутствии Полетт Хорек называл фекалиями. Он пошел на такую уступку из-за предубеждений команды, но открыто признавал, что, будь его воля, охотно использовал бы и сии компоненты. Химические исследования доказали, говорил Хорек, что любая моча, животного и человека, содержит ценные элементы, необходимые растениям в процессе роста. Что касаемо другого отхода жизнедеятельности, то не зря в Корнуолле его прозвали «жмотом, который даже из дерьма извлечет выгоду», и он не стыдится того, что первым в Британии использовал нечистоты как удобрение, освоив доселе ему неведомый садоводческий прием китайцев.

— Вот как, сэр? Были и другие новшества?

— Разумеется, — сказал Хорек. — Например, китайцы доки в карликовых видах. Уж сто лет, как используют теплицы. Потом еще воздушные

отводки.

О таком Полетт и не слыхала.

— Помилуйте, что это?

— Прививка непосредственно на ветке… Этот садоводческий прием, который я распространил в Британии, принес мне хороший доход.

Хорек сбегал в свою каюту и вернулся с приспособлением собственного изобретения, названным им «Размножающий горшок Пенроуза». В наполненном землей контейнере размером с лейку сбоку имелась прорезь для древесного побега. За дужку подвешенный к ветке, горшок позволял ростку пустить корни без пересадки в почву.

— Я бы до этого в жизни не додумался, если б не подглядел у китайцев.

Рассказы эти изумляли Полетт. Хорек совершенно не вписывался в ее представление о собирателе растений, а его чудаковатая внешность и манеры не давали поверить в то, что он ко всему еще и бесстрашный путешественник. Но Полетт помнила, что говорил отец о величайшем ботанике Гумбольдте, который был полной противоположностью ходившим о нем легендам: те, кто искал с ним встречи, часто принимали за самозванца этого толстяка, щеголя и бонвивана. Хорек, конечно, был иного складу, но коллекция

растений и оборудования на «Редруте» служили веским доказательством его серьезности, компетентности и подлинной страсти к своему делу.

Однажды Полетт спросила:

— Могу ли я узнать, что вас впервые привело в Китай?

— Можете, — сказал Хорек, подергивая бровями. — Отвечу как на духу. Было это, когда я, зарабатывая на жизнь, ходил на корнуоллской «фруктовой шхуне»…

Одним летом они пару дней стояли в Лондоне, и до Хорька дошел слух, что некий джентльмен ищет матросов, хоть немного умеющих обращаться с растениями. Далее выяснилось, что господин этот — не кто иной, как сэр Джозеф Бэнкс, управляющий Королевских садов Кью.

— Сэр Джозеф Бэнкс? — воскликнула Полетт. — Тот самый, что первым описал флору Австралии?

— Он самый.

В годы службы на «фруктовой шхуне» Хорек не забросил свои научные интересы, но свободное время, которое другие матросы коротали за цигаркой, трепом и ничегонеделаньем, посвящал чтению и самообразованию. Для него не было новостью, что сэр Джозеф естествоиспытателем

участвовал в первой экспедиции капитана Кука, а на посту президента Королевского общества непререкаемо правил подлинной империей научных учреждений.

На первой встрече Хорек, ужасно трепетавший перед светилом, опасался, что дело не заладится. Истинный джентльмен, сэр Джозеф выглядел величественно и убийственно прекрасно — от локонов напудренного парика до башмаков, надраенных до блеска. Представ перед ним, Хорек еще острее ощутил собственную неприглядность: залатанная куртка и обсыпанное волдырями лицо, которое корабельные шутники сравнивали с горшком бурлящей похлебки. И вообще застенчивый, в ответственные моменты он становился так косноязычен, что даже родичи над ним потешались: мол, ни бе ни ме, вылитый деревенщина.

Но Хорек тревожился напрасно. Сэр Джозеф, тотчас определив в нем уроженца Корнуолла, задал пару вопросов о тамошней флоре: о данаа голостебельной и цветке, прозванном «коралловым ожерельем». Хорек сумел дать их верное описание.

Ответ вполне устроил Куратора, он поднялся из кресла и стал расхаживать по комнате, а потом

вдруг остановился и сказал, что для поездки в Китай ищет человека с садоводческим опытом.

— Может быть, вы тот, кто мне нужен?

Хорек поскреб голову и флегматично промямлил:

— Смотря какое жалованье, сэр, и какие ваши цели. Ничего не скажу, покуда не узнаю больше.

— Что ж, слушайте…

Всем известно, сказал сэр Джозеф, что сады Кью обладают внушительной коллекцией растений из самых дальних уголков нашей планеты. Но одна местность представлена весьма слабо, а именно Китай — страна, одаренная несметными ботаническими богатствами, чрезвычайно красивыми и вместе с тем целебными растениями, многие из которых представляют собою неизмеримую коммерческую ценность. Скажем, *Camellia sinensis*, вид чайной камелии, занимает огромную долю в мировой торговле чаем, коя составляет одну десятую часть национального дохода Англии.

Драгоценность сей флоры не пропустили и заклятые соперники британцев по другую сторону Ла-Манша: голландские, а также французские питомники лекарственных трав и гербарии уже давно пытаются раздобыть коллекции ки-

тайских растений, но не особо в том преуспели. Причина неудач как на ладони — необыкновенное упрямство китайцев. В отличие от народов других природой осчастливленных стран, жители Поднебесной прекрасно знали цену своему натуральному богатству. Прославленные на весь мир садовники и цветоводы зорко стерегли свои сокровища, их не соблазняли ни побрякушки, на которые кидались другие нации, ни даже щедрые взятки. Европейцы, годами пытавшиеся заполучить стойкие виды чайных кустов, предлагали вознаграждение, какого хватило бы на покупку всех аравийских верблюдов, но воз и ныне там.

Дополнительную сложность представляло то, что в Китае европейцам не дозволялось колобродить по стране, к чему они привыкли в иных пределах, но допускали их лишь в два города, Кантон и Макао, где они находились под неусыпным надзором властей.

Невзирая на все эти препятствия, главные державы не ослабляли усилий в добывании наиболее ценных растений. В этой гонке Англия даже имела некоторое преимущество перед соперниками, стартовавшими раньше: в Кантоне британское представительство Ост-Индской компании было самым крупным. Воспользовавшись этим, Джо-

зеф Бэнкс убедил кое-кого из научно мыслящих чиновников заняться, по возможности, собиранием коллекций. Их деятельность увенчалась скромными плодами, но тут возникла новая проблема: переправить растения из Китая в Англию оказалось чертовски сложно. Переменчивая погода, протечки морской воды, пересечение разных климатических зон — все это было не самым страшным. Главной напастью стало отношение к своему грузу моряков, наихудших, вероятно, садовников на свете. Они, похоже, воспринимали растения как личных врагов и лишали их полива, стоило замаячить угрозе нехватки пресной воды, а в шторм или при проходе через мели считали их ненужным балластом.

Все прежние подходы доказали свою несостоятельность, и пару лет назад сэр Джозеф решил послать в Кантон надлежаще подготовленного садовника. Выбор его пал на десятника садов Кью, молодого шотландца по имени Уильям Керр. С порученным делом тот справился хорошо, но последнее время что-то засуетился: в письме уведомил о своем намерении будущим летом отправиться на Филиппины и просил подыскать надежного человека, кому он смог бы доверить транспортировку собранной коллекции расте-

ний.

— Ну что скажете, приятель? — задал вопрос сэр Джозеф. — Не угодно ли вам предпринять путешествие с данной целью? Если готовы, я похлопочу о месте на корабле, что на следующей неделе отбывает в Кантон.

Хорек взялся исполнить задачу и, хотя с отъездом возникла задержка, справился с делом настолько хорошо, что заслужил расположение влиятельного Куратора: через год-другой он вновь был послан в Китай, но уже не сторожем коллекции, а сменщиком Уильяма Керра. Именно вторая поездка создала ему репутацию среди ботаников и садоводов — из Макао и Кантона, где он провел два года, Хорек привез много новых растений. Он старательно отбирал виды, которые наверняка приживутся на британской почве, и вскоре его новинки заняли прочное место в английских садах: два сорта глицинии, обольстительная лилия, прелестная азалия, необычная примула, лучезарная камелия и прочие.

— Для многих Кантон стал лесенкой к богатству, и мне повезло оказаться среди этих счастливчиков, — сказал Хорек.

— А какой он, этот город? — спросила Полетт. — Наверное, там повсюду сады?

Хорек рассмеялся, что с ним бывало редко.

— Ничего подобного, это деловой, невиданно многолюдный полис. Огромный, больше Лондона. Море домов и лодок, а растения объявляются в самых неожиданных местах: укутывают крышу сампана, обвивают прогнившую изгородь, свешиваются с укромного балкона. По улицам снуют тележки с цветочными горшками, реку утюжат лодки, торгующие исключительно цветами. В праздники весь город утопает в бутонах, а цветочники продают свой товар по ценам, которые заставили бы английских садовников позеленеть от зависти. Однажды я своими глазами видел, как целую лодку орхидей распродали за час, а ведь каждый цветок стоил сотню серебряных долларов.

— Ужасно не терпится все это увидеть, сэр!

Хорек нахмурился.

— Знаете, не выйдет.

— Что? Почему?

— Европейкам запрещен въезд в Кантон. Таков закон.

— Но как же так, сэр? — в отчаянии воскликнула Полетт. — А коммерсанты, что живут там? Разве жены и дети не с ними?

Хорек покачал головой:

— Дальше Макао иностранкам ходу нету.

Известие, что она не увидит Кантон, жутко расстроило Полетт — как будто с небес низвергся огненный меч, отсекший ее от Эдема и лишивший возможности вписать свое имя в анналы ботанических изысканий. На глазах ее закипали слезы.

— Но где же я буду жить, коль не смогу поехать с вами в Кантон?

— В Макао многие респектабельные английские семьи берут постояльцев. Потерпеть вам недолго, неделю-другую.

Всю дорогу Полетт представляла, как на природе будет собирать растения, и теперь, чувствуя себя обкраденной, расплакалась:

— Но я же пропущу самое интересное!

— Успокойтесь, мисс Полетт, не надо так переживать, — сказал Хорек. — Вдоль побережья рассыпаны острова, где вы сможете заняться сбором. Причин для огорченья нет. Вот, взгляните…

На морской карте он указал на сотни островков в разверстом устье Жемчужной реки. На левой стороне устья расположилось португальское поселение Макао, где чужеземные корабли получали «штемпель», дозволявший проход по реке в Кантон. Возле правой его стороны лежал круп-

ный, продуваемый ветрами, малонаселенный остров Гонконг, жители которого не придавали значения полу чужестранцев, ступавших на их берег. Однажды Хорек его посетил, получив уникальную возможность заняться в Китае сбором диких растений. В тот раз он отыскал чудесные орхидеи и всегда хотел вернуться на остров, дабы тщательно его исследовать.

— О лучшем месте нельзя и мечтать, мисс Полетт. Там ваше желание соприкоснуться с живой природой осуществится в полной мере.

Как обычно при встрече, Задиг крепко обнял друга и расцеловал в обе щеки. И лишь когда друзья расступились, Бахрам заметил разительную перемену в облике старинного приятеля.

— Надо же! — воскликнул он. — Ты прям белый господин! Саиб!

Облаченный в парусиновые брюки, сюртук и сорочку со стоячим воротничком, Задиг поправил галстук и смущенно отмахнулся:

— Смейся, смейся, дружище, — сказал он. — Может, когда и тебе придется этак вырядиться. Тут оно иногда бывает полезно.

В гостиной хозяйской каюты перед открытым иллюминатором стояли два больших деревянных кресла. Усадив друга, Бахрам спросил:

— Надеюсь, ты так оевропеился не ради *пан-масалы*?[17]

— Пока что нет, — усмехнулся Задиг.

— Вот и хорошо. — Бахрам кивнул *кхидмадгару*, вестовому, чтоб подавал угощение.

Задиг оглядел гостиную, в которой бывал много раз.

— Слава богу, здесь ничто не попорчено. А вот нос корабля выглядит ужасно.

— Нам еще повезло, — сказал Бахрам. — Такого шторма я не припомню. Смыло двух ласкаров, погиб мой старый секретарь-парс, его убило прямо в каюте. Да еще трюм затопило.

— Груз пострадал?

— Мы потеряли триста ящиков.

— С опием?

— Да.

— Ничего себе! — Задиг вскинул бровь. — По ценам прошлого года это стоимость двух новых кораблей!

Вестовой поставил серебряную шкатулку на чайный столик. Откинув крышку, Бахрам взял свежий зеленый лист бетеля и тщательно обмазал его лаймом.

---

[17] Примечания: 17

Пан-масала — смесь трав, орехов и специй, которая в Индии подается после еды.

— Шторма сильнее я не припомню, — повторил он. — Затопило трюм, и я пошел глянуть, что можно сделать. Там было скользко, я упал, и вот тогда-то произошло нечто весьма странное.

— Рассказывай, Бахрам-бхай, я весь внимание.

Серебряным секачом Бахрам разрубил орех катеху.

— Казалось, сейчас я захлебнусь. Ты слышал о том, что проносится перед внутренним взором утопающего?

— Да.

— Мне привиделась Чимей. Это еще одна причина, почему я так рад нашей встрече, Задиг-бей. Расскажи все, что ты узнал о Чимей и Фредди, когда последний раз наведался в Кантон.

Сложив лист бетеля треугольником, Бахрам подал его другу, и тот засунул угощение за щеку.

— К сожалению, я мало что знаю, Бахрам-бхай. На причале лодки Чимей не оказалось. Я разыскал твоего давнего компрадора Чунква, и он поведал мне, что случилось.

Бахрам снова взял секач.

— Ну поделись.

Задиг помялся.

— История скверная, потому-то я и не хотел о ней писать. Решил, расскажу при встрече.

— Говори! — подстегнул его Бахрам. — Что там произошло?

— Похоже на грабеж. В лодку забрались воры, Чимей попыталась их прогнать. Вот так оно все и случилось.

Бахрам замер, секач выпал из его руки.

— Ты хочешь сказать, ее убили?

— Да, дружище. Горько, что сообщать об этом приходится мне.

— А Фредди?

— О нем Чунква ничего не знал. Он исчез незадолго до гибели Чимей, и с тех пор никаких вестей.

— Думаешь, и с ним случилась беда?

— Ничего не известно. Не спеши с выводами. Может, он просто куда-нибудь уехал. Говорят, его сводная сестра вышла замуж и перебралась в Малакку. Возможно, он у нее.

Бахрам вспомнил свою последнюю встречу с Чимей три года назад: они свиделись на ее недавно купленной новой лодке, большой и красивой, с кормой в виде вскинутого рыбьего хвоста. Он пришел попрощаться перед отъездом в Бомбей. Их отношения, добрые и приязненные, уже давно напоминали многолетнее супружество, и он частенько ужинал в ее лодке. Специально для него

Чимей ничего не готовила, поскольку стряпня ее ограничивалась простыми кантонскими блюдами, но она знала его любовь ко всему острому, да с пахучими специями. А посему в соседних лодках-кухнях покупала перченую лапшу дан-дан, курицу «Пожар во рту» и сычуаньские «Супружеские дольки». Накрыв стол, она усаживалась напротив и веером отгоняла мух. За эти годы Чимей слегка раздалась, лицо ее чуть оплыло, и она по-прежнему ходила в мешковатой одежде неброского цвета. Бахраму было досадно, что она так мало заботится о собственной внешности. «Почему ты не носишь украшения, что я тебе подарил?» — спросил он. Чимей достала нефритовую брошь в золотой оправе и, приколов ее на грудь, широко улыбнулась: «Так мистер Барри шибко довольный?»

Может, грабители явились за украшениями? Перед глазами возникла картина: Чимей отбивается от ножей, грудь ее в крови, на блузе вместо броши зияет дыра…

Бахрам закрыл руками лицо:

— Не могу поверить, не могу.

Задиг подошел к нему и обнял за плечи.

— Тебе тяжело, я понимаю.

— Не могу поверить, Задиг-бей.

— Помнишь, дружище, когда-то давно мы с тобой говорили о любви? — мягко спросил Задиг. — Ты сказал, у вас с Чимей не любовь, а что-то другое, не имеющее названия.

Бахрам отер глаза и прокашлялся.

— Да, очень хорошо помню.

Задиг стиснул его плечо.

— Может, ты ошибался, а?

Бахрам сглотнул ком в горле и лишь тогда смог произнести:

— Знаешь, я устроен иначе, я об этом не думаю. Возможно, ты прав и мои чувства к Чимей точнее всего передадут эти твои слова: любовь, *пьяр, ишк*. Но разве теперь это важно? Ее больше нет, понимаешь? А я должен жить дальше и продать свой груз.

— Верно. Надо смотреть вперед.

— Вот именно. Скажи, ты согласишься ехать в Кантон со мной? Я выделю тебе прекрасную каюту.

— Конечно, Бахрам-бхай! Чудесно вновь путешествовать вместе.

— Отлично! Когда переберешься на «Анахиту»?

— Дай мне еще пару дней, и я прибуду с багажом.

Задиг ушел, но оставаться одному в каюте было

невмоготу, и впервые после шторма Бахрам решился выйти на палубу.

Он побаивался самолично увидеть поломку, какую претерпела «Анахита», но представшее его глазам зрелище просто ошарашило. Стаксель уже восстановили, однако на месте позолоченной фигуры богини чернела пустота.

— Я не могу на это смотреть, Вико, — сказал Бахрам. — Нет уж, пойду к себе.

Утраченной ростры было, конечно, жаль, но его больше страшил отклик на происшествие семейства Мистри и, в первую очередь, Ширинбай, исступленно верившей во всякие знаки и предзнаменования. Она никогда не скрывала своей убежденности в том, что именно равнодушие мужа к приметам и прорицаниям, часто вызывавшее раздоры между супругами, служит причиной главного огорчения в их не особо счастливом браке — то бишь отсутствия сына.

Ширинбай, взросшая в семье властных и своенравных мужчин, не уступала Бахраму в нежной любви к дочерям, но уже давно мечтала о мальчике. Ради этого она прибегала к всевозможным средствам: окуналась в чудотворные колодцы, прикасалась к волшебным камням, несчетно завязывала нити на деревьях, получала благосло-

вения от легиона мудрецов, факиров, провидцев и святых. Нулевой результат подобных визитов лишь укреплял ее веру в могущество божественных посредников. Не раз Ширинбай упрашивала мужа присоединиться к ней в ее усилиях к исцелению: ну почему? *панте кайн?* почему ты не хочешь поддержать меня?

Однажды, давно, Бахрам сдался ее уговорам и вместе с ней отправился к некоему гуру: жена вбила себе в голову, что именно он поможет ей забеременеть ребенком мужского пола, и настояла на совместной поездке. После долгих отнекиваний Бахрам уступил, вняв доводу, что детородный возраст жены скоро закончится, и вместе с ней поехал к кудеснику, надеясь этим купить хоть немного покоя в семье. Специалист по плодоносности оказался косматым, обсыпанным пеплом отшельником-садху, обитавшим в джунглях в двух часах езды от Бомбея. Он задал Бахраму кучу вопросов и долго щупал его пульс, а затем после длительного раздумья и бормотанья объявил, что ему открылась суть проблемы: дело не в женщине, но в ее муже. Флюиды мужской силы Бахрама истощились, и виной тому семейные обстоятельства, что вовсе немудрено для *гхар-джамая* — примака, живущего под крышей

жены и зависящего от ее родичей. Восстановить его мощь для рождения мальчика — задача непростая, но исполнимая, если принимать особые настойки, делать кое-какие притирания и, разумеется, пожертвовать изрядную сумму на обустройство скита отшельника.

Во все время этого представления Бахрам проявлял незаурядную выдержку, но в конце концов не стерпел:

— Вы сами-то себя понимаете?

В глазах старца, затуманенных катарактой, промелькнула хитреца, и он, мило улыбнувшись, спросил:

— Никак у тебя есть основания полагать, что твое семя способно породить наследника?

Бахрам тотчас распознал умело приготовленную западню. Выставив старика шарлатаном, он возбудит подозрения Ширинбай, а раскошелиться все равно придется, но это будет несоизмеримо с платой за признание, что у него уже имеется незаконнорожденный сын. Недавно один знакомый купец в подобном покаялся и, взбудоражив общину парсов, мгновенно был изгнан из *панчаята*[18]. Он стал отщепенцем, парией, которому

[18] Примечания: 18

Панчаят — совет старейшин, а также орган общинного самоуправления, вершащий суд.

никто не сдаст даже угол, и совершенно обнищал, ибо рухнули все его деловые связи. Бахрам не пожалел бы никаких денег, чтобы избежать такого исхода.

Он уже приготовился сказать «нет», но слово это застряло в горле. Одно дело о своей тайне умалчивать, а вот вслух отречься от сына и своего участия в его появлении на свет оказалось до невозможности трудно. Для Бахрама отцовство и семья были своего рода религией, и слово «нет» стало бы равносильно отказу от собственной веры и уничтожению священных кровных уз, связывающих его с сыном и дочерьми.

А старец, видимо, почуял его замешательство:

— Ты не ответил на мой вопрос…

Под буравящим взглядом жены Бахрам сглотнул и с трудом выговорил:

— Вы правы, дело в моем семени. Я готов пройти полный курс необходимого лечения.

Несколько месяцев он пил настои, втирал мази, оплачивал нужды старца и в строго предписанное время совокуплялся с женой в строго предписанной позе. Безуспешность «лечения» дала двоякий эффект: Ширинбай больше не заговаривала о сыне, но окончательно утвердилась в своем злосчастном будущем, а вера ее в знаки и

предзнаменования стала еще исступленнее.

Женины дурные предчувствия особенно усиливались перед отъездами Бахрама в Китай: задолго до отплытия она ежедневно посещала Храм огня и часами беседовала с *дастурами*[19]; день и час отбытия определяли ее астрологи, и, поскольку муж не желал внимать предсказателям, Ширинбай сама учитывала все гадания и предвестья. Если в ночь накануне отъезда кричала сова, поездка откладывалась, и уж только потом Бахрам проходил через тщательно выстроенный лабиринт благоприятных знаков: на лестнице ему вдруг встречалась служанка с горшком воды на голове; во дворе как бы невзначай оказывались представители касты садовников с охапками нужных цветов и плодов, а возле повозки, в которую он садился, неожиданно появлялся рыбак с уловом. Ширинбай даже намечала маршрут к причалу, планируя его так, чтобы по дороге, не дай бог, не встретились мужчины-прачки из касты *дхоби* с узлами грязного белья.

Обычно все эти суеверия и ритуалы, даже в самом рьяном их проявлении, лишь отвлекали от дела, но не служили серьезным препятствием

---

[19] Примечания: 19

Дастур — зороастрийский священнослужитель высокого ранга.

поездкам. Однако нынче Ширинбай превзошла себя в стремлении удержать мужа дома.

— Не уезжай, — умоляла она. — *Таме на джао*, в этом году не езди. Все говорят, быть беде.

— Что конкретно говорят? — спросил Бахрам.

— Разговорам нет конца, особенно об этом английском адмирале и военных кораблях.

— Ты имеешь в виду адмирала Мейтланда?

— Да, его самого. Говорят, будет война с Китаем.

Так вышло, что Бахрам был хорошо осведомлен о миссии адмирала Мейтланда: в числе немногих бомбейских купцов его пригласили на прием, организованный на флагманском корабле «Алджерин», и он знал, что флотилия под командованием адмирала послана в Китай лишь для демонстрации силы.

— Послушай, Ширинбай, не тревожься понапрасну. Это моя забота — быть в курсе событий.

— Я только передаю слова моих братьев, — возразила Ширинбай. — Они говорят, Китай прекратит ввоз опия, что может привести к войне. Братья считают, тебе не надо ехать, риск слишком велик.

— Да что они понимают? — ощетинился Бахрам. — Пусть занимаются своим делом и не

суются в чужое. Поторгуй они с мое, знали бы, что слухи о войне с Китаем возникали не раз и всё попусту. Как и сейчас. Будь жив твой отец, он бы меня поддержал, но, как говорится, старые умники вымерли, молодые не нарождаются, и все пошло прахом…

Потерпев неудачу в атаке сходу, Ширинбай отошла на запасные позиции и привела иные поводы для беспокойства: астрологи заявили, что парад планет сулит опасность всем путешествующим; прорицатель узрел знамения войны и смуты; надежный гуру уведомил о бунте команды в походе. Уверовав в неизбежную гибель мужа, Ширинбай призвала своих замужних дочерей, уже осчастливленных детишками, дабы они помогли отговорить их отца от безумной затеи. Бахрам пошел на уступки и дважды отложил отъезд, давая возможность возникнуть благоприятным знакам. За две недели ожидания они так и не проявились, и тогда он, боясь опоздать к началу торгового сезона в Кантоне, установил окончательную дату отъезда.

В тот день все пошло хуже некуда: на рассвете громко заухала сова, предвещая беду, а тюрбан Бахрама ночью свалился на пол, где и был обнаружен утром. Но что всего страшнее, Ширинбай,

одеваясь к проводам мужа, разбила свой красный свадебный браслет. Она безутешно разрыдалась и вновь стала умолять:

— Не езди! Ты же знаешь, что сулит разбитый браслет жены! Не думаешь обо мне, так подумай о семье! Что будет с дочерьми и внуками? *Джара бхи парвах натхи?* Тебе на все наплевать?..

В голосе ее прозвучало нечто, не позволившее Бахраму ответить в его обычной снисходительной манере: в нем слышались неподдельная мольба и беспросветное отчаяние. Казалось, наконец-то Ширинбай воспринимает мужа не просто как суррогат надлежащего супруга, но после сорока лет вялого и педантичного исполнения супружеских обязанностей в ней внезапно пробудились иные чувства.

И надо же было этому произойти именно сегодня! После стольких лет глубоко несправедливой жизни, в которой Бахрам сносил разочарованность и покорное безразличие супруги, ныне вдруг во всей наготе открылась ранимая душа близкого человека. Случись это хотя бы днем раньше, он бы, наверное, поведал о Чимей и Фредди, но теперь корабль, готовый сняться с якоря, делал этот разговор невозможным. Бахрам подсел к жене, которая, сжав в кулаке разбитый браслет,

скорчилась на краю кровати, и обнял ее за худые плечи, обтянутые однотонным сари китайского тисненого шелка, как будто испускавшим туманное свечение. Кроме браслетов, Ширинбай не носила других украшений, и единственным цветным пятном в ее наряде были китайские алые туфельки, когда-то давно привезенные ей в подарок из Кантона.

Бахрам осторожно разжал ее пальцы и забрал разбитый браслет.

— Послушай, Ширинбай, отпусти меня в последний раз, и по возвращении я все тебе расскажу. Ты поймешь, почему это было так необходимо.

— Когда ты вернешься? А вдруг… — Она смолкла, не в силах закончить фразу.

— Моя мать всегда говорила: молитвы жены не бывают напрасны. Уверься, что и твои зря не пропадут.

Каким я стану?

Вопрос этот мучил не только А-Фатта и Нила, но всякого посетителя толкучего рынка в квартале Чулия-Кампунг, где проживали сингапурские матросы, кули и мелочные торговцы. В этом квартале, одном из беднейших в новоиспеченном городе, на пятачке, зажатом между густыми джунглями и топкими болотами, скопище бам-

буковых лачуг и халуп из подручных материалов выросло как грибы после дождя.

Рынок устраивали на лугу возле притока реки Сингапур. Дорога к нему тонула в грязи, и посему большинство покупателей и торговцев добирались сюда по воде. Обитатели малайских и китайских кварталов прибывали в проа и нанятых джонках, а матросы и ласкары с кораблей — в ярко раскрашенных баржах, груженных тем, что они надеялись продать или обменять: связанные в «личное время» свитера, грубо стачанные шершавые робы, дождевики и бушлаты, позаимствованные из рундуков утонувших товарищей.

Нил и А-Фатт были среди тех, кто, изрядно намучившись на почти безлюдной дороге, притопал пешком, и вид внезапно открывшегося шумного сборища на берегу притока в кайме мангровых деревьев их ошеломил. Здешняя атмосфера напоминала ту, что царит на обычных рынках и ярмарках: и тут сновали разносчики, лоточники, торговцы сластями и мясным и охотники за женским полом, но ряды с одеждой были главной изюминой, ради которой все сюда и приезжали.

Матросы и ласкары называли толкучку «варди-маркет» — видимо, потому, что некогда здесь торговали *варди*, военной формой. Сей товар

был в ходу и поныне: на свете вряд ли сыскалось бы другое такое место, где можно обменять гренадерский кивер на малахай монгола, а каску пехотинца на шаровары зуава. Однако рынок не ограничивался воинским ассортиментом и за двадцать лет своего существования стал широко известен не только в Сингапуре, но и далеко за его пределами. На *Пакайан Пасар*, Барахолке, как называли рынок на окрестных островах и мысах, можно было купить и продать все что угодно: от папуасского чехла на пенис до *сулу*[20], от бенгальского сари до филиппинских штанов. Возможно, зажиточные гости острова предпочитали делать покупки в европейских и китайских магазинах на Торговой площади, но для людей, ограниченных в средствах, обладателей тощих кошельков или вовсе неимущих, приготовивших для обмена рыбу или дичь, рынок, не отмеченный на городском плане и не значившийся в уличном реестре, был желанным местом. Ибо где еще женщина сможет обменять кхмерский *сампот*[21] на била-

[20] Примечания: 20

Сулу — мужская и женская юбка сродни килту, традиционная одежда на Фиджи.

[21] Примечания: 21

Сампот — мужская и женская юбка, традиционная одежда Камбоджи.

анскую[22] кофту? Где еще рыбак махнет саронг на куртку или соломенную островерхую шляпу на балийский *уденг*[23]? Куда еще можно прийти лишь в набедренной повязке, но уйти в корсете из китового уса и шелковых туфлях?

Часть гардероба поставляли поиздержавшиеся паломники, миссионеры, солдаты и транзитные путешественники. Однако много товару прибывало из дальних уголков и представляло собою добычу грабителей и пиратов, ибо они, бороздившие воды Индийского океана, прекрасно знали, что Барахолка — лучшее место для сбыта краденого. Здесь, как нигде, покупателю стоило внимательно рассматривать товар, поскольку многие вещи были отмечены пятнами крови, пулевыми дырками, ножевыми порезами и прочими неприглядными дефектами. Особого внимания требовали роскошные наряды — расшитые золотой нитью халаты и балахоны, ибо многие из них были взяты из склепов и захоронений и при ближайшем рассмотрении оказывались изъеденными могильными червями. Однако риск здешних сделок окупался с лихвой: где еще

---

[22] Примечания: 22
Билаан (горные люди) — народность на Филиппинах.

[23] Примечания: 23
Уденг — мужской головной убор сродни чалме.

за треуголку и нагрудную бляху дезертир мог получить костюм-тройку английского сукна? Ясно, что подобное не могло продолжаться вечно, но пока что Барахолка существовала, и все ее считали благом, ниспосланным с небес.

О толкучем рынке Нил узнал от лодочника-индуса, проживавшего в Чулия-Кампунге. Информация была очень кстати, поскольку друзья ходили в том, что удалось раздобыть по дороге — штаны, жилетки и заношенные саронги. Эта потрепанная одежда привлекала бы к ним ненужное внимание, но предложения городских магазинов были им не по средствам.

Барахолка стала идеальным решением проблемы. Первым делом друзья купили холщовые мешки, которые постепенно заполняли, проходя по рядам и торгуясь на смеси языков. Нил приобрел европейский сюртук, широкие и узкие брюки, отрез муслина и вязки для тюрбана, несколько легких хлопчатобумажных курт. Покупки А-Фатта были столь же эклектичны: пальто, сорочки и бриджи, черная и белая блузы, пара китайских халатов.

Они направились к обувному ряду, и тут вдруг прогремел голос, перекрывший рыночный гомон:

— Мать твою за ногу!.. Фредди!

А-Фатт сильно побледнел, но не оглянулся и подтолкнул Нила — мол, не останавливаемся. Через пару шагов он прошептал:

— Смотри-гляди, кто это. Какой вид.

Глянув через плечо, Нил увидел поспешавшего за ними пузатого человека в шляпе и безупречной европейской одежде; на очень смуглом лице его сверкали белки глаз навыкате, в руках он держал свертки купленной одежды.

— Ну что?

Ответить Нил не успел, ибо вновь прогремел тот же голос:

— Фредди, стой, черт тебя побери! Это же я, Вико!

Краем рта А-Фатт прошептал:

— Ступай вперед. Говорить после.

Нил кивнул и, не сбавляя шага, отошел подальше, а затем из-под укрытия стоек с одеждой стал наблюдать за незнакомцем и А-Фаттом.

Даже издали было понятно, что первый о чем-то упрашивает, а второй отказывает наотрез. Но потом А-Фатт вроде как уступил, и толстяк, облегченно вздохнув, его обнял и побежал к причалу, где стояла изящная корабельная шлюпка.

— Кто это был? — спросил Нил, дождавшись

друга.

— Вико, отцовский управляющий. Я о нем рассказывать, помнишь?

— Чего он хотел?

— Говорить, отец болеть. Сильно желать меня видеть. Очень звать.

— Ты согласился?

— Да. Я идти на корабль. Вечером. За мной прислать лодка, — в своей отрывистой манере проговорил А-Фатт.

Сам не зная почему, Нил встревожился.

— Надо бы это обсудить, — сказал он. — Как ты объяснишь отцу, где ты был все это время?

— Никак. Скажу, поступить на корабль и уплыть из Китай. Три года в море.

— А если он проведает, что ты был в Индии? Узнает о тюремном сроке и прочем?

— Невозможно. Никак. После Кантона я все время менять имя. В тюрьме меня держать, настоящее имя не знать. Не доказать.

— А что потом? Вдруг он захочет, чтобы ты остался с ним?

А-Фатт покачал головой.

— Нет. Не захочет. Очень бояться, что старшая жена узнает. Про меня.

Порой он выказывал почти сверхъестествен-

ную проницательность. Вот и сейчас А-Фатт обнял друга за плечи и спросил:

— А ты бояться я оставлю тебя одного, да? Не тревожься. Ты мой друг, верно? Я не бросать тебя на чужбине.

Вечером, когда А-Фатт уехал на «Анахиту», Нил дожидался его на лодке-кухне. Прошло довольно много времени, он уже сомневался, что друг нынче вернется, а потом досадливо подумал: с какой стати я решил, что мое будущее зависит от встречи А-Фатта с отцом? Если пути наши разойдутся, что ж, я и один как-нибудь проживу. Нил перебрался в «домик» на корме, где провел предыдущие ночи, и почти мгновенно уснул.

Ночью встав по нужде, он увидел яркую луну, зависшую над рекой. Справив дело, Нил уже хотел вернуться ко сну, но вдруг на носу лодки различил два силуэта.

Сна как не бывало. Вглядевшись, в этих фигурах, привалившихся к борту, Нил узнал своего друга и хозяйку лодки.

— А-Фатт?

Ответом ему было приглушенное мычание. Подавшись вперед, Нил разглядел, что друг его в руке баюкает трубку.

— Чем ты занят?

— Курю.

— Опий?

А-Фатт медленно запрокинул голову; на освещенном луною лице его, бледном, но отнюдь не сонном, застыло незнакомое выражение покоя и мечтательности.

— Да, опий, — тихо сказал он. — Вико угостить.

— Осторожнее, ты знаешь, как он на тебя действует.

А-Фатт пожал плечами:

— Ты меня застукать. Но сегодня есть причина.

— Какая?

— Отец кое-что рассказать.

— Что?

После долгой паузы А-Фатт ответил:

— Мама умереть.

Нил ахнул, а на лице А-Фатта не дрогнул ни один мускул, голос его был бесстрастен.

— Как это случилось?

— Отец говорить, наверное, грабители. — А-Фатт опять пожал плечами и промолвил, как будто подводя черту: — Нет толку говорить.

— Погоди, нельзя так оборвать разговор. Что еще сказал отец?

Голос А-Фатта стал глуше, он как будто доносился из глубокого колодца:

— Отец очень обрадоваться. Все время плакать. Говорить, сильно беспокоиться обо мне.

— А ты был рад его увидеть?

И снова А-Фатт пожал плечами, но промолчал.

— А еще что? Он сказал, что тебе делать дальше?

— Отец думать, мне лучше ехать к сестре в Малакку. После Кантона он давать мне деньги начать свое дело. Надо ждать три-четыре месяц.

А-Фатт как будто уплывал куда-то, и Нил понял, что больше ничего не добьется.

— Ладно, давай-ка спать, — сказал он. — Утром поговорим.

Нил шагнул на корму, но А-Фатт его окликнул:

— Постой! Для тебя тоже есть новость.

— Какая?

— Хочешь работать у отца?

Отсутствующий взгляд и застывшее лицо подали мысль, что друг просто заговаривается.

— О чем ты?

— Отцу надо секретарь — писать-читать бумаги. Старый секретарь умереть. Я сказать, я знаю, кто годится на такую службу. В тюрьме ты писал письма, да? Ты владеешь английский, хиндустани и прочее, верно?

— Да, но…

Нил схватился за голову и подсел к другу. Бахрама Моди он знал только со слов А-Фатта, и рассказы эти давали немалый повод для опасений. Порой он вспоминал собственного отца, старого заминдара Расхали, с которым тоже виделся нечасто, ибо и тот больше времени проводил с любовницами, нежели в семье. Всякая редкая встреча с отцом требовала усиленной подготовки к ней и порождала большое волнение, но, представ перед родителем, Нил терял дар речи, охваченный странной смесью страха, злости и ослиного упрямства. При мысли о встрече с Бахрамом все это накатило вновь.

Но как хорошо было бы получить работу и прекратить существование беглеца.

— Отец хотеть встретиться завтра, — сказал А-Фатт.

— Завтра? Так скоро?

— Да.

— Что ты рассказал обо мне?

— Мы случайно встретиться здесь, в Сингапур. Я знаю только, что раньше ты работать секретарь. Отец звать тебя завтра. Говорить о работе.

— Но, понимаешь… — Нил не мог подобрать слов, однако А-Фатт, похоже, угадал, что его тревожит.

— Он тебе понравится. Отец всем нравится. Некоторые говорят, он великий человек. Много видеть, многих знать, много изведать. Он не как я, поверь. А я не как он. — А-Фатт усмехнулся. — Лишь порой я — как отец.

— Когда?

А-Фатт приподнял трубку:

— Видишь? Когда курю, я становлюсь как отец. Великий человек, которого все любят.



5



Лишь за неделю до прихода в Китай Полетт узнала, что помимо драгоценной коллекции растений «Редрут» везет еще и «живописный сад» — собрание ботанических иллюстраций.

Причина запоздалости этого открытия состояла в том, что картинки не предназначались для обозрения: аккуратно уложенные в папки с тесемками, они были убраны в темную кладовку, где Хорек хранил гербарные прессы, банки с семенами и всякий инвентарь. Иллюстрации оказались там не случайно: для Хорька, далекого от искусства, художественная ценность рисунков ничего не значила, он воспринимал их как своего рода инструмент — подсказку в поиске новых, неизвестных видов растений.

Это весьма оригинально, однако странно, думала Полетт. Не разумнее ли искать новые особи в самой Природе, нежели в изящной сфере человеческих творений? Но Хорек утверждал, что это старый испытанный метод, вовсе не им придуманный. С давних пор его применяли первые исследователи китайской флоры, среди которых был английский ботаник Джеймс Канингем, еще в прошлом веке дважды посетивший Китай.

В те времена иностранцам было чуть проще попасть в Поднебесную, и Канингему посчастливилось провести несколько месяцев в портовом городе Амой. Там-то он и обнаружил, что китайские художники чрезвычайно умелы в реалистическом изображении цветов, деревьев и прочих растений. Это стало большой удачей, ибо в те дни перевезти живые особи из Китая в Европу было делом безнадежным, и потому натуралисты ограничивались сбором семян и «засушенных садов». И вот Канингем добавил к ним новый вид коллекции, привезя в Англию свыше тысячи рисунков. Иллюстрации вызвали неописуемый восторг с изрядной долей скептицизма: европейцам, чей глаз привык к домашней флоре, было трудно, почти невозможно поверить в реальное существование столь невиданной красоты. Кое-кто утверждал,

что нарисованные цветы являют собой ботанический аналог птицы-феникса, единорога и прочих мифических существ. Разумеется, они были неправы; в свое время весь мир поймет, что коллекция эта представляла достопримечательные растения, избравшие своей родиной Китай, а позже проникшие в другие страны: гортензии, хризантемы, цветущие сливы, древовидные пионы, первые ремонтантные розы, гребешковые ирисы, примулы, лилии, хосты, глицинии, астры, азалии и бесчисленные виды гардений.

— Но главная заслуга Канингема в том, что он открыл камелию, — сказал Хорек. — Не постигаю, отчего Линней решил назвать ее в честь Георга Йозефа Камела, малоизвестного германского лекаря. Вся стать ей называться *Cuninghamia* в честь Канингема, для кого она был страстной целью поиска и кто первым представил Британии листья ее чайного вида.

Камелия вызывала его особый интерес не только своими цветами и пищевой ценностью — он считал, что она, возможно, представляет собою ботаническую особь, наиболее значимую из всех известных человечеству. И это вовсе не надуманная фантазия, ибо семейство камелии одарило мир чайным кустом *Camellia sinensis*, к

тому времени уже ставшим источником весьма прибыльной торговли. Интерес Канингема к иным видам камелии разожгла китайская легенда о человеке, который очутился в долине, не имевшей выхода, и прожил там сто лет, питаясь исключительно одним растением. Настой его насыщенно золотистого цвета, гласила легенда, возвращал первозданный цвет седым волосам и былую гибкость старческим суставам, а также излечивал легочные хвори. Назвав это растение «золотистой камелией», Канингем пребывал в убеждении, что, найденное и размноженное, своей ценностью оно превзойдет чайный куст.

— И что, сэр, он его нашел?

— Возможно, только сие никому не ведомо… Возвращаясь из второго путешествия в Китай, Канингем бесследно исчез возле южных берегов Индии. Коллекция растений, которую вез ботаник, тоже сгинула, и пронесся слух, что она-то и стала причиной его безвременной смерти. Слухи еще больше окрепли, когда в целости и сохранности дошла бандероль с его бумагами, которую он отправил в Англию, перед тем как пуститься в свой последний путь. Там была картинка с изображением неизвестного цветка.

— Золотистой камелии?

— Судите сами, — коротко ответил Хорек и достал из папки двойной бумажный лист размером с почтовую открытку.

На одной пожелтевшей странице был изящный рисунок кистью, занимавший пространство не больше шести квадратных дюймов: на заднем плане размытый контур горы в туманной дымке, на переднем — кривой кипарис, под которым сидит старик с чашей в руках. Рядом с ним ветка с яркими цветками. Масштаб рисунка не позволял разглядеть форму лепестков, но цвет бутонов — пурпурный, плавно переходящий в золотистый — впечатлял необычайно.

На противоположной странице два вертикальных ряда китайских иероглифов.

— Известно, что здесь написано, сэр? — спросила Полетт.

Хорек кивнул и перевернул лист обратной стороной, где была выцветшая, но каллиграфически исполненная надпись по-английски:

Лепестки на зеленоватых стеблях сияют, как чистейшее золото.

В центре бутона сверкает пурпурный глазок.

Избавляет от ломоты в костях, улуч-

шает память и проясняет ум.

Изгоняет смерть, поселившуюся в легких.

Ниже стояла подпись:

Линъюнь, князь провинции Кан-ло.

— Этот князь вовсе не мифический персонаж, он реальная личность, — сказал Хорек. — Жил в пятом веке нашей эры и считался одним из самых видных китайских натуралистов. Надпись его говорит о том, что растение это способно не только повернуть вспять процессы старения, но и послужить в борьбе со страшным бичом человечества — чахоткой.

Через много лет после смерти Канингема его бумаги попали в руки сэра Джозефа. Он тоже пришел к выводу, что «золотистая камелия» — это, видимо, величайшее ботаническое открытие, этакий Грааль натуралистов. Потому-то и решил за государственный счет направить в Кантон обученного садовода Уильяма Керра.

— Но тот не нашел эту камелию?

— Нет, однако отыскал свидетельство ее существования. Последняя коллекция растений, им отправленная, была чрезвычайно внушительной, и дабы груз благополучно прибыл в Лондон,

Керр нанял сопровождающего — молодого китайского садовника. Этот А-Фей, совсем еще паренек, отличавшийся сообразительностью и отменной сноровкой, сумел доставить коллекцию почти в полной сохранности. Вместе с ней он передал сэру Джозефу небольшой «живописный сад» — пару дюжин ботанических иллюстраций, выполненных кантонскими художниками. И среди них оказалось изображение неизвестного цветка, чрезвычайно похожего на тот, что был на рисунке, найденном в бумагах Канингема. — Раскрыв другую папку, Хорек подал картинку Полетт. — Вот, взгляните.

Рисунок был выполнен не на бумаге, а на чем-то ином, очень плотном и чрезвычайно гладком. Хорек пояснил, что эта основа изготовлена из сердцевины тростника, любимого материала китайских художников. На картинке размером с лист писчей бумаги царило буйство цвета. Яркое впечатление усиливала техника многослойного мазка, делавшая изображение бутона, лепестки которого располагались концентрическими кругами, почти рельефным. Завиток тычинок в центре чашечки как будто испускал пурпурное сияние, заливавшее основания лепестков, но постепенно менявшее оттенок и превращавшееся в

пиршество золотого цвета на вершине венчика.

Полетт никогда не видела столь необычную цветовую вариацию в одном бутоне.

— Невероятно красиво, — сказала она. — Даже трудно поверить, что такой цветок и вправду существует.

— Сомнение ваше вполне естественно. Но приглядитесь, и вы поймете, что моделью служила реальная особь. И что тогда скажете?

Полетт вновь взглянула на рисунок и поняла, что он, как и традиционные ботанические иллюстрации, полон красноречивых деталей. Теперь она присмотрелась к двум листикам на черешках: художник тщательно передал эллиптическую форму с каплевидным окончанием и даже прожилки, просвечивавшие сквозь глянцевую поверхность. А рядом набухла почка, из плотной чешуйчатой оболочки которой был готов выглянуть третий листик.

— Этот рисунок вам показал сэр Джозеф?

— Именно он.

Вскоре после получения последней коллекции сэр Джозеф Бэнкс вновь призвал Хорька, и тот, представ перед Куратором, узнал, что в сопроводительном письме Уильям Керр просит освободить его от должности. В Кантоне он про-

вел несколько лет и жаждал уехать. Поскольку помощник собрал больше двух сотен новых растений, сэр Джозеф решил уважить его просьбу и отправить Керра на Цейлон. «Однако в Кантоне еще много полезной работы, — сказал Куратор. — Я получил сведения о цветке, перед которым меркнут все наши прежние находки. И сие — одна из причин, почему я намерен отправить в Китай человека, который будет представлять не Королевские сады, но группу частных инвесторов». И вот тогда он показал Хорьку недавно полученный рисунок «золотистой камелии». «Надеюсь, вы понимаете, Пенроуз, что все это строго конфиденциально. — Конечно, сэр. — И что скажете? Вы парень не промах. Как насчет того, чтоб прославиться? Да еще хорошо заработать?»

Хорек моментально смекнул, что теперь жизнь его так или иначе изменится. С первой поездки в Китай минуло три года. По возвращении он получил работу в Королевских садах, где дорос до чина десятника. Окрепнув материально, он женился на девушке из Фалмута, в которую давно был влюблен. Сейчас она ждала ребенка. Хорьку претило оставлять ее одну в таком положении, но именно жена убедила его принять предложение Куратора. Те два-три года, что тебя не будет, ска-

зала она, я поживу у родителей. В Фалмуте полно жен моряков, которым приходится ждать своих мужей, а такую возможность упускать нельзя.

Вот так вышло, что Хорек во второй раз отправился в Кантон. Через два года он вернулся с коллекцией растений, составившей ему имя и заложившей основу его капитала, но в ней не было «золотистой камелии».

— Вы не нашли никаких следов этого цветка, сэр?

— Нет.

Сэр Джозеф побоялся доверить ему подлинники рисунков, и Хорек поехал с далеко не совершенными копиями, которые за время долгого путешествия вконец истрепались.

— Но теперь у меня есть оригиналы, а это совсем иное дело. — Хорек убрал рисунки в папки. — Я знаю, с чего начать.

Едва ступив на борт «Анахиты», Нил понял, что назвать ее «плавучим дворцом» отнюдь не преувеличение. Всего ста двадцати футов в длину, шхуна уступала размером впечатляющим европейским и американским парусникам, стоявшим на внешнем рейде Сингапура. Но те большие корабли, пусть надежные и ухоженные, были рабочими лошадками, тогда как «Анахита»

выглядела скорее прогулочной яхтой, этаким капризом богача. Под солнцем сияла ее начищенная медь, сверкала отдраенная палуба. Кроме сгинувшей ростры, от повреждений, полученных в шторме, не осталось и следа. Все, до последнего каната и перлиня, было на своих местах, восстановленный бушприт гордо похвалялся новеньким такелажем.

Оглядывая палубу, Нил засмотрелся на фальшборты, которые с внешней стороны выглядели вполне обычно, а с внутренней были украшены резными панелями по художественным мотивам древней Персии и Месопотамии: крылатые львы, желобчатые колонны, шагающие копьеносцы. Хотелось изучить их во всех подробностях, но Вико подтолкнул его к полуюту:

— Поторапливайтесь, мунши-джи. Патрон ждет.

Полуют, где были гостиные, каюты и кают-компания, производил впечатление самой роскошной части корабля. Благодаря орнаментальным люкам в потолке, сквозь которые лился мягкий естественный свет, центральный коридор казался просторным и полным воздуха, тогда как на других кораблях он выглядел сумрачным и тесным. На стенах, обшитых панелями крас-

ного дерева, висели обрамленные гравюры руин Персеполя и Экбатаны. Нил охотно задержался бы возле них, но Вико, не сбавляя шага, прошел к хозяйской каюте и постучал в дверь.

— Патрон, здесь мунши, присланный Фредди.

— Пусть войдет.

В легкой хлопчатой ангаркхе и туфлях из серебристой парчи, Бахрам сидел за столом. Борода его была аккуратно подстрижена, голову украшал простой, но безупречно завязанный тюрбан.

В смуглом лице с прямым носом легко угадывался источник не одной лишь миловидности, но и других качеств А-Фатта — скажем, волевого взгляда, светящегося проницательным умом и решительностью на грани жестокости. Однако на этом сходство Бахрама с сыном заканчивалось, ибо в облике А-Фатта не было ни намека на ранимость, но только признаки легкого нрава, добродушия и обезоруживающей напористости, составлявших немалую часть обаяния отца.

— А вот и мунши-джи! — вскричал Бахрам, раскинув руки. — Ну что ж вы встали столбом? Валяйте сюда!

Раскатистый голос его тотчас изгнал воспоминание о встречах Нила с отцом, ибо Бахрам ничуть не походил на старого заминдара, да и

любого другого известного Нилу влиятельного богача. В нем не было ничего от их пресыщенности жизнью и плотского изнеможения, напротив, его живость вкупе с простецкими оборотами выдавали в нем натуру прямую и деятельную, чуждую наигрышу.

— Как вас звать-величать?

Нил уже придумал себе имя, соответствующее его новому ремеслу:

— Анил Кумар, письмоводитель.

Бахрам кивнул на стул с прямой спинкой:

— Ну что ж, мунши-джи, не желаете ли присесть, чтоб мы друг друга лучше рассмотрели?

— Как скажете, сет-джи.

Нил почуял в этом некую хитрую проверку, которую Бахрам учинял соискателям места. Что именно проверялось, он не понял, однако, не рассуждая, уселся на стул.

Похоже, он поступил правильно, ибо вызвал восторженный отклик Бахрама, который, шлепнув ладонью по столу, воскликнул:

— Отлично! *Экдум тхик!* Очень хорошо!

Нил опять не понял, что такое он совершил, но разъяснение не заставило себя ждать.

— До чего приятно видеть человека, умеющего пользоваться стулом, — сказал Бахрам по-ан-

глийски. — Терпеть не могу конторщиков, что, скрючившись, сидят на полу. Мой статус не позволяет иметь таких работников. Иностранцы засмеют, правда?

— Да, сет-джи. — Нил почтительно склонил голову, подражая секретарям, которых некогда и сам нанимал.

— Значит, вы маленько повидали свет? Разок-другой сгоняли в поло? Отведали что-нибудь, кроме *даал-бата*[24] и риса-карри? Не так-то просто найти секретаря, овладевшего стулом. Может, вы умеете пользоваться ножом и вилкой? Хоть чуть-чуть?

— Умею, сет-джи.

Бахрам покивал.

— Стало быть, вы повстречали моего крестника Фредди здесь, в Сингапуре?

— Да, сет-джи.

— А чем вы занимались раньше? И как тут оказались?

Нил догадался, что собеседника интересует не одно его прошлое, но еще и уровень владения английским, и потому, демонстрируя свое безупречное произношение, поведал заготовленную

---

[24] Примечания: 24
Даал-бат (пхали) — блюдо из вареного риса и бобов.

историю: потомственный писарь, он служил при дворе удаленного княжества Трипура, что на границе с Бенгалией, но впал в немилость, после чего был секретарем и толмачом у череды купцов. В Сингапур он прибыл из Читтагонга вместе со своим последним работодателем, который скоропостижно умер, и теперь ищет новое место.

Похоже, Бахрама впечатлила не столько сама история, сколько свободный английский. Выскочив из-за стола, он забегал по каюте.

— Ай да мунши-джи! Это ж надо так стрекотать! Да рядом с вами я же осрамлюсь!

Нил смекнул, что ненароком его раздосадовал, и решил отныне изъясняться только на хиндустани, оставив английский хозяину.

— Насталиком[25] пишете? — спросил Бахрам.

— Да, сет-джи.

— Гуджарати знаете?

— Нет, сет-джи.

Бахрам, похоже, ничуть не расстроился.

— Ничего, все знать невозможно. С гуджарати я управлюсь сам.

— Хорошо, сет-джи.

— Но читать-писать — это далеко не все, что

---

[25] Примечания: 25

Насталик — алфавит персидского, урду и некоторых тюркских языков.

требуется от хорошего мунши. Нужно еще кое-что. Вы меня понимаете?

— Не вполне, сет-джи.

Бахрам остановился перед Нилом и, заложив руки за спину, склонился к его лицу.

— Я говорю об ответственности и надежности, которую еще называют благородством. Вам известно значение этих слов? Для меня секретарь — все одно что касса, только наполненная словами. И рту этой кассы надлежит быть на замке. Коль работаете на меня, все вами прочитанное и написанное должно быть накрепко заперто у вас в голове, вашей, так сказать, сокровищнице и казне. — Бахрам обошел Нила и, взяв его за голову, повертел ее из стороны в сторону. — Вы уяснили, мунши-джи? Даже если какой-нибудь душегуб попытается открутить вам башку, касса не должна открыться.

Он говорил как будто шутливо, однако в тоне его слышалась угроза. Нил слегка растерялся, но сумел сохранить хладнокровие.

— Да, сет-джи. Я уяснил.

— Прекрасно! — весело сказал Бахрам. — Только имейте в виду: писанина — не главное в вашей работе. Гораздо важнее то, что я называю *кхабардари* — быть самому и держать меня в курсе всех

новостей. Кое-кто думает, лишь правителям да министрам надо знать о войнах и всякой политике. Это устаревший взгляд. Мы живем в иное время, нынче неведенье ведет к краху. Я не устаю повторять: деньги делает информация. Вы меня понимаете?

— Боюсь, не совсем, сет-джи, — промямлил Нил. — Как информация делает деньги?

— Что ж, расскажу вам одну историю, которая, надеюсь, поможет это понять. — Бахрам стал расхаживать по каюте. — Я узнал ее, когда в Лондоне навестил своего друга Задига Карабедьяна. Было это двадцать два года тому назад, в 1816-м. Однажды знакомый привел нас на фондовую биржу и показал нам знаменитого банкира, некоего Ротшильда, который гораздо раньше других понял всю важность *кхабар-дари* и разработал собственную систему оповещения почтовыми голубями, курьерами и прочим. И вот случилась битва при Ватерлоо… Вы о ней слыхали?

— Да, сет-джи.

— В тот день лондонскую биржу лихорадило. Если англичане проиграют, цена на золото упадет. Победят — подскочит. Что делать? Покупать или продавать? Все ждут, ждут, а банкир, конечно, первым узнает исход битвы. Что, по-вашему,

он сделал?

— Начал покупать золото?

Бахрам издал утробный смешок и хлопнул Нила по спине.

— Вот потому-то вы — мунши, а не коммерсант. Напротив, он стал *продавать*! Все решили: ага, битва проиграна, будем-ка и мы продавать. Цена золота все ниже, ниже, ниже. И только дождавшись нужного момента, Ротшильд выходит на сцену и начинает скупать золото. Понимаете? Фокус в том, что он первым получил информацию. Позже кто-то говорил, сия история — выдумка, но разве это имеет значение? В ней отражено время, в которое мы живем. Если б мне хватило смелости, я бы, клянусь, пал ниц, коснулся стоп этого человека и сказал ему: ты мой гуру! — Бахрам остановился перед Нилом. — Теперь вы понимаете, мунши-джи, почему *кхабар-дари* так важен для дельца? Кстати, я еще не упомянул, что направляюсь в Кантон? И вы должны стать моими глазами и ушами.

— Но каким образом, сет-джи? — обеспокоился Нил. — В Кантоне я никого не знаю.

— Вам это и не нужно, знакомства предоставьте мне, — отмахнулся Бахрам. — Ваше дело — читать два английских журнала, которые там издаются:

«Кантонский дневник» и «Китайский архив». Порой еще выходят газеты, но на них отвлекаться не стоит, меня интересуют только эти два издания. Ваша задача — просмотреть их и составить отчет, отсеяв чепуху и пометив важное. — Он взял журнал, лежавший на столе. — Вот экземпляр «Архива», который мне одолжил мой приятель Задиг Карабедьян. Гляньте отчеркнутые абзацы и поведайте, о чем там речь.

— Слушаюсь, сет-джи. — Нил пробежал глазами страницу. — Кажется, это выдержки из служебной записки, которую высокопоставленный китайский чиновник подал императору.

— Верно. Читайте вслух.

— «Опий — ядовитое зелье, поступающее из-за рубежа. На вопрос о его достоинствах ответ таков: он пробуждает жизнелюбие и снимает усталость. Оттого-то люди беспрестанно попадают в его сети. Поначалу это дань моде, но отрава вызывает устойчивую зависимость, и курильщики опия, страшно исхудавшие и обессиленные, превращаются в ходячих мертвецов. Вот что творит это зелье. Кроме того, цена его непомерно высока, однако получить его можно, лишь заплатив чистоганом. На первых порах опий только мешает делу, но потом разрушает семьи, лишает всего

имущества и уничтожает человека. На свете нет большего зла. На мой взгляд, сия отрава превосходит мышьяк десятикратно. Запутавшийся и потерявший репутацию человек травится мышьяком. Впав в отчаяние, он принимает отраву и разом сводит счеты с жизнью. Но курильщик опия губит себя совсем иначе. Сперва ему кажется, что зелье прибавляет жизненных сил, но сие впечатление обманчиво. Для сравнения: подкручивая фитиль лампы, мы делаем пламя ярче, но тем самым увеличиваем расход масла и ускоряем наступление тьмы. Молодой курильщик укорачивает свои дни на земле, отсекая надежду на потомство и оставляя родителей и жену без всякой опоры, а зрелый ворует у себя последний остаток лет…»

— Хватит! *Бас!* Достаточно. — Бахрам выхватил журнал и бросил его на стол. — Ясно, что с английским текстом вы справляетесь легко. Что ж, мунши-джи, если вы ищете работу, она ваша.

Полетт уже поняла, что Хорек — человек упорядоченный, и не удивилась его загодя продуманным шагам в поисках того, как возникли эти рисунки. Особые надежды он возлагал на иллюстрацию, добытую Уильямом Керром: рисунку, определенно созданному в Кантоне, не

больше тридцати лет, и вполне возможно, что автор его жив.

— Но вам же понадобится эксперт, который установит художника, верно?

— Безусловно.

— У вас кто-нибудь есть на примете?

— Нет, но я знаю того, кто, наверное, сможет мне помочь.

Речь шла об английском художнике, много лет прожившем в Южном Китае; по слухам, он имел широкие связи и был весьма компетентен. В Макао Хорек намеревался при первой возможности нанести ему визит.

— А как его имя, сэр?

— Чиннери. Джордж Чиннери[26].

— Вот как? — Полетт тотчас насторожилась, но сумела это скрыть за показным равнодушием. — И как вы о нем узнали?

— От одного его приятеля…

Хорек рассказал, что имя это упомянул один постоянный клиент его фалмутского питомника — некто мистер Джеймс Хобхаус, портретист, с юности знавший Чиннери. Живописец, поведал он, уже более десятка лет живет в Южном Китае

---

[26] Примечания: 26

Джордж Чиннери (1774–1852) — английский живописец, наиболее известный своими работами, созданными в Индии и Китае.

и, как говорят, водит тесную дружбу с художниками Макао и Кантона.

Хобхаус познакомился с ним в Королевской академии, где они учились одновременно с Джозефом Мэллордом Уильямом Тёрнером. Одно время Чиннери считался художником не меньшего калибра, но, своенравный и остроумный, влюбчивый и сумасбродный, был человеком настроения: сейчас он само благодушие, а через минуту дуется на весь свет. В творческой среде подобное не редкость, добавлял мистер Хобхаус, тем более что Чиннери был родом из семьи, в которой, похоже, незаурядный талант частенько сочетался со странным и вызывающим поведением.

Стало ясно, что Чиннери сверх всякой меры унаследовал семейные черты. Перспектива блестящей карьеры не удержала его в Лондоне. Он рванул в Ирландию, где его ждал финал многих безалаберных юнцов: женитьба на дочери домовладельца. Вскоре супруга одарила его поочередно двумя ребятишками, что, видимо, оказалось чрезмерной порцией семейной жизни, и он, не сумев ее переварить, вновь удрал, предоставив своей половине одной управляться с младенцами. Теперь он отправился в Мадрас,

где тогда обитал его брат, а через пять лет перебрался в Бенгалию и в конце концов обосновался в Калькутте. Там, в столице Британской Индии, он снискал оглушительный успех и был безоговорочно признан величайшим английским художником на Востоке. Когда слух о его триумфе просочился в Англию, семья решила с ним воссоединиться. Первой в Индию прибыла дочь Матильда, взрослая девушка, которую он видел только крохой, потом его злосчастная жена Марианна и, наконец, сын Джон, мечтавший о военной карьере. Однако вместе с семьей увязалось и горе: года не прошло, как Джона унесла тропическая лихорадка. Из-за этой утраты Чиннери совсем слетел с катушек и озлобился на жену, сам вид которой стал ему невыносим. Он вновь взял ноги в руки и отправился как можно дальше — в Макао, место, которое, по словам шутников, напрашивалось само, ибо, в случае погони супружницы, позволяло укрыться в Кантоне, недоступном для всякой чужестранки.

Видимо, старинный приятель мистера Хобхауса отыскал себе годную нишу, ибо в Макао пребывал последние тринадцать лет — целую, по его меркам, вечность. Нынче ему стукнуло шестьдесят четыре года, и он, обезопасив себя

от притязаний супруги, вполне довольствовался обществом морских капитанов, коммивояжеров, торговцев опием и прочих странников. А те, в свою очередь, преклонялись перед его искусством: доходы от многочисленных заказов были так высоки, что для удовлетворения спроса он, говорят, завел себе студию и натаскал челядь на роли подмастерьев.

Имело ли значение, что он, некогда считавшийся ровней Хопнеру, Ребёрну и Ромни[27], был вынужден прозябать в захолустье вдали от европейских салонов и обслуживать клиентуру из закоренелых мещан? Вряд ли нужно говорить, что он-то делал вид, будто все это ему безразлично, однако молва утверждала иное: пренебрежение лондонских знатоков его творчеством так его ожесточило, что он пристрастился к курению опия, коим глушил душевную тоску. Мистер Хобхаус не знал, было ли это просто досужей сплетней, и, воздержавшись от комментария, выразил надежду, что Хорек все увидит собственными глазами и по возвращении прольет свет на

[27] Примечания: 27

Джон Хопнер (1758–1810) — английский живописец немецкого происхождения, придворный художник короля Георга IV. Генри Ребёрн (1756–1823) — шотландский художник романтического стиля. Джордж Ромни (1734–1802) — английский художник-портретист.

эту историю.

Полетт молча внимала, словно впервые слышала о художнике и его жизненном пути, хотя, по правде, дело обстояло иначе. Кое в чем она была осведомлена лучше Хорька, а именно в том, что во время двенадцатилетнего обитания в Калькутте Чиннери обзавелся другой семьей, прижив со своей бенгальской любовницей Сандари двух сыновей.

Полетт познакомилась с «незаконными» сыновьями Джорджа Чиннери благодаря своей любимой нянюшке Тантиме, матери Джоду, опекавшей ее с самого младенчества. Тантима и Сандари были родом из одной деревни на берегах Хугли и, случайно встретившись в Калькутте, возобновили давнюю дружбу. Оказалось, обе хозяйничали в домах необычных и слегка поблекших саибов. Однако на этом сходство заканчивалось, ибо Пьер Ламбер, отец Полетт, в своем кругу всегда был этаким изгоем и на должности ассистента Куратора Ботанических садов влачил более чем скромное существование. А вот дом Джорджа Чиннери, зарабатывавшего баснословные деньги, искрился, точно огниво: полки слуг в коридорах и грумов в конюшнях, а что касаемо яств, на одни только шербеты и

силлабабы тратилось по сотне рупий в неделю…

Щедрый любовник, Чиннери выделил своей драгоценной Сандари флигель, в котором она обитала с рожденными от него сыновьями, и небольшую свиту из халифа, нянек, слуг и даже повара, единственной обязанностью которого было сворачивать листья бетеля для пан-масалы угодным ей способом. Это устраивало обоих: Сандари жила и питалась в соответствии со своими предпочтениями, а Чиннери мог в любой удобный момент наведаться в свое любовное гнездышко, надежно скрытое от глаз саибов и мадам, наносивших ему визиты.

Сандари и сама была весьма колоритной личностью, некогда гревшейся в лучах славы. Дочь деревенского барабанщика, она стала известной певицей и танцовщицей, и мистер Чиннери, заметивший ее на одном выступлении, предложил ей стать его платной натурщицей. Забеременев, Сандари оставила сцену и с головой погрузилась в избалованную жизнь, украшая себя дорогими тканями и необычными драгоценностями. Пребывая в роскоши, она ничуть не заносилась перед Тантимой и, огорченно цокая языком, сочувствовала тесноте и скудости, в которых той приходилось существовать.

Однако все резко изменилось после известия, что вскоре в Калькутту нагрянет первая семья художника. Как многие представители богемы, в некоторых вопросах Чиннери был чрезвычайно консервативен — мысль о том, что законные жена и дети прознают о наложнице с двумя его отпрысками, ввергла художника в панику. Вчерашняя лакомая пышка вдруг стала заурядной мочалкой: вместе с приплодом ее погнали с квартиры, переселив в трущобы Киддерпора, куда слуга доставлял ей месячное содержание.

Сей маневр никого, разумеется, не обманул, ибо городская знать следила за частной жизнью мистера Чиннери так же внимательно, как за колебаниями цен на опийной бирже. Довольно скоро Марианна Чиннери узнала о второй семье супруга, но, к ее чести, озаботилась тем, чтобы Сандари с детьми была обеспечена всем необходимым, а муж ее исправно исполнял свои обязанности перед ними. Она даже устроила крещение мальчиков, носивших клички Малявка и Дрозд; после обряда они стали Генри Коллинзом Чиннери и Эдвардом Чарльзом Чиннери соответственно, что невероятно потешало их товарищей, продолжавших величать мальчишек бенгальскими прозвищами.

Следующий шаг Марианны Чиннери был, наверное, полезнее: она уговорила мужа пускать мальчиков в свою студию, дабы под его руководством они овладевали искусством живописи. К сожалению, этот период в жизни ребят не продлился долго: не успели они подрасти, как папаша сбежал, бросив обе семьи.

Для Марианны это стало тяжелым ударом вдвойне, ибо она уже утратила интерес к Малявке и Дрозду. Возможно, общение с мальчиками осложнила смерть ее собственного сына либо увещевания дочери, которая, выйдя за окружного судью-англичанина, требовала прекратить отношения, компрометирующие ее мужа; а может, ее просто очерствила собственная чрезмерная открытость перед колониальным сообществом. Так или иначе, после бегства художника Сандари и ее дети были брошены на произвол судьбы. Денег, что присылал Чиннери, на жизнь не хватало, и Сандари пришлось подрабатывать кухаркой и уборщицей в английских семьях. Однако, по-своему стойкая, она делала все возможное, чтобы сыновья ее продолжили художественное обучение, и частенько говорила: кроме живописи, ничто другое не убережет их от доли, уготованной уличной шантрапе.

Старший из братьев — Малявка, рослый, смуглый паренек, симпатичный обладатель светло-каштановых волос и добродушного нрава, рисовал очень недурно, хоть живописью интересовался не особо — не будь он сыном художника, никогда не взял бы кисть в руки. Дрозд заметно отличался от брата и внешностью, и характером: по всеобщему мнению, рыжесть, пухлые щеки и большие глаза делали его копией отца, невысокого толстячка. Главным же отличием была его подлинная страсть к искусству — любовь столь трепетная и сильная, что она подавляла его собственные немалые способности рисовальщика и живописца. Чувствуя себя не в силах создать творение, отвечающее его высоким требованиям, он направил свою энергию на изучение работ других художников прошлого и настоящего — вечно разыскивал эстампы, репродукции и гравюры, которые внимательно разглядывал и копировал. Другим его увлечением стали необычные вещицы, и одно время он был частым гостем в доме Пьера Ламбера, где часами копался в его гербариях и собрании иллюстраций. Он был немного старше Полетт, но присущая ему детскость скрадывала их разницу в возрасте и поле. Дрозд докладывал подруге о модных веяни-

ях и приносил всякую всячину из матушкиной уменьшавшейся коллекции одежды и побрякушек — например, ножные и наручные браслеты. Равнодушие Полетт к украшениям его поражало, ибо самому ему они так нравились, что часто он обвешивался браслетами и любовался собою в зеркале. Иногда они вместе наряжались в одежды его матери и танцевали.

Кроме того, Дрозд взялся за художественное образование Полетт. Он приносил альбомы с репродукциями европейских картин, которые достались ему от отца и были его самым ценным сокровищем. Обладая феноменальной зрительной памятью, многие картины он мог воспроизвести, не заглядывая в альбом. Узнав, что Полетт делает иллюстрации к отцовской книге, он обучил ее хитростям в смешивании красок и четкой линии рисунка.

Отношения его с Полетт складывались непросто. Как наставник, он был чрезвычайно невыдержан и за всякий неудачный мазок или штрих обрушивался на ученицу с яростным порицанием, из-за чего у них часто возникали ссоры. С другой стороны, Полетт забавляли его пестрые наряды, непредсказуемые взрывы смеха и тяга к сплетням. Порой она сама удивлялась, что была

так растрогана его попытками отучить ее от мальчишеских повадок и обратить в даму.

Вопреки всему, одно время Дрозд занимал большое место в ее жизни, но потом все это закончилось разом. Ей было почти пятнадцать, когда он задумал картину: Полетт и Джоду, к кому Дрозд уже давно и как-то странно присматривался, отводилась роль главных персонажей. Сюжет подсказан великой темой европейской живописи, сказал он, но от других вопросов Полетт уклонился. Мол, не стоит загружать себя лишней информацией, тем более что он собирается все переосмыслить и представить по-новому.

Полетт и Джоду весьма сдержанно восприняли этот проект, и нежелание в нем участвовать еще больше окрепло после известия, что им придется подолгу стоять неподвижно. Но Дрозд слезно умолял дать ему возможность сотворить шедевр, проявив себя истинным мастером, и они, сжалившись над ним, согласились. На протяжении двух недель оба принимали указанные им позы, а Дрозд трудился за мольбертом. За все это время он ни разу не позволил взглянуть на свою работу и на всякую просьбу отвечал: нет-нет, еще рано, увидите, когда будет готово. На сеансах Джоду и Полетт были в своей обычной одежде: он в гамуче

и ланготе, она в сари. Иногда художник просил натянуть ткань плотнее, но модели всегда были одеты, и потому не могли вообразить того, что их ожидало.

Когда им наконец удалось взглянуть на незаконченную картину, оба совершенно осатанели, увидев себя в чем мать родила. Вид у них был ужасно нелепый, поскольку, стоя под огромным баньяном, они бесстыдно пялились на зрителя, словно святые отшельники, похваляющиеся своей наготой. Мало того, Полетт, вся пепельно-бледная, держала в руках плод манго (это под баньяном-то!), а над головой иссиня-черного Джоду вздымалась кобра. К счастью, плод манго скрывал ту часть Полетт, которую она вовсе не хотела бы выставить на всеобщее обозрение, а вот Джоду повезло меньше: хвост обвившей его кобры мог бы легко послужить ширмой, но не пожелал. Определенная часть Джоду, выписанная очень подробно, ясно давала понять, что не прошла обряд обрезания, чем крайне оскорбила натурщика.

В целом картина была столь неожиданно возмутительной, что Джоду, всегда легко заводившийся, впал в ярость и сорвал холст с мольберта. Дрозд был слабее, ему оставалось лишь просить

вмешательства Полетт: «Умоляю, останови его! Я изобразил вас Адамом и Евой во всей прелести вашей невинности и простодушия! Никто не догадается, что это — вы! Прошу, заклинаю, удержи его!»

Но Полетт, и сама на грани кипения, врезала ему по уху и вместе с Джоду разодрала холст в клочья. Дрозд смолк, по лицу его струились слезы; наконец он выдавил: «Ничего, настанет день, когда вы за это поплатитесь…»

С тех пор Дрозд больше не приходил, и теперь о жизни братьев Полетт знала понаслышке, в основном из реплик, мимоходом оброненных Тантимой. Помнится, года два назад стало известно, что Сандари слегла, а Малявка отправился в Англию личным посланником муршидабадского наваба.

Дрозду пришлось самому добывать себе пропитание, и он изыскал способ применить свои таланты, приведший к скандалу: стал создавать «картины Чиннери». Хорошо знакомому с отцовским стилем и техникой, ему не составило труда повторить его манеру и очень выгодно продать несколько полотен, якобы оставшихся после отца. В конце концов подделку обнаружили, и Дрозд, не желая сидеть в индийской тюрьме, по-

следовал примеру своего дяди Уильяма — бежал из страны. Говорили, он уехал к отцу, но куда именно, Полетт не знала. И вот теперь, услышав, что Джордж Чиннери обосновался в Макао, она сообразила: вполне возможно, там обитает и Дрозд, встречи с которым ей не избежать, сопровождая Пенроуза в дом художника. Учитывая, как они расстались, не исключено, что давний знакомец найдет способ поквитаться за старую обиду.

Вообще-то Полетт вспоминала его с большой теплотой и нередко жалела, что дружба их расстроилась, однако не забыла и скверные черты его натуры: Дрозд вполне был способен измыслить какую-нибудь гадость, дабы вбить клин между нею и Хорьком. Раздумывая над всем этим, она не успела признаться Хорьку в своем знакомстве с Дроздом. Возникла иная тема, и момент был упущен.

Бахрам настоял, чтобы до конца ремонта и переостнастки Нил и А-Фатт оставались на «Анахите». Каждого поселили в отдельной каюте, что после тягот, перенесенных в последние месяцы, казалось невообразимой роскошью. С утра до ночи их потчевали разносолами: за завтраком Бахрам вызывал своего личного *кхансамаха*, повара Место, чернокожего гиганта с сияющей

бритой головой и буграми мышц, и обсуждал с ним, чем кормить крестника на обед и ужин. Всякая трапеза становилась пиршеством разнообразных кухонь: от парсов предлагались *дхансак* из барашка с коричневым рисом, моло́ка в окре *и патра-ни-мачхи* — филе рыбы, запеченной в банановых листьях; от Гоа — креветки в кляре, курица в соусе *ксакути* и огненно-острая креветка *чек-чек*; от Восточной Индии — барашек с тыквой в приправе карри и свиной *сарпател*.

Однако ситуация имела свои недостатки. Нилу приходилось постоянно быть начеку: помнить заявленную версию случайного знакомства в Сингапуре с А-Фаттом и разыгрывать неведение, кем тот на самом деле доводится Бахраму. Последнее давалось нелегко, поскольку Бахрам, по натуре импульсивный и ласковый, сам частенько выходил из роли крестного отца: заключал А-Фатта в крепкие объятья, называл «сынком» и подкладывал еду на тарелку.

Он как будто не замечал холодности, а порой даже неприязни А-Фатта к подобным проявлениям любви, и вел себя так, словно впервые зажил жизнью, о которой всегда мечтал, и теперь полноправным главой семьи передает свою мудрость и опыт родной кровиночке.

Такое весьма неуклюжее и чрезмерное выражение привязанности Нилу казалось трогательным, но он понимал, отчего оно раздражает А-Фатта, который, видимо, считал это убогой компенсацией за долгие годы своей безотцовщины.

Однако самым поразительным было то, что эти, пусть не безупречные, отношения между отцом и сыном существовали вообще. В Калькутте Нил знал многих мужчин, имевших внебрачных детей, но ни один из них не проявлял хоть кроху нежности к своим отпрыскам и их матерям, а кое-кто, опасаясь шантажа, просто умертвлял младенцев. По слухам, его собственный отец, старый заминдар, породил дюжину ублюдков от разных женщин и всегда разрешал ситуацию одним способом: вручив мамаше сотню рупий, отправлял ее в деревню. В его кругу это считалось нормальным и даже щедрым поступком. Нил воспринимал это как должное и никогда не думал о своих братьях и сестрах по отцу. Став владельцем поместья, он мог легко разузнать об их судьбе, но ему это даже не приходило в голову. И сейчас, оглядываясь назад, он не мог не признать ошибочность своих прежних взглядов, как и то, что подобное отношение Бахрама к своему незаконному ребенку и его матери не просто

необычно для человека его положения, но нечто из ряда вон выходящее.

Объяснить это А-Фатту было непросто.

— Для отца Фредди как собачонка. Можно трепать, гладить, тискать. Он думать только о себе.

— Я тебя понимаю, А-Фатт. Но, поверь, на его месте большинство мужчин просто бросили бы вас с матерью. Это легко, и так поступили бы девяносто девять человек из ста. Он же сего не сделал, что говорит в его пользу. Неужто не ясно?

Пожатием плеч А-Фатт отвергал (или делал вид, что отвергает) эти доводы, но Нил видел: вопреки всем обидам друг его взволнован тем, что находится в центре отцовского внимания, чего не бывало прежде.

Шли дни, А-Фатт попритих и все больше мрачнел; Нил знал, что причиной тому не только предстоящая разлука с отцом, но и невозможность поездки в Кантон. Однажды они прогуливались по палубе, и А-Фатт, ничуть не скрывая зависти, сказал:

— Везет тебе. Ты едешь в Кантон, лучший город на свете.

— Вот как? — удивился Нил. — Чем же он лучший?

— Другого такого места нет. Сам увидеть.

— Скучаешь по Кантону, да?

А-Фатт понурился.

— Очень. Сильно скучать по Кантон. Но не ехать.

— Может, ты хочешь кому-нибудь передать весточку? — спросил Нил. — Я готов это сделать.

— Нет! — вскинулся А-Фатт. — В Кантон обо мне молчок. Помнить это, никогда не забывать. Никаких ля-ля-ля. Ни слова про А-Фатт.

— Хорошо, не сомневайся. Жаль, что мы не можем ехать вместе.

— Знал бы ты, как жаль мне. — А-Фатт обнял друга за плечи. — Только будь осторожен.

— А что?

— Китайцы говорят: все новое исходит из Кантона. Молодому человеку туда лучше не соваться — слишком много искушений.



6



На последнем отрезке пути Хорек проложил маршрут в обход Ландронских островов, печально известных пиратских логовищ. Полетт никогда не видела водной глади, усеянной таким множеством скалистых и явно необитаемых клочков суши, в каменистые склоны которых вцепились пучки зелени; некоторые из этих островков своим видом вполне соответствовали живописным названиям на карте: Шляпа мандарина, Клин, Голова черепахи, Каменные иглы.

На подходе к побережью появлялись суда непривычной формы и оснастки: лорчи, джонки, плоскодонные бателo и статные манильские галеоны. Иногда встречались английские и американские корабли, в одном из них Хорек рас-

познал знакомую бригантину. Решив повидаться со шкипером, он снарядил гичку и через час вернулся весьма озабоченным, даже насупился как-то по-особенному.

— Плохие новости, сэр? — спросила Полетт.

Хорек кивнул. Шкипер рассказал, что нынче очень трудно раздобыть «штемпель», дозволявший чужеземным судам проход по Жемчужной реке. Даже причалить в гавани Макао стало хитроумным фортелем, и оттого многие иностранные суда бросали якорь на другой стороне речного устья, в протоке, отделявшей остров Гонконг от мыса Коулун.

Поразмыслив, Хорек решил прислушаться к совету шкипера: первоначальный курс на Макао был отменен, «Редрут» развернулся в другую сторону.

Вскоре на горизонте замаячил зубчатый горный гребень, возникший прямо из моря.

— Вот он, Гонконг. — Хорек показал на продуваемый ветрами остров с малочисленными строениями и почти без растительности, отличавшийся от других лишь большим размером и высокими крутыми берегами. — Название переводится как «благоухающая гавань».

Полетт подивилась причудливой фантазии, так

окрестившей столь пустынное и неприглядное место.

«Редрут» бросил якорь в бухте, примыкавшей к самой высокой скале. Там уже стояли несколько иностранных кораблей, вокруг которых кишела маленькая флотилия маркитантских лодок и лоцманских ботов, доставлявших провиант и отвозивших пассажиров на берег.

На другой день спозаранку Хорек нанял лоцманский бот до Макао, оставив свой плавучий сад на попечение Полетт. Вернулся он через сутки и был мрачнее тучи.

Капитан Чарльз Эллиотт, британский представитель в Макао, угостил его удручающим обзором нынешней ситуации. Оказывается, император издал серию указов, предписывающих властям провинций искоренить опийную торговлю. Во исполнение приказа власти реквизировали и сожгли «резвые крабы», что некогда шныряли по реке, доставляя опий с кораблей на берег. Многие английские коммерсанты думали, что вскоре ситуация нормализуется, как уже бывало не раз — вспышки чиновничьей рьяности длились от силы месяц-другой. Но не тут-то было — вновь отстроенные «крабы» сожгли вторично. И это было только начало. Следующим шагом

мандаринов стал арест торговцев опием: одним дали тюремный срок, других казнили. Лавки и притоны закрыли, запасы зелья сожгли. После ужесточения правил прохода по Жемчужной реке «штемпель» стал почти недостижимым. Получить пропуск могли лишь те иностранцы, за кого ручалась кантонская купеческая гильдия. Хорек, не имевший связей в гильдии, вряд ли мог надеяться на такое ручательство. Капитан Эллиотт рекомендовал ему стоять на якоре в Гонконге, дожидаясь благоприятного развития событий.

Слушая Хорька, Полетт все ждала, когда в рассказе возникнет имя Чиннери. Так и не дождавшись этого, она спросила:

— А еще с кем-нибудь вы встречались, сэр?

Хорек окинул ее взглядом и, помолчав, пробурчал:

— Да. Я виделся с мистером Чиннери.

— И что? Встреча была полезной?

— Да, но не такой, как я рассчитывал.

Художник принял Хорька в своей студии, расположенной на верхнем этаже его резиденции в доме 8 по улице Игнасио Баптисты, просторном солнечном помещении, увешанном великолепными портретами и пейзажами. Два

китайца-подмастерья заканчивали очередную картину.

Хорек очень быстро понял, что мистер Чиннери ожидает заказа на портрет, и разъяснил, что цель его визита совершенно иная. Узнав, что речь всего лишь о двух рисунках кантонских художников, маэстро надулся. Презрительно скользнув взглядом по изображениям камелии, он заклеймил рисунки никчемной мазней, не стоящей и крупицы внимания истинного творца; поденщики, малюющие цветочки, сказал он, недостойны звания художника, они всего-навсего ловкие копиисты, создающие дешевые сувениры на потребу путешественников и моряков.

— В Китае подлинное искусство мертво, сэр, мертво…

Хорек догадался, что застал художника в скверном расположении духа, и, откланявшись, решил наведаться как-нибудь в другой раз. Он уже был в дверях, когда маэстро, желая, видимо, загладить свою неучтивость, спросил, хорошо ли гость помнит дорогу к причалу, где его ждала лодка. Не особо, сказал Хорек, и тогда мистер Чиннери предложил ему проводника — своего племянника, жившего у него в доме. Мол, парень не так давно приехал из Индии, но уже хорошо знает город.

Хорек с благодарностью принял сию любезность, и художник кликнул племянника, оказавшегося юношей лет двадцати пяти. Внешне парень был вылитый дядя, только, естественно, моложе и чуть смуглее: те же выразительные глаза, тот же нос пуговкой. Они были так похожи, что Хорек, не будь он уведомлен о степени их родства, принял бы их за отца и сына. По дороге к причалу выяснилось, что схожи они не только внешне — под влиянием мистера Чиннери молодой человек тоже стал художником. Вообще-то маэстро его первый учитель, поведал юноша, и теперь, идя по его стопам, он отправляется в Кантон, где надеется получить заказы; пользуясь дядиными связями, он раздобыл пропуск и на днях покидает Макао.

И тут Хорька осенило: он предъявил рисунки камелий и спросил, не возьмется ли молодой Чиннери, пребывая в Кантоне, навести справки об их создателях. Юноша охотно согласился, и они, еще не дойдя до причала, условились: Хорек оплачивает регулярные отчеты о ходе поисков, а в случае успешного результата художник получит существенное вознаграждение.

В этом договоре Пенроуза тревожило одно: необходимость расстаться с рисунками. Одна-

ко юный Чиннери вмиг развеял его опасения, сказав, что он отменный копиист. Рисунки понадобятся ему на пару дней, не больше, он сделает с них копии и тотчас лично доставит оригиналы на «Редрут».

— Могу ли я, сэр, узнать имя этого племянника мистера Чиннери? — запинаясь, спросила Полетт.

— Эдвард. Эдвард Чиннери. — Хорек смущенно подергал себя за бороду. — Но он сказал, что вам известен под прозвищем Дрозд.

— Вот как? — охнув, Полетт прижала ладони к щекам.

— Он очень, скажу вам, обрадовался известию, что вы здесь. Дескать, вы были ему как сестра, но потом из-за сущей ерунды между вами случилась размолвка. Сказал, сильно по вам соскучился, правда, называл вас как-то иначе… Паг… что-то этакое…

— Пагли? Это означает «сумасбродка». — Полетт отняла руки от лица. — Да, он награждал меня всякими прозвищами. Мы вправду были добрыми друзьями. Простите меня, сэр. Я должна была поставить вас в известность… но тогда случилась весьма конфузная история… Рассказать?

— Не утруждайтесь, мисс Полетт. — Лицо Хорь-

ка озарила редкая улыбка. — Мистер Чиннери уже обо всем поведал.

Крик впередсмотрящего всех застал врасплох:

— *Кинара!* Земля! *Маха-Чин агей хай!* На горизонте Китай!

Бахрам с Задигом стояли на квартердеке; услышав вопль ласкара, энергично махавшего рукой, они перешли к правому борту и вскоре из-под козырьков ладоней увидели, как прямая линия горизонта меняет свои очертания, превращаясь в зазубренный ландшафт острова Хайнань, самой южной оконечности Китая. «Анахита» подошла к острову ближе, и Бахрам, разглядывая его в подзорную трубу, решил, что по виду он мало чем отличается от Сингапура и прочих попадавшихся в пути островов с крутыми холмами, лесными чащами и берегами в окантовке золотистого песка.

Прозвучала команда «свистать всех наверх», был отдан приказ смотреть в оба, поскольку о здешних местах ходила дурная слава, и всякое появившееся судно могло оказаться пиратским кораблем. Сигнальщиков выставили на нос и корму, марсовые заняли позиции на мачтах.

— *Табар лагао!* Поглядывай! *Габар утхао!* Не зевай!

Подняв брамсели и трюмсели, «Анахита» ле-

тела впереди ветра, круто кивая волнорезом, рассекавшим пенистые буруны. Остров скрылся из виду, но на закате вновь появилась его окутанная облаками горная вершина.

Зрелище разволновало Бахрама, напомнив об ином путешествии, случившемся двадцать два года назад, и другом далеком острове.

— Скажи-ка, ты помнишь нашу давнюю встречу с полководцем? — обратился он к Задигу.

Тот рассмеялся:

— Конечно, Бахрам-бхай! Как такое забудешь?

Было это в феврале 1816-го, когда на борту «Каффнеллса» приятели плыли в Англию. Покинув Кантон, через два месяца они пришли в Кейптаун, где их ждала потрясающая новость: Наполеон Бонапарт сослан на маленький остров в Атлантике. Известие ошеломляло, поскольку в Макао ходили слухи, будто после победы при Ватерлоо герцог Веллингтон вздернул императора на дереве. И вот нате вам — Бонапарт, оказывается, заточен на острове Святой Елены, следующем порте захода «Каффнеллса». Вероятность хоть краем глаза увидеть бывшего властелина взбудоражила пассажиров шхуны.

Бахрама, в то время слабо разбиравшегося в европейской политике, новость впечатлила

не особо, но вот друга его сразила, точно удар молнии. Когда Бонапарт вторгся в Египет, он, пятнадцатилетний мальчишка, жил в отчем доме в районе Маср аль-Кадима, что в старом Каире. Память ярко запечатлела панику, охватившую округу при известии, что французская армия заняла Александрию и движется к столице. Когда над пирамидами поднялась пыль сражения, Задиг был среди тех, кто взобрался на церковь аль-Муаллака[28] и слушал канонаду, доносившуюся из-за реки.

Победа Бонапарта сказалась на нем по-всякому, в большом и малом: он стал брать уроки французского языка и вместе с кузенами ездить верхом, что прежде им, христианам, не дозволялось; Задиг навсегда запомнил свою первую рысцу по каирским садам Эзбекия. А еще он приобрел навыки своего будущего ремесла, поступив подмастерьем к французскому часовщику.

Изменилась и жизнь многих его родичей: одни, кое-как изъяснявшиеся по-французски, стали переводчиками в оккупационной армии, другие получили работу в открывшейся печатне. А вот судьба дядюшки Орхана Карабедьяна переме-

---

[28] Примечания: 28
Христианская коптская церковь Богородицы в старом Каире.

нилась в корне: иконописец, вечно без гроша в кармане, он еле-еле сводил концы с концами, существуя на церковные заказы, но теперь французские офицеры осаждали его просьбами о картинках с видами коптского Египта — им было все равно, что он вовсе не копт, а армянин.

Французское вторжение косвенно способствовало и женитьбе Задига. Родственники со стороны его матери чрезвычайно разбогатели, заключив невероятно выгодный контракт на поставку вина и свинины завоевателям. Когда Наполеон решил двинуться в Палестину и Сирию, родичи делегировали своего зятя, недавно вошедшего в их дело, в состав обозной команды. Через год в Яффе парень умер от чумы. Выдержав положенный срок траура, семья решила, что дочери их негоже вдовствовать до конца жизни, и вот так состоялось супружество Задига.

Во время пребывания Наполеона в Египте Задиг видел его лишь единожды, но довольно близко, когда тот следовал на ежегодную церемонию измерения уровня Нила перед разливом. Стоя в толпе зевак, Задиг поразился тому, что триумфатор на целую голову ниже его.

И вот теперь, когда корабль приближался к месту изгнания бывшего императора, нахлынули

давние воспоминания. Наверное, Задиг переживал бы еще сильнее, если б надеялся увидеть легендарного человека во плоти, однако он отринул эту мысль как совершенно невозможную. Разумеется, Бонапарт — самый охраняемый узник на свете, и мечтать о встрече с ним просто глупо, но, как вскоре выяснилось, и прочие пассажиры тешили себя этой надеждой.

«Каффнеллс» считался грузовым кораблем, и потому другими его пассажирами были только четыре супружеских пары англичан. География корабля позволяла встречаться с ними редко: каюта наших путников была ближе к трюму, питались они вместе с серангами, тиндалами, силмагурами (парусными мастерами) и прочим младшим командным составом, а на главную палубу выходили только за тем, чтобы размять ноги. Англичане же обитали на полуюте, где квартировали офицеры, трапезничали за капитанским столом, а досуг проводили на квартердеке, доступном лишь по службе или особому приглашению.

Несмотря на эти барьеры, иногда пути пассажиров сходились на главной палубе, и тогда все вежливо раскланивались. Приветствия были вполне сердечны, однако держались пу-

тешественники несколько скованно, отмечая контрастность своих нарядов: одни в брюках, сюртуках и меховых накидках, другие в рубахах и пышных тюрбанах.

Хоть встречи эти случались нечасто, Бахрам и Задиг вообще-то знали, чем живут их попутчики: прогуливаясь под квартердеком, они порой слышали обрывки разговоров, которые велись наверху. А возле трапа, соединявшего палубы, имелась небольшая вентиляционная ниша, откуда было весьма удобно подслушать беседу на особо интересную тему.

После отхода из Кейптауна на квартердеке постоянно говорили о бывшем императоре.

— Вот уж не думал, что мне так захочется взглянуть на это воплощение подлинного кошмара…

— Желание увидеть этого монстра покажется странным, но, признаюсь, я просто сгораю от любопытства.

— Ничего удивительного, моя дорогая. Далеко не каждому выпадает возможность узреть чудище в его логове.

Примерно через неделю пути разговоры на квартердеке приняли иной оборот: англичане хотели уже не просто хоть мельком увидеть императора, но обсуждали способы, как проникнуть

в его жилище.

— Полная дурь! — сказал Задиг категорично. — Разве что отрастят себе крылья и полетят птицами, иначе им Бонапарта не видать.

Через три недели плавания на горизонте замаячил скалистый массив — остров Святой Елены. Даже издали стало ясно, что британцы предприняли чрезвычайные меры охраны: возле острова стояло огромное число кораблей, словно здесь вот-вот начнется большое морское сражение.

Зрелище это взбудоражило публику на квартердеке:

— …подумать только, там затаилась тварь, взбаламутившая весь мир…

— …выхватившая скипетры у лучших королей…

— …уничтожившая целые армии под Йеной и Аустерлицем…

Бахрам и Задиг, занявшие свой подслушивающий пост, поняли, что идея нанести визит бывшему императору переросла в полномасштабный план: оказалось, один англичанин, имевший связи в адмиралтействе, уже набросал черновик письма к местным властям с просьбой о позволении навестить изгнанника. Мало того, письмо доставит лично капитан «Каффнеллса»,

что придаст затее солидность и авторитет.

Из-за охранных мер к берегу подходили чертовски долго. В милях от острова малый корвет остановил «Каффнеллса», через рупоры офицеров подвергли тщательному допросу, и лишь тогда судну разрешили войти в гавань. Воспользовавшись проволочкой, капитан попытался урезонить соотечественников: мол, даже если сам Наполеон вдруг уважит их просьбу, власти, скорее всего, откажут в свидании с узником. Однако это вовсе не обескуражило дам, и, едва судно бросило якорь, они стали наседать на капитана, требуя исполнения обещанного. В результате на воду была спущена шлюпка, в которой капитан, засунув прошение за обшлаг рукава, отбыл на берег.

Когда он вернулся, вид его не сулил благоприятных известий. Бахрам и Задиг, успевшие на свой пост, услыхали его доклад: Наполеон пребывает под столь сильной охраной, что пробиться к нему не легче, чем сломить оборону форта.

— Когда Бонапарт только прибыл на остров, он сказал адмиралу, что отсюда сбежать невозможно, а посему нет нужды в караульных и заставах. «Нет-нет, генерал, — ответил тот. — Не мне вам объяснять, что их присутствие совер-

шенно необходимо, и дважды в сутки к вам будет наведываться дежурный офицер». С тех пор в правилах ничего не изменилось.

Строгий надзор, рассказывал капитан, не располагает Бонапарта к приему гостей. Он и прежде неизменно отклонял подобные просьбы, отказав во встрече даже высшим адмиралтейским чинам. Шансы, что он согласится на светский визит проезжих путешественников, близки к нулю, однако капитан исполнил поручение и передал прошение властям.

На другой день пессимистичное предсказание моряка подтвердилось: на борт взошли два офицера, которые уведомили еще не утративших надежду пассажиров, что в их просьбе категорически отказано: генерал не настроен к приему каких бы то ни было посетителей.

Сообщение было встречено воплем разочарования с оттенком недоуменного возмущения.

— Нет, каков, а? Он не считает себя в долгу перед миром, в котором столько всего натворил?

— Неужто он, привыкший к блестящему обществу, искрометным беседам, не страдает от одиночества?

— Говорят, мадам, он жалеет, что не сгинул в снегах России или не был сражен пулей под

Лейпцигом.

— И поделом бы…

Хула вперемешку с назойливым повторением просьбы вконец утомили визитеров. Они так быстро покинули квартердек, что Задиг и Бахрам слегка замешкались в своей нише. Первый выскочить успел, а второй нос к носу столкнулся с офицерами у подножия трапа. Бахрам сконфузился, но тотчас принял невозмутимый вид и отвесил величавый поклон. Офицеры поклонились в ответ. С достоинством удаляясь, Бахрам самодовольно отметил, что произвел впечатление, о чем свидетельствовал шепот за его спиной:

— Скажите, вон тот, в тюрбане, он так называемый раджа?

— Берите выше, — ответили англичане. — Принц древнего персидского рода…

— Чистокровный парс, прямой потомок Ксеркса и Дария[29].

Бахрам усмехнулся, представив, как это повеселило бы его мать.

Назавтра стало известно, что из-за кое-каких неполадок в оснастке «Каффнеллс» задержится

---

[29] Примечания: 29

Ксеркс — персидский царь из династии Ахеменидов, правил в 486–465 гг. до н. э. Дарий — персидский царь из династии Ахеменидов, правил в 522–486 гг. до н. э.

на острове дольше, чем предполагалось. Бахрама и Задига, уставших от корабельной жизни и не чаявших поскорее закончить путешествие, новость раздосадовала. А вот англичан, напротив, ободрила: прознав, что Наполеон совершает долгие прогулки по окрестностям, они наняли верховых лошадей и отправились на холмы. Задиг предрек, что сия затея окажется бесплодной, как все прежние попытки, но ошибся: наездники вернулись, вновь окрыленные надеждой. Правда, им так и не удалось увидеть Бонапарта, зато они повстречали того, кто обещал содействие их планам — интенданта, отвечавшего за снабжение узника продовольствием. Что важно, он оказался знакомцем одного из английских путешественников и выказал себя человеком светским и чрезвычайно любезным. Сказав, что император проявил некоторый интерес к появлению «Кафф-нелла», интендант взялся передать прошение о встрече лично великому маршалу Бертрану, верному компаньону изгнанника. Ответ, заверил он, будет дан не позже завтрашнего дня.

И вот в следующий полдень интендант прибыл на корабль. Вскоре после этого вестовой передал Бахраму, что его просят подняться на квартердек.

Бахрам опешил, поскольку прежде не получал подобных приглашений.

— Кто тебя прислал? — спросил он ласкара.

— Саибы и мадам, — был ответ.

— Вот как? Ладно. Скажи, сейчас буду.

Переодевшись в свежую ангаркху, Бахрам поднялся на квартердек, где ему был оказан беспримерно теплый прием.

— О, мистер Модди! Пожалуйста, присаживайтесь.

— Как ваше самочувствие? Надеюсь, погода на вас не влияет?

— Нет-нет, я вполне здоров, — поспешно заверил Бахрам. — Чем могу служить?

— Видите ли, мистер Модди… — Сперва интендант что-то мямлил, ходя вокруг да около, но наконец добрался до сути: — Вам, я уверен, известно, что сей остров — место заточения Наполеона Бонапарта. Ваши спутники горят желанием встретиться с ним, и он дал согласие. Но при одном условии.

— Каком?

— Бонапарт заявил, что примет ваших попутчиков только после встречи с вами, мистер Модди.

— Со мной? — изумился Бахрам. — Но почему?

— Понимаете, мистер Модди, он прослышал,

что на борту «Каффнеллса» пребывает зороастрийский принц.

— Кто? — вытаращился Бахрам. — Какой еще принц? Зачем он ему понадобился?

Откашлявшись, интендант пустился в объяснения:

— Знаете ли, мистер Модди, одно время Бонапарт воображал себя новым Александром Македонским. Из Египта он хотел двинуться на Персию и Индию, повторив путь великого полководца. Похоже, он даже возмечтал встретить Дария у врат Персеполя, как было с Александром…

В голове Бахрама зашумела кровь — для него, как и всего его рода, не было никого ненавистнее, чем двурогий грек[30].

— Что?! — возопил он. — Какой еще Александр-малександр? Иль не ведаете, что творил тот мерзавец? Разграблял дворцы, сжигал храмы, осквернял жен — мало вам? Он даже совращал юношей. И вы думаете, я покорно отправлюсь на встречу с новоявленным злодеем? Я, по-вашему, сумасшедший, что ли?

---

[30] Примечания: 30

На Востоке Александра Македонского называли Искандер Двурогий. Одни это объясняют его рогатым шлемом, другие — украшением, символизирующим рогатого бога Амона.

— Не извольте беспокоиться, — засуетился интендант. — Бонапарт не причинит вам ни малейшего вреда, он все же француз, а не грек. И потом его интересует не только ваше вероисповедание, он прослышал, что вы ведете дела в Китае, а всем хорошо известно его высказывание об этой стране: лучше пусть она спит, ибо от ее пробуждения весь мир содрогнется.

— В каком смысле? — озадачился Бахрам. — Он считает китайцев сонями, что ли?

— О нет, это, конечно, всего лишь метафора. Осмелюсь предположить, что его весьма интересует сия держава. И это одна из причин, почему он желает встречи с вами.

Бахрам уже изрядно раззадорился и не собирался потакать всяким прихотям.

— Погодите, чего ему надо? То я — Дарий, то — Хубилай![31] Пусть найдет себе китайца. Зачем ему я?

— Прошу вас, мистер Модди, смените гнев на милость! — взмолилась английская дама.

Немного успокоившись, Бахрам задумчиво сложил ладони домиком и барабанил подушечками пальцев. Получить приглашение от того, кто

---

[31] Примечания: 31

Хубилай (1215–1294) — монгольский хан, основатель монгольского государства Юань, в состав которого входил Китай.

еще недавно был императором, конечно, лестно, однако в одиночку встречаться с человеком, наголову разбивавшим целые армии, неразумно. В ушах зазвучал голос матери, на гуджарати прошептавший поговорку: коль сунул голову в жернов, не удивляйся, что ее размозжит.

Бахрам поскреб бороду и заявил:

— У меня тоже есть условие. На встречу я пойду только вместе с моим добрым другом мистером Карабедьяном.

Собеседники его растерянно переглянулись.

— Помилуйте, к чему это?

— А к тому, что он говорит по-французски и будет моим переводчиком.

— Боюсь, это невозможно, — отрезал интендант. — Я вынужден напомнить, что приглашение не распространяется на вашего друга.

— Что ж, бас, довольно! Не будем тратить время попусту. — Бахрам подхватил подол ангаркхи и сделал вид, что встает. — Я вас покидаю.

— Постойте! Мистер Модди, дорогой!

Вмешательство дам уладило вопрос: было решено, что делегация отправится в десять часов завтрашнего утра.

Задиг, разумеется, подслушал весь разговор и был так признателен своему другу, что тот даже

сумел выторговать себе небольшую скидку из оставшейся платы за место в каюте.

Вообще-то Бахрам похлопотал за приятеля и в собственных интересах тоже: интуиция подсказывала, что существует особый протокол встреч с императорами, пусть и свергнутыми, а в вопросах этикета он был слабоват. Ему доводилось встречаться с раджами, махараджами и даже падишахом — шахом Аламом Вторым, когда в Дели тот занимал пошатнувшийся трон империи Великих Моголов. Сей опыт его научил: власть имущие, даже пребывая в стесненных обстоятельствах, чрезвычайно щепетильны во всем, что касаемо их сана.

Задиг, много поездивший по свету, в куртуазных церемониях был подкован лучше, однако в некоторых пунктах нынешней беспрецедентной ситуации оказался столь же несведущ. Например, как им следует одеться? У обоих в сундуках хранились комплекты европейских костюмов, но ни тот, ни другой не горели желанием сменить удобную одежду на тесные приталенные наряды. И потом, рассудил Задиг, Бонапарт наверняка огорчится, увидев персидского принца в униформе колониального клерка. Стало быть, правильнее облачиться в свою привычную одеж-

ду, в которой они будут выглядеть достойно при любом дворе. Наряд Задига состоял из роскошного тонкотканного кафтана и шитого золотом ереванского жилета; Бахрам приготовил серебристо-серые шаровары с орнаментальным кушаком и кремового шелка джаму до колен, украшенную золотым шитьем. В этот великолепный ансамбль еще входила синего шелка чога со стоячим воротником, окантованным золотистой тесьмой. Вопрос головного убора Задига легко решился в пользу высокой собольей шапки, а вот у Бахрама возникли затруднения: чтобы завязать парадный тюрбан более десяти футов длиной, требовалась немалая ловкость, проявить которую в тесной каюте было очень и очень непросто.

Однако, вопреки всем опасениям, друзья, толкаясь и помогая друг другу, успешно облачились в праздничные одежды еще задолго до того, как было объявлено, что капитанская шлюпка готова доставить делегацию в Джеймстаун.

Столица острова выглядела живописно и весьма необычно: два ряда цветастых домов расположились в глубокой клиновидной долине, острием своим упиравшейся в холм, увенчанный скромным строением, местом заточения Наполеона.

Визитеры оседлали приготовленных для них лошадей и резвой рысью проследовали по уходившим вверх тесным мощеным улочкам. Поселок Лонгвуд, где обитал бывший император, находился на высшей точке острова, милях в пяти от его столицы. При каждом очередном повороте серпантин узкой, но весьма живописной дороги предлагал вид на сверкающую синь моря либо горный склон, укрытый деревьями в папоротниковых зарослях. Миновав сады и поляны в диких цветах, путники добрались до заставы британских солдат. Ветхий домишко по соседству оказался жилищем графа Анри Гасьена Бертрана, великого маршала императорского дворца, бывшего командующего ирландского корпуса в наполеоновской армии.

Гости спешились, о них доложили, и к ним вышел маршал, вопреки опасениям оказавшийся вовсе не великаном-людоедом, но весьма обаятельным господином с изысканными манерами. После обмена приветствиями он пригласил визитеров в дом, обещая им встречу кое с кем интересным. Решив, что сейчас предстанут перед ликом Злодея, дамы всполошились, но, оказалось, зря — маршал над ними подтрунивал, а в домишке их ожидала его жена, моментально

всех очаровавшая своим радушием и беглым английским. Похоже, особую радость ей доставила встреча с Задигом — она показала ему шаль верблюжьей шерсти, которую, по ее словам, ей подарила императрица Мария Луиза Испанская, за триста гиней купившая ее у купца-армянина. Возникла оживленная беседа, и вскоре гости были на короткой ноге с хозяйкой, наполовину ирландкой, наполовину креолкой. Все были настолько ею очарованы, что ничуть не огорчились, когда маршал Бертран, как бы извиняясь, сказал, что должен забрать двух восточных гостей для приватной беседы с генералом. Если прочие гости не возражают побыть в обществе графини, он бы тотчас исполнил возложенную на него задачу. Англичане охотно согласились, а Бахрам с Задигом встали и последовали за маршалом.

К вершине холма вела крутая извилистая тропа. Гости слегка оторопели, увидев простое бунгало, не впечатлявшее ни размером, ни видом. Единственной отличительной особенностью был высокий портик, и, если б не часовые вкруг жилища, дом этот можно было бы принять за обитель семьи весьма скромного достатка.

У ворот стояла палатка караульного наряда, рядом с которой топтались другие визитеры,

но, по знаку маршала, в сад пропустили только Бахрама и Задига. Через несколько шагов Бертран остановился и махнул в сторону цветников на взгорке — мол, гости сами легко отыщут генерала, который в этот час любит прогуливаться по саду, а ему, маршалу, пора вернуться к себе.

Одолевая пригорок, Бахрам и Задиг запыхались и даже немного взмокли.

— Что ж это за император такой? — отдуваясь, пробурчал Бахрам. — Нет даже привратника, чтоб встретил гостей.

Вопреки заверениям маршала, возле клумб с непритязательными маргаритками и астрами никого не оказалось.

— Хоть бы розы посадил! — скривился Бахрам. — Тоже мне император-мамператор!

Они пробирались через огород, когда вдруг увидели человека властного вида, да еще со звездой на мундире. Несомненно, это и был Бонапарт.

Бахрам был абсолютно не готов к встрече с императором на унавоженных капустных грядках и, не спуская глаз с Задига, решил во всем следовать примеру друга: если тот падет ниц, он поступит так же, не боясь изгваздать дорогую одежду. Однако повторить маневр Задига, сдернувшего шапку и обнажившего голову, было затруднительно;

на секунду Бахрам представил, как разматывает свой десятифутовый тюрбан, и, отринув эту идею, просто склонился в поясном поклоне.

Как ни досадно, все эти усилия пропали даром, поскольку властный господин оказался всего лишь дежурным офицером. Мало того, конфуз гостей его, похоже, изрядно позабавил.

— Генерал готов вас принять, — сказал он, усмехаясь. — Так что извольте собраться.

День выдался чудесный, на «Редруте» ждали прихода молодого Чиннери. Сидя в тени навеса, растянутого над горшками с растениями, Полетт видела, как Хорек приветствует поднявшегося на борт гостя.

Она тотчас заметила, что с их последней встречи Дрозд сильно изменился; наверное, Полетт и сама стала другой, но вот старый знакомец был одет и держался совершенно иначе, чем прежде. Он выглядел все тем же невысоким крепышом с носом пуговкой, глазами навыкате и выпяченными алыми губами, однако цветастые рубахи, прозрачные шарфики и сверкающие побрякушки сгинули, уступив место темному строгому костюму, который некогда Дрозд насмешливо обзывал «ливреей английского экспедитора»: уныло-серые пиджак и брюки, умеренной высо-

ты воротничок и простая черная шляпа вместо яркой банданы или многоцветной чалмы.

Из кожаной сумки, разительно отличавшейся от былых расшитых блестками мешков, Дрозд, отщелкнув медную застежку, достал тонкую папку.

— Получите ваши картинки, мистер Пенроуз. Я не стал делать копию с первого рисунка, поскольку в нем не читаются детали цветка. А вот копия со второго — бьюсь об заклад, вы не отличите ее от оригинала.

— Да, вы правы, хоть я не любитель держать пари.

Полетт подметила, что речь Дрозда изменилась не меньше его костюма — в ней не осталось и следа бенгальского налета.

— А где же Полетт? — воскликнул он с безупречной фонетикой английского саиба.

— Ждет вас наверху, ступайте к ней. — Хорек кивнул на квартердек. — Я понимаю, вам есть о чем поговорить, и не стану мешать.

— Так вот она где, моя душенька! — вскричал Дрозд, на миг обратившись в себя прежнего. Он взбежал по трапу и затараторил на бенгали: — *Аре Пагли, токе котодин декхини!* Мы так давно не виделись, Пагли! Ну давай обнимемся, что ли!

Очутившись в кольце его рук, Полетт уткнулась лицом ему в грудь и как будто вновь ощутила сладкий вкус забытого блюда — тех времен, когда они вместе дурачились, озорничали, ссорились и сплетничали. Она вдруг подумала, что у нее, наверное, не было друга ближе Дрозда, ибо Джоду был ей скорее братом, нежели другом.

— Ох, Дрозд, как же я тебе рада! Столько времени прошло!

— Много, очень много! Я ужасно по тебе соскучился, милая моя, дорогая Пагли!

— Ты нас простил, Джоду и меня?

— Давно уж. — Дрозд разомкнул объятья. — Все это в прошлом. Вы были еще детьми и, прости меня, лапонька, не очень-то разбирались в искусстве. Вообще-то во всем виноват я сам, хотя, не скрою, ваш вандализм меня сильно ранил. В ту картину я вложил столько души и сил, что ее утрата подкосила меня, приведя к весьма печальному исходу. Любезную матушку мою — ты же помнишь ее, святую простоту? — уныние мое так встревожило, что она, ты не поверишь, Пагли, взяла да оженила меня!

— Вот как? И что же из этого вышло?

— Разумеется, ничего, драгоценная моя Пагли, ибо я отнюдь не семьянин. Кроме того, суженая

моя была так страшна, что, как говорится, с ее бы рожей сидеть бы под рогожей.

— И что потом?

— Я поступил, как всякий Чиннери, оказавшийся в моем положении: дал деру. Первой мыслью было бежать к отцу в Кантон — единственное место, где никакая фря не достанет мужчину. Но это было непросто, поскольку путь в Китай совсем не дешев. К счастью, у меня имелась пара полотен в манере Чиннери, только без его подписи. Исправив сию оплошность, я их легко продал, пребывая в уверенности, что папаша простит мне мой отчаянный шаг. Однако все вышло наоборот: он устроил мне выволочку за подлог. Мало того, он, оказалось, обитает вовсе не в Кантоне, а в Макао, сущей дыре, где все строят из себя аристократов, и папенька мой, кому я как кость в горле, тоже подцепил эту заразу. Вообрази, дорогая Пагли, он представляет меня своим племянником и категорически запрещает появляться на людях в чем-либо ином, кроме этого ужасного костюма. Я пытаюсь быть послушным, а он все равно талдычит, чтоб я вернулся в Калькутту и помирился с женой, хотя прекрасно знает, что она с каким-то капельмейстером сбежала в Барракпор. Но я же не дурак, я понимаю, что он просто хочет от меня

избавиться, однако я решил твердо: с места не двинусь, покуда не побываю в Кантоне.

— А чем он так тебя прельщает?

Дрозд испустил глубокий вздох.

— Даже боязно сказать. Ты будешь смеяться.

— Не выдумывай. *Бол!* Говори!

— Понимаешь, жизнь мою счастливой назвать трудно, а к счастью особенно стремится тот, кому в нем постоянно отказывают. Скажу одно: я вполне уверился, что в Кантоне найду хоть толику радости.

— Но почему именно там?

— Видишь ли, я уже достаточно взрослый, чтобы понять: я не создан для блаженства обычной семейной жизни. Скорее всего, до конца своих дней я пребуду холостяком, но беспросветное одиночество меня страшит, и я бы хотел отыскать Друга, которому стану верным и преданным спутником. Все мои любимые художники — Боттичелли, Микеланджело, Рафаэль, Караваджо — имели таких друзей, которые во всем их поддерживали. Читая их жизнеописания, я понял, что всегда мечтал о таком Друге и без него не создам ничего значительного. Но ты же знаешь, как трудно я схожусь с людьми, я не такой, как другие, и многие меня считают немного *странным*.

В детстве никто не хотел со мной играть, даже мой брат. Если б мне платили за каждый тумак, полученный от мальчишек, сейчас я, ей-же-ей, был бы богачом.

— Послушай, тебе не кажется чудачеством ехать в Кантон ради поиска дружбы?

— Вовсе нет, дорогая моя! Из верных источников я знаю, что для этого на свете нет лучшего места, чем Город чужаков: там бесчисленно закоренелых холостяков. И для них ничуть не в тягость обитать на территории, запретной для женщин. Кроме того, там можно сделать большие деньги, и потому это самое подходящее место для убежденного одиночки вроде меня. Кое-кто из папашиных приятелей говорит, что холостяки слетаются в Кантон, точно птицы на зимовку. Я частенько приводил их слова, но отец только пуще злился — дескать, он не допустит, чтоб его кровиночка сгинула в море кантонских соблазнов. Уперся, как баран, и я уж думал, пропало дело. Он бы в жизни меня не отпустил, но я пригрозил воспользоваться своей единственной стрелой в колчане: мол, если он не добудет мне пропуск, я разоблачу его перед всеми аристократическими дружками — поведаю, как он обошелся со своею второй семьей. После этого па-

паша сдался и все устроил: я, дорогая моя Пагли, на всю зиму отправляюсь в Кантон, где буду жить в отеле «Марквик»!

— Как я тебе завидую! — сказала Полетт. — Если б я могла поехать с тобой!

Дрозд вновь заключил ее в объятья.

— Считай, ты там побываешь, душенька моя. Я буду писать тебе как можно чаще, почтовые лодки курсируют регулярно, и ты увидишь Кантон моими глазами.

— Правда? Ты обещаешь?

— Конечно, ни секунды не сомневайся. — Дрозд пожал ей руку, словно скрепляя сделку. — А теперь, дорогая Пагли, я хочу узнать о тебе и этом шалопае, твоем братце. Рассказывай все-все!

За поворотом тропинки открылась рощица, в которой они увидели Бонапарта: заложив руки за спину и чуть подавшись вперед, генерал смотрел на долину внизу. Плотного телосложения, он был невысок и неожиданно тучен — внушительное брюшко как-то не вязалось с человеком, чья жизнь была полна действия. Наряд его состоял из простого зеленого сюртука с бархатным воротником и серебряными пуговицами, на каждой из которых была оттиснута иная эмблема, нанковых кюлот, шелковых чулок и башмаков с крупными

золотыми пряжками. На левой стороне груди сияла большая звезда с геральдическим имперским орлом, голову укрывал бикорн из черного фетра.

Заметив гостей, Бонапарт снял шляпу и коротко кивнул. Наверное, у кого другого это читалось бы небрежением, но сейчас было знаком, что время дорого и незачем его тратить на пустые любезности. Бахрам навсегда запомнил его взгляд — острый, как скальпель хирурга, он как будто пронзал насквозь.

Едва генерал заговорил, стало ясно, что он, бывалый стратег, потрудился собрать сведения о посетителях, знает, кому из них отведена роль переводчика, и оттого по окончании приветствий обратился именно к нему:

— Ваше имя Задиг, не так ли? Вам его дали в честь одноименной книги господина Вольтера? — Бонапарт улыбнулся. — Вы тоже вавилонский философ?

— Нет, ваше величество. Я армянин, и это имя издревле в ходу у моего народа.

Пока шел обмен этими репликами, Бахрам постарался лучше рассмотреть генерала, телосложением напомнившего одну матушкину поговорку: *тукки герден вало харамджада ни нисани* — «короткая шея — признак шельмы». Еще

он отметил пронзительный взгляд, четкую речь, скупые, но выразительные жесты и застывшую на губах легкую улыбку. Задиг предупредил, что Наполеон, когда захочет, может буквально обворожить собеседника, и сейчас Бахрам, невзирая на языковой барьер, почувствовал всю силу его гипнотического обаяния.

По взглядам, которые на него бросал генерал, он понял, что речь зашла о нем и его ждут многочисленные вопросы. Сознавать себя темой беседы и не понимать, что о тебе говорят, было очень неуютно, но наконец-то Задиг стал переводить разговор на хиндустани.

Бахрам отвечал на заданные ему вопросы, однако в некоторых темах, интересовавших Наполеона, Задиг разбирался лучше, и потому вскоре стал не просто переводчиком, но третьим собеседником, зачастую оставляя друга в роли бестолкового слушателя. Лишь много позже Бахрам уразумел суть этой беседы, хотя в воспоминаниях о ней он себе виделся ее полноправным участником.

Первая серия вопросов, носивших личный характер, слегка смутила Задига: бич Пруссии заявил, что весьма впечатлен внешностью Бахрама — мол, бородатым лицом он схож с древним

персом, но вот одеяние его скорее индийское. А потому любопытно узнать, что именно современные парсы сохранили от культуры древней Персии.

Бахрам был вполне готов к такому вопросу, который часто слышал от приятелей-англичан. Генерал не ошибся, сказал он, одежда его и впрямь индийская, за исключением двух важных деталей, кои, независимо от пола, носят все его единоверцы: пояс кошти, сплетенный из семидесяти двух шнуров, и рубаха *седре*[32]. Оба эти талисмана скрыты под верхней одеждой, которая, как справедливо заметил император, ничем не отличается от той, какую по торжественному случаю надел бы всякий его соотечественник, равный ему по социальному статусу. Этакое сочетание наружного сходства с другими и невидимой глазу особости распространяется и на прочие стороны жизни его маленькой общины. Что касаемо веры, парсы твердо следуют древним канонам, всеми силами соблюдая учение пророка Заратустры, в остальном же свободно перенима-

[32] Примечания: 32

Седре́ — традиционная белая нательная рубашка зороастрийцев (мужчин и женщин) с широким воротом и короткими рукавами, изготовленная из цельного куска тонкой хлопковой ткани; стачивается девятью швами, имеющими символическое значение; поверх седре повязывается пояс-кошти.

ют обычаи и повадки своих соседей.

— Каковы главные принципы учения пророка Заратустры?

— Эта религия, ваше величество, из числа самых ранних верований в единого бога. Священное писание «Зендавеста» повествует о боге Ахура-Мазде, всеведущем, вездесущем и всевластном. В миг Творения он испустил лавину света. Ахура-Мазда — создатель всего сущего, а темная сила, отринувшая его ауру, известна под именем Ангра-Манью или Ахриман, то бишь дьявол, сатана. С той поры добро и свет извечно на стороне Ахура-Мазды, а силы тьмы им противостоят. Цель каждого зороастрийца проникнуться добром и изгнать зло.

Наполеон оглядел Бахрама и спросил:

— Он владеет авестийским языком?

— Нет, ваше величество. Как и большинство его соплеменников, он говорит только на гуджарати и хиндустани, даже английский освоил совсем недавно. Древний язык «Зендавесты» ведом только священникам и тем, кто изучал Писание.

— А как насчет китайского? Вы оба часто бываете в этой стране, не пытались овладеть ее наречием?

— Нет! — хором воскликнули Задиг и Бахрам.

В Южном Китае торговцы изъяснялись на своеобразном жаргоне, который еще называли *пиджин* в значении «деловой язык», весьма удобном в решении коммерческих вопросов. Многие китайцы свободно владели английским, но не желали вести на нем переговоры, считая, что это даст преимущество европейцам. Они больше доверяли пиджину, в котором, сохраняя китайскую грамматику, использовали лексику английского и португальского языков, а также хиндустани. Все, говорившие на этом жаргоне, оказывались в равном положении, что всех вполне устраивало. К тому же освоить этот язык было очень просто, а для тех, кто им не владел, существовал целый класс толмачей, так называемых «линквистов», готовых перевести с английского и китайского.

— Скажите, якшаться с китайцами вам дозволено беспрепятственно?

— Да, ваше величество, никаких ограничений. Наиболее важные сделки проходят через китайскую купеческую гильдию «Ко-Хон», члены которой несут всю ответственность за ведение дел с чужеземцами. В случае каких-либо нарушений им приходится отвечать за поступки зарубежных дельцов, и потому отношения между китайскими и прочими купцами очень близкие,

едва ли не партнерские. Еще есть разряд так называемых «компрадоров», обеспечивающих иностранцев провиантом и слугами. Они же следят за порядком в наших жилищах, расположенных в «Тринадцати факториях».

Последние два слова Задиг произнес по-английски, и генерал заинтересовался:

— Фактория — в смысле фабрика?

Задиг, хорошо разбиравшийся в предмете, не замедлил с ответом:

— Нет, ваше величество. Слово «фактория» заимствовано у венецианцев и португальцев, посещавших Гоа. Оно происходит от португальской «фейтории», означающей место, где агенты и комиссионеры ведут дела. Китайцы называют его «хон».

— То бишь слово никак не связано с производством?

— Никак, ваше величество. Строго говоря, факториями владеет гильдия «Ко-Хон», но вам это и в голову не придет, ибо все они олицетворяют собою разные государства. Над некоторыми, скажем, французской факторией, даже развеваются национальные флаги.

Генерал прошелся туда-сюда, искоса поглядывая на собеседника.

— Стало быть, фактория — своего рода посольство?

— Именно так ее воспринимают иностранцы, хотя китайцы не признают факторию посольством. Время от времени Британия направляет своих представителей в Кантон, но китайцы с ними не считаются, им дозволено держать связь только с местными властями, что тоже непросто: чиновник примет бумагу только в том случае, если она подана в виде прошения, исполненного иероглифами. Британцы не желают этого делать, а посему их заявления просто не рассматривают.

Наполеон хохотнул, сверкнув зубами.

— Значит, отношения разбиваются о канцелярские препоны?

— Совершенно верно, ваше величество. Ни одна из сторон не хочет уступить. Если кто и может состязаться с англичанами в заносчивости и упрямстве, так только китайцы.

— Но коль англичане шлют своих послов, выходит, китайцы им нужнее, чем они — китайцам.

— И вновь вы правы, ваше величество. С середины прошлого века в Британии и Америке так увеличился спрос на китайский чай, что теперь он — главный источник дохода Ост-Индской компании. Налоги от его продаж составляют

одну десятую британской казны. А если к нему добавить шелк, фарфор и лаковые изделия, станет ясно: европейский аппетит на китайскую продукцию ненасытен. В Китае же, напротив, интерес к европейским товарам невелик, там народ уверен, что их вещи, еда и обычаи — лучшие на свете. С годами это стало большой проблемой для Британии, ибо торговый дисбаланс привел к невероятному оттоку денег из страны. Вот истинная причина того, почему возник экспорт индийского опия в Китай.

Вскинув бровь, генерал глянул через плечо:

— Возник? *Commencé?* Вы хотите сказать, что сия торговля существовала не всегда?

— Нет, ваше величество, не всегда. Прежде, лет шестьдесят назад, опий струился хилым ручейком, а потом Ост-Индская компания применила его как средство борьбы с оттоком капиталов и настолько в том преуспела, что ныне сбыт едва может угнаться за спросом. Денежный поток развернулся в обратную сторону: серебро хлынуло из Китая в Британию, Америку и Европу.

Генерал подошел к дереву с чудными мохнатыми листьями, два сорвал и подал гостям:

— Наверняка вам будет интересно узнать, что это дерево называется «Женское капустное» и

больше нигде не произрастает. Сохраните листья как память об острове.

Задиг и Бахрам поклонились:

— Премного благодарны, ваше величество.

Генерал решил вернуться к дому, от которого они отошли довольно далеко. Бахрам понадеялся, что опийная тема забыта, но, как оказалось, император отнюдь не был рассеян.

— Скажите, господа, разве опий не зло для китайцев?

— Конечно, зло, ваше величество. В прошлом веке на ввоз опия налагался запрет, который не раз продлевался. В основном торговля идет тайком, но положить ей конец нелегко, поскольку многие чиновники, крупные и мелкие, имеют свой навар. Что касаемо дельцов и перекупщиков, их барыши так велики, что они всегда найдут способ обойти закон.

Уставив взгляд в землю, Наполеон тихо произнес, словно размышляя вслух:

— Даже при нашей Континентальной блокаде[33] мы тоже столкнулись с этой проблемой. Торговцы и контрабандисты чрезвычайно изво-

[33] Примечания: 33

Континентальная блокада — система экономических и политических мероприятий, в 1806–1814 гг. проводившихся Наполеоном против Великобритании.

ротливы.

— Истинная правда, ваше величество.

В глазах генерала мелькнул огонек.

— И сколько, по-вашему, китайцы будут терпеть такое положение дел?

— Поживем — увидим, ваше величество. Ситуация достигла точки, когда приостановка торговли станет крахом Ост-Индской компании. А без нее британцам не сохранить свои восточные колонии, приносящие немалый доход. Поверьте, я не преувеличиваю.

— *Quelle ironie!* — Наполеон вдруг полыхнул своей обворожительной улыбкой. — Забавно, если именно опий пробудит Китай ото сна. Коль так случится, вы сочтете это благом?

— Пожалуй, нет, ваше величество, — тотчас ответил Задиг. — Меня учили, что зло не может породить добро.

Бонапарт рассмеялся.

— Тогда весь мир — сплошное зло. Зачем, к примеру, вы торгуете опием?

— Я им не торгую, ваше величество, — поспешно сказал Задиг. — Я часовщик и опийной торговли не касаюсь.

— Но ею занимается ваш друг, верно? Он не считает это злом?

Вопрос застал Бахрама врасплох, и он замешкался с ответом, но, пораскинув мозгами, сказал:

— Опий подобен ветрам и течениям, курс коих изменить я не властен. Человек не добр и не зол, когда плывет по воле волн. Судить о нем следует по его отношению к окружающим — друзьям, родным, слугам. Вот мое кредо.

— Но разве отдавшийся воле волн не может погибнуть? — Наполеон окинул его пристальным взглядом, но больше ничего не добавил.

Они уже подошли к дому, на дорожке показался адъютант, искавший генерала. Бонапарт сдернул шляпу:

— *Au revoir messieurs, bonne chance!*[34]



[34] Примечания: 34
Прощайте, господа. Удачи! (*фр.*)

Часть вторая
Кантон



7



7 ноября 1838.
Отель «Марквик», Кантон.

Милая моя Пагли,

Ну вот я и в Кантоне! Добирался целую вечность! Паром, на котором я ехал, чрезвычайно странное судно, похожее на гусеницу и столь же быстрое. Как я завидовал чужеземцам, проносившимся мимо в своих изящных ялах и красивых баркасах! Говорят, для самых быстроходных из них дорога из Макао в Кантон занимает всего полтора дня. Вполне понятно, что нашей гусенице потребовалось времени вдвое больше, и наконец-то она приползла в Вампоа, откуда до Кантона еще около двенадцати миль.

Вампоа — остров на Жемчужной реке, где броса-

ют якорь чужеземные корабли. Им не дозволено подходить к Кантону ближе, там они и стоят, покуда разгружают либо заполняют их трюмы. Время это — мука для несчастных матросов, ибо в Вампоа ничего примечательного, кроме прелестной пагоды. У меня сложилось впечатление, что поселок этот вроде калькуттского района Бадж Бадж на Хугли: скопище захудалых складов, сараев и таможен. Команды ласкаров, истомленные бездельем, считают дни до увольнительной в Кантон.

К счастью, долго торчать там не пришлось — лодки, готовые отвезти тебя в Кантон, курсируют днем и ночью. Река запружена судами самых причудливых форм, однако ты не вдруг понимаешь, что приближаешься к огромному городу. По левую руку видишь остров Хонам, которому сады и поместья придают пасторальный вид, и вновь вспоминаешь Калькутту, где на подъезде тебя встречают прибрежные луга и рощи Читпура. Сампанов, баркасов и джонок становится все больше, а причаленные к берегам суда выглядят бесконечной баррикадой, заслоняющей вид на город. Но вот над мачтами возникают очертания громадных городских стен из серого камня, в которых через равные промежутки возведены

сторожевые башни и ворота под многоярусными крышами. Калькуттский Форт-Уильям выглядит крошечным по сравнению с этой огромной цитаделью: городские стены уходят вдаль, взбираются на холм и соединяются в величественной пятиэтажной башне под названием «Умиротворение моря» (как поэтично, не правда ли?). Говорят, за хорошую мзду караульные пропускают на самый верх, откуда открывается потрясающий вид: у твоих ног весь город, похожий на большую карту. До башни всего час-другой ходу вдоль городских стен, и я непременно к ней наведаюсь, иначе вообще не увижу цитадель. Чужеземцам категорически воспрещен вход через любые ворота, из-за чего еще сильнее хочется проникнуть внутрь! Ну да ладно. И без того тут есть на что посмотреть: живописные окрестности Кантона — как будто флотилия маленьких судов, окружающих флагманский корабль цитадели.

Ты не поверишь, Пагли, но главная окрестность города — река! В плавучих жилищах народу обитает больше, чем во всей Калькутте — по слухам, целый миллион! К берегам причалено столько лодок, что не видно воды. Сперва это плавучее поселение кажется огромным скоплением убогих жилищ, построенных из топляка, бамбука и

тростника; лодки стоят так тесно, что их можно принять за нелепые хижины, если б не легкая качка из-за временами набегающих волн. Ближе к берегу ряд сампанов четырех-пяти ярдов длиной. Бамбуковые навесы весьма просты и в то же время чрезвычайно хитроумны, ибо их поднимают или складывают, смотря по погоде. В дождь они служат зонтом, а в погожие дни их убирают и наслаждаются солнышком. Но самое поразительное — жизнь, протекающая на этих лодках. Обитатели их так деловиты, что сие плавучее поселение выглядит ульем на воде: вот здесь готовят соевый творог, там стругают благовонные палочки, в третьей лодке нарезают лапшу, еще дальше тоже над чем-то хлопочут, и все это под оглушительный аккомпанемент кудахтанья, хрюканья и лая, ибо всякая такая мастерская еще и скотный двор! Между лодочными рядами оставлены небольшие проезды для плавучих лавок, коим несть числа, ими правят ремесленники всех мастей: кожевники, лудильщики, портные, бондари, сапожники, цирюльники, костоправы и прочие, возвещающие о своих услугах колокольчиками, гонгами и воплями.

Иностранцы считают плавучий поселок рассадником душегубов, лиходеев, татей, шалав и

всяческой мрази, но, признаюсь, тем сильнее мое желание его изучить. Он так притягателен, что не терпится написать несколько этюдов в манере Якоба ван Рёйсдала или даже мистера Тёрнера (хотя это вряд ли, ибо при одном упоминании последнего папаша мой буквально зеленеет).

Теперь об иностранном анклаве, или Городе чужаков, как я уже привык его называть. Он расположен на самой окраине, возле юго-западных ворот цитадели. От неожиданности у меня захватило дух, ибо ничего похожего я прежде не видел. В факториях я предполагал найти милые китайские штрихи вроде загнутых остроконечных крыш пагод, которые так радуют глаз на картинах художников Поднебесной. Но, окажись ты на моем месте, дорогая Пагли, ты бы, уверяю тебя, вспомнила о совершенно иных далеких местах — об Амстердаме кисти Рембрандта или даже о Калькутте в изображении Чиннери. Ты бы увидела ряд зданий с колоннами и пилястрами, высокими окнами и черепичными крышами. Кое-где видишь украшенные колоннадой веранды с травяными ширмами, какие встречаются в Индии; стоит чуть прищуриться, и ты будто вышагиваешь по улицам Калькутты, поглядывая на вывески складов и контор английских торговых

домов. Только здесь цвета ярче и разнообразнее, на фоне серых стен цитадели фактории смотрятся красочными мазками.

Из тринадцати факторий самая большая — британская; там есть церковь с башенными часами, которые отбивают время для всего Города чужаков. В палисаднике установлен высоченный флагшток. Флаги развеваются и над другими факториями — голландской, датской, французской и американской. Я в жизни не встречал таких больших флагов на высоких столбах, которые смотрятся гигантскими копьями, воткнутыми в китайскую землю, и устремлены ввысь, дабы их видели мандарины за городскими стенами.

Знаешь, я сразу стал прикидывать, как все это запечатлеть. Пока что не начал, но уже понимаю, что возникнут сложности с перспективой. Фасад фактории так невелик, что кажется, будто за ним не уместиться и дюжине человек. Однако он скрывает длинный арочный проход, по обеим сторонам которого выстроились дома, подворья, склады, хранилища; вечерами там зажигают фонари, и тогда этот пассаж напоминает городскую улицу.

Одни считают, что фактории выстроены по типично китайскому образцу: на ограничен-

ную территорию втиснута масса зданий. Другие утверждают, что примером послужили колледжи Оксфорда и Лейдена, где строения сгруппированы по периметру квадратных дворов. Будь я персидским миниатюристом, я бы выдумал необычный угол зрения, позволяющий видеть внутреннее устройство фактории за фасадом, изображенным на переднем плане. Идея опасная, ибо это вызовет грандиозный скандал: папаша мой ужаснется, и остаток жизни я проведу за упражнениями в правильной перспективе.

Однако я забегаю вперед, а сам еще не поведал о здешнем причале под названием «Очко». (Ей же ей! Получается, что в легендарный город мужчин ты попадаешь через одно непроизносимое место.) Однако сия интимная часть ничем не отличается от калькуттской пристани: пандуса нет, только ступени, скользкие от ила, нанесенного давешним приливом. (Да-да, драгоценная моя Пагли, Жемчужная, как и наша любимая Хугли, дважды в день прибывает и отступает!) Но в Калькутте не увидишь такого бедлама: толпы народа, шум и гам, носильщики буквально дерутся за твой багаж! Мне, считай, повезло оказаться трофеем паренька с обезоруживающей улыбкой, по имени А-Лей. (Ты спросишь, почему здесь так часто

имена начинаются с «А» и никогда — с «О»? И на улицах Макао ты несчетно встретишь парней, которые представятся «А-Маном», «А-Ганом» и всё в таком роде. Поинтересуйся значением «А» в их именах, и ты поймешь, что звук этот сродни английскому артиклю, нужному лишь для прочистки горла. Чаще всего обладатели имен на «А» молоды и бедны, но это вовсе не означает, что у них нет иных прозвищ. В других своих ипостасях они могут быть известны как «Огнедышащий дракон» или «Неутомимый жеребец». Насколько это соответствует действительности, знают только их друзья и жены.)

А-Лей, ростом мне по пояс, не выглядел драконом или жеребцом. Я опасался, что мой багаж его раздавит, но он одним движением закинул его себе на спину и спросил: «Куды нести?» «Отель „Марквик“», — сказал я. И вот, ведомый моим юным Атлантом, я проследовал на площадь, зримое воплощение сути и духа Города чужаков. Этот прибрежный участок между факториями англичане окрестили площадью, однако на хиндустани для него есть название точнее — майдан. Этим словом как нельзя лучше опишешь перекресток дорог, место для встреч и прогулок, где царит нескончаемая суета, где такое людское ко-

ловращение, что вряд ли мне удастся передать его на холсте. Здесь все удивительно и неповторимо. Вот тебя накрывает оглушительным стрекотом, а в центре его человек с шестом, с которого свисает уйма ореховых скорлупок; приглядишься и понимаешь, что каждая скорлупка — изящный домик для сверчка! Тьма сверчков, распевающих во все горло! Через пару шагов тебя настигает топот — в паланкине, а проще говоря, крытом сиденье на жердях, несут мандарина либо знатного купца. Впереди носильщиков, которых здесь называют «бесхвостыми конями», бегут слуги, барабанным боем и хлопками в ладоши расчищающие путь в толпе. Зазеваешься — и бесхвостые жеребцы тебя вмиг затопчут…

Однако сие место — крохотный пятачок! Весь Город чужаков с его тринадцатью факториями уместится в одном уголке калькуттского майдана. Из конца в конец он около одной тысячи футов, что не составит и четверти мили, а в ширину — вдвое меньше. Город этот подобен морскому кораблю, где на небольшом пространстве скучены сотни, нет, десятки сотен человек. Я убежден, нигде на свете нет столь маленького и столь многообразного поселения, в котором люди с разных концов земли по шесть месяцев в

году обитают в невероятно тесном соседстве друг с другом. Уверяю тебя, драгоценная моя Пагли: окажись ты здесь и взгляни на флаги факторий, что полощутся перед серыми стенами кантонской цитадели, ты бы тоже оторопела, решив, что перед тобой последний из оставшихся на свете огромных караван-сараев.

С другой стороны, все тут знакомо: куда ни глянешь, повсюду подавальщики, конторщики, повара, рассыльные, батраки, привратники, ростовщики, докеры и матросы. И что самое удивительное, дорогая Пагли, среди обитателей Города чужаков полно индусов! Из Синдха и Гоа, Бомбея и Малабара, Мадраса и холмистой Коринги, Калькутты и Силхета, но вся эта география ничего не значит для беспризорников, что кишат на майдане. У них свои прозвища для всякого рода чужеземных бесов: англичане — «айсэй», французы — «мерд», индусы — «ачха». Не важно, из Карачи ты или Читтагонга, тебя окружат и будут ныть, протягивая руку: «Ачха, ачха, дай денежку!»

Похоже, они считают, что все ачха — земляки. Забавно, не правда ли? Тут даже есть фактория, которую называют «Ачха-Хон». Правда, она без собственного флага.

В Кантоне день Нила начинался рано. Всем служащим приходилось подстраиваться под Бахрама, человека устоявшихся привычек. Для Нила это означало, что он должен встать еще затемно и подготовить контору в полном соответствии с пожеланиями хозяина, не терпевшего ни малейших погрешностей. Комнату надлежало подмести за полчаса до прихода Бахрама как минимум, дабы пыль успела осесть, конторку и стул секретаря установить в дальнем углу и нигде больше. Наведение порядка было непростой задачей, поскольку для ее выполнения требовалось растолкать других работников, отнюдь не расположенных получать приказы от столь молодого и неопытного помощника.

Нил еще не видел такого странного помещения, как будто перенесенного из холодных краев Северной Европы: высокий потолок в стропилах, напоминающий церковный свод, и камин, снабженный мраморной полкой.

Историю о том, как хозяин завладел этой конторой, рассказал Вико. На заре своих поездок в Кантон Бахрам, как и все другие парсы, обитал в голландской фактории. Когда-то давно его соотечественники оказали помощь нидерландским купцам, приехавшим в Гуджарат, и позже те

отблагодарили парсов: дали приют их дельцам, начавшим торговлю с Китаем. Да еще дед Бахрама, некогда обитавший в Сурате, имел делового партнера из Амстердама, что также проложило дорогу парсам в голландскую факторию. Однако мрачная унылая обитель, в которой громкий смех и разговор вызывали неодобрительные взгляды, а то и грозили выволочкой, Бахрама ничуть не прельщала. Вдобавок ему, самому молодому в бомбейской компании, всегда отводили самую темную и сырую комнатку. Не радовало и соседство других парсов, среди которых было немало стариков, считавших своим долгом присмотреть за юношей. Узнав, что неподалеку сдается хорошее жилье, Бахрам, не мешкая, отправился на разведку.

Оказалось, речь о фактории Фантай-Хон, так называемой «сборной солянке», где обитали чужеземцы разных национальностей. Фасад ее был поскромнее, однако внутренней планировкой она ничуть не отличалась от соседей: вдоль крытого арочного прохода выстроились разделенные двориками дома. Здания были разные: одни маленькие, другие большие, в несколько квартир, каждая из которых имела кухню, чулан, контору, хранилище и жилые покои. Удаленные

от майдана дома на задах фактории мало кого привлекали: в темных грязных каморках, похожих на тюремные камеры, селились беднейшие из приезжих — мелочные торговцы, менялы, слуги и младшие конторщики.

Наибольшим спросом пользовались жилища, окна которых выходили на майдан, но таких, учитывая узость фасадов, было немного. Эти апартаменты считались роскошными и стоили соответственно, однако редко бывали не заняты. Поняв, что может заполучить жилье с видом на майдан, Бахрам тотчас внес аванс. С тех пор в каждый свой приезд он снимал те же апартаменты, всякий раз занимая все больше комнат для размещения увеличивающейся свиты из менял, слуг, конторщиков и поваров.

Потом, следуя его примеру, туда потянулись другие бомбейские купцы, и вот так возникла фактория Ачха-Хон. На правах первопроходца и многолетнего гостя Бахрам занимал лучшую квартиру, где имелись комнатушки и для его челяди, разросшейся до пятнадцати человек. Его собственные апартаменты, расположенные на верхнем этаже, состояли из просторной, но темноватой спальни, холодной ванной и столовой, которая использовалась только по особым

случаям. Разумеется, здесь же была и контора с чудесным видом на майдан и реку; с годами она стала местной достопримечательностью, и старожилы говорили новичкам: «Вон, видите окно со средником? Это контора Барри Модди».

Конечно, Бахрам был не единственным постояльцем: когда он пропускал торговый сезон и оставался в Бомбее, квартиру занимали другие купцы, и в ней имелись следы их пребывания. Нередко так случалось, что торговец, покончив с делами, вдруг понимал: он сильно оброс пожитками, все их домой не увезти, кое-что придется бросить. И оттого в конторе собралась внушительная коллекция разнородных вещей: бюсты кивающих болванчиков, резные деревянные пагоды, зеркальца в лакированных оправах, серебряная урна (вообще-то терка для мускатного ореха) и стеклянный шар с неустанно кружащейся пучеглазой золотой рыбкой. Многое из этого принадлежало Бахраму, включая загадочный булыжник в темном углу конторы: покрытая серой пылью здоровенная каменюка была вся в дырках, словно изъеденная червями.

— Знаете, откуда взялся этот камень? — однажды спросил Бахрам. — Его преподнес Чунква, мой давний компрадор. Как-то раз он приходит

и говорит, что хочет сделать мне подарок на память. Ладно, отвечаю, спасибо. И вот шесть мужиков втаскивают этот валун. Наверное, думаю, тут какой-нибудь фокус и сейчас сюрпризом появится драгоценность, спрятанная в камне. Ничуть не бывало! Оказывается, прапрадед Чунквы привез этот булыжник с озера Тайху, которое славится своими камнями (вообразите, китайцы похваляются булыжниками, как мы — сластями!). Когда валун доставили, предок счел его не вполне готовым. Как вам нравится этакий образ мыслей? Господь давным-давно сотворил эту штуковину, но она, видите ли, не совсем хороша. И знаете, что с ней сделали? Положили под водосток, чтоб дождевая вода проточила узоры. Ничего себе терпение у этого народа? Не то что мы с вами — всё бегом да впопыхах. Девяносто лет чертова каменюка лежит под карнизом, и вот Чунква, решив, что теперь она готова, преподносит ее мне как памятный подарок. Мать честная, думаю, что же мне с ней делать? Отказаться нельзя — обида страшная. И домой не отвезешь — женушка взгреет. Что, скажет, это все, что ты смог привезти из Китая? Интересно, чем ты там занимался. Как быть? Пришлось оставить булыжник здесь.

Кроме камня, в конторе был еще один дорогой

его сердцу предмет — письменный стол, бесспорно великолепный представитель мебели из полированного индийского дерева и со скобянкой из белой меди. Ряды арочных ячеек на его внешней стороне были разделены перегородками в виде позолоченных книжных корешков, а девять выдвижных ящиков снабжены медными ручками и замочными скважинами.

Все ключи от стола хранились в сейфе, однако Нилу был выдан дубликат самого большого ключа от верхнего ящика, поскольку в обязанности секретаря входила утренняя проверка письменных принадлежностей, каким хозяин отдавал предпочтение. С гусиными перьями было просто, а вот с чернилами сложнее: Бахрам не желал обычных, но требовал изящный чернильный камень, пару отменных чернильных палочек и горшочек особой «родниковой» воды, чтобы, подобно китайскому мудрецу, неспешно и задумчиво развести собственные чернила, если возникнет такая необходимость. Учитывая его непоседливость, этакое священнодействие казалось маловероятным, однако исходным материалам для чернил и гусиным перьям надлежало покоиться в левом верхнем углу столешницы. Самое смешное, что Бахрам редко присаживался

за стол, но почти всегда расхаживал по конторе, сцепив руки за спиной, и даже документы подписывал на подоконнике, схватив затупившееся перо Нила.

И лишь вкушая завтрак, он в полной мере пользовался стулом. Трапеза представляла собою продуманную, за годы отточенную церемонию под руководством повара Место и проходила не в личной столовой хозяина, но за столом с мраморной крышкой в углу конторы. С приходом Бахрама стол застилали шелковой скатертью и на нем появлялись тарелки и миски: яичница-болтунья *акури*, сдобренная кориандром, молодым чили и зеленым луком, пельмени *шу-май* с куриным мясом и грибами, парочка гренков, шампур-другой *сатая*[35], немного рисовой каши с топленым маслом и блюдечко *кхимо каледжи* — баранины, перемолотой с печенью. Ну и все такое прочее.

Завтрак неизменно завершался напитком собственного изобретения Место: в нем присутствовала чайная заварка, однако он ничуть не походил на чай, который обычно подавали в Кантоне. У гостей индийской фактории напиток

---

[35] Примечания: 35
Сатай — индонезийские и малазийские шашлычки.

вызывал такое отвращение, что их мутило от одного только его запаха. («Нет, вы подумайте! — презрительно говорил Вико. — Они охотно жрут змей и скорпионов, но их воротит от молока!»)

Напиток готовил Место, однако управляющий отвечал за поставку ингредиентов, что оказалось задачей не из легких, поскольку молоко, главную составляющую питья, в Кантоне было раздобыть труднее, нежели миро или миробалан[36]. В Городе чужаков главным молочным источником были несколько коров, принадлежавших датской фактории; поскольку многие европейцы не могли обойтись без сливок, масла и сыра, весь датский удой разбирали, едва он попадал в бадью. Однако неугомонный Вико нашел другого поставщика: за рекой, прямо напротив чужеземного анклава, на острове Хонам расположился большой буддийский монастырь, в котором обитало изрядное число тибетских монахов. Привыкшие к чаю с маслом и прочим яствам, для которых требовалось молоко, монахи содержали небольшое стадо буйволов, заменявших им яков. Они-то и давали молоко для напитка по рецепту Место, в который еще входили черный чай, щепотка гвоздики,

[36] Примечания: 36

Миробалан — плодовое дерево, знаменитое лекарственное средство древневосточной медицины.

корица, бадьян и горсть-другая рафинированного китайского сахара, недавно снискавшего популярность в Бомбее. Сей продукт назывался «чай» или «чай-гарам» (отсылка к специям, входившим в его состав). Бахрам пристрастился к напитку и поглощал его кружками, которые ему подавали в установленные часы, служившие вехами дня.

Чай этот стал любимым напитком всей индийской фактории, и все работники Бахрама чутко прислушивались, ожидая, когда раздастся монотонный выкрик разносчика «Чай-гарам, чай-гарам!» Особенно желанной была утренняя кружка чая, к которой прилагалась и легкая закуска — обычно что-нибудь из уйгурской кухни вроде *самсы*, мясного пирожка. Эти пирожки пекли в глиняных печах и еще горячими продавали на майдане, стоили они недорого. Обитатели Ачха-Хон охотно брали эту предтечу популярной индийской еды, только на свой лад переиначили ее название в *самосу*.

Вскоре и Нил, наравне со всеми, с нетерпением ждал утренний чай-гарам и самосу, непривычные названия которых смаковал не меньше самих блюд. Теперь он постоянно обновлял свой словарный запас: например, узнал кантонское слово «чай» или от Вико почерпнул португаль-

ское «фалто» (фальшивка), окружением Бахрама переиначенное в «фалту».

Обустраиваясь в новой жизни, Нил понял, что фактория — это целый мир с его собственной пищей и словами, обычаями и уставами, а ее обитатели — первые граждане пока что не созданной страны Ачхастан. И главное, все они, от последнего подметальщика до привередливого менялы, гордились своим домом и были почти семьей. Поначалу это изумляло, ибо представить семью из пестрого сборища выходцев со всех краев индийского субконтинента, изъяснявшихся на дюжине разных языков, казалось невозможным и даже абсурдным. Одни прибыли из районов британского или португальского владычества, другие происходили из мест, где правили навабы, низамы, раджи и равалы; среди них были мусульмане, христиане, индуисты, зороастрийцы и даже те, кто на родине считался неприкасаемым. В иных обстоятельствах их пути никогда не пересеклись бы, они бы и словом не перемолвились, не говоря уж о том, чтоб сидеть за одним столом. Дома им бы в голову не пришло, что у них может быть столько общего, но здесь, хотели они того или нет, это общее проявляло себя в обращенных к ним крикам «Ачха, ачха!», стоило им появиться

на майдане.

Возражать против этого огульного ярлыка было бесполезно: мальчишки-оборванцы не делали различий между мусульманином из Качхи, католиком-аристократом и бомбейским парсом. Почему так, из-за внешности? Или одежды? Или языка? Но ведь у них столько разных наречий. Или дело в неистребимом запахе специй, исходящем от представителя любой касты? Во всяком случае, наступал момент, когда ты был вынужден признать: существует нечто, связующее тебя с другими ачха. Этот неопровержимый факт было невозможно отшвырнуть, как нельзя сбросить собственную кожу и натянуть другую. Удивительно, но стоило принять, что эта загадочная общность существует в реальности, а не только в глазах джиннов и беспризорников, как ты начинал осознавать: каждый внес свою долю в то, как вас воспринимают и как к вам относятся. И чем дольше вы проживаете под одной крышей, тем крепче связующие вас узы, ибо укрепляются они не чрезмерным эгоизмом, но общим стыдом. Каждый знал, что почти весь «черный ил» занесен в Кантон с его родных берегов, и наросшая тонкая прослойка богатства не избавляет от прилипчивой вони, неведомой иным чужакам.

Знакомый бой городских часов и привычный вид из окна конторы успокаивали. Как всегда, на майдане шастали зазывалы, приманивая клиентов в кабаки Свинского проулка; на причале «Очко» высаживались матросы, полные решимости взять все от своей увольнительной; в заулках кучки нищих под деревьями скороговоркой клянчили подаяние; от складов к лодкам сновали грузчики; на своих обычных местах цирюльники, укрывшись от солнца под переносными бамбуковыми навесами, выбривали лбы и заплетали косицы клиентам.

Однако, несмотря на всю эту обыденность, Бахрам сразу понял, что в Китае произошли серьезные перемены. В прежние времена он бы оставил «Анахиту» в речном устье возле острова Линтин, где всегда бросали якорь торговые корабли из Индии. Сейчас там не было ни одного судна, кроме двух старых брандвахт, американской и английской. Именно с их безмачтовых палуб забирали опий «резвые крабы», изящные большие лодки, которые стремглав летели по реке, завораживая согласованным взлетом и падением своих шестидесяти весел. Нынче в устье не было ни единого «резвого краба». Палубы брандвахт, на которых прежде кипела жизнь, были пусты,

и казалось, что эти судна вот-вот перевернутся килем вверх.

Уведомленный заранее, Бахрам оставил «Анахиту» у Гонконга, бросив якорь в узкой протоке, разделявшей остров и мыс Коулун. Прежде такое было бы немыслимо, поскольку обычно все обходили стороной этот пролив, опасаясь пиратов. Нынче здесь встал на якорь весь опийный флот, утешаясь тем, что, в случае чего, команды придут на помощь друг другу.

Сия картина сулила значительные изменения и в Кантоне, но у Бахрама отлегло от сердца, когда он нашел Город чужаков в его прежнем виде. И лишь устремив взгляд, вот как сейчас, на плавучий город, он вспоминал об одной необратимой перемене, касавшейся его лично. По привычке он смотрел туда, где на слиянии Жемчужной и Северной рек, образовавших водную ширь под названием озеро Белый Лебедь, всегда стояла лодка Чимей. За двадцать с лишним лет Чимей сменила несколько лодок, но как-то исхитрялась сохранить свое причальное место. Поначалу она владела плохонькой лодкой-кухней, которую было трудно отыскать взглядом среди сотен суденышек, пришвартованных вдоль берега. Потом эту лодку сменяли другие, больше и узнаваемее,

а последняя была так приметна, что Бахрам сразу ее находил, глянув из окна конторы: ярко выкрашенное двухпалубное судно с кормой в виде вскинутого рыбьего хвоста. Уже вошло в привычку смотреть на витую струйку дыма от лодочной жаровни, означавшую, что Чимей растопила печку и приступила к своим ежедневным хлопотам, и жизнь на лодке казалась загадочным, но необходимым контрастом к делам конторы.

Нынче Бахрам надеялся и даже рассчитывал найти лодку Чимей на ее обычном месте; вообще-то лодка была его собственностью — он щедро финансировал ее покупку и теперь желал распорядиться ею по своему усмотрению.

Мысль о том не оставляла его весь последний отрезок пути от Вампоа до Кантона, и он намеревался при первой возможности обсудить это дело с Чунквой. Однако, высадившись на причале «Очко», он не увидел знакомого лица — Бахрама и его свиту встретил Тинква, один из сыновей старого компрадора. От него-то Бахрам и узнал, что старик долго болел и недавно скончался; по обычаю, сыновья унаследовали его дело.

Новость оглушила. С Чунквой он был знаком очень давно, они начали сотрудничать еще молодыми парнями, вместе прошагали к достатку

и почтенному возрасту. Их связывали доверие и глубокая приязнь друг к другу, они дружили семьями, и в отсутствие Бахрама компрадор приглядывал за Чимей и Фредди — был парню вместо дядюшки, передавал деньги и подарки, присланные Бахрамом.

С его смертью оборвалась еще одна связь с Кантоном; Бахрам, хорошо знавший сыновей Чунквы, не мог представить, что они переймут дело отца, а уж тем более Тинква, ветреный юнец, мало интересовавшийся этой работой. На вопрос о лодке Чимей парень небрежно ответил, что ее продали, а кому — он не знает.

Теперь, подходя к окну, всякий раз Бахрам машинально смотрел туда, где прежде стояла знакомая лодка, и, не увидев ее, морщился, как от боли.

Удивительно, что в столь плотном скоплении лодок нехватка всего одной казалась огромным пробелом.

Еще один полюс здешней жизни Бахрама из окна не просматривался — кантонская Торговая палата размещалась в пределах датской фактории.

Палата играла роль более значимую, нежели подразумевало ее название: она не только пред-

ставляла интересы иностранных купцов, но держала руку на пульсе деловой и светской жизни Города чужаков. Многие зарубежные торговцы, бывавшие в Индии, привыкли к удовольствиям, которые предлагали клубы Байкаллы, Бенгалии и прочие. В Кантоне таких заведений не имелось, и Торговая палата волей-неволей стала их некоторым подобием. Она занимала одно из самых больших зданий Города чужаков — Дом № 2 в датской фактории. На первом этаже располагались конторы и Большой зал, вполне пригодный для общих собраний. Социальные услуги предлагались этажом выше, здесь был так называемый «Клуб», члены которого за дополнительную плату могли пользоваться курительной комнатой, баром, библиотекой, гостиной, верандой, где в погожие дни подавали завтрак, и столовой, окна которой выходили на песчаный остров Шамянь.

На следующем этаже имелись роскошные комнаты и залы совещаний, доступные только председателю и членам правления, которое официально называлось «Советом палаты», а в обиходе просто Советом.

В одном Палата существенно отличалась от клубов Бенгалии и Байкаллы: здесь отсечение азиатов было продиктовано скорее осмотри-

тельностью, нежели уставом. К тому вынуждало своеобразие кантонской торговли, в которой очень большую долю импорта занимали товары из Бомбея и Калькутты. Поскольку многие поставочные цепочки (опия «мальвы» особенно) были под контролем индийских дельцов, Палата сочла неблагоразумным вводить жесткие расовые ограничения, принятые вышеозначенными клубами. Взамен этого были установлены чрезвычайно высокие членские взносы, способные отвадить всякие нежелательные элементы. Однако в состав Совета традиционно входил хотя бы один парс — как правило, старейшина кантонской общины. Среди бомбейских купцов этот пост считался весьма завидным, своего рода коронацией, ибо Совет, по сути, был неофициальным кабинетом министров иностранного анклава.

Всего через неделю после приезда в контору вошел Вико с письмом, проштемпелеванным личной печатью Хью Гамильтона Линдси, нынешнего председателя Торговой палаты и, стало быть, главы Совета. Хорошо подкованный в правилах и обычаях Города чужаков, управляющий догадывался о содержании письма.

— Гляньте-ка, патрон, что пришло! — ухмыляясь во весь рот, Вико вскинул конверт.

Не сказать, что письмо стало полной неожиданностью, но Бахрам, ломая сургуч, волновался и радовался, как маленький. Об этом он мечтал давно, с первой поездки в Китай — быть признанным вожаком кантонских ачха.

— Да, Вико… — Бахрам улыбнулся. — Меня зовут в Совет.

К письму прилагалось рукописное приглашение на ужин с участием других членов Совета.

Вико возликовал, словно это он наконец дождался триумфа:

— Понимаете, кто вы теперь, патрон? Вы первый среди первых! Весь мир у ваших ног!

Бахрам хотел отмахнуться от восхваления, однако его переполняла гордость; аккуратно свернув письмо, он спрятал в нагрудный карман ангаркхи, поближе к сердцу, доказательство того, что теперь его место в строю таких великих коммерсантов, как Дживан-джи Редимани и Джамсет-джи Джиджибой[37], что он, Бахрам-джи Навроз-джи Моди, чья мать зарабатывала на жизнь вышивкой шалей, возглавил список самых богатых людей мира.

---

[37] Примечания: 37

Хир-джи Дживан-джи Редимани — купец-парс, в 1756 г. первым совершил поездку в Кантон. Джамсет-джи Джиджибой (1783–1859) — индийский предприниматель.

На другой день в конторе появился Задиг.

— Здравствуй, Бахрам-бхай. — Он обнял друга. — Правда, что тебя позвали в Совет?

Бахрам ничуть не удивился, что приятель уже в курсе новостей.

— Да, Задиг-бей, правда.

— Поздравляю! Я очень рад!

— Пустяки, — поскромничал Бахрам. — Там одна говорильня. А решения те же люди принимают за кулисами.

— Не скажи! — Задиг энергично помотал головой. — Может, так было раньше, но очень скоро все изменится.

— В смысле?

— Ты еще не слышал? — Задиг улыбнулся. — Уильям Джардин[38] покидает Кантон. Возвращается в Англию.

Вот так новость! Последние десять лет, если не больше, Уильям Джардин был самым влиятельным человеком в Городе чужаков. Его фирма «Джардин, Мэтисон и компания», одна из крупнейших фигур в местной торговле, всеми силами

---

[38] Примечания: 38

Уильям Джардин (1784–1843) — шотландский хирург и предприниматель. В 1832 г. вместе с Джеймсом Мэтисоном основал фирму «Джардин, Мэтисон и компания». В 1841—43 гг. член британской палаты общин от партии вигов.

старалась увеличить китайский опийный рынок. В Индии он имел обширные связи, многие перед ним преклонялись; в бомбейских деловых кругах Бахрам был из тех немногих, кого Джардин не сумел подмять под себя, однако доставил много неприятностей, сдружившись с конкурентами-парсами. И потому весть об отъезде Джардина была настолько желанной, что в нее просто не верилось.

— Верно ли, Задиг-бей? С какой стати ему отбывать в Англию? Он годами не ездил на родину.

— Отныне выбор не за ним. Китайские власти прознали, что его компания, пытаясь отыскать лазейки, направила корабли с опием в северные порты. Прошел слух, будто Джардина выдворят из страны. И он предпочел уехать по собственной воле.

— Без него Палата сильно изменится, — произнес Бахрам.

— Да уж. — Задиг улыбнулся. — Думаю, ты обзаведешься множеством новых друзей. Не удивлюсь, если сам мистер Дент захочет с тобой сблизиться.

— Дент? Ланселот Дент?

— А какой еще?

Речь шла о младшем брате Томаса Дента, ос-

новавшего в Кантоне самый крупный торговый дом «Дент и компания». Бахрам хорошо знал шотландца Тома, человека старой закваски — хозяйственного, благопристойного, неприхотливого; они прекрасно ладили и одно время были партнерами, успешно соперничая с мощным объединением Джардина-Мэтисона. Но лет девять-десять назад Тома стало подводить здоровье, и он вернулся в Британию, оставив дело в руках младшего брата, своей полной противоположности. Ланселот Дент, бойкий на язык и откровенно тщеславный, злобился на конкурентов и презирал тех, кого считал менее себя одаренными. У него было мало друзей и легион врагов, но даже злейшие из них не могли отрицать, что он — блестящий и дальновидный предприниматель. Все признавали, что под его руководством «Дент и компания» в доходах превзошла «Джардин-Мэтисон». Несмотря на коммерческий успех, он не пользовался авторитетом в Городе чужаков, ибо, в отличие от Джардина, честолюбивого, но обаятельного, Ланселот в отношениях с людьми был неуклюж и резок. Разумеется, он не прилагал усилий, чтоб подружиться с Бахрамом, а тот, в свою очередь, держался от него подальше, поскольку у него сложилось впечатление, что сей молодой

человек считает его чудаковатым стариком с отжившими свой век понятиями.

— После отъезда его брата мы с Ланселотом не перебросились и парой слов, — сказал Бахрам.

— Но тогда ты еще не был членом Совета, верно? — рассмеялся Задиг. — Погоди, сам все увидишь. Скоро он начнет тебя обхаживать. И не он один.

— С чего ты взял?

— Англосаксы, под которыми я подразумеваю и американцев, сейчас не единодушны. Они сбиты с толку, не понимают, что происходит. Джардин и иже с ним подталкивали британское правительство к демонстрации силы. Но есть и другое мнение: мол, все это временно и скоро торговля опием вернется на круги своя.

— Что вполне вероятно, правда? И раньше китайцы грозились пресечь сию торговлю. Месяц-другой колготятся, а потом снова тишь да гладь.

Задиг покачал головой:

— Только не в этот раз, Бахрам-бхай. Нынче китайцы, по-моему, настроены серьезно.

— Почему ты так решил?

— А ты оглядись вокруг. По пути в Кантон ты видел хотя бы одного «резвого краба»? Их сожгли,

но кое-кто подумал, что это просто жест устрашения и через пару месяцев лодки эти появятся вновь. Ан нет. Новые «крабы» опять сожгли. За последнее время арестованы сотни торговцев опием: одних бросили в тюрьму, других казнили. Теперь доставить опий на берег стало почти невозможно. Вон до чего дошло: купцы пытаются сами его переправить, спрятав в своих шлюпках и баркасах. А если кого поймают, вся вина на ласкарах.

— Но риск-то невелик, а? — сказал Бахрам. — Обычно китайцы не трогают шлюпки с иностранных кораблей.

— И это поменялось, Бахрам-бхай. Верно, китайцы всегда были чрезвычайно деликатны в отношениях с чужеземцами и, как никто другой, старались избежать конфликтов. Но вот в январе они задержали английскую шлюпку, в которой нашли опий — товар конфисковали, хозяина выслали из страны. И ты ведь знаешь, что вышло с визитом флотилии адмирала Мейтланда. В нарушение протокола, ни его, ни капитана Эллиотта, британского представителя, никто не встретил. Никакого угодничества и прочего. Флотилия отбыла, добившись одного — разозлила китайцев. Теперь обе стороны пребывают в рас-

терянности и гневе. Китайцы решили поставить заслон торговле опием, но расходятся в способах, как это сделать. А британцы не знают, чем ответить. — Задиг улыбнулся. — Вот почему я тебе не завидую, Бахрам-бхай.

— То есть?

— Именно в Совете развернутся баталии. И ты окажешься в самой их гуще. Возможно, ты-то и склонишь чашу весов. Почти весь опий поступает из Индостана. Твое слово будет очень весомым.

Бахрам покачал головой.

— Ты взваливаешь на меня слишком тяжелую ношу, Задиг-бей. Я отвечаю только за себя и больше ни за кого. И уж, конечно, не за весь Индостан.

— А придется отвечать. И не только за Индостан, но за всех нас — не англичан, не американцев, не китайцев. Перед тобою встанет вопрос: что нас ждет? Как нам уберечь свое дело, случись война? Кто в ней победит, европейцы или китайцы? Мощь европейцев мы видели в деле, в Индии и Египте, где им не смогли противостоять. Но мы с тобой понимаем, что Китай — это не Египет или Индия. Если сравнить китайский способ правления с нашими султанами, шахами и махараджами, станет ясно, что китайцы неизмеримо

выше, ибо государственность — воистину их религия. И если они отразят натиск европейцев, что будет с нами? Как это скажется на наших с ними отношениях? В их глазах и мы станем ненадежны. Мы веками здесь вели торговлю, однако нас погонят в три шеи.

— Что-то ты, брат, расфилософствовался! — засмеялся Бахрам. — Наверное, это влияние твоего ремесла — сидишь, уставившись на часы, и гадаешь о будущем. Я не могу принимать решения на основе всяких «вдруг да кабы».

— Согласись, есть и другая сторона вопроса. — Задиг смотрел ему прямо в глаза. — Стоит ли торговать опием вообще? Раньше было не ясно, вправду ли китайцы против этого зелья. Но теперь все сомнения отпали.

Нотка осуждения в его голосе задела Бахрама. Он вспыхнул, но, не желая ссориться со старым другом, заставил себя сдержаться.

— О чем ты говоришь, Задиг-бхай? Приказ Пекина — это еще не мнение всего народа. Если б люди были против опия, никто бы им не торговал.

— На свете много всякого, что существует вопреки желанию людей — воровство, убийства, голод, пожары. Разве не в том долг правителей, чтобы оградить подданных от этих напастей?

— Ты не хуже меня знаешь, что правители этой страны разбогатели на опии. Если б хотели, мандарины завтра же прекратили бы эту торговлю, но в том-то и дело, что они ею наживаются. Никто не смог бы силком внедрить опий в Китай. Это тебе не крохотное царство, которое шпыняют все кому не лень, но одна из самых больших и мощных держав. Китайцы сами без конца задирают соседей, которых считают варварами и дикарями.

— Да, в твоих словах есть правда, — тихо сказал Задиг. — Однако в жизни не только слабые и беспомощные страдают от несправедливости. Страна может быть сильной, упрямой и со своим строем мыслей, но это не означает, что ей нельзя навредить.

Бахрам вздохнул, осознав еще одну перемену: отныне он не сможет говорить с другом свободно.

— Давай сменим тему, Задиг-бхай, — сказал он устало. — Расскажи, как твои дела.

С палубы «Редрута» остров выглядел гигантской ящерицей: приподнятая голова повернута к морю, зубчатый хребет переходит в изогнутый хвост.

Полетт сразу потянуло, точно магнитом, к этим

вершинам и утесам, окутанным облаками. Она и сама не понимала, что уж такого притягательного было в тех пустынных, поросших кустарником склонах. Их скудная растительность не представляла никакого интереса: деревья, все до единого, были вырублены жителями захудалых деревенек, разбросанных по краям острова. Сельчане постарались от души, оставив только пеньки и поломанные ветром сучья. Теперь склоны предлагали к осмотру лишь свою каменистую основу да кусты, которые осень, отняв их зелень, окрасила в скучные бурые тона.

«Редрут» встал на якорь в северной части бухты, где на берегах мыса Коулун расположились несколько селений. Раза два в день от них отчаливали лодки, предлагавшие провиант: кур, свиней, яйца, айву, апельсины и многообразие овощей. На веслах обычно сидели женщины или дети; селяне были вполне дружелюбны, пока дело не касалось торга. Однако на суше их поведение резко менялось: печальный опыт общения с пьяными иностранными матросами привел к тому, что всех приезжих они встречали с подозрением, а то и с неприкрытой враждебностью. Немногочисленные путешественники, высадившиеся на Коулуне, чувствовали себя весьма неуютно, когда

повсюду их сопровождали крики *гвай-лу*, *фан-лу* и *сей-гвай-лу* — проклятые чужеземные бесы!

На Гонконге, напротив, путники могли быть уверены, что их никто не заденет. Берег острова, видимый с борта «Редрута», был безлюден. Ближайшая деревушка — кучка ветхих лачуг в окружении рисовых полей — отстояла довольно далеко. Малоинтересный для жителей материка, остров обладал кое-чем бесценным для чужеземных кораблей — пресной водой, которой изобиловали прозрачные ручьи, сбегавшие с горных вершин.

Раз в день, а то и чаще, гичка, груженная пустыми бочонками, совершала рейс от брига к узкой прибрежной полосе, укрытой галькой. Полетт частенько сопровождала матросов и, пока те наполняли бочонки да затевали постирушку, бродила по берегу либо взбиралась на склоны холмов.

Однажды она одолела с добрых полмили, карабкаясь по старому, усыпанному камнями руслу, уходившему к вершине горы. Тяжкий подъем ничем не вознаградился, и Полетт уж хотела повернуть назад, когда в сотне ярдов впереди углядела впадину с какими-то белыми пятнышками по краям. Присмотревшись, она поняла,

что это цветки растения. Полетт разулась и полезла выше; острые камни порвали ей платье, но оно того стоило, ибо вскоре она любовалась изящными белыми цветами, знакомыми ей по калькуттскому Ботаническому саду — орхидеями «Венерин башмачок», *Cypripedium purpuratum*.

Обуянная радостью, Полетт вернулась на корабль и на другой день позвала с собою Хорька. Вдвоем они поднялись еще выше, и наградой им стала бледно-красная орхидея, спрятавшаяся меж двух валунов. Полетт никогда такую не видела, но Хорек тотчас ее идентифицировал: *Sarcanthus teretifolius*.

Они присели передохнуть, и Полетт была сражена потрясающим видом, открывшимся с высоты: синяя лента пролива, на которой огромные парусники выглядели бумажными корабликами, материковые утесы, вздымавшиеся в туманной дымке.

— Как же вам повезло, сэр, что вы бродили по лесам и горам Китая, — сказала она. — Представляю, какое удовольствие собирать растения в этой бескрайней и прекрасной глуши.

— Бродил? — недоуменно переспросил Хорек. — Что вы там себе напридумали? Неужто вообразили, что я слонялся по диким дебрям?

— А разве нет? — удивилась Полетт. — Но где же вы раздобыли все ваши новинки?

Хорек хохотнул, точно гавкнул.

— В питомниках. Как поступаю всегда.

— Серьезно, сэр?

Хорек кивнул. Иностранцы не могли разгуливать по китайским лесам, поскольку им категорически запрещалось покидать пределы Кантона и Макао. Единственные европейцы, хоть что-то видевшие из местной флоры, — несколько иезуитов и парочка натуралистов, которым выпала удача сопровождать дипломатические миссии в Пекин. Все остальные охотники за растениями были заточены в двух густонаселенных и шумных городах, где уже давно ничего не осталось от «первозданной глуши».

— А как же Уильям Керр, отыскавший нандину, бегонию грандис и розу Леди Бэнкс? Не в питомниках же он их нашел?

— Именно там. Как и всякий натуралист, Билли Керр, раздобывший китайские бегонии, азалии, древовидные пионы, лилии, хризантемы и розы, которые так изменили облик садов во всем мире, все это богатство отыскал не в джунглях, на горах или болотах, но в питомниках профессиональных садоводов.

Полетт, превратившаяся в слух, судорожно вздохнула.

— Правда, сэр? И где они находятся, эти питомники?

— По ту сторону озера Белый Лебедь от острова Хонам, что напротив Кантона. Напротив западной оконечности Хонама есть участок хорошо орошаемой земли, и вот там устроили питомники. Иностранцы прозвали их Сады Фа-Ти, то бишь «цветущая земля». Пропуск в питомники стоит восемь испанских долларов, и открыты они не каждый день.

— А как они выглядят, сэр?

Хорек задумчиво пожевал губами.

— Это лабиринт, — наконец сказал он. — Вроде путаницы переходов в Хэмптон-корт. Ну вот, думаешь, все уже посмотрел, и тотчас понимаешь, что еще ничего не видел. И тогда снова бродишь, смотришь на все, точно ошалевший баран.

Полетт обхватила руками колени и вздохнула.

— Как я хотела бы все это увидеть своими глазами.

— Не выйдет. Так что лучше выбросьте из головы сию блажь.



8



Отель «Марквик».
14 ноября.

Дорогая моя Пагли,

Скажи, ты не досадуешь, коль в письмах из далёка корреспондент ни словом не обмолвится о своем жилище? Меня вот, к примеру, жутко бесило, что братец мой, уехавший в Лондон, не опишет свое пристанище, ибо без сей картины я, на свою беду одаренный художественным воображением, не мог представить его бытие. И тут вдруг я понял, что сам в том же грешен — не рассказал тебе о своем гостиничном номере.

Так знай же, светоч сердца моего, отель «Марквик» расположен в самом центре города меж двух его главных улиц, носящих незамысловатые

названия: Старая Китайская и Новая Китайская. Им придан титул улиц, однако не думай, что они столь же широки и длинны, как, скажем, калькуттские Чоуринги-роуд или Эспланада. Улицы Города чужаков не превышают его ширины, составляющей всего несколько сотен футов. Я бы даже не назвал их улицами, поскольку это скорее проходы меж факториями, что ведут от майдана к внешней границе анклава, обозначенной оживленным трактом под названием улица Тринадцати факторий.

В самом анклаве всего три улицы; одна из них — просто узенький проход наподобие тех, какие встречаются в калькуттском Киддерпоре. Называется улочка Свинской и столь тесна, что в ней едва разминутся двое прохожих. Не скрою, милая Пагли, порою там видишь весьма неприглядные сцены. Здесь целый ряд темных зловонных притонов, в которых подают напитки под названиями «косорыловка» и «бормотуха» (в последний, говорят, добавляют опий и хвосты ящериц). Сии заведения чрезвычайно популярны среди матросов, получивших увольнение на берег. Бедолагам, до крайности истомленным долгой стоянкой в Вампоа, так не терпится пропить свои денежки, что они не удосуживаются

присесть за столик. Вообще-то для них приготовлены не лавки или стулья, но канаты, натянутые на уровне груди. Предназначение сей необычной мебели (ибо таковой веревки и служат) открылось мне, когда я увидел, как полудюжина мореходов блюет, повиснув на канатах. Таким способом клиенты, исчерпавшие свои средства, остаются в вертикальном положении, иначе могут упасть и захлебнуться в потоках собственной рвоты. Некоторые отпускники так и проводят весь свой досуг на канатах, утратив всякую связь с внешним миром.

Излишне говорить, что в сих притонах предлагают не только выпивку. В проулке тебя тотчас осаждают сутенеры: хотеть девочка? хотеть мальчик? кто хотеть? сказать моя, есть всё, твоя угодно.

Только не подумай, бесценная Пагли, что твой бедный Дрозд помышляет о чем-нибудь подобном. Однако не стану кривить душой: тебя охватывает эдакое странное волнение, ибо здесь готовы исполнить любое твое желание. (Правда, не всегда успешно. Давеча я наблюдал, как один матрос повел этакую раскрашенную ведьму в темный уголок, а через минуту раздался истошный вопль сего скитальца морей: Мать твою за

ногу! Да это ж баба-мужик, рынду-булинь тебе в глотку!)

Новая Китайская улица выглядит несравнимо благороднее Свинского проулка, но и здесь шум и столпотворение, как на калькуттской Баубазар: на каждом шагу лавки, зазывалы не дают тебе проходу, хватают за рукав. Старожилов сие не смущает, они расчищают себе путь бамбуковой тростью, однако я не представляю себя с подобным оружием, а посему держусь подальше от сего места.

А вот Старая Китайская улица сильно отличается от всех прочих, представая оазисом чистоты и покоя, и больше похожа на торговый пассаж. Здесь дома высоки, однако не выходят за границы стен, окаймляющих фактории. Сверху аркада искусно укрыта своего рода пологом, от чего на улице всегда тень и прохлада, будто на лесной тропинке. Тут просто глаза разбегаются от обилия товаров, заманчиво выложенных на полках и в застекленных витринах лавок, где торгуют лаковыми изделиями, оловянной посудой, шелком и всевозможными сувенирами (меня поразили шары, вырезанные из цельного куска слоновой кости: внутри одного шара еще несколько других все меньшего размера). Над дверью каждой лавки

висит табличка, где по-английски и по-китайски означено имя хозяина с указанием его занятия: «лаковые изделия», «оловянная посуда», «резьба по кости» и прочее. Многоцветье рекламных полотнищ и стягов, трепещущих под ветерком, придает улице чертовски живописный вид.

Знаешь, хозяева лавок еще увлекательнее своих заведений. Всех колоритнее, на мой взгляд, господин Вон, портной: он так нахваливает свой товар, что просто невежливо пройти мимо, не угостившись чашечкой чая. Невероятно потешное существо. Вообрази, нынче утром я к нему захожу, а он, увидав в окно компанию матросов, выскакивает на улицу и кричит: «Эй, моряк с печки бряк, что хотеть покупать?» Матросы изрядно навеселе, и один ему отвечает: «Мне нужен, обезьяна ты косоглазая, уэльский парик[39] с рукавами». Господин Вон, не сомневаясь, что в его лавке найдется любая одежда для чужака, тычет пальцем в зеленое платье: «Есть, есть! Смотри-гляди! Вона, что мистер моряк хотеть!» Матросы покатились со смеху: «Умора! Коль это уэльский парик, тогда ты — английская королева!» Надо ли говорить, что господин Вон убит совершенно.

---

[39] Примечания: 39

Уэльский парик — шапка из овечьей шерсти.

Старая Китайская выходит к улице Тринадцати факторий, где стоит Дом Совета, или, по-местному, Консу, выстроенный в стиле ямыня, то бишь китайской канцелярии. Он обнесен высоким забором, из-за которого выглядывают загнутые крыши иных построек. Дом красив, но чужеземцам внушает трепет и даже страх — сюда их вызывают мандарины, дабы привлечь к ответу.

Боже мой, я тут балаболю об улицах и Консу, а ведь хотел поведать об отеле «Марквик»! Ну да еще не поздно это сделать. Без долгих слов я беру тебя за руку и веду к своему номеру.

Отель расположен на территории Имперской фактории, одной из интереснейших в Городе чужаков. Свое название она получила благодаря тому, что некогда принадлежала Австро-Венгерской империи; нынче здесь почти нет австрийцев, но двуглавый орел Габсбургов по-прежнему украшает ее ворота (потому-то местные и называют ее «Фактория орлов-близнецов»).

Мистер Марквик управляет отелем вместе со своим другом мистером Лейном. Оба приехали в Китай еще юношами, служили в Ост-Индской компании (первый — стюардом, второй — дворецким) и стали друзьями навеки. Выглядят они забавно, как персонажи одной детской песенки:

мистер Лейн — низенький толстый весельчак, а мистер Марквик — долговязый бука, как будто к чему-то принюхивающийся. На первом этаже своего заведения они держат лавку, где торгуют всякими европейскими товарами: элем Ходжсона[40], йоганнисбергскими винами, рейнским кларетом, зонтами, часами, секстантами и прочим. Здесь же кофейня, вызывающая громадное любопытство китайских гостей анклава, и, конечно, ресторан с невероятно интересным меню, ибо мистер Марквик наловчился приспосабливать китайские блюда к европейскому вкусу. Одно его творение под названием *чоп-шуй*[41] настолько популярно у мореходного племени, что ему предлагают любые деньги за рецепт, но он не соглашается его раскрыть. Еще он изобрел великолепный соус, сдобрив его китайскими приправами; местные старожилы уже не могут обойтись без этого «кетчупа Марквика».

Собственно отель занимает верхние этажи и

---

[40] Примечания: 40

Английский пивовар Джордж Ходжсон добавлял больше хмеля в светлый эль, чтобы напиток не скис в долгом пути до Индии.

[41] Примечания: 41

Чоп-шуй — рагу, в состав которого входят свинина или говядина, мясо птицы, иногда креветки, обжаренные в масле с сельдереем, побеги бамбука, бобы, водяные каштаны, лук, сладкий перец, грибы, соевый соус, специи; подается с рисом.

несколько соседних строений, некогда, видимо, роскошных, но уже давно обветшавших и очень нуждающихся в ремонте. Ныне это лабиринт темных, затянутых паутиной коридоров (зато в них легко скрыться от всякого подозрительного постояльца). Сырые комнаты обставлены скудно, однако весьма недешевы — доллар в сутки! Конечно, я бы не осилил такую плату, но мне, дорогая Пагли, в кои-то веки повезло: вечно принюхивающийся мистер Марквик, выделив меня из массы клиентов (наверняка он навел кое-какие справки обо мне и моем «дядюшке»), за полцены предложил мне нечто вроде мансарды под самой крышей! Если бы ты увидела эту комнату, милая Пагли, ты бы влюбилась в нее так же сильно (или почти так же), как я. Она маленькая, в ней гуляют сквозняки, но благодаря большому окну с крохотным балкончиком здесь море света. Окно — лучшее, что есть в этой комнате; поверь, любезная Пагли, я готов целыми днями сидеть возле него и смотреть на майдан с его бесконечной и непревзойденной суматохой.

Еще один большой плюс моего жилья в том, что оно свело меня с весьма необычным человеком — соседом-армянином, обитающим этажом ниже. Он побывал всюду и говорит на стольких

языках, что куда там толмачу. Я еще не встречал мужчину столь впечатляющей наружности и столь любезных манер… (нет-нет, моя дорогая маркиза де Пагладур, не подумай, что я нашел Друга моей мечты, ибо он годится мне в отцы и, кажется, обременен выводком детей). Мистер Карабедьян слегка напоминает наших кальку́ттских армян; он вырос в Каире и ремеслу часовщика обучился у француза, прибывшего в Египет вслед за наполеоновской армией (ты не поверишь, но мой сосед вживую встречался с Бонапартом!). Рекомендуется он «мастером динь-дон», ибо торгует карманными и прочими часами и музыкальными шкатулками, которые на кантонском диалекте так и называются — динь-дон. Спрос на его товар велик, некоторые экземпляры стоят тысячи долларов (одни часы были куплены для императора и отправлены в Пекин!). Распродав свой товар, мистер Карабедьян закупает изрядную партию часов местного производства, отменного качества и очень дешевых, и затем с большой выгодой сбывает их в Индии и Египте.

Он очень давно ездит в Кантон и в курсе всех местных сплетен: кто с кем дружит, а с кем в контрах, кого нельзя сводить вместе на званом обеде. Да-да, милая Пагли, даже в сем крохотном

обществе свои клики и камарильи. Есть даже этакие королевские особы или, по крайней мере, некоронованные короли: скажем, мистер Уильям Джардин, магнат шотландских кровей. Мужчина он представительный — высок ростом и удивительно моложав для своих пятидесяти с лишним. Папаша мой написал его портрет, которым все восхищались; признаться, и я был в восторге от него, пока не увидел модель во плоти. Пожалуй, художник слегка польстил оригиналу. Будь я автором портрета, я бы подал объект в манере Веласкеса, запечатлевшего Филиппа IV, короля Испании. Холеное лицо мистера Джардина точно так же излучает властность и самодовольство. В Кантоне он начинал врачом, поведал мистер Карабедьян, но потом медицина ему прискучила и он переметнулся в торговлю, где сколотил миллионы, в основном на продаже опия. Он так энергичен, что в своей конторе не держит стульев, дабы ничто в ней не располагало к праздной болтовне и лени. Фирма его называется «Джардин и Мэтисон», но его партнер фигура незначительная, и наш магнат редко появляется с ним на людях. Чаще всего он ездит за границу в компании своего Друга, некоего мистера Уэтмора, здешнего записного денди. Видела бы ты,

дорогая Пагли, как все перед ними расступаются, когда они выходят на майдан: неумолчные приветствия, шляпы плавают в воздухе — можно подумать, что турецкий султан вывел любимую жену на прогулку. По словам мистера Карабедьяна, пара чрезвычайно заботлива друг к другу и на балах (да-да, здесь они часты) всегда резервирует за собою все вальсы и польки, хотя от желающих с ними потанцевать нет отбоя. Но, увы, скоро этой идиллии придет конец. Мистер Джардин готовится, по выражению Задиг-бея, к «великой жертве»: он отбудет в Англию, где вступит в брак. Магнат ужасно огорчен расставанием и с Другом, и с Востоком, к которому за столько лет прикипел всей душой.

Как ты знаешь, милая Пагли, меня интересует лишь то, что я могу перенести на холст. Вот уж не думал, что в этот ряд войдут политические характеры, однако, впечатленный рассказом мистера Карабедьяна, я задумал эпическое полотно. Сия блистательная идея позволит использовать целую галерею художественных способов, которые я храню в своей голове. Ты представляешь? Я уже говорил, что, изображая мистера Джардина, смогу чуть-чуть взять от Веласкеса, а вот мистер Уэтмор — идеальное поле для манеры ван Дейка.

Не будет забыт и Брейгель, ибо в Городе чужаков, кроме некоронованного короля, есть и претендент на трон! Это мистер Ланселот Дент, который, несмотря на свое нелепое имя, воистину богат и могуществен.

Помнишь ли, дорогая Пагли, как однажды я показал тебе репродукцию великолепной картины Питера Брейгеля младшего «Кабинет деревенского адвоката»? Лицо помощника нотариуса, чванливого интригана, стоит передо мной как живое. Это вылитый мистер Дент. В богатстве он не уступает мистеру Джардину, а вот опийных потоков под его контролем даже больше; годами он держался в тени и был занят тем, что сколачивал капитал. Теперь дело сделано, и он положил глаз на корону мистера Джардина. Обучаясь в Эдинбурге, мистер Дент попал под влияние некой темной доктрины о богатстве народов[42], стал ее апологетом и теперь старается навязать ее всем и каждому. Он неприятен, но, признаюсь, порою мне его жаль: что может быть ужаснее рабства учения об экономике и торговле? Это равносильно тому, как если бы портной уверовал, что все

[42] Примечания: 42

«Исследование о природе и причинах богатства народов» — основная работа шотландского экономиста Адама Смита, опубликованная в 1776 г.

на свете можно измерить портняжной лентой, остальное же просто не существует.

Чем больше я обдумываю свое полотно, тем масштабнее оно выглядит, ибо многие персонажи просто *молят* о месте в его композиции. Вот, скажем, чиновник, которого здесь называют «гоп-гоп»; возникает образ этакого попрыгунчика, однако на кантонском диалекте это слово означает «таможенник». Между прочим, богатым одеяниям и украшениям местных таможенников позавидовал бы сам Хубилай. Или взять купцов гильдии «Ко-Хон» — только им позволено вести дела с чужеземцами. Наряды их умопомрачительны: шелковые халаты с великолепной вышивкой и украшенные стеклярусом шляпы, извещающие о ранге их обладателей.

Возможно, ты помнишь, дорогая Пагли, что дома я усердно копировал могольские миниатюры?[43] Знаешь, трудился я не зря, ибо в Кантоне есть человек, которого надлежит запечатлеть именно в этой художественной манере: сказочно богатый бомбейский купец-парс Бахрам-джи Навроз-джи Моди. Он один из самых влиятельных людей в Городе чужаков и, кроме того,

[43] Примечания: 43

Могольская миниатюра — одна из основных школ индийской живописи, развивавшаяся при династии Великих Моголов в XVI–XIX вв.

невероятно выразителен — глядя на него, я вспоминаю знаменитый портрет Акбара Великого кисти Манохара[44]: тюрбан, развевающаяся ангаркха, внушительное брюхо, перехваченное муслиновым кушаком. Он большой друг мистера Карабедьяна, и тот сказал, что нынче все городские группировки всячески стараются умаслить Бахрама.

Теперь ты понимаешь, Пагли, всю грандиозность моего замысла? И ведь я поделился лишь малой его частью. Ох, сколько еще персонажей! Вот, к примеру, редактор «Кантонского дневника» мистер Джон Слейд. Этот жирнюга выглядит бадьей с салатом, приготовленным из всего многообразия растительного и животного мира. Вот уж будет радость преподнести его в стиле Арчимбольдо[45]: лицо багрово, как гранат, бакенбарды торчат, словно перья на хвосте дохлого фазана, брюхо формой напоминает круп буйвола, бычья шея. Зычный голос наградил его прозвищем «Громовержец», точность которого я могу засви-

---

[44] Примечания: 44

Акбар Великий (1542–1605) — третий падишах династии Великих Моголов, внук ее основателя в Индии Бабура. Манохар Дас (годы творчества 1582–1624) — индийский художник, работавший в могольском стиле.

[45] Примечания: 45

Джузеппе Арчимбольдо (1526 или 1527–1593) — итальянский живописец и декоратор, представитель маньеризма.

детельствовать: в моей комнате Слейда слышно с другого конца майдана!

Еще есть доктор Паркер, внешне похожий на ворона, но чрезвычайно душевный человек: он ведает больницей, куда обращаются многие китайцы. Или вот мистер Иннес, этакий горец; он крестоносцем вышагивает по майдану, вступает в драку со всяким, осмелившимся встать на его пути, и убежден, что всеми его действиями вплоть до торговли опием управляет высшая сила.

Вера в это нередка даже среди миссионеров. Их тут немного: ужасный герр Гут… как его там, который вечно всех оскорбляет, или вот еще преподобный Бриджмен, жуткий зануда. Они мне гадки, но, поверь, вовсе не из-за того, что с жалостливой озабоченностью смотрят на меня как на дитя греха. Мистер Карабедьян считает их законченными ханжами, он своими глазами видел, как с одного борта корабля они раздают Библии, а с другого торгуют опием. Однако эти шарлатаны дают мне прекрасную возможность поупражняться в готическом стиле — будет забавно изобразить их в виде упырей.

Я рассказал далеко не обо всех, но, конечно, не могу обойти молчанием мистера Чарльза Кинга. Он не состоит в группировках, он сам по себе,

однако его пример добродетели завоевал ему видное место в Городе чужаков. Мистер Кинг представляет фирму «Олифант и компания», которая, единственная в Кантоне, никогда не торговала опием! Разумеется, другие купцы его порицают, обвиняя в том, что он подольщается к мандаринам. Но вопреки всем угрозам и насмешкам он непоколебим; по сравнению с седобородыми старцами, заправляющими в Городе чужаков, он молокосос, однако неуклонно следует своим курсом, что, согласись, требует немалого мужества на пастбище, где все прочее стадо покорно идет в направлении, указанном мычащими вожаками.

Мистеру Кингу нет и тридцати, но он уже старший партнер в фирме, основатель которой, мистер Олифант, давно покинул Кантон. С виду он совсем не выглядит дельцом, и, признаюсь, милая Пагли, главное, из-за чего меня, несусветного дурака, столь к нему тянет, так это его разительное сходство с художником, которого я ставлю превыше всех в современном искусстве, с блистательным и трагичным Теодором Жерико[46].

Я видел только один портрет тушью, выполнен-

[46] Примечания: 46

Теодор Жерико (1791–1824) — французский живописец, представитель эпохи романтизма.

ный французом, чье имя никак не вспомню; на портрете юный Жерико: темные кудри, ниспадающие на лоб, прелестная ямочка на подбородке, взгляд мечтателен и вместе с тем полон страсти. Всякий, кто видел это изображение, при встрече с мистером Кингом оторопел бы не меньше моего, ибо сходство потрясающее!

Надеюсь, ты помнишь, милая, что однажды я показал тебе репродукцию шедевра Жерико «Плот Медузы». Злосчастная судьба потерпевших кораблекрушение так нас впечатлила, что открытка совершенно промокла от наших с тобою слез. И мы в один голос сказали, что лишь тот, кто сам пережил ужасную трагедию, смог бы создать столь трогательную картину страданий и утрат. Еще и в этом мистер Кинг схож с моим кумиром, ибо окутан неизбывной печалью. Это очень заметно, и я нисколь не удивился, узнав, что он впрямь понес невосполнимую потерю.

По семейным обстоятельствам мистер Кинг покинул родной дом в Америке совсем юным, ему было всего семнадцать, когда его отправили в Кантон. Внешность субтильного юноши стала поводом для издевательств и грубых шуток со стороны его соотечественников. О тоне этих насмешек говорит его тогдашнее прозвище

«мисс Кинг» (ты не поверишь, но за глаза его, случается, и сейчас так называют). И это одна из причин моей особой симпатии к нему, поскольку я тоже натерпелся от подобных кличек («Леди Чиннери»! Хиджра![47]). Я прекрасно знаю, что такое измывательство неотесанных хамов (ты не представляешь, дорогая Пагли, сколько раз с меня срывали лангути, и я, голозадый, отбивался от подлого сброда…).

Но мистер Кинг счастливее меня — Провидение сжалилось над ним и одарило его Другом. Через пару лет в их фирму приехал еще один американец. Звали его Джеймс Перит и был он по всем статьям золотым юношей: умен, воспитан и необычайно хорош собой. (Я видел его портрет. Не знай я, что он писан в Кантоне, я бы решил, что тот же самый человек позировал для «Мальчика в голубом» Гейнсборо.)

Не знаю, может, все это мои фантазии (вполне возможно, ибо я, как тебе известно, милая Пагли, неисправимый мечтатель), но я убежден, что в недолгое отпущенное им время «Жерико» и «мальчик в голубом» насладились истинной Дружбой. Увы, едва Джеймсу Периту исполнился

---

[47] Примечания: 47

Хиджра — индийская каста неприкасаемых, в которую входят представители «третьего пола» — трансгендеры, гомосексуалы, кастраты.

двадцать один год, как он заразился страшным бруцеллезом…

Не стану вымучивать фразы, разводы от слез на этой странице сами скажут, моя душенька, как сильно ранила меня сия трагедия. Добавлю только, что золотой юноша похоронен на иностранном кладбище Французского острова, неподалеку от Вампоа.

Бедный мистер Кинг! Он вкусил от счастья, какое редко даруется смертным, но был безжалостно его лишен. Убитый горем, он посвятил себя религии и благим делам (от своего соседа я узнал, что в этом городе, где кишмя кишат лицемеры, мистер Кинг один из немногих истинных христиан).

Не утаю, любезная Пагли, в ту пору, когда я еще не ведал всех обстоятельств, раз-другой меня посещала мысль, не станет ли мистер Кинг моим Другом, о котором я так мечтаю. Конечно, это ужасно нелепая чушь; он, человек невероятно возвышенный, сочтет меня взбалмошным ветреным язычником и, честно говоря, будет прав. Однако я утешаюсь тем, что со мною он всегда ласков, вежлив и обходителен и даже обещал заказать мне свой портрет! Он вовсе не из тех, кто любит увешивать свое жилище собственными

изображениями, и, наверное, его цель — сделать из меня доброго христианина. Но и пусть, не могу передать, с каким нетерпением жду его заказа!

Я подозреваю, тут обо мне ходят всякие сплетни. (Мистер Карабедьян говорит, на свете не сыскать другого такого места, где так любят перемывать кости друг другу.) Часто люди, завидев меня, отводят глаза и резко смолкают. О чем шла речь, догадаться легко, ибо многие местные шишки хорошо знакомы с моим папенькой, писавшим их портреты. Скажу одно: я так боюсь их насмешек, что держусь подальше от всех возможных знакомцев моего «дядюшки».

Что ж, такова моя доля, приходится терпеть. Тешу себя мыслью, что слегка поквитаюсь со всеми на своем полотне.

Не подумай, возлюбленная моя Паглисита, что я забыл о деле, которое ты и твой благодетель на меня возложили. Я по-прежнему лелею надежду отыскать того, кто прольет свет на камелии мистера Пенроуза.

В завершение сего рассказа не премину поблагодарить тебя за письмо, в котором ты сообщаешь свои новости. Я был очень рад узнать о прекрасных цветах, найденных тобою на этом твоем острове! Кто бы мог подумать, что столь бесплод-

ная земля так богата растительностью? И кто бы мог вообразить, что моя милая Пагли выступит в роли бестрепетного исследователя?

Что касаемо твоего вопроса: ну конечно, ты всегда можешь рассчитывать на мою помощь в овладении разговорным английским! Пока что настоятельно советую быть осторожнее в выборе слов. Разумеется, нет ничего худого в том, чтобы похвалить матросов за хорошо сделанную работу, только в построении фразы следует быть осмотрительнее. Я-то тебя хорошо знаю, и потому прекрасно понимаю чистоту твоих намерений, когда ты одобрила боцмана, работавшего на носу брига. Однако не надо удивляться, что он был ошарашен этакой прямотой, я бы тоже оторопел, если б вдруг прелестная дама нежного возраста поздравила меня с «отменным стояком». Я далек от того, чтобы укорять тебя за непосредственность, милая Пагли, но все же лучше воздержаться от буквального перевода с французского языка на английский. Например, английский эквивалент французского *bâton-à-foc* вовсе не «спереди торчащая палка», но «утлегарь».

И ты, дорогая, поступила не вполне разумно, попытавшись объяснить обескураженному боцману, что хотела лишь отметить его умелость в

обращении с этой «спереди торчащей здоровенной штуковиной». Поверь, дорогая принцесса де Паглевиль, иногда лучше не пускаться в объяснения вовсе.

Приноровиться к хозяйской манере вести дела оказалось непросто. В прошлом, когда Нил нанимал писцов и секретарей в свою контору, ему не было нужды вступать с ними в долгие обсуждения, поскольку они гораздо лучше его разбирались в давних правилах, регулирующих форму и содержание деловых бумаг. Позже, когда его обвинили в подлоге, он, дожидаясь высылки в калькуттской тюрьме Алипор, заработал немало льгот тем, что от имени других заключенных писал письма; однако это не требовало особых усилий, ибо его неграмотные товарищи по несчастью, адресуясь к родичу или узнику в соседнем блоке, предоставляли Нилу самому подбирать слова и формулировать мысли.

С таким письмоводительским опытом Нил оказался не слишком готов к требованиям Бахрама, послания которого, редко следуя установленной форме, имели целью оповестить партнеров о ситуации в Южном Китае. Кроме того, хозяин, не выказывая никакого почтения к секретарю, относился к нему как к прислужнику, занима-

ющему место где-то между лакеем и менялой, и считал его главной обязанностью отсеять всю словесную шелуху, дабы выловить зерна хозяйской мудрости.

Работа осложнялась манерой Бахрама диктовать: он никогда не садился, но безостановочно расхаживал по комнате, чем еще больше взбаламучивал витиеватые словесные потоки, заиленные осадками разных языков — гуджарати, хиндустани, английского, пиджина и кантонского диалекта. Перебивать это словоизвержение было немыслимо: любая остановка ради уточнения смысла фразы или значения слова грозила раздраженной отповедью — все вопросы потом и лучше к Вико. Приходилось напряженно вслушиваться в речь хозяина, напоминавшую журчанье талой воды, и внимательно следить за его жестами и мимикой, которыми он не только подчеркивал, но зачастую переворачивал смысл сказанного. Упустить эти невербальные сообщения было никак нельзя: однажды Нил нарвался на суровый выговор, добросовестно записав за хозяином «Мистер Модди подтверждает свою готовность уступить».

— Вы что, не видели, как я вот этак сделал рукой? — взъярился Бахрам. — С чего вы взяли, что

я согласен? Неужто не ясно, что это категорический отказ? Заснули вы, что ли?

Кроме того, ужасно мешал нескончаемый шум за окном; конторка секретаря стояла в дальнем углу комнаты, но и там ее накрывали доносившиеся с улицы крики разносчиков, вопли пьяных матросов, нытье попрошаек, стук нищенских трещоток, посвист птиц, которых в клетках вынесли на прогулку, и звон гонгов, возвещавших о шествии важных персон. Какофония на майдане менялась ежеминутно.

Еще больше сей источник шума отвлекал хозяина, который часто, смолкнув на полуслове, замирал перед окном, точно зачарованный. Глядя на его силуэт в куполе тюрбана и широкой ангаркхе, Нил порой задумывался, не нарочно ли Бахрам принимает этакую царственную позу, стремясь впечатлить прохожих на майдане. Однако хозяин не мог долго оставаться в покое: стряхнув задумчивость, он вновь энергично вышагивал по комнате, словно пытаясь убежать от навязчивой мысли или воспоминания. Но вскоре настроение его менялось, ибо, снова глянув на улицу, он замечал приятеля или доброго знакомого; подскочив к окну, Бахрам раскланивался и выкрикивал приветствие на гуджарати (*Сахиб*

кем чхо?), или кантонском диалекте (*Ней ху ма нг-син-сань? Ху-ной-му-джин!*), или на пиджине (*Привет! Давно твоя не видать!*), или на английском (*Доброе утро! Как поживаете?*).

Потом хозяин вновь возвращался к диктовке, но часто забывал, на чем остановился. Бахрам хмурился и отдавал приказ таким резким тоном, словно потерял мысль по вине Нила:

— Так, ну-ка прочтите все с самого начала.

Прибытие утреннего чая с самосой означало, что Нил может покинуть контору. Внимание хозяина переключалось на менял, счетоводов и прочих работников. Удалившись в свою закоптелую каморку рядом с кухней, Нил начинал превращать хозяйские размышления в связный текст на хиндустани или английском. Работа была трудной и долгой, но отнюдь не скучной; переписывая насталиком или латиницей окончательный вариант документа, Нил поражался нетривиальной манере Бахрама вести дела. В его бумагах не было цветистости, канцелярщины и шаблонных выражений, в свое время так свойственных деловой корреспонденции Нила, но только конкретика: как колебания цен отразятся на его деле?

Но чем именно он занимался? Странно, однако

Нил, за все это время оформивший уйму бумаг, имел лишь смутное представление о том, как функционирует предприятие Бахрама. Ясно, что основной доход давал опий, но в каких объемах им торговали, с кем и где было загадкой, ибо в письмах о том не говорилось. Может, Бахрам использовал кодовые слова, неизвестные Нилу? Или собственноручно вписывал данные на полях чистовика, полученного от секретаря? Или некоторые письма писали другие конторщики, лучше осведомленные в том, как все устроено? Последнее выглядело наиболее вероятным, однако не убеждало; похоже, все работники, за исключением, может быть, Вико, знали лишь то, что им положено, и не больше. Каждый был вроде детали часов со своей функцией, и только мастер знал, как и зачем собрать их в единую систему. И вышло это не случайно, а было прирожденным умением так организовать работу, чтобы каждый успешно трудился на своем участке, и только хозяин отвечал за все в целом.

Вспоминая свое управление конторой, Нил только теперь понял, как скверно справлялся с этой задачей: многие служащие были лучше него осведомлены о его делах, и все его старания дать им поблажку имели обратный эффект. Осознав

свою неумелость, Нил проникся к Бахраму уважением, которое вскоре переросло в безграничное восхищение его талантом; спору нет, работать с этим въедливым и эксцентричным человеком безумно трудно, однако нельзя отрицать, что он — предприниматель невероятных способностей и прозорливости, своего рода гений в торговом деле.

А-Фатт не сочинял, характеризуя отца человеком, который всеми любим безоговорочно. Все его работники платили ему фанатичной преданностью не только потому, что он был щедрым и справедливым хозяином, — в нем было нечто, говорившее, что он не считает себя лучше и выше их. Они как будто понимали, что богатый, любящий роскошь начальник в душе остался деревенским пареньком, взросшим в бедности, и ничуть не обижались на его вспышки ярости и дикий ор, воспринимая их этакими шалостями погоды.

Популярность Бахрама не ограничивалась пределами Ачха-Хон: в обязанности секретаря входило отвечать на приглашения, и потому Нил знал, что хозяин его — желанный гость на всех городских мероприятиях.

Бурная светская жизнь Города чужаков неиз-

менно удивляла — казалось невероятным, что на крохотном пятачке, населенном разномастными странниками, она существует вообще, не говоря уж об этакой интенсивности. Поражало и то, что движущей силой этой светской жизни была столь ничтожная кучка приезжих купцов и их китайских партнеров (правда, Вико дал этому свое объяснение: чрезвычайно богатые люди оказались скучены в такой тесноте, что не повернешься. Семьи нет, заняться нечем, а желательно как-то развлечься, верно? Без жены одному за столом скучно. И что за беда, коль домой придешь уже заполночь? Все равно бранить некому).

Однако развлекаться умели не только богачи: пока главы торговых домов пировали, их подчиненные устраивали собственные вечеринки, на которых было такое же изобилие еды и выпивки, зачастую добытых в кухнях и гостиных боссов. Потом конторщики прогуливались по набережной, сравнивали забавы, предлагаемые разными факториями, и обычно делали вывод, что их застолья проходят гораздо веселее, чем у начальников.

Связи Вико не уступали связям его хозяина: у него имелись знакомцы во всех факториях, где он нередко засиживался до поздней ночи. О его чре-

воугодии ходили легенды, и сам он ужасно любил им похвастать, поскольку притворялся тем, кому не надо ничего другого, кроме как возвеличить мощь своих инстинктов и аппетитов; послушать его, так идеал жизни в том, чтобы целыми днями валяться в постели, есть, пить, пускать ветры и совокупляться.

Вико настойчиво подавал себя в этом образе, и Нил не сразу понял, что на самом-то деле он полная противоположность сему портрету: усердный, деятельный, верный муж и благочестивый католик. Его неожиданно богатая сущность приоткрывалась через мимоходом брошенные реплики: например, о его знакомстве с отцом Гонсало Гарсией, ост-индским миссионером, которого вместе с другими католиками-францисканцами распяли неподалеку от Нагасаки. Папа Урбан VIII причислил монаха к сонму мучеников, а на родине его уже почитали святым; оказалось, Вико из той же деревни Бассейн, что под Бомбеем, и состоит в отдаленном родстве с семейством преподобного отца.

Благодаря сети представительств в китайской глубинке католические миссионеры были очень хорошо осведомлены о том, что происходит в стране. Иногда они наведывались в Кантон,

дабы утолить нужды католиков иностранного анклава; миссионеры слыли людьми, умеющими хранить секреты, однако не могли устоять перед магическим обаянием Вико.

Связи управляющего часто были полезны и Нилу, ибо, помимо бумажной работы, главная его задача состояла в *кхабар-дари* — добывании новостей. На первых порах Нил отчаялся удовлетворить ненасытность хозяина к известиям. В городе Нил никого не знал и, не имея других источников, штудировал старые номера «Кантонского дневника» и «Китайского архива» в надежде отыскать что-нибудь интересное для отчета. «Архив», более академичное издание, публиковал пространные статьи о повадках чешуйчатых муравьедов и малайских колдунах. Ничто из этого Бахрама не интересовало, за отвлеченные и бесполезные сведения он бранил:

— Не надо мне никакой учености, ясно? Никаких там «посему» и «поелику», только кхабар. Усекли?

«Кантонский дневник», публиковавший новости и полемические статьи, представлял гораздо больший интерес, тем более что редактор Джон Слейд был завсегдатаем Торговой палаты, и, стало быть, Бахрам часто узнавал о содержании

свежего номера еще до его выхода в свет.

— Что вы кормите меня заплесневелыми новостями? — выговаривал он Нилу. — Я прошу молока парного, а вы меня потчуете скисшим.

Порой Вико, сжалившись над неопытным секретарем, подсовывал ему сведения, которые наверняка привлекут внимание хозяина. Благодаря этому однажды утром Нил смог возвестить:

— У меня кое-что есть для вас, сет-джи.

— Что же это?

— Памятная записка Сыну неба. В «Дневнике» опубликован ее перевод. Я подумал, вам будет интересно, поскольку речь о том, как положить конец торговле опием.

— Вот как? Ну что ж, прочтите.

> «Едва опий начал проникать в Китай, дед вашего величества, благосклонный правитель, известный под именем Мудрый, предугадал его пагубность: он строго остерег своих подданных и наложил запрет на торговлю зельем. Однако в те времена его министры не могли представить, что сия отрава получит распространение, какое мы наблюдаем ныне. В старину опий считали роскош-

ной забавой изнеженных деток богачей. Но постепенно он проник в верха, где в его сети попали военачальники и аристократы, и в низы, опутав работников и работниц, торговцев, монахов и монахинь, священнослужителей. Сейчас курильщиков встретишь повсюду, а необходимый им инвентарь открыто продается средь бела дня. Ввоз опия из-за рубежа постоянно возрастает. Возле Линтина и других островов бросают якорь суда, специально приспособленные для его транспортировки. Эти корабли не входят в Жемчужную реку, не приближаются к ее рукаву Бокка-Тигрис, но безнравственные купцы Квантуна, сговорившиеся с боевиками, посылают к ним лодки, прозванные „стремительными драконами“ и „резвыми крабами“, и меняют серебро на опий, который тайком перевозят на берег. Вот так ежегодно из страны утекает свыше тридцати миллионов таэлей серебром. Объем легальной торговли (импорт шерсти и часов, экспорт чая, ревеня и шелка) не превышает десяти миллионов таэлей, а доход от нее

и того меньше. Выручка легальной торговли не составит десятой или двадцатой доли от прибыли, какую дает поток опия. Естественно, чужеземные купцы более всего заинтересованы в доставке зелья. Отток капиталов из Китая стал опасным недугом, но ваши министры не понимают, чем все это закончится…»

Бахрам оттолкнул тарелку и вскочил.

— Кто это написал?

— Старший визирь двора, сет-джи.

Бахрам забегал по комнате.

— Ладно, продолжайте. Что там еще?

— Автор оценивает разные способы, как пресечь поток опия в Китай.

— И какие же это способы?

— Один предлагает блокировать все китайские порты, дабы чужеземные корабли не смогли в них войти.

— Что автор об этом думает?

— Говорит, это не сработает, сет-джи.

— Почему же?

— Китайское побережье слишком протяженное, сет-джи, его невозможно перекрыть полностью. У чужеземцев налажены крепкие связи с

китайскими купцами и чиновниками; поскольку речь о больших деньгах, возникнет небывалая коррупция. Сговорившись, чиновники и купцы изыщут пути для переправки опия в Китай.

— Ха! — Бахрам огладил бороду. — Так-так, что еще там сказано?

— Предлагается прекратить торговлю и вообще всякие сношения с чужеземцами. Автор считает, и это не годится.

— Как объясняет?

— Иностранные корабли встанут в открытом море, а китайские подельники вышлют к ним быстроходные лодки. Предложенный способ обречен на провал, пишет автор.

Бахрам остановился перед стеклянным шаром с пучеглазой золотой рыбкой, кружащей в неустанной погоне за собственным волнующимся хвостом.

— А что предлагает он сам? Чего требует от двора?

— Похоже, китайские власти хорошо изучили отношение европейцев к опию. В своих странах те строго лимитируют его оборот, но свободно продают на Востоке народам, на чьи земли и богатства позарились. Автор приводит пример острова Ява: европейцы соблазнили яванцев

опием, после чего легко их поработили. Они прекрасно осознают мощь этого зелья, и потому в своих странах держат его под контролем, не гнушаясь суровыми мерами и жестоким наказанием. Китай, считает автор, должен пойти этим путем. Он предлагает дать всем курильщикам опия один год на исправление. После этого срока всякий, кого уличат в употреблении или продаже опия, будет объявлен виновным в тяжком преступлении.

— И что это означает?

— Смертную казнь, сет-джи — *мот ки саза*. Все, кто имеют дело с опием, заслуживают смерти.

Бахрам недоверчиво фыркнул.

— Что за чушь? Наверное, тут какая-то ошибка. — Он подошел к Нилу и заглянул через его плечо. — Покажите, где это написано.

— Вот, сет-джи. — Нил ткнул пальцем в абзац. — Видите, здесь сказано: нарушитель приговаривается к смерти, а дети и внуки его не допускаются на государственную службу.

— Хватит! Я не умею читать, что ли?

Нахмурившись, Бахрам пробежал глазами абзац, но потом лицо его прояснилось, глаза засияли.

— Однако это всего лишь памятная записка,

верно? Какой-то чертов умник настрочил, их пишут сотнями. Император выкинет и забудет. У него забот, что ли, мало? С женами бы разобраться и прочим. Мандарины не потерпят никаких новшеств, иначе где им взять навар, чем набить трубку? Они-то, долдоны эти, и есть самые заядлые курильщики.

С Хью Гамильтоном Линдси, нынешним председателем кантонской Торговой палаты, Бахрам был знаком много лет. Этот румяный толстяк с обволакивающими манерами кем-то доводился графам Балкаррес из знатной шотландской династии. В Китае, где он прожил лет шестнадцать, Линдси пользовался всеобщей любовью и слыл добрым малым, который ничуть не задается. Бахрам, не раз у него обедавший, знал его как хлебосольного хозяина и, самое главное, как взыскательного гурмана.

И вот нынче, охваченный радостным предвкушением, он выбирал наряд для званого ужина. Ангаркха уступила место белой полотняной джаме до колен, которая была скромно украшена парчовыми вставками, а в горловине и на манжетах оторочена зеленым шелком. Обычно к ней надевались шаровары, но сейчас Бахрам предпочел черные рейтузы с прошивкой серебряной

нитью. Погода стояла теплая, и потому верхней одеждой стала кремовая чога с вышивкой из золотистого и серого бисера. Завершил наряд тюрбан чистейшего малмалского муслина. Вооружившись изящной тростью с набалдашником из слоновой кости, Бахрам позволил опрыскать себя его любимым розовым маслом и, немного постояв в пахучем облаке, вышел из комнаты.

Ужин намечался в столовой Палаты, до которой от Ачха-Хон было всего пять минут ходу. Однако местный обычай требовал нанять фонарщика, даже если идти недалеко. Бахрам всегда нанимал одного и того же сопровождающего по имени Апу, известного своей удивительной способностью возникать в нужный момент. И еще он, похоже, обладал сверхъестественным воздействием, отпугивающим попрошаек и прочее отребье с майдана. Нынче, как и прежде, Апу появился ровно перед заходом солнца, и Бахрам тронулся в путь. Расшитая чога, развевающаяся под ветерком, и бумажный фонарь, сияющий над белым тюрбаном, делали его весьма заметной фигурой, но благодаря мощным флюидам своего спутника он был единственным прохожим, кого не осаждали докучливые просьбы о подаянии.

Шумная суета майдана подняла ему настро-

ение, навеяв воспоминания о первых годах в Кантоне. Бахрам огляделся: вдали маячила громада башни Умиротворение моря, а серые стены цитадели смотрелись театральным задником, хорошо оттенявшим узкие фасады факторий в подсветке закатного солнца — арочные окна словно подмигивали, украшенные колоннами портики как будто улыбались, приветствуя старинного друга. Бахрам переполнился гордостью собственника — даже через столько лет было приятно ощутить себя неотъемлемой частью этой декорации, о чем другие чужеземцы могли только мечтать.

У ворот датской фактории стояли два охранника в чалмах. Выходцы из колонии датчан Транкебар, что под Мадрасом, они хорошо знали старейшину индийской общины и, склонившись в поклоне, пропустили его на территорию.

Пересекая двор, Бахрам отметил, что гости уже собрались — из окон ярко освещенных гостиной и столовой доносились голоса и звяканье бокалов. На пороге гостиной он остановился и оглядел зал: одеяния почти всех приглашенных были в черно-белой гамме, и, стало быть, его появление в наряде, под светом свечей сверкающем золотой и серебряной вышивкой, произведет сильное

впечатление; Бахрам расправил подол чоги, готовясь предстать во всей красе.

Встретили его тепло. Почти со всеми он был знаком, и потому многих заключил в объятья, а некоторых даже расцеловал, не опасаясь, что объект отпрянет. На столь бурное проявление чувств европеец посмотрел бы косо, но у восточного человека высокого ранга это считалось проявлением уверенности в себе. Еще в юности Бахрам подметил, что подобное поведение — прерогатива старшин общины, которые навязанным физическим контактом подчеркивали свою власть. Сейчас он получал странное удовольствие от того, что достиг положения в жизни, когда его объятия, похлопывания и поцелуи охотно принимались всеми, даже накрахмаленными европейцами.

Хозяин вечера мистер Линдси поздравил Бахрама с членством в Совете и подвел к своему портрету в полный рост, занявшему место в галерее бывших председателей Палаты.

— Вы, конечно, узнаёте кисть мистера Чиннери, — гордо сказал он.

— Просто великолепно! — не замедлил восхититься Бахрам. — Как ловко придумано вложить вам в руку меч. Вы смотритесь настоящим ге-

роем!

Румяное лицо мистера Линдси осветилось довольством.

— Мило, не правда ли?

— Но что за спешка, Хью? Ваш срок на посту еще не истек.

— Вообще-то осталось всего ничего. — Мистер Линдси придвинулся ближе и прошептал: — Между нами, Барри, я потому и устроил этот ужин, что хочу объявить имя своего преемника.

— Нового председателя?

— Да, его самого.

Мистер Линдси хотел еще что-то сказать, но, глянув через плечо Бахрама, осекся, поспешно извинился и отошел. Бахрам обернулся и увидел Ланселота Дента.

С их последней встречи этот худощавый человек со скошенным подбородком заметно переменился: отпустил рыжую эспаньолку, надеясь, видимо, этим удлинить лицо, но, главное, излучал дружелюбие, чего прежде за ним не водилось.

— А, мистер Модди! Поздравляю с назначением, мы невероятно рады, что теперь вы с нами. Мой брат Том передает вам наилучшие пожелания.

— Благодарю, — вежливо сказал Бахрам. — Ва-

ше поздравление и добрые слова чрезвычайно приятны. Пожалуйста, называйте меня Барри.

— А вы меня — Ланселот.

— Хорошо, Ланс… — Бахрам запнулся на трудном для него имени, но все же выговорил: —…Ланселот.

Прозвучал гонг, призывавший гостей в столовую, и Дент тотчас подхватил Бахрама под руку. Места за столом были не расписаны, и потому ничего не оставалось, как сесть с ним рядом. Соседом слева оказался Джон Слейд из «Кантонского дневника».

Редактор был завсегдатаем Палаты, и его присутствие за столом никого не удивило. Кроме газеты, он подвизался в торговле, правда, без особого успеха. Поговаривали, «Громовержец» влез в огромные долги, но страх перед его острым языком и разящим пером не позволял кредиторам требовать возвращения ссуды.

Однако нынче красная пухлая физиономия редактора была вовсе не грозной, а, напротив, расплылась в улыбке.

— Чудесно, чудесно, — пробурчал он. — Чрезвычайно рад, что отныне вы в Совете, мистер Модди. — Слейд обвел взглядом стол, и лицо его закаменело. — Чего не скажу вон про того турка.

Слова его сильно озадачили Бахрама. Проследив за взглядом редактора, он понял, что тот смотрит на Чарльза Кинга из фирмы «Олифант и компания». Но ведь предприятие американское, а мистер Кинг американец.

— Простите, вы сказали «бурка», мистер Слейд?

— Нет, я сказал «турка».

— Я полагал, мистер Кинг родом из Америки. Вы уверены, что он турок?

— Ничто не мешает ему быть и тем, и другим, — мрачно ответил Слейд.

— Позвольте, одновременно американцем и турком? Как-то это чересчур, а?

И тогда Дент пришел на помощь.

— Будьте снисходительны к нашему славному редактору, — прошептал он Бахраму на ухо. — Мистер Слейд поборник правильного употребления слов и терпеть не может народную этимологию. Особую его неприязнь вызывает слово «дурак», что в большом ходу у простолюдинов. Он считает, это искаженный «турок», и настаивает на применении именно этого слова.

После такого разъяснения Бахрам озадачился еще больше, поскольку всегда думал, что английский «дурак» — это перевранное слово «букра» на

хиндустани, то бишь «козел».

— Неужели мистер Кинг разводит коз? — спросил он.

— Я бы этому ничуть не удивился, — скорбно вздохнул мистер Слейд. — Всем известно, что истинный турок отуречит все что захочет. *Amantes sunt amentes*[48].

Бахрам не слышал, чтобы в Городе чужаков кто-нибудь держал коз. Но уж если кто за это взялся, то, конечно, представитель фирмы «Олифант и компания», которую здесь считали странной, ибо она вела дела себе в убыток. Мало того, ее управляющим хватало наглости осуждать других за то, что не следуют их курсом. Излишне говорить, что это не добавляло расположения к ним коллег.

Бахрам был одним из немногих, у кого сложились хорошие отношения с Чарльзом Кингом, поскольку они редко говорили о делах. Он знал, что высшие эшелоны Города чужаков настроены к Кингу крайне враждебно, и потому удивился, увидев его среди членов Совета.

— Чарльз Кинг тоже в Совете? — спросил Бахрам.

— Да, как ни странно, — сказал Дент. — Его

---

[48] Примечания: 48

Латинское выражение из слов-близнецов, означающее «влюбленные суть безумные».

позвали, потому что он любимчик мандаринов. Мы надеялись, что Кинг представит им нашу позицию. Но все вышло с точностью до наоборот: вместо защиты наших интересов у мандаринов, он пытается всеми правдами и неправдами заставить нас исполнять волю его поднебесных патронов.

Стюарды подали первое блюдо. Местные жители, все они были с косицами, в круглых шапочках и сандалиях, но одеты в клубную униформу: синяя рубаха и серые штаны по щиколотку.

В отличие от стюардов, повара Палаты были из Макао. Наконец-то разделавшись с обычными запросами клиентов — ростбиф, йоркширский пудинг, телячий рубец с потрохами под приправой, почки с мясом в кляре и подобное, они смогли приготовить великолепные маканезские кушанья. Заглянув в тарелку, Бахрам обрадовался своему любимому ярко-зеленому супу из водяного кресса, к которому подавались разные специи и соусы, а также превосходное португальское вино «Алваринью» из Монсана.

Он наслаждался супом и смаковал вино, когда вдруг над его ухом прогремел голос Слейда:

— Что ж, мистер Джардин, коль никто не отважится вас спросить, придется рискнуть мне.

Верно ли, сэр, что вы намерены вскоре вернуться в Англию?

Гости тотчас забыли о супе, все головы повернулись к мистеру Джардину, сидевшему во главе стола между хозяином и мистером Уэтмором. На гладком лице его появилась насмешливая улыбка, затем он негромко произнес:

— Я хотел обнародовать свои планы в конце вечера, мистер Слейд, но теперь не упущу предоставленную вами возможность. Если коротко — да, я собираюсь вернуться в Англию. Дата моего отъезда еще не определена, но, видимо, через месяц-другой.

Пала тишина, ложки застыли в воздухе. Не дожидаясь иных выступлений, мистер Линдси заговорил в своей обычной мягкой манере:

— В любом мужчине сильна тяга к радостям супружества и отцовства. Мы не можем рассчитывать, что мистер Джардин будет вечно поступаться собственным счастьем, дабы обеспечить нас своим непревзойденным руководством. Нам повезло уже в том, что столько лет он был нашим вожаком. Нынче же приличествует пожелать ему удачи в поиске нареченной, какую он заслуживает.

Речь была встречена одобрительными кивками

и хором выкриков «Аминь! Верно! Правильно!». Мистер Джардин ответил признательной улыбкой:

— Спасибо, господа, спасибо. Без ваших добрых пожеланий мне никак не обойтись. Я столь неопытен в юбочной сфере, что сочту везеньем, ежели отыщу милую толстушку годов сорока[49]. В мои лета на большее рассчитывать не приходится.

Под общий хохот прошла смена блюд. Оглядев стол, Бахрам вновь порадовался своим любимым яствам: фрикадельками из трески, свиным котлетам, острому салату из авокадо и креветок, фаршированным крабам и рыбной кулебяке.

Сии изыски отвлекли мистера Слейда ненадолго: залпом опорожнив два бокала вина, он наскоро кое-что отведал и вновь обратился к мистеру Джардину:

— За этим столом, сэр, собрались вполне довольные своей судьбой закоренелые холостяки, к числу коих до недавнего времени принадлежали и вы. Надеюсь, вы простите наше любопытство, но хотелось бы знать, только ли прелести брачного ложа заставляют вас покинуть наше

---

[49] Примечания: 49

Реплика из комедии Джона О'Кифи «Ирландский подражатель» (1795).

общество.

Мистер Джардин вскинул бровь:

— Помилуйте, я, видимо, не совсем вас понимаю.

— Тогда уж позвольте начистоту, сэр, — прогремел Слейд. — Ходит слух, что вы разработали подробный план военных действий и надеетесь убедить министра иностранных дел лорда Палмерстона применить его в деле. Верны ли эти слухи?

Улыбка Джардина ничуть не угасла.

— Боюсь, вы переоцениваете мою прозорливость и мое влияние, мистер Слейд. Лорд Палмерстон не обращался ко мне за помощью или советом, иначе я, будьте уверены, не замедлил бы их предложить.

— Рад это слышать, сэр. — Голос Слейда стал еще громче. — Однако если вам доведется повстречать лорда Палмерстона, умоляю все ему высказать от нашего имени.

— Что именно я должен сказать, мистер Слейд?

— Мои взгляды, сэр, ни для кого не секрет, я регулярно излагаю их в «Дневнике». Я бы просил вас уведомить его светлость, что он то и дело нас разочаровывает. Спору нет, он человек

выдающийся и вроде бы должен понимать всю важность коммерции для будущего империи. Но пока что все его шаги по защите и продвижению британской торговли в Китае окончились позорным провалом. Он должен признать ошибочным назначение представителем правительства ее величества капитана Эллиотта, которому сей пост достался исключительно благодаря его связям в обществе и кабинете министров. Человек военный, он ничего не понимает в финансах и не способен оценить принципы свободной торговли. Отсюда следует, что он не может достойно представлять наши интересы. Хотя он и ему подобные в разрастающемся классе официальных паразитов получают жалованье, которое берется из наших налогов. Следует указать его светлости на сию несообразность. Он должен изменить свою политику: хватит полагаться на военных, дипломатов и прочих государственных чинов. Настала пора новой эры, которую выкует и преобразует коммерция. Его светлости следует быть заодно с нами — теми, кто здесь живет и хорошо знаком с местными условиями. Наши интересы должны представлять видные коммерсанты нашего круга. Необходимо остеречь его светлость: если он намерен идти прежним

курсом, британских граждан, обитающих в этих краях, ожидает весьма мрачное будущее. Именно бездействие его светлости привело к нынешней ситуации. Надо ему втемяшить: дорога, которой он шагает, приведет его к посрамлению. Он поймет, что заплатил слишком высокую цену за свой министерский свисток, принеся в жертву честь и интересы собственной страны.

Все ошеломленно молчали, и стюарды воспользовались наступившей тишиной для очередной перемены блюд. Бахрам, отвлекшийся на громогласную речь мистера Слейда, все же заметил появление знаменитого изделия маканезской кухни — *галинха африкана*, курицы гриль под кокосовым соусом, благоухающим специями Мозамбика.

Прочие гости не обратили никакого внимания на кулинарный шедевр, а мистер Линдси окинул редактора хмурым взглядом.

— Считайте, Джон, вам повезло, что вы родились в Англии. В иных странах за такие речи о правителях можно лишиться головы.

— Поверьте, сэр, я прекрасно осознаю всю ценность дарованных мне свобод, — сказал Громовержец. — И для меня не было бы большей радости, как увидеть, что они предоставлены

несчетным миллионам, стонущим под гнетом тирании, и особенно тем, кто изнывает под игом маньчжурского деспота.

— Позвольте, мистер Слейд! — раздался голос Чарльза Кинга. — Если свобода — всего лишь дубинка, которой вы оглушите других, тогда слово это теряет всякий смысл. Вы нападаете на лорда Палмерстона, капитана Эллиотта и китайского императора, однако даже не упомянули товар, загнавший нас в нынешний тупик. Опий.

Брыластые щеки редактора грозно дрогнули, он развернулся к собеседнику:

— Верно, мистер Кинг, я не упомянул опий. Вы готовы оседлать своего любимого конька, но я не желаю говорить на сию тему, пока ваши поднебесные друзья не признают откровенно, что они-то и есть главные движители сего процесса. Поставляя товар, пользующийся спросом, мы лишь исполняем законы свободной торговли.

— А как насчет законов совести, мистер Слейд?

— Вы полагаете, свобода совести могла бы существовать без свободы торговли?

Но прежде чем Кинг успел ответить, заговорил Джардин:

— Однако, Слейд, вы сгущаете краски, вам не кажется? Вряд ли чего-нибудь можно добиться

резкостью в адрес министра иностранных дел. Что до капитана Эллиотта, он всего лишь функционер, не стоит преувеличивать его значимость.

Слейд уже открыл рот для очередной тирады, но ему помешало прибытие десерта «пудинг в опилках» — изобилия крема, поверху обсыпанного хрустящими крошками.

Воспользовавшись моментом, мистер Линдси постучал ножом по бокалу.

— Господа, сейчас мы выпьем за здоровье королевы. Но перед тем я желаю сообщить вам новость. Как вы знаете, скоро заканчивается мой срок на посту председателя Палаты. По традиции, уходящий глава называет своего преемника. Я счастлив объявить, что меня сменит тот, благодаря кому мистер Джардин незримо останется с нами, ибо это не кто иной как его ближайший друг мистер Уэтмор.

Раздались аплодисменты, мистер Уэтмор встал и поклонился.

— Я глубоко тронут тем, что в столь сложное время мне доверены обязанности руководителя. — Голос его осекся, но после паузы он продолжил: — Это будет хоть каким-то утешением, если слово подходит, в потере мистера Джардина.

Ответом ему стала овация. Бахрам к ней при-

соединился, однако заметил ухмылки и перегляд своих соседей с подтекстом «Ну что я говорил?».

Под шумок Дент склонился к его уху:

— Вот видите, Барри, как у нас все делается?

— Простите, что вы имеете в виду? — Бахрам решил проявить осторожность.

Дент ответил тихо, но очень напористо:

— Мы на распутье, и я не думаю, что нам нужен вот такой вожак.

Он смолк, потому что с бокалом в руке поднялся мистер Линдси:

— Господа, здоровье королевы!

Все осушили бокалы, после чего председатель сказал, что вечер далеко не закончен. По его знаку разъехались двери, соединяющие столовую с гостиной, где три скрипача раскладывали ноты на пюпитрах. Зазвучал вальс, и мистер Линдси обратился к гостям:

— Прошу, господа, вечер не вечер, если не завершился танцами. Не сомневаюсь, мистер Джардин и мистер Уэтмор, как всегда, подадут пример.

Гости стали разбиваться на пары, и Бахрам, сообразив, что ему придется выбирать между Слейдом и Дентом, поспешно развернулся направо:

— Потанцуем, Ланселот?

— Охотно, Барри. Только можно сперва занять минутку вашего времени?

— Конечно.

Подхватив Бахрама под руку, Дент увел его на широкую террасу, пристроенную к столовой.

— Наверное, вы понимаете, Барри, что мы на пороге беспрецедентного кризиса, — негромко заговорил он. — Неудивительно, что запретом на ввоз опия Великий Маньчжур решил продемонстрировать свое всемогущество. По своей природе тираны подвержены блажи, и этот ни перед чем не остановится, дабы исполнить собственную прихоть. Чудовище охотно использует все доступные средства угнетения — аресты, обыски, казни. Пожалуй, это не удивляет в деспоте-язычнике, но, к сожалению, и кое-кто из нашей общины готов плясать под дудку тирана.

— Вы подразумеваете Чарльза Кинга?

— Да. Боюсь, в отсутствие мистера Джардина он попытается захватить контроль над Советом. К счастью, поддержка у него слабая, и адепты Джардина не позволят себя одолеть. Однако и в средствах, которыми Джардин со товарищи предлагают решить наши проблемы, хорошего мало: они говорят о свободной торговле, а сами намерены устроить военную интервенцию под

эгидой правительства ее величества. По мне, это не только противоречит принципам свободной торговли, но издевательство над ними. Я убежден: когда «невидимая рука» правителей захочет по собственному усмотрению изогнуть русло торгового потока, народу следует опасаться за свои свободы, ибо это знак того, что нами правит власть, желающая превратить нас в несмышленышей и узурпировать свободную волю, которой Господь одарил каждого человека. И потому я говорю: чума на оба ваших дома.

Бахрам интуитивно не доверял всяким абстракциям.

— А как вы, Ланселот, поступили бы в такой ситуации? У вас есть какой-нибудь конкретный план?

— Мой план — уповать на Вседержителя, остальное же доверить законам природы. И тогда вскоре проявит себя естественная человеческая алчность. Я считаю ее самым сильным и прекрасным инстинктом, которому ничто не может противостоять. Он сокрушит амбиции и надменность властей предержащих, это лишь вопрос времени.

Бахрам затеребил подол чоги.

— Послушайте, Ланселот, я заурядный делец…

Не могли бы вы изъясняться проще?

— Хорошо, попробуем иначе. Как вы думаете, указ Пекина снизил потребность в опии?

— Да нет, сомневаюсь.

— И вы, заверяю вас, абсолютно правы в своем сомнении. Отсутствие еды вовсе не утоляет, но лишь пуще разжигает голод. То же самое с опием. Я слышал, нынче за ящик опия дают около трех тысяч долларов — в пять раз больше, чем год назад.

— Правда?

— Да. Понимаете, что это означает, Барри? Мзда всякому чиновнику, охраннику и военачальнику тоже вырастет многократно.

— Да уж, это верно.

— Как скоро мандарины это осознают? Что помешает им устроить смуту, если император не отменит свои запреты и указы? Коли он не откажется от своей блажи, что удержит низы от восстания против ошалевшего от власти Маньчжура, вообще-то представителя иной расы? Долго ли ждать, чтоб они поняли, в чем их интерес?

— В том-то и проблема, — сказал Бахрам. — Время. Позвольте быть откровенным, Ланселот. У Гонконга стоит мой набитый опием корабль,

который надо срочно разгрузить. Времени у меня мало.

— Я вас прекрасно понимаю, — улыбнулся Дент. — Поверьте, мое положение еще хуже, поскольку у меня не один корабль ждет разгрузки. Но спросите себя: каков выбор? Если верх одержат «олифанты», мы потеряем весь товар целиком. Но какая нам с вами выгода, если победят Джардин и иже с ним? До прибытия экспедиционных войск пройдет год, а то и два. Думаете, инвесторы, доверившие нам свои капиталы, будут терпеливо ждать, пока английский флот обогнет полмира?

— Нет, так долго ждать они не станут. Но в чем же выход? Как поступили бы вы, Ланселот?

— Все очень просто. Нам с вами нужно сбыть опий и получить доход, а для этого Совет не должен стоять на нашем пути. Жизненно важно, чтобы он не стал теневым правительством, попирающим свободу личности. И тут мне понадобится ваша помощь. Правительства на обоих концах света попытаются подчинить нас своей воле. Для нас главное — быть готовыми к отпору и держаться заодно, иначе нас сметут. — Дент положил руку Бахраму на плечо. — Скажите, Барри, могу я рассчитывать на вашу поддержку?

Бахрам отвел взгляд; он не представлял себя в

союзе с Джардином или компанией «Олифант», однако у него зародились сомнения, что Денту удастся склонить большинство Совета на свою сторону.

— А вы уверены, что заручитесь нужным числом голосов? — спросил Бахрам.

Дент ответил не сразу.

— Признаюсь, я был бы уверен больше, если б сюда уже прибыл Бенджамин Бернэм. На него я вполне могу положиться, а уж с его и вашей помощью сумею раскачать Совет.

— Мистер Бернэм из Калькутты? Он тоже в Совете?

— Да. По традиции, в Совет входит один представитель калькуттских торговых домов, и я постарался, чтобы место осталось за Бенджамином — мы с ним друг друга понимаем с полуслова. Сейчас он на пути в Кантон, и с его приездом я себя почувствую гораздо увереннее. — Дент прокашлялся. — Но и без вас, Барри, нам не обойтись, и потом, вы же давний союзник моей компании.

Бахрам решил, что пока не время раскрывать карты, и ответил уклончиво:

— Я высоко ценю вашу фирму, а что до остального — мне надо подумать. — В зале смолкла музыка, и он этим воспользовался, чтобы закон-

чить разговор. — Вальс отыграли, сейчас будет полька. Идемте?

Если резкая смена темы и покоробила Дента, он этого не показал, ответив:

— Конечно, конечно.

В гостиной Бахрам обратил внимание на здоровяка с кружкой пива в руке, небрежно привалившегося к раздвижным дверям.

— Надо же, мистер Иннес, — сказал Дент.

— Он в числе гостей? Раньше я его не приметил.

Дент рассмеялся:

— Вряд ли отсутствие приглашения его остановит. Он признает лишь преграды Всевышнего.

С этим человеком Бахрам был знаком шапочно, однако знал его репутацию: хоть благородных кровей, Иннес слыл самодуром, буяном и драчуном. В Бомбее ни один серьезный купец не желал иметь дело с этим неисправимым баламутом, и потому заказы на доставку опия он получал от всяких отщепенцев вроде воров и бандитов.

Однако Дент, как ни странно, говорил о нем одобрительно:

— Вот такие, как Иннес, способны разрешить наши трудности. Их свободолюбие опрокинет замыслы тиранов. Если кого и называть борцом

за свободную торговлю, так уж Иннеса.

— Что вы имеете в виду?

Дент удивленно вскинул бровь.

— Похоже, вы не знаете, что сейчас только он привозит опий в Кантон? Считает это божьей волей и в своих шлюпках доставляет груз, наплевав на императорский запрет. Конечно, ничего бы не вышло без помощи подмазанных местных пособников — таможенников, чиновников и прочих. Пока что никаких неприятностей, и это лишний раз доказывает, что природная жадность, основа человеческой свободы, всегда возьмет верх над прихотью тирана. — Дент склонился ближе. — По секрету, Барри, он уже перевез пару дюжин моих ящиков. Я буду рад замолвить словечко и за вас.

— Нет-нет, не беспокойтесь, — поспешно отказался Бахрам. Даже подумать противно, что сказали бы в Бомбее, прознав о его делах с этакой персоной. — В том нет нужды.

Иннес вдруг осклабился — похоже, догадался, что говорят о нем. Испугавшись, что сейчас от него последует приглашение на танец, Бахрам вцепился в руку Дента.

— Ну что, Ланселот, тряхнем стариной?



9



Отель «Марквик».
21 ноября.

Любезная моя сиятельная дама,

У меня хорошие новости! Наконец-то я могу сообщить о подвижке в деле с камелиями. Сделан шаг, пусть небольшой, однако дающий надежду касательно твоего рисунка и еще одного поиска, столь дорогого моему сердцу…

Но о том чуть позже, а пока лишь скажу: ничего бы не получилось, если б я не сделал того, что напрашивалось давным-давно — собраться с духом и нанести визит самому знаменитому кантонскому художнику господину Гуань Цяочану.

И вот теперь я ругаю себя последними словами за то, что не отважился на это раньше: как можно

быть таким ослом? Правда, есть и смягчающее обстоятельство, поскольку большая часть вины в том лежит на моем «дядюшке».

Наверное, мистер Пенроуз тебе поведал, что папаша мой ни в грош не ставит кантонских художников и приходит в бешенство, если их так величают. Он считает их ремесленниками наравне с гончарами и медниками, что торгуют своим товаром на дорожных обочинах. И в том он не одинок, с ним солидарны китайские ценители искусства: они тоже отвергают кантонский стиль, совершенно отличный от той живописной манеры, что в Китае вызывает всеобщее восхищение. Кроме того, здешние художники иного пошиба, нежели великие китайские мастера прошлого: не знатного рода, не большие ученые, не высокопоставленные чиновники, не эрудиты. Их предки садовники и крестьяне, слуги и мастеровые — скромные, сильные, *мужественные*. Мистер Карабедьян покупает часы у ремесленников такого же роду-племени, и потому знает, о чем говорит: кантонские художественные студии произошли (ты не поверишь!) от фарфоровых мастерских, что на весь свет прославились своими изделиями. Любопытный факт: чужеземные заказчики присылали китайским мастерам эскизы

узоров, которые следовало нанести на посуду, изготовленную для европейских рынков (вот уж смехота: немецкие фрау с руками отрывали восхитительные заморские изделия, расписанные по образцам, придуманным их соотечественниками!).

Со временем кантонские мастера, наловчившись потакать вкусу западных гостей, стали расписывать не только посуду, но еще табакерки, подносы, изразцы и витражи. Портреты для медальонов и другие миниатюры приводили заезжих моряков в такой восторг, что тотчас сыпались заказы на изображения жен, детей и любимых пейзажей, а некоторые просили скопировать знаменитые европейские картины, и сие исполнялось с высочайшим умением. Здешние художники набили руку на европейских мастерах, им ничего не стоило произвести на свет неизвестное полотно Тьеполо или Тинторетто в столь точной авторской манере, что сами великие итальянцы приняли бы эти творения за свои собственные! Многие такие картины уехали в Европу, где были проданы; мистер Карабедьян готов держать пари: когда-нибудь выяснится, что полотна кисти венецианских и римских творцов вообще-то появились на свет в Китае! Однако

у себя на родине кантонские художники не в чести, ибо их работы отнюдь не соответствуют китайскому высокому вкусу.

Вообрази, какой эффект возымели на меня сии откровения, дорогая Пагли! Я тотчас понял, отчего мистер Чиннери столь низкого мнения об этих художниках: они творцы *незаконнорожденного* искусства, которое не по душе тем, кто сам плодит ублюдков (уж кому, как не мне, это знать?).

Скажу тебе, я почувствовал себя в родстве с этими художниками, и моя глубокая симпатия к ним еще больше окрепла от известия, что у нас был один и тот же наставник, а именно мистер Чиннери. Да-да, милая Пагли, я сказал, мол, «дядюшка» ни во что их не ставит, и тут вдруг оказывается, что многие из них были его подмастерьями. Разумеется, он ценил их не больше, чем кисти, прошедшие через его руки, ибо они (как некогда и мы с братом) были всего лишь инструментом для мазка здесь и штриха там, и потому их соучастие в том, что он именует «искусством», ему казалось совершенно немыслимым.

И вот нате вам — выясняется, что эти подмастерья вполне способны на собственное творчество! Конечно, папашу это раздражает, и его особую неприязнь вызывают те, кто вроде господина

Гуаня, чужеземцами прозванного Ламква, получил широкую известность. (Ты спросишь, почему здесь так часты «квакающие» имена? В случае с Гуанем одни это считают производным от фамилии, другие уверяют, что «ква» — некий титул; разобраться в этом невозможно, и я уже оставил всякие попытки. Скажу одно: здесь квакают на каждом шагу — Хоуква, Моуква, Ламква; не удивлюсь, если имеется и Незнамоктоква.)

Однако вернемся к Ламкве: он тоже поработал в студии на улице Игнасио Баптисты и, как утверждает мистер Чиннери, там-то и почерпнул все свои знания. Вряд ли это соответствует истине, ибо Ламква родом из семьи художников, его дед Гуань Цзоулинь — один из самых знаменитых кантонских живописцев, иностранцам известный под совершенно нелепым именем Спойлум. (Мистер Карабедьян показал мне его работы, рассеянные по Городу чужаков, и я могу свидетельствовать: это и впрямь нечто из ряда вон выходящее, особенно портреты, выполненные на стекле.) Однако мистер Чиннери отвергает всякую возможность того, что Ламква чему-то научился у своих предков, и заявляет: под видом слуги парень проник в его дом с целью выкрасть творческие секреты. Не знаю, есть ли в его словах

хоть сколько правды, но скажу вот что: перед моим отъездом в Кантон папаша дал понять, что пребывает в злейших контрах с Ламквой, и остерег заходить в его студию, откуда меня непременно выставят, да еще побьют палками. Мало того, сказал он, все кантонские мазилы друг другу родня и лучше от всех них держаться подальше.

Вот почему, душенька Пагли, я старательно избегал тех, кого следовало повидать сразу по приезде, и, если б не мистер Карабедьян, я бы, наверное, до сих пор обходил стороной все студии, пряча лицо. Но Задиг-бей (я уже привык его так называть), человек добрый и славный, сумел убедить меня, что бояться нечего — Ламква, сказал он, чрезвычайно мил и не таит зла на своего давнего наставника, который потому и бесится, что бывший ученик сделал себе имя и теперь отбивает у него клиентов, запрашивая (немаловажная деталь) вдвое меньше за портрет.

Вообрази, как стучало мое сердце, когда Задиг-бей привел меня в студию Ламквы. Разумеется, я знал, что она расположена на Старой Китайской улице в двух шагах от моего отеля — не заметить ее невозможно из-за манящей вывески над дверью: «Ламква. Красивые портреты».

Студия, трехъярусный дом с лавкой на первом

этаже, мало чем отличается от соседних зданий: деревянные стены, раздвижные окна верхних этажей украшены резными наличниками. Днем рамы подняты, и ты видишь подмастерьев, которые, вооружившись кисточками и карандашами, склонились над столами. Клянусь, милая Пагли, с первого взгляда ясно: они заняты тем, что обещала вывеска, — созиданием красивых портретов.

Представляешь ли, моя кошечка, с каким волнением я перешагнул порог студии? Наверное, меньше был взбудоражен Аладдин у входа в пещеру! И я ничуть не разочаровался, ибо там, куда ни глянь, повсюду что-нибудь увлекательное, интересное или абсолютно новое. В застекленных витринах множество созданных в студии картин, которые привлекают и китайских, и чужеземных покупателей. Иностранцы спрашивают виды Города чужаков, потому что считают его неописуемо поднебесным, а китайцы хватают те же картины, ибо для них он безоговорочно чуждый. Благодаря такому спросу возник огромный выбор видов Кантона, с коими соседствуют бессчетные изображения животных, сельских пейзажей, пагод, растений, скрипачей, монахов и чужестранцев. Некоторые картинки, размером с ладонь, продаются задешево и чрезвычайно

популярны. Задиг-бей говорит, в Европе, где их прозвали «почтовыми карточками», это последний писк моды.

Здесь еще продают наборы красок в лакированных коробках и бумагу, которую я всегда считал рисовой, но Задиг-бей меня просветил: это особый вид тростника, его расплющивают и пропитывают раствором квасцов, дабы краски надолго сохранили яркую свежесть. А кисти! У одних всего единственный волосок, другие толщиной с мою руку, их изготавливают из шерсти фантастических, неведомых миру зверей.

Узенькой лестницей с перилами по одной стороне и больше похожей на трап ты поднимаешься на следующий этаж и попадаешь в самое сердце мастерской. Здесь длинные столы, напоминающие плотничьи верстаки или прилавки портных. На скамьях сидят подмастерья, у каждого свое рабочее место с аккуратно разложенными материалами, нигде не увидишь неопрятных брызг краски или клякс туши. Заправив косицы под шапочки, помощники трудятся и не обращают внимания на зевак — они так поглощены делом, что даже не замечают твоего присутствия.

И вот тут открывается один из главных секретов создания этих картин — трафареты! Сотни

каких угодно трафаретов — для контуров кораблей, деревьев, облаков, ландшафтов, одеяний. Задиг-бей говорит, на рынке их продают пачками, у каждой студии большой запас трафаретов. Из них можно составить любую композицию и добиться впечатляющего результата.

Изумляет сам процесс рождения картины: он начинается на одном краю стола, где чистый лист пропитывают раствором квасцов. Затем лист движется по столу и, переходя из рук в руки, обретает контуры рисунка, наполняется цветом, получает повторную пропитку, новые краски и, наконец, прибывает на другой край стола уже законченным произведением искусства! И все это занимает считаные минуты. От этого поистине конвейерного творчества захватывает дух!

По словам Задиг-бея, такой метод применялся еще в фарфоровых мастерских, где одна чашка или блюдце проходили ни много ни мало через семьдесят рук: один работник наносил контур узора, другой рисовал ободок, третий раскрашивал изделие синим цветом, четвертый — красным и так далее. Задиг-бей считает, что студии эти творят великое благо, ибо люди среднего достатка получают то, о чем прежде только мечтали: теперь они могут купить подлинник

картины, повесить дома на стенку собственное изображение и портреты близких. (Я не понимаю, почему таких студий нет у нас в Бенгалии; знаешь, дорогая Пагли, мне приходит на ум, что, возможно, мое предназначение в том, чтобы создать нечто подобное…)

Дальше тебя ждет встреча с самим Ламквой; ты поднимаешься по еще одной лестнице, похожей на первую, и оказываешься в святая святых сего храма искусства — студии Мастера. Ему позирует заказчик, краснощекий капитан-швед, и ты получаешь возможность понаблюдать за работой творца, у которого высокий лоб, полное лицо и уютное брюшко, свидетельствующее о его процветании. Одет он в простой балахон, черная блестящая косица скручена в пучок. Однако работает художник в традиционной манере: в одной руке палитра, в другой кисть, перед ним холст на мольберте. Студия небольшая, но очень светлая благодаря потолочному окну; здесь всё на своих местах, никакого творческого бедлама. На стене висят готовые портреты, которые по разным причинам так и не забрали (весьма печальный пример — незавершенный портрет гардемарина, что никогда не будет закончен, ибо после нескольких сеансов юноша умер от тифа).

Но есть одна и пребольшая, учитывая вывеску на входе, странность: Ламква не изображает человека красивее, чем в жизни, он почему-то сохраняет прыщи, бородавки, родимые пятна, прокуренные зубы, гноящиеся глаза, уши лопухами и багровый нос пьяницы. По правде, с некоторых портретов смотрят подлинные *страшилища*.

И знаешь, кого я увидел в этой галерее? Себя! Вернее, своего папашу, представленного весьма привлекательно — с одного взгляда было ясно, что автор не питал недобрых чувств к оригиналу.

Видимо, Ламква тоже заметил наше с ним сходство, ибо, кивнув на портрет, сказал: «Одно лицо». Я даже не успел представиться, как он приветствовал меня, сложив ладони у груди, и, обращаясь ко мне «мистер Чиннери», уведомил, что наслышан о моем приезде и хотел пригласить к себе, однако воздержался, дабы еще больше не озлить моего дядюшку. Затем он справился о его здоровье и делах и выразил большое огорчение тем, что не имеет возможности посетить студию мистера Чиннери, хотя до него дошли слухи о том, что завершен поразительно необычный пейзаж, который он очень хотел бы увидеть.

Признаюсь, все это показалось мне чрезвычайно *милым*, и я, воспылав желанием хоть как-то возместить за поведение моего папаши, которое считаю в корне неверным, спросил лист бумаги и карандаш.

Ты ведь знаешь, бесценная моя Пагли, что я одарен отменной зрительной памятью, а потому за несколько минут я сделал недурной набросок того самого пейзажа — вид на Макао. Позже Задиг-бей меня пожурил, мол, я поступил опрометчиво, ибо главная претензия моего папаши к Ламкве — подражание его стилю. Но мне на это глубоко плевать, ибо человек, пренебрегающий плодом своих чресл, не вправе оберегать труды своих рук.

И вот, милая Пагли, я наконец подхожу к интересующему тебя вопросу — камелиям. Восхищенный моим наброском, Ламква спросил, не может ли чем-нибудь быть полезен мне, и я, осмелев, показал ему рисунок мистера Пенроуза. Мой друг, сказал я, очень хотел бы знать происхождение этой картинки.

Ламква тотчас заявил, что никогда не видел такого цветка, однако внимательно изучил изображение: так и сяк повертел листок, пощупал и даже помусолил его краешек. Судя по стилю,

сказал он, можно смело утверждать, что рисунок был сделан в Кантоне. Но вот определить автора затруднительно, ибо рисовальщики, изображавшие растения и животных, всегда были на отшибе кантонского сообщества художников; как правило, они не служили подмастерьями живописцев, но нанимались помощниками к европейским ботаникам и натуралистам, у которых и постигали особенности своего ремесла. Посему их работы редко встретишь в Китае — вместе с коллекциями растений они отбывали в Европу.

Ламква задумался, потом сказал, что помочь больше ничем не может, однако знает того, кто, наверное, сумеет мне посодействовать, одного авторитетного коллекционера живописи и растений. Уж кто-кто, а он-то укажет верный путь.

И кто же он такой? В отличие от меня, Задиг-бей слышал об этом сказочно богатом купце по имени Панхиква из гильдии Ко-Хон. Ламква хорошо знал этого человека и сказал, что велит своему подмастерью проводить меня к нему.

Послали за подмастерьем, и вот тут-то, дорогая Пагли, оно и случилось! Едва он вошел, как я понял всю необычность нашей встречи, ибо меня охватил трепет, и я схватился за грудь, унимая барабанный бой сердца.

Его зовут Джаква. Только не подумай, что я узрел Адониса или прекрасного юношу, срывающего персик на картине «Весна» Боттичелли, вовсе нет. Он не высок ростом и не атлетического сложения, но от него как будто исходит сияние, а взгляд светится покоем, целеустремленностью и умом, какие не передашь на холсте. Честное слово, я не представляю художественный образ, с которым его можно сравнить, а уж ты-то знаешь, милая Пагли, сколько полотен хранит моя память. Подобные встречи очень редки, и когда они происходят, меня заполняет удивительное волнение, я понимаю, что стою на пороге неизведанного, на краю пропасти, манящей новизной, опасностью, приключением…

О, принцесса сердца моего, если ты знаешь такие молитвы, помолись за меня, ибо я, кажется, встретил того самого Истинного Друга, о котором всегда мечтал.

Добавлю, что это не единственный дар небес за последнюю неделю: еще я отыскал удивительного курьера, в чьей необычности ты сама убедишься, повстречавшись с ним.

Одним свежим, но еще не промозглым утром Бахрам, выглянув из окна конторы, увидел, что большинство горожан сменили летний гардероб

на теплую одежду: хлопчатые блузы и штаны, легкие туфли и шелковые шапочки уступили место стеганым робам и вышитым рейтузам, башмакам на толстой подошве и меховым шапкам.

Все ясно: видимо, накануне губернатор появился в зимней одежде, что для всех остальных послужило сигналом к переодеванию. В Индии так было заведено у англичан, но здесь глава провинции ждал команды из далекого Пекина. Удивительный факт: в удаленной столице климат совершенно иной, однако в Кантоне переход на теплые наряды опережал наступление холодов всего на день-другой.

Вот и нынче через пару дней с севера задул студеный ветер, температура резко упала, и в конторе стало так зябко, что пришлось поставить печки, топившиеся углем.

Вместе с погодой поменялись и слухи. Днем в контору заглянул Задиг с интересной новостью: губернатора, так рьяно сражавшегося с опием, сжигавшего «резвых крабов» и наказывавшего дельцов, вроде бы отзывают в столицу, а вместо него назначат кого-то другого.

Последнее время в Городе чужаков ходило столько всяких толков, что Бахрам поостерегся возлагать слишком большие надежды на эту

новость. Он осторожно навел справки и, хоть не нашел никаких конкретных подтверждений, выяснил: слух распространился широко и так оброс бесчисленными предположениями, что уже невозможно отличить правду от вымысла. Но все сходились во мнении (по крайней мере, в Совете), что перемены — обнадеживающий знак.

Бахрам воодушевился. За истекшие две недели он получил несколько встревоженных запросов от бомбейских предпринимателей, финансировавших его поездку: ознакомившись с докладом о повреждениях судна, они беспокоились, когда же окупятся их затраты. В ответных письмах Бахрам извинялся за задержку, возникшую из-за необычайной вялости кантонского рынка, который, уверял он, скоро оживет. Однако ему не хватило духа известить инвесторов, что «Анахита» с полными трюмами так и стоит у Гонконга и до сих пор ни один покупатель не объявился. Теперь, ободренный слухами о перестановках в местной администрации, он решил, что пора сообщить о добрых предзнаменованиях, замаячивших на китайском небосклоне.

— Пишите новое письмо, — приказал он Нилу. — Начните с обычных приветствий, а дальше так: «Вы знаете, что последнее время кантонский

рынок был весьма неактивен, и причиной тому политика действующего губернатора. Однако ваш покорный слуга желает уведомить вас, что высшая китайская власть подала сигналы о смене курса. Существует мнение, что нынешнего губернатора вот-вот отзовут в столицу. Имя его преемника пока неизвестно, но нет нужды говорить, что получен чрезвычайно добрый знак. Видимо, скоро ситуация нормализуется, и есть вполне обоснованная надежда сбыть весь груз разом, ибо накопившийся спрос очень велик…»

Бахрама перебил громкий стук в дверь.

— Патрон, можно?

— Что тебе, Вико?

Дверь приотворилась, управляющий просунул голову.

— Кое-кто желает вас видеть, патрон.

— Сейчас?

Вмешательство удивило и раздосадовало; с утра Бахрам всегда занимался деловой перепиской, и персоналу было строго-настрого наказано: прием посетителей только после перерыва на чай.

— Что за ерунда, Вико? Какой визитер в это время? Я уже начал диктовать.

— Некий Хо Син-сянь, патрон. Полное имя Хо Лао-кин.

Бахрам ничуть не смягчился:

— Кто еще такой? Знать не знаю.

Вико чуть больше протиснулся в комнату и чуть заметным жестом показал, что не может говорить при новом секретаре.

Бахрам неохотно отдал приказ:

— Пока все, мунши-джи, ступайте к себе. Я пришлю за вами, как буду готов продолжить.

— Слушаюсь, сет-джи.

Дождавшись, когда за Нилом закроется дверь, Бахрам спросил:

— Ну в чем дело? Кто он, этот Хо Син-сянь?

— Говорит, много лет назад вы были знакомы.

— Ай, Вико, в Кантоне тысячи моих знакомых! Неужто я помню каждого да еще давнего?

Управляющий переступил с ноги на ногу.

— Патрон, он говорит, что кем-то приходится мадам…

— Чимей? — Глаза Бахрама округлились. — Что-то я не припомню ее родственника с таким именем.

— Может, тогда он прозывался иначе, патрон. Эти китайцы меняют имена как перчатки — сегодня он А-такой-то, а завтра Син-сянь этакий или разэтакий.

— Он назвал какое-нибудь иное имя?

— Да, патрон. Возможно, вы знали его под именем Дай-вай или что-то вроде этого.

— Давай?

Имя всколыхнуло воспоминания. Бахрам отошел к окну и посмотрел на майдан. Там, как всегда, стаи сопливых беспризорников в замызганной одежонке и островерхих шапках осаждали чужеземцев: «Айсэй! Ачха! Мо-ро-ча! Дай денежку!»

И тогда вспомнился вечно спотыкающийся паренек, служивший посыльным Чимей.

— Кажется, я его помню, — сказал Бахрам. — Но это было лет двадцать тому назад. Где ты с ним столкнулся?

— На майдане, патрон. Он подошел ко мне и справился, не у вас ли я работаю. Я ответил утвердительно, и он сказал, что у него к вам неотложное дело.

— Какое дело?

— Торговое, патрон.

— Но какого рода? Чем он занимается?

— Его работа — *мал-ка-дханда* — связана с грузом, который нам надо сбыть. Я думаю, он середняк, не воротила. У него пара притонов и прогулочная лодка.

Бахрам начал было расхаживать по комнате,

но теперь встал как вкопанный.

— Он маклак? — От гнева голос его звенел. — Ты привел в мой дом маклака?

Оба всегда соблюдали правило: не допускать опийных прилипал в свое жилище. С мелкими торговцами, содержателями притонов и им подобными Вико общался только за пределами фактории, но в последние годы и он с ними почти не имел дела, поскольку разгрузка происходила у острова Линтин или в открытом море.

Бахрам же никогда не приближался к накипи, неизбежной в его занятии. И сейчас был в равной степени изумлен тем, что кто-то из этой среды ищет встречи с ним, а Вико тому потворствует.

— Ты спятил, что ли? — рявкнул Бахрам. — С каких это пор таким личностям открыт доступ в нашу факторию?

Но Вико был терпелив и настойчив.

— Патрон, вы не хуже меня знаете, что за все это время мы ни на шаг не продвинулись, чего не бывало прежде. Я переговорил с этим человеком, у него интересное предложение. По-моему, вам надо его выслушать.

— Здесь, в конторе?

— А где еще? Уж лучше тут, чем на улице, где полно чужих глаз.

— Вдруг кто-нибудь видел, как он сюда вошел?

— Никто не видел, патрон, я провел его черным ходом. Он ждет внизу. Так что мне делать? Если не хотите рисковать, я отправлю его прочь.

Бахрам вновь подошел к окну и посмотрел на суету носильщиков, лоточников, посыльных, жонглеров и всяких ловкачей. Бившая ключом жизнь майдана казалась укором его осмотрительности: неужто он утратил вкус к риску, благодаря чему так преуспел? Бахрам глубоко вздохнул и повернулся к Вико:

— Ладно, приведи его. Только чтоб никто из работников его не видел.

— Хорошо, патрон.

У стены стояли китайские кресла с прямой спинкой, в которых проходили встречи с посетителями. Едва Бахрам уселся, как дверь отворилась, впустив Вико и низенького человека, одетого неброско, однако недешево: стеганая куртка, сизый шелковый халат, черная круглая шапка, из-под которой струились длинные волосы с вплетенной в них красной лентой.

— Привет, мистер Барри! — бойко сказал гость. — *Фа-цай!* Здравия и богатства!

Именно странная походка живо напомнила о маленьком крепыше, чьи ноги так заплетались,

словно он вот-вот грохнется ничком. Курносое лицо его оплыло и слегка постарело, а вот походка осталась прежней. И голос не изменился: вкрадчивые интонации тотчас возродили в памяти Бахрама время, когда перед ним вдруг возникал сопливый мальчишка, шептавший: «Привет, мистер Барри! Главный сестра сказал вечером приходить…»

Воспоминания эти, неожиданные и неуместные, сбили Бахрама с намеченного официального тона.

— Привет, Давай, привет, — сказал он. — *Фацай*.

— Ай-ай, мистер Барри моя помнить, да? — радостно вскричал гость. Он улыбнулся, показав золотые зубы, и подвигал руками, изображая греблю. — Моя возить мистер Барри и Главный сестра на озеро Белый Лебедь, помнить?

— Помню, — кивнул Бахрам. Перед глазами возникла до боли четкая картинка первого свидания на озере: парень потихоньку работает кормовым веслом, а в лодочной каморке они с Чимей неловко раздевают друг друга.

— Помнить, как я приходить к мистер Барри и он давать бакшиш, хороший бакшиш?

— Да, помню.

Давай уже не улыбался, на лице его, точно в зеркале, отразилась печаль, окутавшая Бахрама.

— Я тоже шибко горевать душа, мистер Барри. Шибко жалко Главный сестра умирать.

— Что случаться с Главный сестра? — Бахрам сощурился. — Ты знать, нет?

Давай энергично помотал головой:

— Не знать, тогда моя уехать в Макао. Сильно жалеть, мистер Барри.

— Ладно, дело говорить. Сиди, сиди. Что ты хотеть? Говори прямо, времени нет.

— *Хай-ле!* — Давай согласно кивнул. — Моя слыхать мистер Барри привозить большой-большой груз. Так не так? Мистер Барри иметь большой груз, да?

— Так. Иметь груз. Очень большой.

— Ага. Мистер Барри ломать голова — что делать с груз? Нынче в Кантон дело стоять. Продать нельзя. Мистер Барри знать, нет?

— Знать, знать, — покивал Бахрам.

— Мандарин-начальник в Кантон шибко шуметь, да? Пороть, сажать, голова рубить. Сильно разошелся, ага. Нынче груз продать нельзя.

Бахрам разглядывал гостя. Все понятно: он говорит о запретах нынешнего губернатора и еще хочет разведать, насколько собеседник ориенти-

руется в ситуации. Бахрам равнодушно пожал плечами — мол, ему-то не о чем беспокоиться.

— Твой слыхать, нет? Мандарин-начальник уезжать скоро-скоро. Мистер Барри подождать. Может, новый начальник быть лучше. Никакой шум.

— *Хай-ме!* — Гость изобразил почти комическую тревогу. — Мистер Барри не знать, да? Старый начальник уезжать, новый начальник быть сильно хуже. Мой друг ездить Бейцзин. Там народ говорить, что *пили-пили*, император, значит, уже выбрать новый начальник. Приезжать скоро-скоро. Он есть новый…

Не вспомнив нужное слово, Давай достал из рукава книжицу. Бахрам уже видел тех, кто сверялся с этим словарем под названием «Разговорник чужеземных бесов», и сейчас терпеливо наблюдал за гостем, листавшим страницы с китайскими иероглифами.

— Губернатор! Пили-пили найти новый губернатор в Кантон. Сейчас он губернатор в Хукван. Там он остановить торговля опий. Император хотеть так делать в Гуандун. Отправлять новый губернатор. Звать Линь Цзэсюй.

Бахрам недоверчиво усмехнулся: маловероятно, чтобы этакая пешка владела столь подробной

информацией, это, наверное, тактическая уловка в торге. Решив поймать гостя на блефе, он широко улыбнулся:

— Даже имя знать?

Однако Давай энергично закивал:

— Знать, знать.

— Мочь написать?

— Мочь, мочь.

По знаку Бахрама, Вико подал гостю бумагу и карандаш; Давай старательно вывел иероглифы и протянул лист собеседнику:

— Начальник Линь Цзэсюй шибко злой, зубастый. Он приезжать, мистер Барри оказаться в пасть тигра. Моя тоже. Груз не взять. Вся торговля конец. Моя не шутить. Мистер Барри надо продать сейчас, быстро-быстро. Пока Линь Цзэсюй не приехать.

Осведомленность и настойчивость гостя уже стали раздражать Бахрама.

— К чему твой так говорить? — спросил он резко. — Хотеть сделка? Хотеть купить груз?

Давай уничижительно сморщился.

— Моя весь груз не купить. Моя человек маленький, большой деньги не иметь. Моя хотеть сотня ящик. Больше не мочь. Что ты сказать? Сделка, нет?

Бахрам задумался. Сотня ящиков не составляла даже двадцатой части всего груза, но сейчас и это стало бы существенной продажей. Однако главная проблема осталась неизменной: как доставить груз в Кантон?

— А как твой перевезет сто ящиков с корабля на берег? Вдруг мандарин поймать? Большой беда для мистер Барри.

Давай глянул на Вико, и тот, подавшись вперед, деловито вступил в беседу:

— Знаете, патрон, об этом я уже переговорил с нашим гостем. Сейчас только один человек доставляет груз на берег — Джеймс Иннес. В его лодках ласкары добираются до Вампоа, спрятав опий под другими товарами — хлопком, мехами, мешками с монетами и прочим. У Иннеса договоренность с крупным дельцом. На маршруте все службы подкуплены. Пока все проходит гладко, и Иннес намерен доставлять груз прямиком в Кантон. Он мог бы заняться и нашим товаром. Коль дадите добро, я отправлюсь на «Анахиту» и присмотрю за погрузкой. Вы остаетесь в стороне. Лишь потом надо будет на минутку заглянуть к мистеру Иннесу и подтвердить доставку. Об этом он известит. Вот так, я все продумал.

Бахрам молчал. Ему и раньше приходилось

иметь дело с неприятными людьми, и он, конечно, смог бы сотрудничать с Иннесом, коли нет выбора. Но рисковать стоит только ради хорошей цены. Не глядя на Давая, Бахрам спросил:

— Сколько предлагает наш гость?

Вико улыбнулся и встал из кресла.

— Он сам вам скажет. Утрясите этот вопрос, а я подожду в коридоре.

Он вышел из комнаты. Бахрам перевел взгляд на собеседника:

— Сколько доллар за один ящик?

Давай усмехнулся и поднял руку с четырьмя растопыренными пальцами.

— Четыре тысячи долларов? — Бахрам постарался, чтоб голос его не выдал. — *Сэй-чин маан?*

Давай широко улыбнулся и кивнул.

Бахрам встал, пересек комнату и, распахнув окно, подставил лицо прохладному воздуху.

Цена была даже больше названной Дентом, она в шесть превышала обычную. Выручки с лихвой достанет, чтобы расплатиться с кредиторами. Бахрам уже представлял, как диктует письмо: «Ваш преданный слуга рад сообщить, что ему, невзирая на весьма неблагоприятное состояние рынка, удалось исполнить часть взятых обязательств…»

— Мистер Барри…

Бахрам обернулся, едва не столкнувшись с гостем, который, натянуто улыбаясь, стоял у него за спиной.

— Твой знать, что моя купить лодка Главный сестра? — тихо спросил он, как будто на что-то намекая.

— Ты купить лодка Чимей?

Давай, ухмыльнувшись, поклонился.

— Да, моя купить, когда Главный сестра умирать. Мистер Барри не хотеть прокатиться? Ехать озеро Белый Лебедь, как старый времена. Мало-мало курить трубка. Взять веселый девка. Делать что хотеть. Мужчина надо девка драть, а то быть больной, быть шибко старый. Моя приводить хороший девка, совсем как Главный сестра…

Слышать подобное о Чимей было нестерпимо.

— Заткнись! — взревел Бахрам. — Думай свой башка! Главный сестра не веселый девка! Она добрая женщина — работница, мать. Никакая не девка! Заруби себе, ясно?

Давай испуганно попятился.

— Прости, мистер Барри, осеня прости. Моя шибко горевать, плохо сказать.

В комнату влетел Вико.

— Что случилось, патрон?

Бахрама трясло. Отвернувшись к окну, он гадливо махнул рукой:

— Убери его, Вико. И скажи ему, ничего не будет. Я не желаю пачкаться о таких, как он и Иннес. Да и риск слишком велик.

— Как вам угодно, патрон.

В дверях Давай обернулся:

— Мистер Барри, ты думать моя слова. Твой надо делать дело. Моя всегда готов. Делать надо скоро, пока новый губернатор не приехать.

Вне себя от злости, Бахрам процедил полузабытую кантонскую брань «*Гахт хой! Пук чахт хой!*», а потом буквально взорвался, когда через несколько минут Вико вернулся в сопровождении Нила:

— Что вы за работники? Почему важную новость я узнаю от черт-те кого?

— О чем вы, патрон? Какая новость?

— О новом губернаторе, этом Линь Цзицзюе, Цзэсюе или как там его! Почему я узнаю о нем не от вас?

Именно Вико подсказал Нилу способ, как получать новости первым:

— «Дневник» выходит по вторникам, а готовят номер к печати в воскресенье и понедельник. Иногда и раньше.

— И что мне от этого? — спросил Нил.

— По-моему, ясней ясного. Наведывайтесь в печатню.

В Кантоне, объяснил Вико, всего два печатных станка с латинским шрифтом. Один принадлежал миссионерам-протестантам, обитавшим в американской фактории, другим владел китаец, который много лет проработал у знаменитого маканезского печатника Де Соузы, уроженца Гоа. Вико, хорошо знавший Де Соузу, через него и познакомился с его бывшим помощником Лян Куэй Чуанем, в Кантоне известным под именем Комптон и вечно нуждавшимся в корректорах.

— Вы сможете править верстку, мунши-джи?

В свое время Нил был соредактором литературного журнала, и потому довольно уверенно ответил:

— Да, смогу.

— Тогда я познакомлю вас с Комптоном, — сказал Вико. — Его заведение — базар новостей.

Печатня располагалась на улице Тринадцати факторий, отделявшей Город чужаков от южных окраин цитадели. С одной стороны улицу окаймляли заборы факторий, снабженные калитками для выхода на оживленную дорогу, с другой тянулись бесчисленные лавки, большие

и маленькие, украшенные рекламой их товаров: шелка, лаковых изделий, резных костяных фигурок, вставных зубов и прочего.

Заведение Комптона отличалось от своих соседей тем, что не имело прилавков с товарами. Посетители оказывались в помещении, пропахшем типографской краской и ладаном и загроможденном тюками бумаги. Печатный станок был не на виду, но скрыт где-то в глубине здания.

Нил и Вико увидели парня, дремавшего на кипе старых номеров газеты; при их появлении он подхватился и прыснул в коридор, однако вскоре опять возник, но уже выглядывая из-за спины дородного человека с изможденным лицом.

— Господин Вико! — воскликнул человек. — *Нэй хоу ма?* Как поживаете?

— *Хоу лэн,* прекрасно, господин Комптон. Как вы?

На круглом лице печатника весьма органично смотрелись очки в круглой оправе, съехавшие на кончик носа. Серый халат его был прикрыт измазанным в краске фартуком, а косица скручена в тугой пучок, как водится у ремесленников.

— Это ваш приятель? — Комптон близоруко сощурился на Нила. — Как звать-величать?

— Господин Анил, письмоводитель сета Бахрамджи, — представил Вико. — Кажется, вы искали правщика?

Комптон изумленно воззрился поверх очков с толстыми стеклами.

— Он может править? Вы не шутите?

— Ничуть.

Через минуту Нила усадили на бумажную бухту и дали ему вычитывать верстку свежего номера «Дневника». К концу дня они с печатником были на короткой ноге: Комптон попросил в обращении к нему опустить «господина», а сам нового друга называл А-Нилом. Из печатни Нил ушел со связкой монет, обернутой вокруг запястья.

На другой день Комптон приготовил очередную порцию материалов. Проглядывая верстку, Нил спросил:

— Вы что-нибудь слышали о новом губернаторе, некоем Линь Цзэсюе?

— *Хай-а!* — удивился Комптон. — И до вас дойти разговоры?

— Дошли. Вы его знаете?

Комптон улыбнулся.

— *Май-хай!* Линь Цзэсюй — великая личность, прекрасный китайский поэт и ученый. Человек большого ума, всегда открытый для новых зна-

ний. Мой учитель с ним дружен. Много о нем рассказывал.

— И что говорил?

Комптон понизил голос:

— Линь Цзэсюй не такой, как другие мандарины. Хороший человек, честный, лучший чиновник в стране. Где какая неурядица, посылать его. Взяток не брать, *цзян-хай*, истинная правда! Еще совсем молодой он стать губернатор Цзянси. За два года прекратить торговля опий во всей провинции. В народе его прозвали Линь Чинь-тьен, что значит «Линь Чистое Небо». — Помолчав, Комптон приложил палец к губам. — Своему хозяину не говорите. Он сильно огорчится. *Дак?*

— Понятно, — кивнул Нил.

С тех пор на досуге он стал наведываться в печатню; иногда Комптон приглашал его в жилую часть дома, расположенную в двухэтажном строении по периметру внутреннего двора, который был вымощен плиткой, но благодаря изобилию цветов в горшках, деревьев и ползучих растений выглядел садом. На веревках, растянутых между балконами, трепетало сохнущее белье, создавая тенистый полог над вишней с пожелтевшими листьями.

При появлении Нила женщины семейства

скрывались в недрах дома, а вот ребятишки, которых здесь было изрядно, и не думали прятаться. Всякий раз встречались новые лица, отчего возникало впечатление большой семьи, постоянно принимающей гостей. Ничего удивительного, Комптон был родом из деревни на острове Чуэнпи, что в устье Жемчужной реки, и потому часто выступал в роли хозяина, привечающего родню.

Детство и юность Комптона прошли вне пределов Кантона и большей частью на воде. Родитель его на жизнь зарабатывал в ипостаси плавучего компрадора, и обычно весь торговый сезон семейство проводило в кильватере иностранных судов.

Плавучие компрадоры заметно отличалась от своих сухопутных коллег, поставлявших провизию чужеземным купцам в Кантоне, и были вроде корабельных интендантов — обеспечивали провиантом и оборудованием суда, нанявшие их на службу. Сухопутные компрадоры обладали хорошими связями в купеческой гильдии, а вот плавучие, не имевшие влиятельных покровителей, действовали самостоятельно в условиях жесткой конкуренции. С холма возле их дома Комптон и отец по очереди сторожили прибытие опийной флотилии. Завидев первое судно,

они бежали на причал и отвязывали свой сампан. Начиналась бешеная гонка маркитантских лодок. Добравшийся первым до чужеземного корабля получал возможность занять должность компрадора, и шансы его многократно возрастали, если судном управлял знакомый капитан. Прояви сноровку, и тебе улыбнется удача — контракт, обеспечивающий работой на ближайшие недели.

Команды многих судов хорошо знали Комптонов, старожилов в этом бизнесе, и шкиперы нанимали их всякий раз, как приходили в Южный Китай. Среди самых давних и верных клиентов семьи числились корабли бостонской фирмы «Расселл и компания». Благодаря этому знакомству Комптоны обзавелись большой американской клиентурой, получая от нее рекомендательные письма к другим торговцам, со многими из которых надолго сохранились теплые отношения: даже уйдя на покой, через своих молодых преемников они передавали маленькие гостинцы. Вот так семья получила рекомендации мистеров Кулиджа, Астора и Делано, но лишь потом узнала, что они представляют знатные американские роды. Торговец Уильям Ирвинг даже подарил книгу «Альгамбра», написанную его

дядей Вашингтоном Ирвингом[50]; к сожалению, Комптон не запомнил этого человека, для него он остался одним из сотен дружелюбных иноземцев, дававших ему уроки английского языка.

С малолетства Комптон сопровождал отца в поездках к чужеземным кораблям. Обаятельный малыш, он стал любимцем матросов и офицеров. Моряки, тяжело переносившие долгие стоянки в Вампоа, развлекались тем, что обучали мальчика английскому. Смышленый мальчуган оказался бесценным достоянием семьи, когда, бойко изъясняясь на иностранном наречии, привлек немало новых клиентов. Позже свободное владение английским обеспечило его местом в печатне Де Соузы в Макао, где Комптон не ограничился обязанностями подмастерья, но выносил идею объединить свои знания двух языков и на пользу соотечественникам создать толковый словарь кантонского диалекта.

В переводе на английский книжица эта называлась «Бытовой язык рыжеволосых бесов,

---

[50] Примечания: 50

«Альгамбра» (Tales of Alhambra) — сборник новелл, эссе и путевых заметок американского писателя-романтика Вашингтона Ирвинга, посвященный истории знаменитого мавританского дворца в Гранаде — Альгамбры. Из этой книги (глава «Легенда об арабском звездочете») Пушкин позаимствовал фабулу «Сказки о золотом петушке». Авторская неточность: «Альгамбра» впервые была издана в 1832 г., а сейчас 1838 г., то есть Комптон никак не мог получить ее в детстве.

покупающих и продающих», но обиходное название ее было проще — «Бесовский разговорник». Успех словаря превзошел все ожидания, и доходы от продаж позволили его автору открыть собственную печатню в Кантоне.

С годами популярность разговорника ничуть не уменьшилась, многие лоточники и лавочники всегда держали его под рукой. На обложке, примелькавшейся в Городе чужаков, был изображен европеец в одежде восемнадцатого века: кюлоты, чулки, треуголка, плащ с пряжкой. В одной руке он держал тросточку, в другой — нечто вроде носового платка; по крайней мере, Комптон считал это платком. Некогда, пояснил он, носовые платки заворожили китайцев, убежденных в том, что европейцы используют их для хранения и транспортировки своих соплей — по примеру хозяйственных китайских фермеров, удобрявших поля собственными экскрементами.

Нил уже давно приметил «Бесовский разговорник», и ему было бы интересно ознакомиться с его содержанием. Сейчас он приятно удивился, узнав, что это еще и толковый словарь, составленный не кем иным, как его новым знакомцем, обеспечившим его работой по совместительству.

Конечно, книжка на китайском была для него

темным лесом. Но его увлеченность словами вообще привела к тому, что он безоглядно влюбился в китайское письмо. Самым большим удовольствием для него было разглядывать иероглифы на вывесках, зонтиках, тележках и лодках. Некоторые он уже понимал — например, иероглиф с двумя ножками 人, означавший «человек», запомнился легко. Как и выразительный иероглиф «большой», который имел вид человечка с распростертыми руками, или «доллар», в Городе чужаков встречавшийся повсеместно. Знакомые иероглифы появлялись в самых неожиданных местах и как будто махали ручками, привлекая к себе внимание.

Листая разговорник, Нил удивился, что два знакомых иероглифа, «человек» и «доллар», соседствуют в одной статье. Может, тут какой-то потаенный философский смысл?

Вопрос его рассмешил Комптона.

— Вы не понять? «Доллар» на кантонский диалект — *маан*.

Столь остроумный способ весьма впечатлял: вместо транскрипции Комптон предлагал иероглиф, который в произношении напоминал английское слово; порой он соединял несколько односложных слов — к примеру, «нынче» переда-

валось сочетанием «нинь-чай».

— И вы сами все это сделали?

Комптон гордо кивнул, добавив, что ежегодно выпускает дополненное издание, чем обеспечивает постоянный спрос на книгу.

Позже, размышляя в тиши своей каморки, Нил пришел к выводу, что во встрече с Комптоном есть некая предопределенность, словно сама судьба решила свести его с родственной душой, столь же влюбленной в слова. Жаль, думал он, не существует подобного словаря языка «пиджин» для тех, кому родной английский или, скажем, хиндустани. Бесспорно, приезжим иностранцам необходимо понимать гибридный язык анклава столь же хорошо, как понимают его постоянные обитатели. Английский вариант «Бесовского разговорника», несомненно, пользовался бы огромным спросом.

Среди ночи Нил подскочил в постели. Такая книга должна появиться, и кто же лучше него в сотрудничестве с Комптоном справится с этой задачей?

На другой день, покончив с делами в конторе, Нил поспешил на улицу Тринадцати факторий. В печатне он с порога объявил:

— Есть предложение!

— Да? И какое же?

— Вот какое…

Оказалось, идея английского варианта разговорника уже посещала Комптона. В поисках союзника он обращался к разным англичанам и американцам. Но все они над ним посмеялись, дав презрительный отказ.

— Они думать, пиджин — ломаный английский, вроде лепета малыша. Не понимать, что все не так просто.

— Так вы согласны?

— *Ят-дин! Ят-дин!*

— Что это значит? — спросил Нил чуть нервно.

— Да, конечно.

— *До-цзе*, спасибо, Комптон.

— *Моу хак хей*, не за что.

Нил уже видел обложку, на которой изображен мандарин в богатом наряде. Заглавие тоже придумалось: *Поднебесная хрестоматия, включающая в себя полный справочник и толковый словарь коммерческого языка в Южном Китае*.

Собирать растения на Гонконге оказалось гораздо труднее, чем предполагали Хорек и Полетт: с обеих сторон острова обрывистые склоны, да еще горный хребет протяженностью восемь миль и высотой не менее пятисот футов, отдельные

пики которого вздымались на тысячу, а самый большой, по прикидкам Хорька, аж на две тысячи футов. Неосторожный шаг по каменистой, но осыпчивой породе, сверкавшей вкраплениями кварца, слюды и шпата, грозил камнепадом, шумно уносившимся в безлесную лощину. Даже обманчиво ровные участки, поросшие лишайником и папоротником, таили в себе опасность подвернуть ногу, а то и упасть.

Подъем по крутым каменистым склонам давался нелегко старым суставам Хорька, к вечеру уже кряхтевшему от боли. Не желая слышать набат организма, возвещавший о преклонном возрасте, он часто поступал во вред себе: планировал дальние экспедиции и, не делая скидку на иную местность, уверял, что на корнуоллских болотах запросто одолевал подобные расстояния. Отправившись в путь, он, невзирая на увещевания Полетт, проходил его до конца, чем обрекал себя на мучительную ломоту в костях.

Потом наступили холода, на которые конечности его откликнулись еще большей негибкостью, и Хорек был вынужден признать, что пешие походы для него закончились. Однако на острове не имелось никакого транспорта и дорог, и даже тропы были редки, поскольку жители поселков и

деревенек, рассеянных вдоль берега, в основном передвигались на лодках.

Лошади легко помогли бы справиться с возникшим затруднением, но, похоже, на острове их не держали — единственными тягловыми животными, работавшими на полях, были волы и буйволы. Проблему мог бы решить паланкин, но Хорек и слышать о том не хотел:

— Собирать гербарий с носилок? Надеюсь, вы шутите, мисс Полетт?

Выход нашелся с прибытием курьера, доставившего письмо от Дрозда. Этот *лаода*, лодочник, внешне ничем не отличался от своих кантонских собратьев, бороздивших здешние воды: коренастый, кривоногий, прищуренный взгляд бывалого моряка. Наряд его состоял из штанов и стеганой блузы, в короткой косичке посверкивала седина, а голову украшала островерхая соломенная шляпа, обычная для всякого лодочника.

Но едва он заговорил, Полетт остолбенела.

— *Номошкар*, здравствуйте, — сказал курьер на бенгали, сложив ладони у груди. — Вы мисс Полетт? Ваш друг мистер Чиннери прислал вам письмо.

Оправившись от удивления, Полетт его горячо

поблагодарила и задала вопрос:

— *Апни ке?* Кто вы? Где научились говорить на бенгали?

Лодочник улыбнулся:

— Я долго жил в Калькутте. Прибыл туда матросом, но сбежал с корабля, надумав жениться. Там меня звали Бабурао.

— И теперь вы живете в Кантоне?

— Да, когда не в пути. — Он показал на свою лодку у берега. — Я часто курсирую между Кантоном и Макао, исполняя роль курьера — развожу письма и посылки. Если вам что нужно, скажите, я, возможно, смогу быть полезен.

Полетт заключила, что это не пустые слова, ибо выглядел он тем, кого на бенгали называют *джогаре* — находчивым человеком, который всегда держит ухо востро.

— Скажите, Бабурао-да, можно ли здесь раздобыть пару лошадей?

Лодочник задумчиво поскреб голову, и лицо его прояснилось.

— Да, можно. Я знаю одного человека, у которого есть лошади. Желаете с ним встретиться?

Вот так оно и устроилось: на другой день в своей лодке он отвез Полетт и Хорька в живописную деревушку на берегу бухты. Отыскали хозяина,

осмотрели лошадей и легко условились о цене. Все бы хорошо, но возникло непредвиденное осложнение: оба имевшихся седла были с высокими луками.

Глянув на них, Хорек покачал головой:

— В платье вам не сесть в такое седло, мисс Полетт.

Решение уже созрело, но Полетт знала, что предложить его надо осторожно.

— Платья — не единственный мой наряд, сэр, — сказала она.

— То есть? — нахмурился Хорек.

— Вспомните нашу первую встречу в Памплемусе — я была в штанах и рубахе, одолженных мистером Рейдом. Они все еще у меня.

— Что? — рявкнул Хорек. — Вырядиться мужчиной? Надо ж такое удумать!

— Согласитесь, сэр, это единственный разумный выход.

Лицо Хорька так скукожилось, что кончик бороды едва не чиркал по насупленным бровям. Наконец, подумав, он разомкнул уста:

— Что ж, раз вы так решили… Ладно, завтра попробуем.

Утром, снова увидев Полетт в мужской одежде, Хорек признал, что это удачное решение пробле-

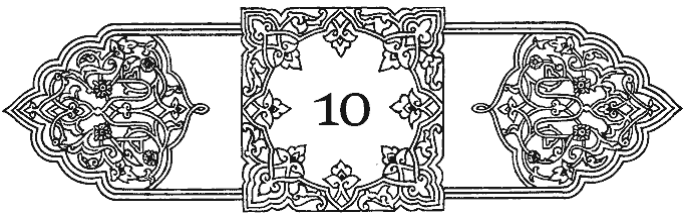
мы. Верхом они поднялись на одну тысячу футов, где в пересохшем русле нашли бледно-розовую «бамбуковую орхидею», или «арундину китайскую», и лимонно-желтый цветок, какого Хорек еще не встречал.

— Похоже, вы открыли новую особь, мисс Полетт, — сказал он. — Как назовете?

— Будь моя воля, сэр, я бы назвала ее «диплопрора пенрози».



10



Отель «Марквик».
26 ноября.

Дражайшая Пагли,

У меня масса новостей! Как много всего нового, и не только касательно твоих камелий! Однако я повременю говорить о них, дабы ты не утратила интереса к моему письму. А мне ужасно хочется поведать, милая Пагли, что еще никогда я не был так счастлив, как теперь…

Ламква позволил бывать в его студии, и я провел там много чудесных часов. Под наставничеством Джаквы я стал *докой* в искусстве рисунка по трафаретам. Он обучил меня кое-каким маленьким хитростям: например, при изображении плоти краску следует наносить с *обратной* сто-

роны листа, и тогда человеческая кожа выглядит почти прозрачной, обретая невероятное жизнеподобие. Однако некоторые приемы Джаквы я даже не буду пытаться повторить. Картины его невелики по размеру, но возникает полное впечатление, что на них прописан каждый *стежок* в наряде персонажа. Если б ты видела, как он это делает, ты бы, клянусь, онемела от восторга! Пишет он двумя кисточками: одной, что потолще, берет каплю краски, а потом другой, у которой всего один волосок, постепенно переносит ее на бумагу, оставляя почти незаметные глазу мазки.

Иногда мы с Джаквой отправляемся на прогулку по окрестностям Города чужаков, и он кое-что рассказывает о своей семье. С виду Джаква вылитый эльф, и я думал, он моложе меня. Вообрази мое удивление от известия, что ему уже двадцать пять и он не только женат, но отец двух детей — мальчика семи и девочки пяти лет (Джаква показал их портреты, которые сам написал: истинные ангелы, им самое место в росписи базилики Сант-Андреа авторства Мантеньи[51]). Я бы очень хотел увидеть портрет его жены, у которой «лотосовые ножки», но Джаква отнекивается,

[51] Примечания: 51

Андреа Мантенья (1431–1506) — итальянский художник, представитель падуанской школы живописи.

мол, портрета нет (наверное, просто не хочет показать), поскольку она укрыта никабом (похоже, сия деталь одежды здесь столь же обязательна, как у некоторых каст нашей родины). Жилье его весьма напоминает калькуттские семейные поселения с множеством дворов, где бесчисленно всяких дядюшек, тетушек и прочих родичей, но с той лишь разницей, что братья и кузены Джаквы тоже художники, причастные к искусству.

Однако я разговорился и заставил тебя ждать, а тебе, я понимаю, не терпится узнать о твоих камелиях.

К сожалению, моя дорогая Пагли, ответа от купца Панхиквы пришлось ждать немыслимо долго, ибо он, желая развеяться, отбыл в свое загородное поместье. Но вот вчера Джаква сказал, что наконец-то получил письмо, в котором Панхиква приглашает нас в свое убежище на острове Хонам. Нынче утром мы туда отправились, и я пишу тебе в тот же день, иначе, переполненный впечатлениями, рухну без сил, ибо наша замечательная поездка оказалась чрезвычайно удивительной. Во-первых, я не мог и представить, что когда-нибудь по доброй воле сяду в *коракл*, плетенный из тростника и соломы. Лодки эти снуют по реке как угорелые, а в них верещат

детишки, которых как будто унесло в огромной корзине. В нашей лодке ребятишек не оказалось, но там были две девицы, вооруженные веслами. Для Кантона вполне обычно, что лодками управляют гребцы женского пола, кои отнюдь не воздушные создания с лотосовыми ножками, робеющие взглянуть мужчине в глаза. Это настоящие ведьмы, от выражений которых покраснел бы и самый отпетый матрос. Уровень их шуток станет тебе ясен, когда я расскажу, как садился в лодку. Дело в том, что кораклы чрезвычайно неустойчивы и сильно кренятся под весом пассажира. Боясь свалиться за борт, я ухватился за руку одной девицы. Она ничуть не возмутилась, но заржала: «Утром так негоже! Мандарин увидать, как меня лапать. Погоди маленько. Давай ночью, когда никто не смотреть!» Девицы еще долго смеялись и бессовестно заигрывали, а меж тем суденышко наше пробиралось сквозь плавучий город, запруженный разнообразными лодками.

Наконец мы выбрались на речной простор и понеслись мимо громоздких шаланд и джонок, груженных бамбуком. Казалось, мы с кем-нибудь непременно столкнемся, и я так вцепился в борт лодки, что побелели костяшки пальцев, но девицы оставались бесчувственны к грозившей нам

опасности, гребли и гребли, успевая обмахнуть веерами свои разгоряченные лица.

Нам предстояло пересечь реку. Кажется, я уже говорил, что остров Хонам лежит напротив Кантона и достаточно велик — шестнадцать миль из конца в конец. Кое-кто, сказал Джаква, считает, что остров следует называть Хонан, как одноименную китайскую провинцию. Здесь обо всем существуют легенды, и та, весьма запутанная, что связана с Хонамом, повествует о некоем мандарине, который посадил на острове сосны из Хонана, чем вызвал снегопад. История выглядит неправдоподобной, но, я думаю, смысл ее в том, чтобы подчеркнуть разительный контраст между Кантоном и Хонамом, как будто принадлежащими разным провинциям. Северный берег, где расположен Кантон, представляет собою уходящее вдаль невообразимое скопище домов, оград и трущоб, а вот Хонам, напротив, похож на огромный зеленый парк, изрезанный ручьями и речками, на берегах которых приютились скиты, питомники, фруктовые сады, пагоды и живописные деревеньки.

Наш путь лежал вглубь острова, куда мы добрались извилистой протокой. Миновав лесок, подплыли к причалу на илистом берегу. Место

выглядело совершенно безлюдным, но мы вышли из лодки и зашагали по петлистой тропинке. Наконец увидели длинную-длинную ограду в форме волны, где единственный вход выполнен в виде полной луны. Перед круглыми воротами посажены пушистые сосны и уложены необыкновенные серые валуны, которые поначалу принимаешь за муравейники, однако все их дырочки, щели и бороздки проточены не насекомыми, но влагой.

Пока мы стояли перед запертыми воротами, Джаква поведал, что имение Панхиквы считается великолепным образчиком южного стиля садового ландшафта. Преисполненный надежд, милая Пагли, я, волнуясь, прошел через круглый портал и как будто очутился в некоем царстве, созданном безудержной фантазией. Я увидел извилистые ручьи, через которые переброшены горбатые мостики, пруды с островками, где расположились изящные причудливые строения всевозможных размеров: павильон на сотню гостей и ротонды на одного человека. Там поразительное разнообразие деревьев: гордые раскидистые великаны и чахлые карлики, будто пригнутые ветром. На каждом шагу что-нибудь новое удивляет и радует глаз, словно сама природа избрала сей уголок для фантастических видов.

И я вдруг понял, почему китайские художники рисуют пейзажи на свитках — линейной перспективе не передать все чудо такого сада. На свитке же он раскроется, точно история, происходящая на твоих глазах, и ты почувствуешь себя ее персонажем.

Вот тут-то, дорогая Пагли, меня осенила идея, от которой я даже замер. Что, если мое эпическое полотно создать в форме свитка? (Конечно, придется подыскать ему подходящее название, поскольку «эпический свиток» — как-то нелепо, правда?) Ну разве я не гений? Перед зрителями развернется череда событий, лиц, сцен — это будет нечто новое и революционное, что создаст мне имя и обеспечит местом в пантеоне великих мастеров…

Как ты понимаешь, душенька Пагли, из-за сумбура мыслей я уже ничего не видел вокруг и пришел в себя, лишь когда узрел хозяина поместья.

Не подумай, что на встречу с господином Панхиквой я прибыл совершенно неготовым — нет, за предшествующие дни я потрудился собрать кое-какие сведения. Задиг-бей рассказал мне, что род Панхиквы уже сотни лет ведет дела в Кантоне, а в середине прошлого века один из

их родичей был в числе основателей гильдии Ко-Хон. Семейство родом из провинции Фуцзянь, где порт Амой, и, хотя давно обитает в Кантоне, строго соблюдает обычаи своих предков. Панхиква числится среди богатейший купцов гильдии и удостоен чина мандарина высокого класса, что дает ему право носить красные шарики на шапке. По слухам, он великий сладострастник и содержит большой гарем жен и наложниц, да еще эпикуреец, славящийся своими застольями.

Эти сведения заставили меня предположить, что Панхиква сродни нашим калькуттским набобам — невыносимо кичлив и напыщен. Но опасения мои оказались напрасны: он выглядит добрым дедушкой с ласковым взглядом, в нем ни капли чванства. Мы застали его на отдыхе в просторной беседке с окнами синего и матового стекла. Одетый очень просто в стеганую куртку и неброский халат, он возлежал на кушетке, подле которой стоял чайный столик. Панхиква приветствовал нас чрезвычайно радушно, подробно расспросил о Ламкве и семье Джаквы. Потом осведомился о мистере Чиннери, с которым хорошо знаком, поскольку тот писал его портрет. Я испросил позволения взглянуть на сию неизвестную мне работу, и Панхиква велел принести

портрет, оказавшийся отменным произведением в фирменном стиле моего «дядюшки»: яркие краски, крупные мазки.

Лишь после всех этих прелюдий я предъявил рисунок с камелией. Видела бы ты, дорогая Пагли, какое впечатление он произвел! Панхиква чрезвычайно оживился, явно что-то узнав. Он призвал слугу, и тот, получив приказ, умчался по извилистой тропинке. Я уж подумал, что сейчас он вернется с камелией в горшке и наши поиски благополучно завершатся. Однако нет! Слуга вернулся с шелковым свертком, из которого появился рисунок, необычайно похожий на тот, что привез я: чуть иная композиция, но даже мне, профану в ботанике, было очевидно, что цветки одного семейства. А вот колорит, манера письма и бумага говорили о том, что рисунки созданы одним художником и приблизительно в одно время.

Я прямо вижу, душа моя, как ты наморщила лобик и затаила дыхание, ожидая имя автора рисунка. Прости, но сейчас я тебя огорчу: Панхиква его не знает, ему известно только, что это был молодой художник, работавший на одного англичанина, ботаника или садовода, лет тридцать-тридцать пять тому назад приехавшего в

Кантон. Удивительное совпадение: англичанин оставил рисунок Панхикве с той же целью, с какой мистер Пенроуз снабдил иллюстрацией меня — вдруг это поможет отыскать цветок? Однако, несмотря на все усилия, Пахиква не смог ничего узнать о неведомом ему растении. По его сведениям, англичанин тоже не добился успеха.

И вновь я вижу, как ты задаешься вопросом: а кто же он, тот англичанин, по чьим следам ты идешь?

Поверь, я не преминул спросить о том нашего хозяина, но, увы, он не вспомнил его имени (что, пожалуй, немудрено, ведь столько лет прошло!).

На сем я мог бы и закончить, если б не счастливая случайность. Мы уже собрались уходить, когда хозяину доложили о приезде еще одного купца из гильдии Ко-Хон. Я тотчас узнал крупнейшего предпринимателя господина Ву Пин Чьена, среди чужеземцев известного как Хоуква — както раз я наткнулся на подготовительные этюды к его портрету, который писал мой папаша.

В гильдии он всех старше и всех богаче. Задиг-бей говорит, его состояние насчитывает тридцать миллионов испанских долларов. Только представь, дорогая Пагли: если все это серебро сплавить в один слиток, он перевесит двена-

дцать тысяч человек! Глядя на него, никогда не подумаешь, что это один из богатейших людей на свете, ибо он известен своим великодушием и аскетизмом (рассказывают, однажды он порвал вексель на семьдесят пять тысяч долларов, пожалев американца, который не мог оплатить долг, но страстно желал вернуться домой!). На банкете с сотнями блюд он съедает всего один-два кусочка. Вид у него воистину аскетический: худой, как скелет, впалые щеки, ввалившиеся глаза.

И вот, представь, два финансовых воротилы, которые на паях смогли бы скупить больше половины Лондона, склонились над картинками с камелиями. Они припомнили, что тот англичанин, довольно странный человек, пристрастившийся к опийной трубке, не особо ладил с соотечественниками и обитал в маленькой хижине на острове Хонам. Хоуква даже вспомнил его имя, но, боюсь, произнес неправильно (что-то вроде «Кур»), ибо трудно поверить, что существуют подобные имена. Возможно, мистер Пенроуз знает кого-нибудь из кантонских ботаников с похожим именем?

В заключение, дорогая моя баронесса фон Паглихавен, не могу не поблагодарить тебя за чудесное письмо, присланное с Бабурао. Я живо

представил, как в наряде своего кавалера ты скачешь по Гонконгу! Должен сказать, ты сильно впечатлила Бабурао: он уверяет, что облик саиба тебе подходит больше дамского!

Приглашение на банкет было как нельзя кстати: ежедневно город наводняли новые слухи, и Бахрам все больше досадовал, что нет возможности переговорить с кем-нибудь из ведущих купцов кантонской гильдии. Условиться о встрече было нетрудно, но он понимал, что в купеческой конторе откровенного разговора не выйдет, а вот многолюдное мероприятие, недосягаемое для осведомителей и шпионов, давало шанс на полезную беседу.

В прежние времена подобные пирушки устраивались с завидной регулярностью, и кантонские купцы, непревзойденные кутилы, частенько принимали самое активное участие в застольях Города чужаков. Однако нынче они были гораздо сдержаннее: на званые обеды приходили в сопровождении большой свиты и держались чинно. В прошлом купцы и сами регулярно устраивали шикарные банкеты, но теперь эти долгожданные увеселения стали событием редким, и потому Бахрам обрадовался, получив красный конверт с затейливым орнаментом, в каком обычно до-

ставляли приглашение. Через минуту он уже ликовал, ибо, вскрыв конверт, увидел, что приглашение исходит от Панхиквы, а банкет состоится в его имении на острове Хонам. Бахрам знавал времена, когда сей остров на Жемчужной реке был местом незабываемых трапез, совсем уж особенных, если хозяином вечера был известный гурман Панхиква.

По обычаю, утром в день банкета пришел еще один красный конверт с напоминанием о мероприятии, и через несколько часов Бахрам в сопровождении фонарщика Апу направился к причалу «Очко». Там, как всегда, дюжины лодок ждали своей очереди освободиться от груза и пассажиров, которые гурьбой кидались к затоптанным ступеням лестницы.

Что здесь было хорошо, так это почти полное отсутствие праздных гуляк и побирушек в вечно спешащей толпе, и человек, располагавший временем, мог спокойно отойти в сторонку и понаблюдать за происходящим, не опасаясь докучливых приставаний. Так поступил и Бахрам, пока Апу договаривался с лодочником.

Взирая на царящую вокруг суету, он припомнил себя двадцатидвухлетнего и свою первую поездку на остров Хонам, когда, не стыдясь соб-

ственной изумленности, во все глаза разглядывал изящные беседки с резными грифонами, ступенчатые клумбы и декорированные пруды, ибо даже не представлял, что на свете существует такая красота. Он вспомнил, с какой жадностью набросился на угощение, плененный незнакомыми ароматами и непривычными вкусами, как голова его поплыла от глотка рисового вина. Все вокруг казалось сном наяву: неужели это он, бедняк из Навсари, очутился в райском саду? И сейчас он бы охотно отдал весь свой опыт, свое знание жизни, чтобы хоть на мгновенье вновь испытать то чувство, превосходившее даже его удивление всеми окружавшими диковинами — ту ошеломительную радость от того, что нищий парень из индийской деревни сумел пробить себе дорогу в чудесный китайский сад.

Из марева воспоминаний его вывел неприятно знакомый голос:

— Привет-привет, мистер Барри!

— А-а, Давай…

— Здравствуй! Куда путь держать? Хонам?

Встреча эта, вряд ли случайная, породила досаду и беспокойство. Видимо, кто-то уведомил проходимца о планах Бахрама, но вот кто именно, конечно, не выяснить.

— Да, Хонам, — сухо ответил Бахрам.

Лицо Давая расплылось в угодливой улыбке:

— Почему моя не сказать? Моя мочь отвезти Хонам. Мистер Барри знать, моя иметь хороший лодка? — Он махнул рукой: — Вона, смотри-гляди.

Бахрам посмотрел на причал и вздрогнул. Несмотря на значительную переделку, он тотчас узнал лодку-кухню, на которой погибла Чимей. Теперь судно было в яркой расцветке прогулочной лодки, но приметная корма в виде вскинутого рыбьего хвоста сохранилась. На окнах бывшей столовой появились аляповатые наличники, а домик, жилье хозяйки, превратился в украшенную беседку с балкончиком, на котором когда-то он сиживал вместе с Чимей. Только пару старых кресел сменила кушетка под колыхавшимся шелковым навесом.

— Мистер Барри нравится?

— Да, — кивнул Бахрам. Резанула мысль, что лодка, наверное, была куплена задешево.

Давай засуетился, кланяясь и улыбаясь:

— Моя отвезти мистер Барри быстро-быстро. Лодка хороший, ходкий.

Лишь теперь Бахрам заметил, что судно оснащено парусом и шестью веслами; когда им владела

Чимей, оно ни разу не отошло от причала.

— Почему мистер Барри не хотеть ехать моя лодка?

На секунду возникло искушение принять предложение. Но чутье подсказывало, что это очередная уловка, дабы заманить его в сделку. И потом, он боялся не справиться с воспоминаниями, которые наверняка нахлынут.

— Нет, не поеду. Лодка уже есть, фонарщик сговорился.

Тут, слава богу, появился Апу, дав возможность оборвать разговор и уйти.

Ужин был накрыт в павильоне под крышей в виде летящей птицы; высокие окна смотрели на пруд, поросший лотосами и украшенный дюжинами бумажных фонариков, сиявших, точно маленькие луны.

На помосте у дальней стены расположился струнный оркестр, а середину павильона занимали столы, окруженные стульями в гобеленовой обивке и уставленные блюдцами и чашами с миндальным молоком, жареными орехами, сушеными и засахаренными фруктами, арбузными семечками и разрезанными на дольки апельсинами. Место каждого гостя было сервировано фарфоровыми тарелками, ложками, чашками

для вина, зубочистками в красно-белых бумажных обертках и, конечно же, хаси из слоновой кости в подставках черного дерева.

Род Панхиквы имел давние и крепкие связи с бомбейскими купцами. Когда-то семейная фирма подверглась жесткому давлению со стороны властей, и парсы выручили ее ссудой на льготных условиях, без которой она бы не выжила. Панхиква о том не забывал, и потому в его доме парсам всегда оказывали особое уважение: вот и нынче Бахрам сидел на почетном месте по левую руку от хозяина.

Застолье началось с тостов, раз за разом чашки наполнялись рисовым вином. Затем подали первую смену блюд, каждое из которых Панхиква сопроводил пояснением: вот любимые монахами «Уши камня», в рецепт коих входят рыба, черный уксус и грибы; вон та спутанная горка — жареные моллюски, а подрагивающее желе — студень из оленьих копыт; вот маринованное мясо кусочками под названьем «Японская кожа», требующее длительного вымачивания перед готовкой, а вон те жареные мясистые гусеницы водятся только на полях сахарного тростника.

— Барри, вкусно, нет?

— Очень вкусно! Объеденье!

В отличие от других иностранцев, Бахрам, не колеблясь, ел все. Он гордился тем, что лишен кулинарных предрассудков, мол, для него главное, чтоб было вкусно. Вот и сейчас он радостно объявил: по его беспристрастному мнению, нет ничего лучше жирных сладких гусениц.

Далее настала очередь новомодной похлебки под названием «Будда прыгает через ограду»: ради этого фуцзяньского деликатеса был выписан специальный повар. Готовка сего блюда занимала два дня, для него требовалось около тридцати ингредиентов: крепкие побеги бамбука и скользкий морской огурец, жесткие свиные жилы и сочный морской гребешок, корень таро и абалон, рыбьи губы и грибы. Говорили, сия тщательно сбалансированная симфония контрастных вкусов и текстур заставила многих монахов нарушить обет воздержания.

В короткий перерыв между блюдами вновь пошли тосты. Атмосфера застолья потеплела, став дружеской, и Бахрам счел возможным негромко обратиться к хозяину:

— Слух ходить, новый мандарин приезжать скоро-скоро. Линь… как его…

Он не смог вспомнить имя, но это не имело значения, поскольку Панхиква явно понял, о ком

речь. Тараща глаза, он чуть слышно прошептал:

— Кто сказать? Где такой слыхать?

— Один человек говорить. — Бахрам неопределенно махнул рукой. — Правда, нет?

Панхиква оглядел стол и качнул головой.

— Не теперь. Беседа потом. Тихий место.

Бахрам кивнул и вновь занялся едой. Блюда очередной смены были одно вкуснее другого: роллы из акульего плавника и паровая рыба, засахаренные птичьи гнезда и рубленая гусиная печень, жареные воробьиные головы и хрустящие лягушачьи лапки, мясо дикобраза в зеленом черепашьем жире и рыбья требуха с морскими водорослями. Смакуя великолепные яства, Бахрам впадал в этакое забытье, из которого его выводил вопрос слуги:

— Можно уносить тарелка?

После двух часов застолья едокам дали небольшой роздых, чтоб они подготовились к очередным деликатесам. Гости, вкусившие уже тридцать разных блюд, разбрелись по углам, но Бахрам, уведомленный осторожным знаком хозяйского пальца с дюймовым ногтем, остался на месте.

Дождавшись удобного момента, Панхиква встал из-за стола и, покинув павильон, через мосток провел Бахрама на маленький остров с

восьмиугольной беседкой. Жестом предложив гостю сесть на каменную скамью, он устроился напротив него и легким хлопком в ладоши вызвал толмача. Тот появился мгновенно и, скромно встав в тени, сделался невидимым — его присутствие выдал только голос, когда он перевел первый вопрос:

— Хозяин спрашивает, от кого вы узнали о приезде нового мандарина?

Бахрам пожал плечами:

— Это не важно. Новость верна?

— Господин удивлен вашей осведомленностью. Достоверно известно одно: император вызвал к себе Линь Цзэсюя, губернатора Хуквана…

Далее Панхиква сказал, что не знаком с губернатором лично, но слышал о нем много хорошего, они с ним земляки — оба из провинции Фуцзянь. Линь Цзэсюй родом из бедной, но весьма почтенной семьи, которая дала стране много государственных деятелей, снискавших добрую славу. Он прекрасно образован, еще юношей с отличием сдал экзамен на государственную службу. Быстро поднялся по карьерной лестнице, заслужив репутацию необычайно дельного и честного чиновника: он известен не только своей неподкупностью, но и тем, что входит в число

немногих, кто не боится высказывать мнение, расходящееся с позицией императорского двора. Случись где бедствие — наводнение, крестьянский бунт, прорыв дамбы, — правительство обращается к Линь Цзэсюю. Вот потому-то в сорок с небольшим он занял весьма завидную должность губернатора провинции Цзянси. Видимо, там-то он впервые и столкнулся с английской контрабандой опия.

— Мистер Модди слышал о корабле «Лорд Амхерст»?

— Да, слышал, — кивнул Бахрам.

Он отлично помнил эту историю, поскольку был к ней причастен. Было это шесть лет назад: в составе английской флотилии «Лорд Амхерст» рыскал вдоль северного побережья Китая, надеясь отыскать новые лазейки для сбыта опия и других товаров. Англичан уже достали запреты китайских властей, и особенно — закон, вынуждавший чужеземных торговцев ограничить свою деятельность в Кантоне. Идея состояла в том, чтобы найти обходные пути и тем самым резко увеличить объемы продаж.

Задачей «Лорда Амхерста» было наладить связи с теми, кто готов пренебречь китайскими законами и установлениями. Дело рискованное,

но сулящее огромную выгоду: освоение новых девственных рынков вознаградится неизмеримой прибылью. Благодаря своему положению в общине Бахрам стал одним из немногих купцов не англичан, кому предложили участие в этой опасной затее; упускать такую возможность было нельзя, и он добавил к грузу «Лорда Амхерста» свои пятьдесят ящиков.

Но поход не задался. Из-за непогоды кораблю пришлось укрыться в китайском порту. На вопрос пограничников, что он делает так далеко на севере, офицеры ответили, что следуют из Калькутты в Японию, но сбились с курса. Вполне убедительное объяснение, да вот только китайские разговорники, обнаруженные на корабле, не оставляли сомнений в истинных намерениях мореплавателей. Кроме того, офицеры сообщили неверное имя корабля, чтобы, в случае официального протеста, Ост-Индская компания могла бы от него откреститься, однако дотошные китайские чиновники сумели установить его подлинное название.

Тут Панхиква обратился к Бахраму напрямую:

— Тот время Линь Цзэсюй быть губернатор Цзянси. Он все понимать. Наверное, он думать англичан всегда шибко врать.

Бахрам рассмеялся:

— Верно! Англичан много врать. Но и он тоже любить деньги.

В любом случае, история с «Лордом Амхерстом» сильно повлияла на Линь Цзэсюя. Став губернатором Хуквана, он инициировал мощную кампанию по искоренению опийной торговли и благодаря своему характеру весьма в том преуспел. Он превратился в настоящего знатока опийных путей и вошел в число немногих избранных, кому доверялось подавать Сыну Неба доклады на эту тему, его памятные записки считались наиболее исчерпывающими.

— Линь Цзэсюй все знать, — подавшись вперед, сказал Панхиква. — Все, все. Как груз приходить, кто привозить, куда доставлять. Все знать. Если он стать губернатор Кантон, шибко плохо для торговля.

— Но ведь это еще не решено, верно?

— Пока нет, — перевел толмач. — Но император много раз встречаться с губернатором. Он позволять ему ездить верхом в Пекине. Большой знак. Император сказал, он не сможет лицезреть тени предков, пока не изгонит опий из Китая.

— Но такое уже было, правда? — сказал Бахрам. — И нынешний губернатор то и дело

устраивал обыски, захваты, казни. Однако все остается по-прежнему.

Панхиква вытянул руку и постучал длинным ногтем по его колену.

— Губернатор Линь другой. Когда он приезжать Кантон, большой беда у мистер Модди. Если есть груз, надо продавать сейчас, быстро-быстро.

— **Видимо,** речь о Билли Керре, — сказал Хорек, почесывая бороду.

Полетт оторвала взгляд от письма:

— Неужели, сэр, человек, открывший миру тигровую лилию, китайский можжевельник и рождественскую камелию, мог быть курильщиком опия?

— Бедняга испил свою чашу бед…

Хорек познакомился с ним зимой 1806 года, к тому времени Керр пробыл в Китае уже пару лет. Двадцатипятилетний шотландец, рослый и дюжий, был чуть моложе Хорька; в Кантон он прибыл полным энергии и амбиций, которым так и не нашлось достойного применения. Оказалось, что звучный титул «королевский садовник» не имеет никакого веса в английской фактории, где царила чопорность феодального замка. Садовник считался всего-навсего слугой, который должен помнить свое место внизу социальной лестницы,

не пытаясь встать вровень с высшими слоями.

Спору нет, Билли родился уже с грязью под ногтями, ибо и отец, и дед его были садовниками. Но, смышленый и трудолюбивый, он, стремясь к образованию, штудировал ботанические учебники. Его положение в фактории не совпадало с его самооценкой, и временами он бывал дерзок, а посему не получал пряников, но не знал недостатка в кнуте. Подобное поведение сказывалось и на жалованье, составлявшем сто английских фунтов в год: в любом другом месте это были хорошие деньги, но в Кантоне — сущие гроши, которых не хватало даже на оплату услуг прачки.

— Билли был несдержан и колюч, как еж.

Одним летом Керр пренебрег указаниями сэра Джозефа и сбежал на Филиппины. Поездка обернулась злосчастьем: на обратном пути налетел тайфун, и вся коллекция, собранная в Маниле, погибла.

Хорек, вскоре приехавший в Кантон, видел, как тяжело Билли переживает неудачу, что проявилось в разрыве с соотечественниками — он покинул английскую факторию. Один китайский торговец выделил ему клочок земли на острове Хонам, неподалеку от садов Фа-Ти, где он выстроил себе лачугу. Однажды Хорек навестил его в

этом жилище, напоминавшем скит отшельника: одна комнатушка, загроможденная саженцами и ящиками с пробными посадками. Единственным компаньоном Керра был его помощник в садовых работах — паренек лет тринадцати-четырнадцати А-Фей, который благодаря общению с ним уже сносно болтал по-английски.

— Не тот ли это А-Фей, что доставил рисунок камелии в Англию?

— Он самый.

Мальчишка исполнил поручение, но с его отъездом Керр остался совсем один. Хорек застал ботаника уже в плачевном состоянии: жуткая худоба и загнанный взгляд выдавали в нем закоренелого опийного пристрастника. Через пару дней Керр, не чаявший уехать, покинул Кантон. Больше они не виделись — вскоре по прибытии на Цейлон Керр умер от лихорадки.

— А что стало с А-Феем?

— История странная…

Через три года вернувшись в Англию, Хорек узнал, что жизнь парня в Королевских садах не сложилась: он ссорился с работниками, затевал драки. Местный священник приютил маленького дикаря в своем доме, надеясь обращением к Богу спасти его душу. В благодарность А-Фей его

обокрал и сбежал.

Позже доходили слухи, что он сменил имя, обитает в трущобах Восточного Лондона и служит подсобником уличного зеленщика.

— Вы его никогда не видели?

— Нет. Кто-то говорил, потом он нанялся матросом, чтоб заработать на обратную дорогу в Китай. Но было это, если память не изменяет, лет двадцать назад.

К тому времени, как меню из восьмидесяти восьми блюд себя исчерпало и бессчетные здравицы закончились, лишь немногие гости еще твердо держались на ногах. Поблагодарив хозяина и выпив на посошок, Бахрам подхватил под руку своих англо-американских знакомцев, и вся компания в сопровождении фонарщиков направилась к причалу. Все единодушно сошлись на том, что по теплому приему и роскошному угощению этот банкет не имел себе равных.

Напоследок шумно попрощавшись, гости разошлись к своим яликам и шлюпкам, а вот Бахрам с досадой обнаружил, что его-то лодки нигде не видно. Над протокой в плотной кайме зарослей собирался, скрывая все вокруг, ночной туман. Немного подождав, Бахрам прошелся вдоль берега в одну сторону, потом в другую, надеясь, что

лодочник где-то прикорнул и дрыхнет, однако поиски не увенчались успехом. Он вернулся на пустынный причал, уже затянутый клочьями тумана. Все гости разъехались, фонарщики ушли в имение — вдали чуть виднелись огоньки, покачивающиеся на шестах.

И что теперь делать? Лодку здесь не наймешь, вокруг ни души. Бахрам уж хотел вслед за фонарщиками вернуться в усадьбу, но тут, слава богу, послышалось отдаленное звяканье колокольчика, медленно приближавшееся со стороны протоки. Видимо, лодочник куда-то отлучился, а потом заплутал в тумане. Ну сейчас он получит! Позабудет, как мать родную зовут! Пошарив в памяти, Бахрам собрал все известные ему кантонские ругательства, дабы излить их на подлеца.

Однако лодка оказалась не той, на которой он сюда приехал: сквозь туман проглянуло созвездие бумажных фонариков, освещавших корму в виде огромного рыбьего хвоста, изящно вскинутого над водой.

Бахрам остолбенел, решив, что все это ему мерещится после обильных возлияний на банкете, но тут его окликнули:

— Мистер Барри! Мистер Барри!

Давай! Видимо, гаденыш заплатил лодочнику

и услал его прочь, чтобы вновь завести волынку о сделке. С этим ясно, но вот как он узнал, когда Бахрам окажется на неприметном причале? И почему фонарщики, обычно столь услужливые, так быстро убрались восвояси? Похоже, среди слуг Панхиквы есть осведомитель. Или это спьяну мнятся всякие козни и заговоры?

Ладно, что толку артачиться, когда он один на захолустном причале? По правде, Бахрам почувствовал облегчение и даже обрадовался (наверное, под воздействием выпитого) появлению Давая с лодкой. Конечно, выказать это нельзя. Бахрам прокашлялся и выдал длинное матерное ругательство:

— *Дью ней лоу му! Дью ней лоу му лаан фа хай!*

— Прости, мистер Барри. Осеня прости.

— Где моя лодка, сволочь ты этакая? Ты услал лодочника?

— Моя шибко виноват, мистер Барри. Моя хотеть приятный сюрприз, прокатить мой лодка. Да вот маленько опоздать.

— Ты сделать очень большую гадость. Гляди, мистер Барри один в лесу. А если мой змея ужалить?

Лодка подошла к берегу, Давай выпрыгнул на причал и низко поклонился:

— Прости, мистер Барри, осеня прости. Садись лодка, моя отвезет мистер Барри в Ачха-Хон.

Иных вариантов, кроме как принять приглашение, не было, но Бахрам не собирался изъявлять благодарность. Не глядя на Давая, по сходням он взошел на борт, намереваясь пройти на корму.

Прямо перед ним был большой павильон, в котором некогда Чимей кормила клиентов. Сейчас вход в него украшали цветистые изображения драконов и фениксов. В приоткрытую дверь Бахрам увидел женщину, на фоне красной лампы читавшуюся силуэтом. Он вздрогнул. Возникло видение: Чимей спешит ему навстречу, он слышит ее высокий переливчатый голос: «Привет-привет, мистер Барри!»

Бахрам замер, но Давай легонько подтолкнул его к дверям павильона:

— Мистер Барри не хотеть войти?

Бахрам отвел взгляд от женской фигуры. Он не сентиментален, не в его характере жить прошлым и горевать попусту; Чимей не вернешь, незачем погружаться в воспоминания.

— Нет, не хотеть, — сказал он. — Пойду наверх.

Бахрам шагнул к трапу на верхнюю палубу и уже взялся за поручень, но вдруг подумал, что, может, не стоит туда подниматься. Он хорошо

помнил ту часть лодки, где обычно они с Чимей сиживали вечерами.

Возможно, там, в домике, ее и убили. Значит, душегубы поднялись вот по этому трапу? Возникла мысль спросить, не знает ли Давай, где именно все произошло. Бахрам мысленно сформулировал вопрос и понял, что не сможет произнести: «В каком месте Главный сестра умирать?» Слова как будто принижали ее смерть.

И потом, что толку, если он это узнает?

Бахрам поднялся на пару ступенек, но вновь замешкался. Наверное, все же лучше остаться внизу и найти местечко для отдыха. Однако зародившееся нездоровое любопытство помешало вернуться. Бахрам быстро одолел последние ступеньки и, оказавшись на верхней палубе, облегченно выдохнул, ибо жилище Чимей изменилось до неузнаваемости: на стенах, выкрашенных золотым и красным, висели гирлянды фонариков с кисточками, но кровать, стулья, шкафчики и жертвенник исчезли, уступив место обстановке прогулочной лодки — лакированным кушеткам, табуретам, чайным столикам и прочему.

Бахрам прошел на нос лодки, где стоял диванчик под навесом. Накатила усталость, хотелось просто посидеть. Он снял туфли и откинулся на

деревянную спинку.

Туман окутал реку, однако небо было чисто. Бахрам смотрел на звезды и с сожалением думал о том, что они с Чимей ни разу не прокатились на этой лодке. Потом неслышно подошел Давай и прошептал:

— Мистер Барри желать девка? Хорош баба, осеня сладкий. Все-все твой делать.

Беспардонность предложения Бахрама взбесила.

— Нет! — рявкнул он. — Не надо девка! Пошел на хер! *Мх ман фа! Хьюй сей лаа!*

— Прости, мистер Барри, осеня прости. — Давай скрылся мгновенно.

Покачиваясь, судно двинулось сквозь туман, нос его, разрезавший воду, вздымал легкие волны, казавшиеся призрачными тенями. Почти все фонари на лодке были погашены, а те, что горели, густой туман превратил в размытые пятнышки. Все вокруг потеряло очертания, цвет и звук, даже плеск весел был еле слышен.

Вновь появился Давай с подносом, укрытым вышитой скатеркой.

— Что это?

Присев на диван, Давай сдернул скатерку, явив изящную трубку слоновой кости, длинную иглу

и резную шкатулку с опием.

— Зачем? — сказал Бахрам. — Я не хотеть глотать дым.

— Твой воля, мистер Барри. Моя тихонько сидеть, маленько курить. Твой хотеть, мы беседа говорить.

Бахрам старался смотреть на окутанную туманом протоку, но взгляд его невольно возвращался к Даваю, который ткнул иглой в опий, подержал ее над фитилем лампы, а затем перенес вспузырившуюся каплю в трубку и жадно, с присвистом затянулся. Бахрам учуял сладкий пьянящий аромат, совсем не похожий на запах сырца.

— Мистер Барри хотеть мало-мало? Шибко хорош внутри.

Бахрам промолчал, но не воспротивился, когда Давай вложил трубку ему в руки. Он зажал губами мундштук, шипящая капля переместилась в чашку. Бахрам сделал затяжку, потом другую и тотчас ощутил легкость во всем теле. Заботы и тревоги, донимавшие последнее время, стихли, он ощутил себя кораблем, после злобного шторма вставшим на ровный киль.

Давай забрал у него трубку и, поднявшись, взял поднос.

— Мистер Барри теперь отдыхать. Моя придет

скоро-скоро.

Бахрам лег навзничь, наслаждаясь божественным покоем, какой давал только опий, освобождая от всех земных тягот. Невесомое тело как будто покоилось на облаке, плывшем сквозь густой туман. Бахрам прикрыл глаза, отдаваясь дреме.

Неизвестно, сколько длилось его забытье, но он вдруг понял, что уже не один — в изножье дивана сидела женщина. Все ясно: вопреки запрету ее прислал чертов Давай. Если б она была надушена, размалевана и обвешана дешевой бижутерией, как обычная шлюха, Бахрам тотчас ее погнал бы, да еще обругал. Но эта женщина, одетая очень просто в серые брюки и блузу, не кокетничала, не заигрывала. Голову ее укрывала шаль, словно защищая от туманной сырости реки. Женщина и не думала приставать, но сидела неподвижно на краю дивана, подтянув колени к груди и обхватив их руками. От нее веяло каким-то удивительным покоем, от чего возникшая злость на Давая растаяла — он, конечно, баламут, но вообще-то добрый и по-своему заботливый парень.

Женщину, похоже, вполне устраивала ее позиция, и она никак не откликнулась, когда Бахрам поманил ее к себе. Он сел и взял ее за руку, ока-

завшуюся приятно мягкой, совсем не похожей на мозолистую ладонь человека, привычного к тяжелой работе. Рукав блузы был влажен; Бахрам оголил запястье женщины и поднес его к носу. Никакого намека на духи, пахло рекой, дымком костра, илом. В глубине души шевельнулось некое желание, настолько потаенное, что Бахрам уже и забыл о его существовании. Он потянул женщину к себе, но ощутил сопротивление и тогда улегся навзничь, положив голову ей на колени. Он как будто вновь был вместе с Чимей и барахтался в сумбуре их отношений, не имевших точного названия — не любовь, но и не просто «справление нужды».

— Иди ко мне, — сказал Бахрам. — Я дам бакшиш. Хороший, большой.

Женщина не шевельнулась, и он испугался, что получит отказ. Для проверки Бахрам коснулся губами ее соска, обтянутого влажной тканью, но даже не обратил внимания на странную сырость ее одежды, обрадовавшись, что его не оттолкнули. Расстегнув пуговицы блузы, он уткнулся лицом в ложбинку между маленьких упругих грудей и глубоко вдохнул, упиваясь ароматом дыма и реки.

Теперь и женские руки пришли в движение,

умело занявшись его одеждой: распахнули чогу, распустили вязки ангаркхи, осторожно выпростали седре из-под пояса кошти, развязали тесемки рейтуз и скользнули к сокровенному месту. Она приняла его в себя без всяких усилий и только отвернула в сторону укрытое шалью лицо, позволив Бахраму прижаться щекой к ее влажной шее.

За всю жизнь он не изведал столь долгого, столь полного и вместе с тем столь неподвижного соития — идеального слияния двух существ, не обремененных потными телами из плоти, кожи, мускулов и потому ничем не разделенных, слияния, в финале которого возникло ощущение, что он рухнул с водопада, но его подхватило и плавно понесло мягкое облако.

Расстаться с этой женщиной было немыслимо, Бахрам крепко держал ее в объятьях, уткнувшись лицом в ее шею. Лодка вроде бы повернула, и он, приподняв голову, увидел, что они подошли к концу протоки, впереди расстилалась Жемчужная река. Дымки от тысяч лодочных жаровен у причала смешивались с туманом, клубившимся над водой. В плотном, но быстро двигавшемся мареве проглядывали воронки и быстрины, отчего казалось, будто вся река стала взбаламученным

дымным потоком.

Бахрам закрыл глаза и вновь прижался щекой к женщине; опять невесомый, он плыл в тумане, его несла дымная река. Когда дрему его прервали, он поразился тому, что он один, а женщина исчезла.

— Мистер Барри! Причал «Очко». — С фонарем в руке над ним стоял ухмылявшийся Давай. — Твой довольный?

— Да, довольный, — хмуро кивнул Бахрам, оправляя чогу, усеянную ночной росой. Вся его одежда отсырела и пахла рекой. Он затянул вязки штанов и ангаркхи. Ощупав внутренний карман, Бахрам с удивлением понял, что все деньги на месте, хотя был почти уверен, что карман окажется пуст. Он бы ничуть не расстроился, если б женщина поживилась его серебром. Он ведь обещал бакшиш и охотно отдал бы ей все, что было с собой.

— Куда ушла девушка? — спросил Бахрам. — Позови ее.

— Кто звать, мистер Барри?

— Девушку. Ты же ее прислал.

Давай смотрел озадаченно.

— Моя никто присылать. Мистер Барри сказать девка не надо. Ты моя сердиться, да?

— Верно, но ты все равно прислать, так?

Давай помотал головой:

— Нет, моя не присылать.

Бахрам взял его за плечи и мягко встряхнул.

— Слушай, мой на тебя не сердиться. Мой очень рад, что ты прислать эта девушка. Мой хочет знать, кто она? Как звать? Мой хочет дать бакшиш.

Курносое лицо Давая расплылось в широкой улыбке.

— Мистер Барри видеть опий сон. — Он понимающе подмигнул. — Трубка курить — девка мечтать.

Бахрам его выпустил и плюхнулся на диван. Тяжелая голова соображала плохо. Возможно, Давай прав, и все это было видением, навеянным опием. Теперь понятно, почему он не видел ее лица, а соитие было восхитительным, как в ночных грезах подростка.

— Твой говорить правда? Ты не прислать девушка?

Давай энергично закивал:

— Пиравда, пиравда. Моя не присылать, мистер Барри видеть сон, твой курить трубка и вся дорога спать. — Он показал на пристань, маячившую сквозь дымную пелену.

— Ладно. — Бахрам пожал плечами. — Мой идти домой.

Давай согнулся в поклоне:

— Моя проводить мистер Барри.

Бахрам сунул ноги в туфли, встал, сделал шаг и тотчас поскользнулся на лужице. Он бы упал, если б Давай его не подхватил.

— Откуда здесь вода? Дождя-то не было.

Глянув под ноги, Бахрам увидел мокрый след, тянувшийся от дивана к лодочному борту. Давай тоже уставился на лужицы, отстоявшие друг от друга на ширину шага. Лицо его испуганно перекосилось, но он быстро с собою справился и сказал:

— Пустяк, мистер Барри. Туман наделать. Такой часто бывать.

— Туман не оставлять лужи.

— Оставлять, оставлять. Идем пошли. Шибко ночь.

Следом за провожатым Бахрам по сходням прошел на причал. Безлюдный майдан тонул в тумане. Вдали темнели фасады факторий, и только в окнах Ачха-Хон горел свет. Наверное, Вико и челядь уже встревожились отсутствием хозяина.

Вышагивая по майдану, Давай вновь заговорил об опии:

— Мистер Барри и моя иметь дело мы прошлый раз говорить? Твой хотеть, моя готов.

Бахрам знал, что эта тема возникнет, и еще несколько часов назад, не раздумывая, ответил бы отказом. Но сейчас уже не мог сказать «нет».

— Ладно. Я согласен. Завтра Вико с тобой говорить. Потом он ехать на «Анахита» и все устроить. Мы заключать сделка.



11



Отель «Марквик».
2 декабря.

Дорогая моя Пагли,

Я не мог оторваться от твоего письма, в котором ты поведала удивительную историю несчастного Уильяма Керра. Однако, поверь, мое *потрясающее* открытие удивит тебя еще больше, а уж мистера Пенроуза и вовсе повергнет в шок. Но об этом чуть позже, расскажу все по порядку.

Как ты помнишь, купцы Панхиква и Хоуква обещали свести меня с Линь Чоном из питомника Фа-Ти. Шли дни, но от них не было вестей, и я уж стал думать, что, наверное, придется мне действовать самостоятельно. Однако нынче утром мистер Марквик постучал в мою дверь и

сказал, что ко мне гость. Он буквально кипел от злости, ибо терпеть не может гостей, особенно из числа местных жителей, и всех завсегдатаев майдана считает *ла-ли-лунами*, то бишь бандитами. И потому всякий гость, кого он относит к разряду «нежелательный», не допускается выше лестничной площадки. Зачастую мистер Марквик чересчур придирчив в своих оценках, но в данном случае никто не назвал бы его излишне суровым судьей. Мой гость оказался суетливым человечком с огромным родимым пятном и длинной косицей; он подобострастно улыбался и кланялся, но в манере его сквозила назойливость, как у того, кто собирается сделать непотребное предложение, и я даже испугался, что вижу какого-нибудь зазывалу. Но, как выяснилось, ему надлежало сопроводить меня в Фа-Ти к господину Линь Чону, его *дай лоу*, то есть начальнику.

Он назвался А-Медом, однако, я полагаю, вообще-то его имя Ахмет, ибо он поведал, что отцом его был черноголовый бес, то бишь араб или перс. (Мне бы это и в голову не пришло, ибо с виду он самый обычный китаец.)

Так или иначе, у этого наполовину араба имелась лодка, и он был готов отправиться в путь немедля.

Я хотел взять с собою Джакву, ибо не представлял, как буду общаться с господином Линь Чоном, и потом, меня отнюдь не прельщала перспектива долгой поездки наедине с А-Медом. Но провожатый мой сказал, что ехать надо прямо сейчас, а толмач не требуется, поскольку «начальника очиня хорош говорить англичанский». Разумеется, я этому не поверил, и мне не понравилось, что меня подгоняют, но делать было нечего — я сходил в свой номер за рисунком камелии, и мы пошагали на причал.

Сады Фа-Ти расположены на оконечности острова Хонам, где Жемчужная река впадает в озеро Белый Лебедь. Путь не дальний, но сперва нужно одолеть ширь плавучего города, с которым соседствует песчаная коса под названием Шамянь. К ее берегам причалены «цветочные лодки», предназначенные для увеселений с женщинами. Ты у нас, дорогая мадам де Паглини, не стыдливая скромница, а посему я не стану прибегать к экивокам, но скажу прямо (только советую не знакомить мистера Пенроуза с этим абзацем): лодки сии — не что иное как плавучие бордели! При виде их А-Мед стал ужасно велеречив, и я заподозрил, что он как-то связан с этими заведениями. Я не смогу повторить его красочные

описания, ибо они заставят покраснеть даже меня. Скажу только, что, надумай я туда заглянуть, мне бы предложили широкий выбор дам из провинций Хубэй и Хонан, а также из Макао: от полногрудых матрон до субтильных девиц, от певуний, чьи голоса усладят слух, до белошвеек, чьи проворные пальчики защекочут до икоты.

А-Мед явно огорчился, когда я отверг сии предложения, и, словно в отместку, ткнул пальцем вдаль:

— Туда гляди! Там башка рубить! Долой башка!

Вначале я его не понял, но, вглядевшись, уразумел, что он показывает на место публичных казней, также расположенное возле реки.

Признаюсь, оно меня заворожило. Задиг-бей рассказывал, что здешние казни привлекают изрядно зрителей, включая иностранцев — некоторые фактории даже устраивают коллективные лодочные экскурсии! Какая гадость, верно? Что ж, в Калькутте и Лондоне сотни людей приходят поглазеть на повешенье, так чего ужасаться, что и здесь та же история? Я не охотник до подобного зрелища и никогда не стану его очевидцем, но сейчас не смог оторвать глаз от сего места.

Оно представляет собою узкую береговую полосу, которая хорошо просматривается с реки. Вме-

сто виселиц там иные устройства — например, этакий стул, к которому человека привязывают, прежде чем отсечь ему голову. Другое приспособление похоже на крест, но используется для удушения: руки осужденного приторачивают к перекладинам, а потом затягивают петлю на шее.

Хоть было далеко, но, по-моему, на одном кресте я разглядел мертвеца. Я едва не лишился чувств, однако об увиденном не жалею, ибо сразу понял, что сия сцена найдет отражение в моем свитке, и еще долго раздумывал об ее месте в композиции.

Из задумчивости меня вывел А-Мед, возвестивший, что мы подъехали к Фа-Ти. Я ожидал увидеть сады, расстилающиеся от самой кромки воды, однако ничего подобного: берег, изрезанный мутными протоками, какие видишь на подъезде к Калькутте, густо порос баньянами, бодхи и хлопковыми деревьями, знакомыми по Бенгалии. Мы свернули в протоку, временами минуя похожие на крепости усадьбы, обнесенные высокими оградами, из-за которых виднелись черепичные крыши. Наконец подплыли к причалу, где стояла уйма всяких судов — сампаны, шаланды, барки и даже огромная, ярко раскрашенная прогулочная лодка.

Усадьба ничем не отличалась от тех, что мы видели по пути: высокая серая ограда выглядела так грозно, словно за ней тюрьма или арсенал. Все это совершенно не совпадало с моим представлением о питомнике, и я подумал, что, наверное, произошла какая-то ошибка. Но А-Мед подвел меня к воротам, и стало ясно, что мы прибыли точно по адресу — вывеска на английском и китайском извещала:

«Питомник „Жемчужная река“».

На территории усадьбы А-Мед усадил меня на скамью, взял мою визитку и скрылся за маленькой калиткой в ограде. Вокруг сновали садовники, но, занятые делом, они не обращали на меня внимания, и я смог беспрепятственно оглядеться.

Питомник занимает большой прямоугольный двор, который со всех сторон огорожен забором, снаружи безликим, но изнутри облицованным плиткой, этакими геометрическими узорами. Земля тоже вымощена плитами — нигде ни кусочка голого грунта. Все растения, а здесь их тысячи, сидят в горшках; наверное, больше нигде не увидишь такого скопления горшечного разнообразия: мелкие поддоны, круглые чаши с

рифлеными закраинами, кадки, в которых растут сливы, фарфоровые бадьи, яркостью не уступающие посаженным в них цветам.

Горшки, горшки, горшки — поначалу только их и видишь. Но потом глаз твой обвыкается, и ты подмечаешь, что все эти посудины искусно сгруппированы, дабы вкупе с петлистыми дорожками, травянистыми лужайками, взгорками в древесной поросли и рощицами создать иллюзию пейзажа. И ты понимаешь, что эти природные виды беспрестанно меняются: вот эта рощица появилась только нынче, а вон та лужайка еще вчера была фруктовым садом. Становится ясно, что двор преображается в соответствии с временами года или даже настроением его смотрителей.

Воистину гениальный способ устройства питомника!

Я бродил по двору, вбирая впечатления, а затем подошел к калитке, за которой скрылся А-Мед. Оказалось, она снабжена глазком с хитроумной заслонкой. Приникнув к нему, я увидел заросшее камышом болотце, через которое бежала извилистая тропа. Она упиралась в ограду еще одной усадьбы, размером превосходящей питомник и выглядевшей крепостью.

Пока я разглядывал эту крепость, ворота ее вдруг распахнулись, выпустив около десятка человек, и я успел увидеть нечто вроде роскошного сада с павильонами и каналами. Потом ворота закрылись, а группа двинулась к питомнику. Один человек, заложив руки за спину, шел чуть впереди, и по тому, как все другие почтительно поотстали, я понял, что он-то и есть тот самый «начальник» Линь Чон.

Надо сказать, он обладает впечатляющей внешностью, и я воспользовался возможностью хорошенько его рассмотреть.

Наверное, странно так говорить о китайце, но, поверь, милая Пагли, я не сочиняю: Линь Чон смахивает на кардиналов эпохи Возрождения, чьи портреты так часто писали итальянские мастера! Сходство не только в богатом одеянии, оно простирается дальше: орлиный нос, брыластые щеки, пронзительный взгляд из-под нависших век; другими словами, лицо, в котором читаются ум, порочность, жестокость и сладострастие.

Я успел отскочить от глазка, прежде чем меня застукали. Когда калитка отворилась, я уже вновь бродил меж горшков, сделав вид, что только этим и занимался.

В питомник вошли Линь Чон и А-Мед, все про-

чие — слуги, приспешники, охранники или кто они там — остались дожидаться за оградой. Минуту-другую Линь Чон меня разглядывал, словно оценивая, и я уж хотел приветствовать его на ломаном английском, но тут он сам заговорил, и, клянусь, дорогая Пагли, я бы удивился меньше, даже если бы вдруг у меня под ногами разверзлась земля. Ибо вопрос «Как живете-можете, мистер Чиннери?» был произнесен с чистейшим лондонским выговором!

Кое-как оправившись от изумления, я ответил:

— Прекрасно, сэр. А вы как себя чувствуете?

— Да так, знаете ли, по всякому, в зависимости от погоды.

Тем временем А-Мед принес два кресла. Линь Чон уселся и жестом предложил мне последовать его примеру.

Я еще не вполне очухался от его прежних пассажей, как он вновь заговорил:

— Меня зовут Чан Лян, но вы можете называть меня Линь Чон или господин Чан, как вам угодно, в этом вопросе я не щепетилен. Человек я занятой, а посему давайте-ка сразу к делу. Насколько я знаю, вы хотите мне что-то показать.

— Так точно, — сказал я и подал ему рисунок камелии.

Глаза его под набрякшими веками вспыхнули, а по лицу как будто пробежала тень.

— Где вы это взяли? — резко спросил он, постучав по рисунку ногтем не меньше двух дюймов длиной.

Я ответил, что рисунок принадлежит моему знакомому, который просил меня о нем разузнать. Последовал новый, столь же резкий вопрос:

— Зачем?

Я не люблю, когда со мной разговаривают в подобном тоне, но сказал, что мои друзья хотели бы приобщить сию особь к своему гербарию. Очередной вопрос:

— Какова плата?

Я сказал, что предполагался обмен, поскольку друзья мои привезли обширную коллекцию ботанических новинок из обеих Америк.

Теперь глаза его засверкали, а длинные ногти почесали ладонь, словно унимая приобретательский зуд.

— Что именно они предлагают? У вас есть образцы?

— Нет, — сказал я. — Все растения на корабле, который стоит возле Гонконга.

— Так не пойдет. Откуда мне знать, будет ли

обмен равноценным? Эти камелии — чрезвычайнейшая редкость, они произрастают в отдаленных местах. Я не полагаюсь на капризную удачу, мистер Чиннери, я должен видеть товар.

И что было делать? На секунду я растерялся, а потом меня осенило:

— Знаете, сэр, мои друзья, среди которых есть талантливый иллюстратор, могли бы прислать вам рисунки своих растений.

Линь Чон подумал и согласился: я заказываю рисунки, а он обеспечит доставку с гор золотистых камелий, на что уйдет какое-то время.

— Я немедленно отпишу друзьям, сэр, — сказал я. — Уверен, через неделю я получу рисунки.

Линь Чон беспокойно поерзал в кресле, и я было встал, решив, что аудиенция окончена, но мановением пальца с длинным ногтем он меня удержал.

— Позвольте кое о чем справиться, мистер Чиннери. Этот ваш знакомый, хозяин рисунка, его фамилия, случайно, не Пенроуз? Я запамятовал имя, но вот прозвище у него, кажется, «Хорек».

Вообрази мое изумление, милая Пагли! Клянусь, во все время нашего разговора я *ни разу* не помянул мистера Пенроуза. Откуда же мой собеседник мог знать владельца рисунка, обо-

гнувшего полсвета?

Но он определенно знал.

— Да, сэр, — сказал я. — Его фамилия Пенроуз.

— Я отлично помню старину Хорька. У него внешность лекаря дурных болезней, правда?

— Так вы его знаете, сэр?

— Знаю. И он меня знает. Будете ему писать, передайте нижайший поклон от А-Фея. Он поймет что к чему.

Подумать только, милая Пагли! Этот Линь Чон, или господин Чан, или как там его, не впервые видел рисунок камелии, потому что он — тот самый садовник А-Фей, что доставил коллекцию Уильяма Керра в Лондон!

Наверное, ты поймешь, дорогая леди Паглисбридж, что я просто сгораю от любопытства к этому человеку. Сжалься надо мной и поскорее пришли рисунки ваших лучших растений, ибо я жду не дождусь, когда вновь повидаюсь с господином Чаном.

Как заведено в многолюдных семьях строгих правил, предприятие Бахрама жило в неизменных ритмах, не подлежавших обсуждению. Вот почему Нил мгновенно сбился с темпа, когда Вико, дирижер сей замысловатой симфонии, объявил о своей отлучке на несколько дней.

— Пока меня нет, вы уж тут сами разбирайтесь с патроном, — ухмыльнулся управляющий. — Не робейте, справитесь.

— Куда вы отправляетесь?

— На «Анахиту», по делам.

— Но ведь корабль за пределами Кантона?

— Верно. — Вико взял свою торбу с вещами. — Придется нанять лодку.

Только в его отсутствие Нил понял всю важность роли управляющего делами. Бахрам, глава фирмы, был скорее адмиралом, нежели капитаном судна, взгляд его был устремлен за горизонт, а внимание сосредоточено на долгосрочных перспективах. Флагманский корабль вел Вико, и едва его твердая рука выпустила штурвал, как на судне постепенно возник бедлам. «Кормушка», чадная, но очень теплая часть кухни, где питался персонал, понемногу зарастала грязью, никто не соблюдал установленные часы приема пищи; закоптившиеся лампы в коридорах зажигались не вовремя; слуги зачастили в кабаки Свинского проулка, где засиживались допоздна, и утром, проспав, готовили контору к работе не должным образом. Бахрам, прежде очень строгий к установленному порядку, либо не замечал упущений, либо они его не волновали. Атмосфера в доме

была такой, словно кто-то подбросил в воздух огромные игральные кости, и все, от хозяина до последнего работника, затаили дыхание, ожидая, какая выпадет комбинация чисел.

Однако никто и словом не обмолвился (по крайней мере, при Ниле) о том, какие именно дела позвали Вико на «Анахиту». Остальные служащие, выходцы из разных общин, но все родом из бомбейских районов, представляли собой спаянную команду и воспринимали Нила как чужака с востока, выскочку, захапавшего лакомую должность. Он понимал, что вызывает подозрение и должен быть осторожен, а потому не задавал неудобных вопросов и не проявлял ненужного любопытства, когда при нем говорили на непонятных ему языках — гуджарати, марати, качхи и конкани. Однако Нил держал ушки на макушке и вскоре пришел к выводу, что сослуживцы не больше его осведомлены о задании Вико, и взвинченность их объясняется давней привычкой подлаживаться под настроение хозяина: каждая душа в доме знала, что последнее время Бахрам пребывает в опасно странном состоянии духа.

Одним из проявлений этого стал отказ от посещений званых ужинов. Каждый вечер, когда солнце садилось за озеро Белый Лебедь, Бахрам

просил Нила зачитать список приглашений и, выслушав длинный перечень раутов с ужином и вистом, минуту-другую раздумывал, а потом отмахивался:

— Пошлите записку с фонарщиком, скажите, я…

— Занемог?

— На ваше усмотрение.

Тянулись дни, от Вико вестей не поступало, и всем было ясно, что хозяйские нервы на пределе. Бахрам, не находивший себе места, срывался на любом, кто подвернется под руку, и чаще других, конечно, доставалось несчастному секретарю.

Весть об очередном взрыве быстро распространялась по дому, и тогда какое-то время все, словно в знак коллективного покаяния, ходили на цыпочках и говорили только по-английски. Менялы всегда первыми выражали соболезнования:

— Что поделаешь? Хозяин всякий раз такой, когда…

— Жизнь полна мук и страданий…

— Молитесь и несите свое бремя…

Одним утром Бахрам вяло ковырял свой завтрак, а Нил вслух зачитывал выдержки из последнего императорского эдикта:

— «Инспекционная комиссия докладывает, что

потребление опия возрастает, хотя наместники и губернаторы всех провинций облечены правом на обыски и конфискацию зелья. Прискорбно, но чиновники безответственны и действуют неумело, есть опасение, что не все они честны, ибо величина конфискованного опия мизерна…»

— Что это? — рявкнул Бахрам.

— Указ Сына Неба, сет-джи. Перевод опубликован в последнем номере «Дневника».

Бахрам оттолкнул нетронутую тарелку и встал из-за стола.

— Читайте дальше, мунши-джи, что там еще?

— «Наместникам и губернаторам всех провинций надлежит жестко требовать исполнения своих распоряжений, а гражданским и военным чинам неустанно выявлять вероломных купцов, доставляющих опий, арестовывать и предавать суду лавочников, торгующих зельем».

Оторвав взгляд от листа, Нил увидел хозяина за письменным столом, что бывало крайне редко.

— Почему остановились? — сказал Бахрам. — Читайте, читайте.

— «Наместникам и губернаторам всех провинций надлежит не щадить усилий, дабы с корнем выкорчевать сию пагубу, дабы ни один злоумышленник не проскользнул мимо сети

закона. Те, кто осмелится сквозь пальцы смотреть на беззаконие, покрывать преступников либо как-нибудь иначе потворствовать злу, будут сурово наказаны, а дети и внуки их лишены доступа к государственной службе. И напротив, местные чиновники, проявившие смекалку и усердие, получат повышение. Указ довести до сведения каждого человека во всех провинциях. *Ему внимать!»*

Нила отвлек странный шум, похожий на зубовный скрежет. Подняв голову, он увидел, что удивительный звук исходит вовсе не из хозяйского рта — Бахрам яростно тер чернильной палочкой о шершавый чернильный камень, решив, видимо, так выпустить пар и успокоиться. Однако в следующую секунду камень не устоял под бешеным натиском и слетел на пол, попутно оросив черной струей безукоризненную чогу и лежавшие на столе бумаги.

Бахрам вскочил, злобно оглядывая загубленную одежду.

— Зараза! С чего это китайские остолопы решили, что чернила нужно готовить, как масалу? Идиоты! — Он ожег взглядом Нила и кивнул на чернильный камень: — Уберите это! Чтоб глаза мои больше не видели!

— Слушаюсь, сет-джи.

Нил подобрал камень и шагнул к двери, но та вдруг сама распахнулась — на пороге стоял работник с запечатанным конвертом в руке.

— Только что доставили, срочная депеша, — сказал он. — Внизу посыльный ждет ответа.

Судя по отклику Бахрама, послание было долгожданным. Мгновенно забыв об испорченной чоге, он деловито отдал приказ:

— Мунши-джи, ступайте в хранилище. Скажите менялам, чтоб приготовили кошелек с девяноста таэлями. Пусть отберут новые монеты и удостоверятся, что на них нет моего клейма.

— Слушаюсь, сет-джи. — Поклонившись, Нил вышел из конторы и поспешил к лестнице.

Как и во всех других факториях, хранилище располагалось на первом этаже. В маленькой душной комнате за массивной дверью было всего одно наглухо закрытое окно, забранное толстой железной решеткой. В эти владения двух менял никто иной не допускался, а они проводили дни за пересчетом монет, наслаждаясь неустанным журчанием денежных ручейков, протекавших через их руки.

В Городе чужаков расчеты обычно совершались в валюте, имевшей самое широкое хождение

в мире: испанский серебряный доллар, иначе «восьмерик», достоинством в восемь реалов. На монете, содержащей чуть меньше одной унции чистого серебра, чеканились профили и гербы действующих испанских соверенов. Однако лишь немногие восьмерики, циркулировавшие в Кантоне, сохранили свою первоначальную чеканку. В Китае на монетах, переходивших из рук в руки, каждый их очередной владелец ставил свое клеймо. Это было гарантией для покупателей и продавцов: если вдруг монета окажется фальшивой, всегда можно потребовать ее замены у того, кто последним поставил свою печать.

Когда пространство для клейма иссякало, его увеличивали, расплющивая монету молотком. Монеты, пришедшие в негодность, треснувшие и щербатые, разбивали на куски, а обломки хранили в мешочках, которыми расплачивались в сделках, допускавших расчет по весу серебра. Состав его в старых монетах оставался неизменным, но сбыть их становилось все труднее, а вот новые монеты, прозванные «свежачком», ценились даже выше своего номинала.

Испанский доллар имел повсеместное хождение, однако в основном использовался для бытовых покупок, крупные же сделки обычно

заключались в китайской валюте, самой мелкой единицей которой была монета *каш* (другое ее название *чен*). Изготовленные из сплава меди с цинком, эти монеты имели квадратную дырочку посередке, что позволяло нанизывать их по сотне штук в связку, по-английски называвшуюся «мейс». Отправляясь за покупками, люди надевали эти связки на запястье, точно браслеты.

Нил считал каш красивой денежкой, однако носить на руке груду монет дешевле индийской пайсы было тяжело. А вот китайский *таэль*, содержанием серебра на треть превосходивший испанский доллар, ценился высоко и использовался в расчетах между крупными торговцами.

Нил терялся в догадках: заказанный кошелек с таэлями служил знаком торговой операции, однако сумма была слишком незначительной для сделки и чересчур большой для бытовой покупки. Переговорить о том с другими работниками было немыслимо, и он решил, что для него разгадка навсегда останется тайной. Однако немного позже, когда он отнес кожаный кошелек с девяноста таэлями в хозяйскую спальню, а потом зашел в контору собрать бумаги, на своем столике Нил обнаружил загадочные письмена — на промокательной бумаге отпечатались строчки косым

почерком Бахрама. Видимо, хозяин воспользовался конторкой секретаря, поскольку его стол был залит чернилами, и, ответив на депешу, промокнул свое послание. Вглядевшись, Нил разобрал отдельные слова: «…Иннесу… в подтверждение… доставлю кошелек… Эхо-Хон в одиннадцать… Твой Бахр…»

Вико прислал подробную инструкцию, и Бахрам знал точно, что нужно делать. Предстоял визит к Джеймсу Иннесу, обитавшему в фактории Бухта. Бахрам передаст ему деньги только после доставки первой партии ящиков: это не оплата услуг Иннеса, но мзда чиновникам, обеспечившим беспрепятственный проезд по реке. Первый рейс станет пробным, и Вико не будет сопровождать груз — он останется в Вампоа и проследит за благополучной погрузкой следующей партии.

Вико все так рассчитал, чтоб Бахрам провел в Бухте не больше часа; время, конечно, недолгое, но тот не любил это место и хотел бы справиться с делом еще быстрее. Сам он никогда не жил в Бухте, но знал о ней не понаслышке, ибо она соседствовала с его первой обителью в Кантоне — Голландской факторией. Эти здания, разделенные только оградой, отличались как небо и земля. Голландская фактория — суровая донельзя, Бухта

— шумное разгульное пристанище решительных и упрямых приверженцев свободной торговли вроде Иннеса и Джардина.

Бухта, последнее строение Города чужаков, получила свое название благодаря тому, что стояла на берегу узкого канала, на другой стороне которого располагались пакгаузы кантонской купеческой гильдии. Характерной особенностью этой фактории были собственные маленькие причалы, обеспечивавшие прямой выход на реку.

Бахрам никогда не понимал обитателей Бухты, нахваливавших ее местоположение из-за близости к воде. Так называемый канал, представлявший собою комбинацию речки со сточной канавой, служил главным руслом для выноса городских отходов. В отлив он превращался в ручеек, и обнажившиеся берега его являли невообразимо гадкую картину: гудящие тучи мух над мусорными кучами, из которых выглядывали раздувшиеся трупы собак и поросят, исторгавшие тошнотворную вонь.

Этакое зрелище вряд ли кому могло понравиться; людей вроде Иннеса прельщали выход к реке и соседство складов, позволявшие доставить груз, минуя майдан, прямо к дверям фактории. Рядом

располагалась и контора начальника таможни, но это не имело значения, поскольку все «мытники», как их здесь называли, были подмазаны задолго до прибытия товара.

Бахрам знал, что отлаженная система доставки почти наверняка исключала неудачу, и все равно не мог унять беспокойство по разным поводам. В гороскопе, которым его снабдила Ширинбай, он глянул, благоприятен ли нынешний день для дел, и встревожился, увидев отрицательный ответ. Потом осмотрел приготовленную одежду и решил, что она слишком нарядна для предстоящей затеи. В тюрбане и чоге он и так будет приметен, вовсе ни к чему богатством одеяния привлекать к себе ненужное внимание.

Поразмыслив, Бахрам остановился на неброском старом кафтане, который уже давно не носил. А когда слуга завязывал ему тюрбан, пришла мысль оставить свободный конец, которым, в случае чего, можно прикрыть лицо. Наверное, это было нелепо, но Бахрам пребывал в таком состоянии, что хватался за любую возможность придать себе хоть немного спокойной уверенности. Однако он не мог обратиться с просьбой к слуге, ибо вся челядь знала, что он всегда носит туго завязанный тюрбан, и оставленный хвост тотчас

породит слухи и разговоры. Бахрам решил отослать слугу и завязать тюрбан самостоятельно.

Однако болван воспринял это как недовольство им и, заламывая руки, пустился причитать:

— *Киа кья хузур?* Что я сделал не так?

Бахрам, потеряв терпение, гаркнул:

— Дубина! По-твоему, я безрукий, что ли? *Чали я!* Пшел вон!

Слуга, подвывая, попятился, и Бахраму стало совестно: человек этот был с ним лет двадцать, на службу к нему поступил еще юнцом, а сейчас в его усах посверкивала седина. Из нагрудного кармана Бахрам достал первую попавшуюся монету (оказалось, это целый доллар, ну да ладно) и подал слуге:

— Вот, возьми. И ступай. Я закончу сам.

Увидев доллар, слуга прослезился.

— Хозяин, вы нам отец родной, опора и надежда наша! — Согнувшись в поклоне, он схватил руку Бахрама и покрыл ее поцелуями. — Что бы мы без вас…

— Хватит! Иди уже! *Чал!*

Выпроводив слугу, Бахрам подошел к зеркалу, ослабил конец туго закрученного тюрбана и закрепил его неплотно. Он заметил, как дрожат его руки. Бахрам сделал глубокий вдох. Нервы

ни к черту. Он на грани. Но разве кто-нибудь мог представить себе, что Бахрам-джи Навроз-джи Моди будет сооружать подобие чадры из своего тюрбана?

Прежде чем выйти из спальни, Бахрам засунул кожаный кошель за кушак под чогой. Тяжеловато, но зато деньги надежно спрятаны. Уже на пороге он решил, что, пожалуй, стоит прихватить толстую ротанговую трость, увенчанную фарфоровым набалдашником. Часы показывали почти одиннадцать. Бахрам поспешно вышел из комнаты и увидел своего секретаря, переминавшегося на лестничной площадке.

— Будут какие-нибудь указания, сет-джи? — спросил Нил.

— Нет, мунши-джи. — Бахрам одарил его улыбкой. — В последние дни вы славно потрудились. Возьмите-ка выходной.

— Слушаюсь, сет-джи.

Внизу лестницы толклись и перешептывались еще несколько слуг.

— Можно нам пойти с вами, хозяин?

— Позвольте вам помочь, сет-джи.

Бахрам знал, что нужно проявить твердость, иначе слуги не отвяжутся.

— Нет, никто со мной не пойдет. — Он погрозил

пальцем. — И не вздумайте красться следом.

Слуги, понурившись, расступились, и Бахрам вышел на улицу. Свежий воздух и привычная суета майдана немного его успокоили: под переносными навесами цирюльников брили лбы и заплетали косицы, с тележек торговцев каштанами взвивались ароматные дымки, перед толпой зрителей исполняли трюки бродячие акробаты. Причал «Очко» был запружен народом меньше обычного, такое случалось в перерывы между рейсами лодок. Отринув все мысли, Бахрам резво зашагал, помахивая тростью.

На пути к Бухте предстояло миновать английскую и голландскую фактории, которые захватили участки земли перед своими фасадами, превратив их в частные скверы. Пешеходам был оставлен узкий проход, который обитатели индийской фактории окрестили Воровским проулком.

Много лет назад Бахрам имел печальный опыт знакомства со здешними щипачами. Пока он пробирался сквозь людскую толчею, у него вырезали кошелек, да так нежно, что, лишь добравшись до таможни, он обнаружил дыру в чоге и нехватку пятидесяти долларов. Нынче, опасаясь ушлых жуликов, он придерживал кошелек рукой.

Одолев проулок, Бахрам бросил взгляд на контору таможни — скромное кирпичное здание возле устья канала. Утоптанный двор таможни сегодня был пуст, там слонялись лишь несколько разносчиков и кули. Здание конторы перекрывало обзор реки, и Бахрам подумал, не выйти ли к набережной, дабы удостовериться, что на воде все спокойно. Но потом отказался от этой мысли, решив, что не стоит привлекать внимание, и свернул налево, к Бухте.

Бахрам давно не бывал в этой фактории, но, похоже, здесь ничто не изменилось: все тот же длинный темный проход, пропахший плесенью и мочой. Иннес снимал квартиру в доме номер два по правой стороне. Набалдашником трости Бахрам постучал в дверь. Тишина. Он постучал еще раз. Наконец дверь отворилась, и слуга провел его к нужной квартире.

Узкая вытянутая комната ничем не отличалась от обычного жилья мелких торговцев, но только здесь царил дикий беспорядок: на небольшом обеденном столе гора грязной посуды с засохшими объедками, на стульях и кушетках холмы засаленных простыней. Брезгливо сморщившись, Бахрам перевел взгляд в конец комнаты.

Многие здешние квартиры имели балкончик,

выходивший на канал; вонь от прокисших объедков и нестиранного белья была столь мерзкой, что Бахрам решил предпочесть ей зловоние сточной канавы. Он уже хотел пройти на балкон, но тут по крутой лестнице, соединявшей комнату со складом на первом этаже, бегом поднялся Иннес. Он был сильно небрит, а куртка и брюки его выглядели так, словно несколько ночей он спал не раздеваясь. Окинув гостя хмурым взглядом, Иннес без предисловий сказал:

— Надеюсь, деньги при вас, мистер Модди.

— Разумеется, мистер Иннес. Вы их получите, как только прибудет груз.

— Он уже на подходе.

— Вы уверены, что все благополучно?

— Конечно. Все заметано. — Иннес сунул в рот сигару и чиркнул спичкой. — Прилив начался, лодка подойдет с минуты на минуту.

Бахрам вдруг почувствовал симпатию к нему — в такой непробиваемой самоуверенности было что-то ободряющее.

— Приятно видеть вас в хорошем настроении, мистер Иннес.

— Я всего лишь орудие высшей воли, мистер Модди.

Снизу донесся крик слуги:

— Лодка! Вижу лодку!

— Это они, — сказал Иннес. — Я спущусь и прослежу за разгрузкой. Если вас не пугает запашок, мистер Модди, пройдите на балкон. Оттуда вам будет хорошо видно.

— Как скажете. — Бахрам открыл дверь и вышел на балкон.

Прилив наполнил канал, и теперь лодка могла легко подойти к берегу. На причале Иннес и слуга, вытянув шеи, всматривались вдаль. Проследив за их взглядами, Бахрам увидел лодку, которая медленно двигалась по каналу и уже миновала контору главного таможенника: корабельная шлюпка с командой гребцов-ласкаров и двумя местными проводниками.

Даже в прилив узкий канал не позволял ей набрать скорость, и Бахраму казалось, что она приближается мучительно медленно. Лоб его покрылся испариной. Когда шлюпка наконец подошла к причалу, Бахрам глубоко вздохнул и концом тюрбана отер лицо.

— Вот, видали, мистер Модди? — Широко расставив ноги, Иннес победно пыхал сигарой. — Что я вам говорил? Все доставлено в целости и сохранности. Это ли не доказательство предначертанности нашего дела?

Бахрам улыбнулся. Игра стоила свеч; удивительно, как легко и безопасно все получилось — даже не пришлось завозить опий на свой склад.

— *Шахбаш*, мистер Иннес! — отсалютовал Бахрам. — Отменная работа!

Свободный день выпадал нечасто, и Нил знал, как им распорядиться: рот его наполнялся слюной от одной только мысли о лодке-кухне Аша-диди, куда он уже давно не наведывался.

Эта харчевня была знаковым местом для проезжих индусов, и всякий из бесчисленных сипаев, серангов, ласкаров, менял, конторщиков, секретарей и толмачей считал своим долгом ее посетить, ибо на всем протяжении Жемчужной реки лишь в заведении Аша-диди можно было спокойно насладиться блюдом, твердо зная, что оно не содержит говядины, свинины или мяса тварей, что некогда лаяли, мяукали, ползали и чирикали: тут готовили только из убиенных баранов, кур, уток и рыб. Кроме того, здесь использовали приятно знакомые ингредиенты — настоящую масалу и узнаваемые масла, рис не был мягким и клейким на заморский манер, а в меню значились *бирьяни* — рыбный пилав, даал, овощное рагу *бхаджи*, курица-карри и жареная

рыба со специями. Изредка, и эти дни считались особо удачными, здесь подавали *пакору* и *пури*[52], а по предварительному заказу можно было получить и вегетарианское блюдо, причем не какую-нибудь пресную дрянь, как в кантонских монастырях, но нечто сочное и вкусное.

Индусы, приехавшие в Южный Китай, неделями сидели на вареных овощах и рисе, опасаясь ненароком отведать что-нибудь запретное или, хуже того, неведомое, что подорвет отлаженную работу кишечника, и потому были не просто благодарны Аша-диди, но боготворили ее. У Нила же имелась еще одна причина посещать харчевню: помимо отменной еды он наслаждался возможностью поговорить на бенгали.

Аша-диди свободно владела хиндустани и бенгали, чем повергала в шок заезжих индусов, ибо не было никаких внешних примет, указывающих на ее связь с их родиной. Худощавая и подтянутая, одевалась она просто, как все кантонские лодочницы: синяя блуза, штаны по голень, островерхая шляпа, да порой стеганый жилет, защищающий от зимней стужи. Вот хозяйка лодки-кухни сидит на табурете, щелкает

[52] Примечания: 52

Пакора — овощи в нутовом или гороховом кляре; пури — жаренные в масле несладкие пончики.

костяшками счетов, подле нее горит ладанная палочка, отмеряющая время, — все это прекрасно вписывалось в кантонский пейзаж, и потому индусы остолбеневали, услышав приветствие на своем родном хиндустани или бенгали. Подобрав отвисшие челюсти, гости спрашивали, как она это делает, словно узрели фокус иллюзиониста. В ответ Аша-диди смеялась:

— Никакого чародейства! Я выросла в Калькутте, мои родные и сейчас там.

Вскоре после ее рождения отец перебрался в Бенгалию, он был одним из первых китайских иммигрантов, осевших в Калькутте, редкий кантонец среди большой группы хакка. Начинал отец грузчиком на киддерпорской верфи, но потом к нему приехала семья, и он наладил маленькое собственное дело по снабжению транзитных китайских кораблей лапшой, приправами, маринованными овощами, колбасами и прочим, необходимым для сносного существования.

В заготовках провианта участвовала вся семья, включая детей во главе со старшей дочерью Аша-диди. В один прекрасный день, когда она была уже не девочка, но еще не женщина, Аша-диди отворила дверь молодому матросу по имени А-Бао, которого послали пополнить запасы корабля,

назавтра покидавшего порт. Утро выдалось хлопотным, Аша-диди была вся перепачкана мукой и обвешана сырой лапшой. Увидев ее, А-Бао замер с открытым ртом. Потом что-то пробормотал на кантонском диалекте, и девушка ответила ему на том же наречии — мол, говори, чего надо, да поскорее, *фаай ди ла*! Казалось бы, после таких слов от этакой страхолюдины парень должен был сгинуть навеки, однако на другой день он вновь объявился и сказал, что сбежал с корабля, ибо надумал предложить свои услуги семейному предприятию.

Конечно, родители Аша-диди тотчас уразумели, что к чему, и ничуть не обрадовались: во-первых, речь выдавала в парне выходца из лодочного племени, а во-вторых, у них давно был на примете жених для старшей дочери, не чета этому. Тем не менее отец Аша-диди взял его на службу, но вовсе не из милости, а потому что был прожженным дельцом, гордившимся своей деловой сметкой. Он сообразил, что молодой матрос может быть полезен в том, что жизненно необходимо плавучему маркитанту — сноровисто управлять лодкой, дабы первым встречать прибывшие корабли. Прежде роль гребца он брал на себя, однако был в том неумел и чаще нанимал

жуликоватых местных лодочников. Но сможет ли парень провести лодку по запруженной судами реке? Ответ был далеко не очевиден, поскольку сампаны на Хугли сильно отличались от лодок, давших им это имя — саньбаней («три доски») с Жемчужной реки. Индийский вариант имел загнутые нос и корму, чем больше напоминал каноэ, и управляли им совсем иначе.

Однако никакая лодка не могла испугать рожденного на воде А-Бао, индийский сампан ему покорился вмиг. Кроме того, на Жемчужной реке он овладел не только искусством гребли: здешняя портовая шпана попыталась его прижать, но быстро поняла, что не на того напала, а те, кто вслед ему кричал «Китаёза!», узнали, что он отменный матерщинник. Он быстро завоевал уважение других лодочников и стал на реке привычной фигурой, получив прозванье Бабурао.

В семейном предприятии он был незаменим, и теперь уже никто не мог вспомнить, почему его сочли негожим женихом для старшей дочери: все претензии испарились, началась переписка между двумя семьями, и, к всеобщему удовольствию, дело сладилось. После свадебного обеда, состоявшегося на барже, пара поселилась в доме родителей новобрачной, где затем Аша-диди

родила пятерых из своих девяти детей.

Бабурао энергично вошел в новую жизнь, однако для него, в отличие от его жены, Калькутта не стала вторым домом. Он вырос в лодке, с помощью которой семья зарабатывала себе на пропитание, и вот та маленькая, тихоходная и не очень удобная джонка, под управлением отца утюжившая прибрежные воды Кантона, и была его истинным домом. Когда Бабурао получил весть, что отец собирается ее продать, он долго не раздумывал. В Кантон часто посылали с оказией письма и гостинцы, и он, наведавшись на корабли, отыскал надежного человека, с которым передал просьбу к отцу повременить с продажей лодки. Община помогла собрать деньги на дорогу, и через пару месяцев Бабурао вместе с женой и детьми отбыл в Китай.

Теперь настала очередь Аша-диди общаться с родственниками посредством оказий, и когда появлялся какой-нибудь боцман или рулевой с гостинцем и весточкой от родных, казалось вполне естественным отблагодарить его индийской едой, к которой она привыкла в Калькутте и по которой сама сильно скучала. Об ее стряпне прошел слух, и все больше индусов желали отведать домашних блюд — не только ласкары, но

и сипаи, караульщики и конторщики. Вместе с числом гостей возросли и расходы на продукты, и однажды Бабурао, не выдержав, сказал: коль они и дальше собираются кормить такую уйму народу, неплохо бы на этом и заработать. По размышлении, идея выглядела все более разумной: Бабурао мог бы привозить специи, консервированные овощи и прочие индийские ингредиенты из Макао, где они были вполне доступны благодаря внушительной колонии выходцев из Гоа. И потом, имелся пример родителей Аша-диди, которые занимались тем же самым — потчевали соотечественников едой, на чужбине им недоступной.

Успех харчевни позволил семейству попробовать себя и в других деловых сферах, но лодка-кухня оставалась главной любовью Аша-диди: высшим наслаждением для нее было восседать на своем привычном месте между кассой и жаровней.

Именно туда обратил свой взор Нил, когда поднялся на лодку и нырнул под навес, обозначавший столовую. Каждая встреча с Аша-диди несла ему особую радость — возможность вновь испытать то удивление, охватившее его, когда она впервые приветствовала его на бенгали.

Фраза *Номошкар, кенон ачхен?* была бы вполне обычной на калькуттской улице, а вот на кантонской лодке-кухне звучала волшебной мантрой.

Однако нынче его ожидало удивление иного рода: мало того, что Аша-диди не оказалось на ее всегдашнем месте, но две ее невестки суетливо захлопывали ставни — то есть харчевня закрывалась, хотя день только начался.

Низкая посадка и прямоугольная форма придавали лодке-кухне вид баржи; на обоих концах ее имелись надстройки, а в центре — длинный навес, под которым стоял обеденный стол с двумя лавками по бокам. Аша-диди была на корме, где гасила жаровни. Она как будто испугалась, увидев Нила, и поспешно подошла к нему, вот только вместо обычного приветствия прозвучал резкий, чуть ли не грубый вопрос:

— *Экхани ки корчхен?* Что вам здесь нужно?

Нил совершенно растерялся и промямлил:

— Я просто хотел поесть…

— Нет! — отрезала Аша-диди. — Вам сюда нельзя.

— Но почему?

— Городские власти велели нам закрыться.

— А в чем дело-то?

Аша-диди пожала плечами:

— Наверное, чтоб не было беспорядков.

— Каких беспорядков? — удивился Нил. — Сейчас я шел через майдан, там все спокойно.

— Вот как? — Аша-диди вскинула бровь и поджала накрашенные губы. — А на реку вы смотрели?

— Нет.

— Так гляньте. — Она потянула Нила за руку, развернув его лицом к реке.

Фарватер Жемчужной, обычно забитый судами, был пуст. Все шлюпки, кораклы и сампаны прижались к берегам, уступив дорогу двум канонерским лодкам, с двух сторон подплывавшим к Городу чужаков.

Канонерки, редко появлявшиеся в здешних водах, впечатляли бойницами и обилием вымпелов. Одна прошла совсем близко, и Нил разглядел изрядно военных на ее борту — не обычных солдат, какие слонялись по городу, но рослых маньчжурских гвардейцев.

— Что происходит? — спросил Нил.

Глянув по сторонам, Аша-диди знаком попросила его пригнуться.

— Я не уверена, — прошептала она, — но думаю, будет облава на одну факторию.

Нил вдруг встревожился.

— И вы знаете, на какую?

Аша-диди улыбнулась и потрепала его по руке:

— Это не ваша, успокойтесь. Та, что на окраине.

— Вы говорите о фактории Бухта?

— Да, — кивнула Аша-диди. — Эхо-Хон.

— То есть? — не понял Нил. — Вы так называете Бухту? Это одно и то же?

Аша-диди снова кивнула:

— Да. Эхо-Хон и Бухта — одно и то же.

С балкона Бахрам следил за разгрузкой лодки. Свои немногочисленные ящики он узнал по следам, оставленным штормом. Бахрам стал их считать и дошел до шести, когда его отвлекли удары гонга. Подняв взгляд, он увидел, что нечто большое вроде шлюпа тихо перегородило канал, закрыв выход к реке.

Теперь стало ясно, почему вдруг зазвонил гонг — он сопровождал высадку взвода маньчжурских гвардейцев: солдаты гуськом сбегали с судна и во дворе таможни строились в колонну. Вот командиры отдали приказ, и строй бегом двинулся к фактории.

Облава?! На мгновенье Бахрам окаменел, но потом все же сумел крикнуть:

— Иннес! Посмотрите туда!..

Из-под тюрбана струился пот, перехватывало дыхание, мысли путались, но одна была вполне четкой: прочь отсюда! Бахрам ощупал кушак, удостоверяясь, что кошель на месте, концом тюрбана прикрыл лицо и выскочил из квартиры. На лестнице он услышал голос Иннеса, оравшего на ласкаров либо слугу.

Как же он управится с солдатами? Да бог-то с ним, ему, отпетому мошеннику, терять нечего — ни семьи, ни репутации, уж как-нибудь разберется, а если нет, его прикроют англичане. А вот у него, Бахрама, такой защиты нет, и потому мешкать нельзя ни секунды.

Он поспешил к арочному входу, что вел в недра фактории. Оглянувшись, он увидел гвардейцев, через главные ворота вбегавших во двор, и прибавил шагу. На задах Бухты имелся выход на улицу Тринадцати факторий. Только бы добраться до него, и тогда он спасен.

За спиной грохотали солдатские сапоги. Нырнув в соседний двор, Бахрам снова украдкой оглянулся: против света гвардейцы читались силуэтами, высокие плюмажи превращали их в гигантов.

Скорее, скорее… Вышагивая по проходу, Бахрам слышал, как солдаты дубасят прикладами в дверь

квартиры Иннеса. Из соседних домов выскакивали жители, потревоженные шумом. Бахрам пригнул голову и пошел медленнее, опираясь на трость. Народ сновал во всех направлениях: одни бежали на шум, другие от него. Бахрам не отрывал глаз от мостовой и, закусив конец тюрбана, шел вперед, не обращая внимания на толчки встречных прохожих. Он упорно смотрел себе под ноги и, лишь увидев свою тень, понял, что вышел за пределы фактории.

Бахрам стоял на улице Тринадцати факторий, вдоль которой тянулись знакомые лавки и заведения. Хорошо бы куда-нибудь зайти, присесть и успокоиться, подумал он, но заметил, как все лавки пустеют, ибо народ бежал посмотреть, что творится в Бухте.

Неподалеку был каменный мост через канал, с которого открывался обзор на эту факторию, вот туда-то все и спешили. Бахрам позволил толпе увлечь его на мост и, ухватившись за парапет, посмотрел на балкон, с которого еще недавно наблюдал за разгрузкой. Сейчас балкон был пуст, но под ним в окружении солдат стоял багровый Иннес, во рту его по-прежнему тлела сигара; он орал и размахивал руками, пытаясь выбраться из непростой ситуации. Да уж, в наглости и отваге

ему не откажешь, но он явно угодил в переплет. Солдат рядом с ним взломал ящик, в котором Бахрам признал свой груз, и торжествующе поднял черный круглый предмет размером с пушечное ядро — футляр для лучшего гхазипурского опия, товара британской империи.

Бахрам почувствовал, что задыхается. Он схватился за горло и дернул вязку чоги, словно пытаясь сбросить удушающую петлю. Из-под распахнувшейся одежды едва не выскользнул кошель, но Бахрам, выпустив трость, успел его подхватить. Прибывающая толпа толкнула его к парапету, и он чуть не выронил деньги, однако чья-то рука поддержала его под локоть.

— Сет-джи!

Новый секретарь, как бишь его? Бахрам не мог вспомнить его имя, но еще никогда так не радовался появлению своего работника. Он сунул кошелек в руки секретаря:

— Возьмите это. Спрячьте, чтоб никто не видел.

— Хорошо, сет-джи.

Бахрам отпихнул наседавших зевак.

— Идемте, мунши-джи, идемте.

— Слушаюсь, сет-джи.

Выбравшись из толпы, Бахрам зашагал к Фан-

тай-Хон. Выжатый, как лимон, он был признателен секретарю, не донимавшему его вопросами. Однако челядь непременно прознает, что он был в гуще событий. Лучше прямо сейчас измыслить какое-нибудь объяснение, дабы своевременно пресечь сплетни и домыслы.

Бахрам сбавил шаг и, позволив Нилу поравняться с ним, взял его под руку.

— Я шел к Панхикве, — сказал он, откашлявшись. — Я, знаете ли, задолжал ему… за партию шелка. А тут эта суматоха, меня затащило в толпу. Вот как оно было. Только и всего.

— Понимаю, сет-джи.

К счастью, дом Панхиквы был неподалеку, что придавало байке достоверность. Однако в следующую минуту у Бахрама перехватило дух: он увидел самого купца, которого под конвоем вели по улице. Одетый в роскошный халат темно-красного шелка с парчовыми вставками над бахромчатым подолом и замысловатой вышивкой на груди, Панхиква был закован в тяжелую шейную колодку канга. Голова его казалась яблоком на большой деревянной столешнице.

На миг взгляды их встретились, и оба опустили глаза.

— Канга! — прошептал потрясенный Бахрам. —

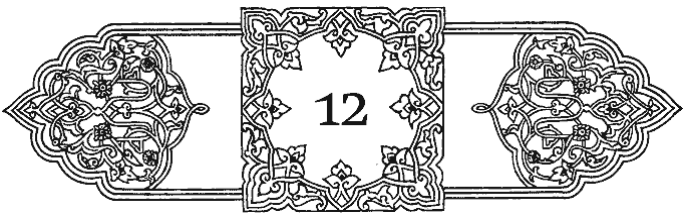
Ему надели колодку, как обычному вору…

За спинами конвоиров он разглядел домочадцев Панхиквы — его сыновья, жены, снохи сбились в кучку и рыдали, руками закрыв лица. Бахрам представил себя в таком положении — на глазах Ширинбай, дочерей, зятьев, шуринов и слуг его выводят из дома Мистри по Аполлострит, — и у него захолонуло сердце. Наверное, такое публичное унижение пережить нельзя, но если до этого дойдет, для него, как сейчас для Панхиквы, важнее позора станет шанс сохранить себе жизнь.

Будто в тумане, Бахрам поплелся домой, Нил шел следом.

— Заточить в колодку человека, который стоит десять миллионов долларов серебром! — Бахрам ошалело покачал головой. — Нет, мир сошел с ума. Окончательно.

12



Отель «Марквик».
9 декабря.

О драгоценная моя Пагли,

Здесь творится нечто совершенно невероятное, из-за чего я пребываю в полном смятении. Столько всего произошло, и даже не верится, что все началось лишь позавчера, но так оно и есть, и это просто не укладывается в голове, ибо день тот задался как нельзя лучше.

Я наконец-то уговорил Джакву позировать мне! Поверь, я потратил немало сил, ибо пришлось упрашивать не только его, но еще и Ламкву, чтобы освободил моего натурщика от обязанностей по мастерской. Художник был весьма несговорчив, поскольку опасался недовольства других

подмастерьев, но я предложил ему копию еще одной недавней работы Чиннери, и вопрос решился в мою пользу. В отель я доставил Джакву, точно трофей, завоеванный в битве, и, охваченный ликованием, захлопнул дверь буквально перед носом мистера Марквика, который тащился за нами следом, бурча что-то совершенно непотребное.

Джаква стал моим первым гостем, а он ужасный аккуратист, и я слегка тревожился из-за царившего в комнате беспорядка. Однако мой бедлам его как будто позабавил (так мне хочется думать), поскольку он, увидев башмак на единственном стуле, расхохотался (правда, я не уверен, было ли это знаком веселья, ибо, по моим наблюдениям, порой китайцы смеются, когда чем-нибудь потрясены). К счастью, сей казус не помешал ему усесться, что избавило меня от проблем, поскольку я уже решил, что подам его в позе Иоанна Крестителя с картины Андреа дель Сарто (кажется, я показывал тебе репродукцию сего воистину изумительного произведения, на котором изображен по пояс обнаженный юноша с бесподобной мускулистой грудью). Разумеется, я не дерзнул просить его раздеться, но, ты же знаешь, моя душенька, я не из числа тех бездарей,

кои способны писать только с натуры. Спешить вовсе не надо, и потом, в комнате моей прохладно, негоже создавать неудобства Другу (может быть, позже, когда немного потеплеет…).

Однако я осмелился собственноручно придать ему позу, и он, к моей радости, воспринял это так добродушно, что я даже слегка затянул сей этап. Но едва я встал к мольберту, как наш сеанс был прерван диким гвалтом, донесшимся с майдана. Мы оба выскочили на балкон и узрели невероятную суматоху, в центре которой был отряд маньчжурских солдат в шлемах с плюмажами. Вооруженные пиками, на которых трепетали флажки и вымпелы, они, выстроившись в каре, вели через майдан дюжину узников в кандалах. Людское скопище перекрывало пленников, мы видели только их головы, лишь две из коих имели китайские тонзуры и косицы, остальные же были укрыты безошибочно индийскими тюрбанами и платками!

Индусы в оковах? Местная полиция редко связывается с иностранцами, и потому Джакова удивился не меньше меня, такого он еще не видел. Кто же эти несчастные ачха? В чем их преступление?

Снедаемые любопытством, мы выбежали на

улицу и затесались в толпу.

Джаква быстро выяснил, что происходит: в облаве на факторию Бухта этих людей взяли с поличным, когда на причале они выгружали опий. Арестованы гребцы-ласкары и двое местных проводников. Теперь их ведут в тюрьму цитадели.

Проводники были сильно избиты, одежда их разодрана в клочья. Ласкары не пострадали, но и они, босые, в тонких штанах и рубахах, выглядели жалко, а защитой от холода им служили только головные платки и накидки. Наверняка им было безумно страшно, но, как истинные ачха, они этого не показывали и держались с покорным стоицизмом. Я понимал, что они контрабандисты и получили по заслугам, однако, признаюсь, меня охватила жалость к ним. Глядя на их понурое шествие, я подумал: а как вел бы себя я, окажись на их месте? Чужой город, вокруг разъяренная толпа, меня ведут в китайскую темницу…

Нам с Джаквой удалось протиснуться в первые ряды зевак, плотно окружавших конвоиров и пленников. Затем процессия вошла в узкую Старую Китайскую улицу, и я оказался вровень с одним ласкаром, стройным и крепко сбитым. Как и все его товарищи, он шел, понурившись, но у меня сложилось впечатление, что он еще очень

молод. Я разглядел, что грязная бандана его сооружена из старого линялого полотенца гамуча, и подумал, что, возможно, он не из Бенгалии, как другие ласкары.

Казалось, в узких пределах улицы шум толпы стал еще громче. Конвоиры отвлеклись на крикунов, и мне удалось еще немного приблизиться к молодому ласкару. Я видел только край его лица, однако что-то в линии скул показалось знакомым. Толпа мешала рассмотреть его хорошенько, но, вот честное слово, он чрезвычайно походил на твоего любезного братца Джоду.

Пожалуйста, не тревожься, милая Пагли. Во-первых, я совсем не уверен, что это был Джоду, и потом, Джаква меня успокоил: «долой башка» пленникам не грозит (признаюсь, такая мысль мелькала, и я упросил своего друга справиться у конвоиров), их просто отведут в тюрьму.

Сейчас все вроде как угомонилось, однако жизнь Города чужаков так и не вошла в прежнее русло. Вокруг фактории Бухта, где обитает мистер Иннес, выставлены караулы. Ты спросишь, почему его просто не арестуют? Задиг-бей растолковал мне: по давней традиции, гильдия Ко-Хон гарантирует безопасность своим чужеземным партнерам. Власти настаивают, что именно гиль-

дия должна выдворить Иннеса из Кантона, и, если он откажется уехать, пострадают китайские купцы, понеся воистину ужасное наказание.

И в том я убедился собственными глазами, когда попытался вновь посетить питомник «Жемчужная река».

Однако не буду забегать вперед, тебя, конечно, заинтересует то, что предшествовало моей поездке, ибо это напрямую связано с твоими картинками.

Четыре дня назад я получил твою бандероль, отправленную на прошлой неделе. Какая удача, что мисс Эллен Пенроуз подготовила полный комплект иллюстраций (выполненных, надо сказать, на удивление профессионально)! Посылка пришла очень вовремя, ибо назавтра должен был появиться А-Мед, с которым, как ты помнишь, мы условились, что ровно через неделю после моего первого визита в питомник он вновь заберет меня из отеля. Мой интерес к господину Чану ничуть не угас, и я с величайшим нетерпением ждал прибытия его человека. Утром я упаковал рисунки, предупредил мистера Марквика, что жду гостя и прошу немедленно о нем известить, и засел в своей комнате.

Дабы не тратить время впустую, я занялся

портретом Джаквы, но вообрази мое огорчение, дорогая Пагли, когда А-Мед так и не появился! Я был ошарашен, не менее раздосадован и, когда часы на церкви отбили шесть вечера, решил больше не ждать. Отыскав Джакву, я сказал, что завтра намерен нанять лодку и отправиться в Фа-Ти самостоятельно. К моей великой радости, он предложил меня сопровождать (на что я, честно говоря, рассчитывал) и даже обещал договориться о лодке.

Наутро мы отправились. Ты даже не представляешь, милая Пагли, в каком радостном волнении я пребывал! Казалось, все благоприятствует нашей поездке: день выдался чудесный, лодка оказалась не ужасным кораклом с гарпиями, но сампаном под управлением добродушного старика. Правда, было тесновато, нам с Джаквой пришлось сидеть вдвоем на одной банке, и мы хватались друга за друга, когда лодка качалась на волнах. Но это лишь добавляло прелести нашей поездке, мы даже решили ее слегка продлить, немного прокатившись по реке. Мы уже миновали приметные вехи вроде песчаной косы Шамянь, Голландского форта и места казней, когда на берегу увидели огромную толпу, глазевшую на некое действо, происходившее на

причаленной барже.

Подплыв ближе, мы поняли, что главный объект зрелища — человек, закованный в большую деревянную колодку. Проезжавший мимо лодочник сказал, что это сообщник злополучного Иннеса, он наказан за пособничество в контрабанде опия. Его, наверное, обезглавят, если Иннес не уберется из города!

Я полагал, карают лиходея под стать самому Иннесу, но вообрази, милая Пагли, мое смятение, мой ужас, когда я разглядел лицо обвиняемого. Это был не кто иной как Панхиква, прославленный купец, знаток цветов и ценитель сада!

Видеть его в таком положении — с колодкой на шее под взглядами тысяч зевак — было невыносимо, и я взмолился, чтобы меня поскорее доставили на Хонам. Увы, это оказалось невозможно. Вскоре мы встретили заслон, и нам сообщили, что по новым правилам для проезда на остров требуется особый пропуск. Пришлось вернуться в отель, где я узнал, что поездка все равно окончилась бы неудачей. В мое отсутствие приходил А-Мед с известием, что господин Чан отбыл по неотложному делу.

С тех пор о них ни слуху ни духу, что, в общем-то, неудивительно, ибо атмосфера в городе

чрезвычайно тревожная. Иннес по-прежнему отказывается уехать, ежедневно появляются новости о грозных санкциях против него. Давеча возле фактории Бухта были расклеены листовки на китайском и английском языках. Я взял одну на память и не могу устоять перед искушением ее переписать, ибо тебя это наверняка заинтересует:

> *Третьего числа сего месяца чужеземного купца Иннеса застигли на месте преступления, когда он дерзко пренебрег законом, тайком доставив опий в Кантон. Нагло попирая указы императора, Иннес демонстрирует полное безразличие к собственной репутации. Такое поведение заслуживает всеобщего осуждения. Отныне мы отказываемся вести дела с этим человеком и не желаем терпеть его присутствие в нашем доме, о чем открыто и единодушно заявляем, дабы всякий здравомыслящий коммерсант был своевременно оповещен и предостережен.*

Весьма грозное заявление, согласись? Но такого, как Иннес, даже этим не проймешь.

По мнению Задиг-бея, вся странность этой

истории в том, что Иннес, конечно, действовал не один и мог бы переложить часть вины на подельников, однако он категорически отвергает все обвинения (хотя его взяли с поличным!), утверждает, что опий ему подбросили китайские таможенники (вот уж нелепица!), и заявляет о своей полной невиновности. Купеческая гильдия пребывает в жуткой растерянности. На бессчетных заседаниях принята уйма решений, но толку никакого, все зашло в тупик.

Однако выход из него еще можно найти. Мистер Модди, друг Задиг-бея, поведал, что купцы попросили Совет о секретной встрече с участием Иннеса, дабы предъявить обвинения ему в лицо. Они, видимо, надеются усовестить Торговую палату и подвигнуть ее на действия против нарушителя. Очень желательно, чтоб из этого что-нибудь вышло, ибо на реке все замерло полностью, и я не знаю, когда и как смогу отправить это письмо.

Бахрам полагал, что особое заседание Совета пройдет в Большом зале на первом этаже. Но оказалось, место собрания изменено: ввиду конфиденциальности встречи китайские купцы попросили, чтобы она состоялась в более обособленном помещении. Мистер Линдси ре-

шил провести ее в своей личной гостиной на третьем этаже, где располагались кабинеты и комнаты для переговоров и куда имели доступ только председатель, члены Совета да несколько человек из обслуги.

Еще в коридоре Бахрам услышал громкий возбужденный голос, доносившийся из гостиной:

— Нет, сэр, я не покину Кантон, и меня к тому не принудить! Позвольте напомнить, что я не член Палаты. Я вольный человек и не подчиняюсь гласу смертных. Зарубите себе на носу!

Бахрам замедлил шаг, узнав голос Иннеса.

Все это время он страшился встречи лицом к лицу с теми, кто мог засвидетельствовать его причастность к событиям в Бухте — Иннесом и Даваем. Последний предусмотрительно исчез (прошел слух, что он бежал из страны), а первого Бахрам не видел с того самого дня. На пороге гостиной он сделал глубокий вдох.

Теперь говорил Чарльз Кинг:

— Мистер Иннес, если вы и впрямь цените свободу, коей так похваляетесь, вы должны отдавать себе отчет в последствиях своих поступков. Неужто не видите, к чему привели ваши деяния? Не понимаете, что навлекли беду на Панхикву и, по сути, всех нас?

Из окон председательской гостиной, большой благоустроенной комнаты, открывался вид на озеро Белый Лебедь и Бэйцзян, северный рукав Жемчужной реки. Мраморную каминную полку украшали две роскошные фарфоровые вазы эпохи Мин, меж которыми приютилась пара лакированных табакерок. В дальнем конце комнаты члены Совета полукругом сидели перед камином, и только Уильям Джардин стоял, повернувшись спиной к очагу. Мистер Линдси еще исполнял обязанности председателя, но по поведению Джардина было ясно, что именно он ведет заседание. Холеное лицо его кривилось в усмешке, пока он слушал перепалку между Иннесом и Кингом.

— Нечего шить мне злосчастье Панхиквы! — крикнул Иннес. — В том виноваты мандарины. Я не в ответе за их тупость.

Все увлеченно внимали словесной баталии, и один только Дент заметил появление Бахрама. Он кивнул ему, показав на свободный стул между собой и Слейдом.

Бахрам уселся, и тут в своей бесстрастной размеренной манере в спор вступил Джардин:

— Чарльз, вы должны признать, что в чем-то Иннес прав. Китайцы, как всегда, устроили ка-

вардак.

— Однако, сэр, нынешняя ситуация возникла исключительно из-за действий мистера Иннеса, — возразил Кинг. — И в его силах разрешить конфликт — нужно просто уехать. Учитывая все неприятности и неудобства, какие вызывает его присутствие, единственным разумным решением стал бы немедленный отъезд, не так ли?

Слова эти вызвали яростный отклик Слейда, уже давно ерзавшего на стуле:

— Нет! На кону не только судьба мистера Иннеса. Принципиально важен вопрос о полномочиях Палаты. Ни в коем разе нельзя допустить, чтобы она диктовала свою волю свободному предпринимателю, это стало бы недопустимым посягательством на наши права.

Слушая его, Дент энергично кивал и теперь заговорил сам:

— Позвольте мне быть предельно откровенным: если Палата намерена позиционировать себя как теневое правительство, я самым первым ее покину. Сей орган был учрежден для содействия коммерции. Его решения не имеют юридической силы, и чрезвычайно важно этот принцип сохранить. Иначе при всяком удобном случае китайцы будут пытаться использовать

Палату, чтобы подчинить нас своей воле. Вот потому-то местные власти и попросили о нынешней встрече, и, по моему мнению, мы получили прекрасную возможность выступить единым фронтом в поддержку мистера Иннеса.

— В поддержку? — В голосе Кинга слышалось изумление. — Совершено преступление, но именем свободы мы станем его поддерживать?

— И тем не менее, Дент прав, — спокойно сказал Джардин. — Решения палаты не имеют юридической силы.

Чарльз Кинг потер виски.

— Позвольте вам, джентльмены, напомнить, что речь идет о голове Панхиквы. Всем нам он был добрым другом, и его коллеги по гильдии придут умолять нас сохранить ему жизнь. И что же, мы, как формалисты, им откажем?

— Ай, перестаньте! — отмахнулся Слейд. — Ради бога, избавьте нас от ваших турецких мелодрам! Не будь вы так зелены, вы бы вмиг поняли, что…

— Господа, господа! — вмешался Джардин. — Призываю вас к сдержанности. Возможно, мы расходимся во взглядах на это дело, но сейчас, конечно, не время и не место их высказывать.

В комнату вошел стюард и что-то шепнул ему на ухо. Джардин кивнул.

— Представители гильдии прибыли. Прежде чем их пригласят, хочу напомнить: какими бы ни были наши личные мнения, от имени Палаты выступит мистер Линдси, только он и никто другой. Надеюсь, это понятно?

Джардин всех обвел взглядом, остановив его на Чарльзе Кинге.

— Вот, значит, как? — Глаза Кинга сердито сверкнули. — Между собой вы уже все решили?

— И что, если так? — спокойно сказал Джардин. — Мистер Линдси председатель, он уполномочен говорить от нашего имени.

Кинг гадливо сморщился.

— Что ж, прекрасно. Давайте покончим с этим представлением. Пусть мистер Линдси говорит что хочет.

Когда в дверях появился стюард и возвестил о прибытии членов гильдии Ко-Хон, все поднялись. Делегацию из четырех купцов возглавлял старейшина Хоуква. Все они были в традиционных официальных одеждах: шарики и кисточки на шапках и цветные вставки на халатах отмечали их высокий ранг.

В иное время комнату огласили бы шумные приветствия обеих сторон, но сейчас делегация застыла на входе, лица купцов были строги и

неулыбчивы, словно отдавая дань серьезности ситуации. Слуги расставили стулья в два ряда, развернутых друг к другу. Китайские купцы проследовали к ряду из четырех стульев и чопорно уселись, сложив на коленях руки, невидимые под широкими рукавами, легкое трепетание которых выдавало волнение их обладателей.

Без обычных предисловий и вступительных речей китайский толмач вручил бумажный свиток мистеру Линдси. Сломав печать, тот обнаружил послание на китайском, но переводчик Фирон был рядом, он принял свиток и скрылся в приемной.

Его не было добрых полчаса, и все это время в комнате царило молчание. Гости отвергли приготовленное для них угощение — взбитые сливки с вином и сахаром, пирожные, пирожки, шербет — и сидели неподвижно, глядя прямо перед собой. Чарльз Кинг попытался завязать беседу, но тотчас сник, видя суровые лица своих визави.

Все в этой комнате прекрасно помнили бесчисленные банкеты, приемы в садах и лодочные прогулки, на которых дружно выпивали и судачили. Все присутствующие свободно владели местным жаргоном, на котором, случалось, обсуждали то, о чем не станешь говорить с женой:

любовниц, гороскопы, работу кишечника и финансы. Но сейчас никто не произнес ни слова.

Крайним слева сидел худой аскетичный Хоуква, который подарил Бахраму его любимый письменный стол. На правом краю был Моуква, доверивший Бахраму покупку жемчугов к свадьбе своей дочери; центр ряда занимал Мохейква, человек настолько порядочный, что однажды вернул клиенту деньги за всю партию чая, в которой один ящик оказался с некачественным товаром.

Взаимные доверие и доброжелательность тех и других были крепки тем, что стали своего рода мостами через неодолимые пропасти языка, верования и происхождения; но хоть память об этих узах была жива в каждом из сидевших сейчас напротив друг друга, ни следа ее не отразилось на их лицах.

В ожидании доклада переводчика атмосфера в комнате как будто наэлектризовалась. Наконец Фирон вернулся.

— Виноват, я не успел перевести послание целиком, но попытаюсь передать его суть, — сказал он, обращаясь к мистеру Линдси. — К счастью, во многом оно повторяет прежние заявления гильдии.

— Приступайте, Фирон. Мы все внимание.

Переводчик стал читать:

— «Мы, купцы гильдии Ко-Хон, раз за разом посылали вам, господа, тексты законов и эдиктов, регулирующих торговлю в Кантоне. Однако вы сочли их неважными и отбросили в сторону, не уделив им толики внимания. Недавно власти захватили груз опия, который господин Иннес намеревался тайком доставить в город. В результате один наш коллега был приговорен к публичному стоянию в колодке. Вы сами, господа, это видели или хотя бы о том слышали».

Бахрам поежился — видение приятеля, согнувшегося под тяжестью канги, и сейчас его мучило. Скольких чиновников Панхиква подмазал за все эти годы? Скольким принес корм в клюве? Вероятно, на подкуп он потратил миллионы таэлей, и даже те, кто его арестовывал, в свое время, наверное, поживились от его щедрот. Однако все это не спасло его от колодки.

Фирон продолжал читать:

— «Надеясь получить небольшую прибыль от торговли с вами, господа, мы учредили фактории, дабы все происходило мирно и к обоюдной выгоде. Однако чужеземцы, занимающиеся контрабандой опия, то и дело ввергают нас в беду.

Спросите себя, господа, как вы себя чувствовали бы на нашем месте? Среди вас наверняка есть здравомыслящие люди. Сейчас торговля замерла, и прежде чем ее возобновить, мы вынуждены выставить новые условия, поскольку больше не намерены страдать из-за чужих злодеяний. Отныне о всяком иностранце, попытавшемся ввезти опий или другой запрещенный товар, будет немедленно доложено властям, дабы с ним поступили по закону и отказали ему в проживании в фактории. Нынче его превосходительство губернатор Кантона издал указ о выдворении из города чужеземного купца Иннеса, контрабандой ввезшего опий».

Бахрам невольно взглянул на Иннеса, который убито смотрел в окно. В душе шевельнулось сочувствие к этому человеку: ведь если б не его молчание, перед Бахрамом тоже маячила бы перспектива изгнания из Кантона навеки.

Каково это — больше никогда не увидеть майдан, навсегда лишиться права ступить на эту землю? Возникло небывало четкое понимание того, что Китай — неотъемлемая часть его жизни, и дело не только в торговле, ибо именно здесь, в Кантоне, он всегда был по-настоящему живым, именно тут он научился жить. Без убежища Го-

рода чужаков он бы остался вечным узником дома Мистри, человеком, с которым никто не считается, неудачником, презираемым бедным родственником. Китай избавил его от этой доли, дав ему богатство, друзей, социальное положение, сына; именно в Кантоне он изведал любовь и подлинное счастье плотских утех. Не будь в его жизни этого города, он бы стал призраком, не отбрасывающим тени.

Бахрам понял, почему Иннес так упорствовал в своей невиновности — только это давало шанс остаться в Китае и Кантоне. Он легко мог выдать подельников, но это означало бы признание вины, за которым последует изгнание навсегда.

Фирон возвысил голос:

— «В случае злонамеренного упрямства Иннеса, мы будем вынуждены снести его жилище, лишив крыши над головой. Никто из чужеземцев не смеет его приютить, если не желает неприятностей. Мы просим распространить это обращение среди ваших коммерсантов и поместить его в ваших газетах. Наша позиция — следствие указа губернатора, которым он пригрозил заковать в колодки всех купцов гильдии, если Иннес немедленно не покинет город. Времени мало. Если вы не предпримете меры по высылке Иннеса, губер-

натор непременно исполнит свою угрозу».

Фирон смолк. Повисло неловкое молчание, которое нарушил Иннес:

— В очередной раз повторю: я невиновен или, лучше сказать, виновен не больше всех здесь сидящих, включая замечательных господ из гильдии. С какой стати я один должен отдуваться за ситуацию, которая возникла по всеобщему молчаливому согласию? Я не желаю становиться козлом отпущения, а потому не покину город в угоду чьим-то прихотям. И Палата с этим ничего не сделает. Объясните-ка им, мистер Линдси.

Все взгляды обратились на председателя. Тот встал и заговорил:

— Будьте любезны, Фирон, переведите для наших добрых друзей и досточтимых коллег из гильдии Ко-Хон: в этом вопросе Палата и впрямь бессильна. Так вышло, что мистер Иннес не состоит в нашей организации, нынче он здесь по моему особому приглашению, но решения Палаты на него не распространяются. Он отвергает выдвинутые против него обвинения. Как британский гражданин Иннес обладает определенными правами, и мы не можем выдворить его из города вопреки его воле.

Бахрам про себя усмехнулся: доводы удивитель-

но простые, однако несокрушимые. Воистину, только английский язык способен так ловко обратить ложь в неукоснительное соблюдение закона.

Оглядев комнату, Бахрам подметил, что речь председателя вызвала одобрение многих членов Совета, а вот на лицах гостей, выслушавших перевод, возникли испуг и растерянность. Купцы коротко посовещались, затем что-то прошептали толмачу, который, в свою очередь, переговорил с Фироном.

— Что они говорят?

— Сэр, меня просили передать следующее: из-за упрямой несговорчивости одного человека вся зарубежная торговля поставлена под удар, что может привести к чрезвычайно серьезным последствиям. Мы настойчиво взываем к вашему благородству и здравомыслию: заставьте Иннеса нынче же покинуть Кантон. Мы с вами знаем друг друга много лет, вы вели дела не только с нами, но с нашими отцами и дедами. Окажись мы в колодках, наши репутации будут безвозвратно погублены. Разве сможем мы, запятнанные, торговать с соотечественниками и чужеземными купцами? Во имя нашей давней дружбы, задумайтесь…

Тут речь переводчика прервал Иннес, который вскочил на ноги, громыхнув стулом.

— Все, с меня хватит! — гаркнул он. — Я не позволю сброду желтопузых нехристей обливать меня грязью! Они тычут в меня пальцами, но, Бог свидетель, им нет равных в греховности и распутстве. При всяком удобном случае они вырывают кусок из нашего рта, да и сейчас мигом нас подоили бы, подвернись такая возможность. Я пальцем не шевельну, чтоб избавить их от колодок! Это станет репетицией их загробной жизни!

Сам тон его выступления был так выразителен, что перевода не требовалось: купцы поняли презрительную непокорность оратора, не прибегая к услугам толмача.

Один за другим они встали в знак окончания встречи, и только Хоуква замешкался — преклонный возраст не позволил ему подняться столь же резко. Компаньоны поддержали его под руки, он окинул взглядом чужеземных коммерсантов. На лице его читались недоумение и растерянность, в глазах застыл вопрос: как такое вообще могло произойти?

Непонимание старика было столь искренним, что попритих даже Иннес. Чужеземцы молча смотрели вслед делегации.

Едва китайцы скрылись за дверью, как Иннес обрушился на коллег:

— Видели б вы себя! Сидите тут с постными рожами, но вся комната провоняла вашим лицемерием! Вы, новоявленные содомиты, смеете считать меня грешником? Нет такого греха, который ваша братия не совершила, нет такого завета, который она не нарушила! В глазах Господа всякое деяние ваше постыдно: чревоугодие, прелюбодеяние, содомия, воровство — чего еще не хватает? Одного взгляда на вас достанет, чтобы понять, зачем Господь повелел мне привести сюда лодки — дабы ускорить разрушение сего города греха! Что ж, я только рад этому поспособствовать. И если мое пребывание здесь хоть чуть-чуть приблизит час воздаяния, мой долг — не трогаться с места.

Помолчав, он оглядел присутствующих и сплюнул себе под ноги.

— Все вы прекрасно знаете, что я честный человек и, по сравнению с вами, сраными аристократишками, просто агнец божий. Единственная причина, по которой я мог бы покинуть Кантон, состоит в том, что никто из вас не достоин общества Джеймса Иннеса.

12 декабря.

Просто не верится, милейшая Пагли, что письмо это столько дней пролежало на моем столе. Но так оно и есть, ибо я не смог найти лодку, которая отвезла бы его на Гонконг. Благодаря мистеру Иннесу, все еще не покинувшему Кантон, движение на реке замерло полностью.

Но что удивительно, моя душенька, для меня эти дни полнились небывалым счастьем, и я бы отнюдь не возражал, если б здешняя деловая жизнь застопорилась навеки! Еще никогда не получал я такого наслаждения от живописи, как нынче. Джаква позирует мне во всякую свободную минуту, и я, признаюсь, намеренно не спешу в работе, ибо общение с ним не только приятно, но чрезвычайно познавательно. Знаешь, он ничуть не в претензии, что я пишу его с обнаженным торсом. И даже настолько любезен, что помогает мне советами, ибо вместе с другими юными подмастерьями серьезно изучал анатомию человека. На этом настоял Ламква, который часто наведывается в больницу доктора Паркера и рисует пациентов, перенесших операции. Рисунки эти совершенно необычные, ничего подобного я в жизни не видел. На них изображены страдальцы, лишившиеся конечностей или обезображенные ужасной болезнью. Как ни

странно, рисунки, безжалостно подробные, не вызывают отталкивающего впечатления смакования уродства. Я бы, конечно, тотчас грохнулся в обморок, если б вживую взглянул на этакие страшные изъяны (ты же знаешь, я немного брезглив). Но рисунки Ламквы полны сочувствия к несчастным, и мне кажется, что они — своего рода снадобье для тех, кто на них представлен. Он так их подает, словно увечья и уродства не исключение, но правило самой жизни. Подобный взгляд на человеческое тело нельзя обрести в морге, где препарируют трупы, ибо живая плоть совсем не то, что мертвая.

Джаква кое-что перенял от сего безбоязненного, но чуткого подхода к человеческому телу, и в его замечаниях порою слышится укор, хоть он посмеивается: мол, я изображаю плоть, как тигр, для которого она — пища. Это заставило меня переосмыслить мою работу в стиле дель Сарто, и теперь я понимаю, в чем ее недостаток: идеальный торс никак не сочетается с душой объекта и даже сильно ей противоречит.

Но все это к лучшему, и я ничуть не против критики, ибо получаю повод начать работу сызнова; Джаква соглашается позировать и для этюдов, от которых гораздо больше проку, нежели от

моих стараний припомнить картину, виденную только на репродукции.

И это еще не все, отрада сердца моего: я получил свой первый заказ! Как ты думаешь, от кого? Вообрази, от мистера Кинга, моего юного Жерико! Давеча на майдане он подошел ко мне: мол, в связи с затишьем в делах у него масса свободного времени, так не смогу ли я написать его портрет? Разумеется, я ответил согласием и уже провел несколько сеансов в Американской фактории, где он обитает.

Мистер Кинг со мною неизменно любезен, однако производит впечатление человека замкнутого и даже скрытного. Поначалу он был совсем неразговорчив, но потом произошло нечто весьма любопытное. Я случайно встретил мистера Слейда, и тот спросил, правда ли, что я пишу портрет Кинга. Получив утвердительный ответ, редактор напустился на меня: мол, как же мне не стыдно якшаться с этаким извращенцем и вдобавок китайским прихвостнем? Я ответил, что я не в курсе этих дел, но мистер Кинг ко мне добр и очень мне нравится. Слейд громко фыркнул и ушел прочь, а я был так обескуражен, что, не удержавшись, поведал об этой странной встрече мистеру Кингу. Вообрази, он только пре-

зрительно усмехнулся и сказал, что ничуть не удивлен. Дескать, Слейд большой оригинал: на людях его поносит, а наедине с ним набивается в друзья и даже выпросил у цирюльника прядь его волос. Всюду ему видятся разврат и похоть, но он не замечает, что сам он — скопище пороков. Прискорбно, что этот злой сквернослов имеет приверженцев в Городе чужаков.

Слейд, конечно, гадок, но я ему признателен за то, что помог растопить лед в моих отношениях с мистером Кингом, который теперь весьма откровенен со мной. По-моему, все идет к тому, что я стану его конфидентом (он просил называть его Чарли!). И я убежден, он мучается тем, что здесь происходит. Кинг во всем винит чужеземных купцов: опий их обогатил, и теперь они не представляют жизни без него, не понимая, что Китай не желает этого зелья, рабами которого стали сотни тысяч, если не миллионы людей — монахи, военачальники, домохозяйки, солдаты, чиновники, студенты. Еще страшнее, говорит Чарли, коррупция, которую порождает опий: сотни подкупленных чиновников обеспечивают продолжение торговли. Сейчас это уже вопрос жизни или смерти, ибо за последние тридцать с лишним лет экспорт опия вырос *десятикратно*.

Если китайцы не перекроют этот поток, опий сожрет их изнутри. В минуты мрачного настроения Чарли полагает, именно этого и добиваются иностранцы, бесконечно рассуждающие о том, что несут Китаю свободу и веру. А когда их ловят на контрабанде, они прибегают к самым нелепым отговоркам, напрасно рассчитывая обмануть китайцев. Чарли опасается, что инцидент с мистером Иннесом подвел ситуацию к черте, за которой запросто может случиться переворот или вспыхнуть бунт (и это не преувеличение, милая моя, Джаква подтверждает такую возможность. Некоторые его друзья готовы хоть сейчас спалить дом Иннеса, их останавливает только страх перед местной полицией).

О господи, уж не накаркал ли я, ибо в окно вижу, что на майдане вновь зреет грандиозная суматоха. Вон, под грохот гонгов и петард идут вояки. Древками пик солдаты отгоняют людей, расчищая пространство в центре площади, где высится американский флаг. Собирается толпа, появляются еще солдаты, их целое войско, и мандарин в паланкине. Невероятно! Приносят нечто вроде деревянного креста, который я видел на месте казней…

Сердце мое стучит уже в горле… больше не могу

писать…

Нил вышел из датской фактории, куда доставил письмо, и его внимание привлек необычный шум: слаженный топот сапог, сопровождаемый барабанным боем, звоном гонгов и взрывами петард.

Навалившись на изгородь загона для скота, Нил ждал, что произойдет. Через минуту со стороны Старой Китайской улицы появился строй солдат и, вздымая пыль, промаршировал к высокому шесту с американским флагом, развевавшимся напротив шведской фактории, где была резиденция консула Соединенных Штатов.

Между датской факторией, находившейся в дальнем конце анклава, и шведской, устроившейся в его середине, расположились еще шесть факторий: испанская, французская, минква, американская, паошун и имперская. Бой барабанов, звон гонгов и треск петард мгновенно проникли за стены домов, и на улицу тотчас высыпали их обитатели.

Часы на церкви показывали десять утра, деловая суета уже достигла апогея. Пару часов назад ранние паромы из Вампоа доставили моряков, получивших увольнение на берег. По обычаю, ласкары и английские матросы прямиком на-

правились в кабаки Свинского проулка, дабы поскорее напиться. Слух о прибытии войск выманил их на улицу, но было видно, что многие уже изрядно нагрузились: одних здорово качало, другие висли на товарищах.

Сквозь разбухшую толпу Нил протолкался туда, где под растянутым тентом сидел, окруженный свитой, мандарин в церемониальных одеждах. Чуть в стороне, возле флагштока, солдаты сколачивали какое-то странное деревянное сооружение.

Вновь ударили гонги, затрубили морские раковины, и толпа расступилась, пропуская новую группу солдат, которые на двух длинных шестах несли стул, занятый простоволосым человеком в расстегнутой блузе и со связанными за спиной руками. Человек озирался и мотал головой.

Толпа заволновалась, Нил уловил обрывки фраз на восточном диалекте бенгали:

— *Харамзадатаке гола-типа майра дибо наки?* Мужика удавить собираются, что ли?

— *Та нойто ки? Декчис ни, бокачодата кемни кайпа утхтасе…* А чего ж еще? Вишь, как хмыря колотит…

Соседями оказались два ласкара из Кхулны, старшина и матрос. Обрадованный встречей

с земляком, старшина облапил Нила и поднес бутылку к его губам:

— Накось, глотни, вреда не будет…

Нил попробовал отказаться, но этим только усилил натиск. Самогон, чем-то сдобренный для пущего воздействия, ожег гортань, проскользнув к желудку. Нил высунул обожженный язык и, охлаждая рот, замахал рукой, чем очень развеселил ласкаров. Старшина вновь подсунул ему бутылку. Теперь Нил почти не сопротивлялся, спиртное уже ударило в голову, одарив теплом и дружелюбием. Хорошие ребята, эти ласкары, какой у них забавный деревенский выговор и как приятно поговорить на бенгали! Нил обхватил своих новых друзей за плечи, и вот так, покачиваясь, они наблюдали за подготовкой к экзекуции.

Выпивка сделала ласкаров болтливыми, и они поведали, что служат на корабле Ост-Индской компании «Оруэлл», сейчас стоявшем в Вампоа. В пути их здорово потрепало штормом, и вот при первой возможности они рванули в Кантон, чтоб поскорее забыть о передрягах.

Сквозь гул толпы пробивались голоса их английских сослуживцев:

— …гляньте-ка на этого хрыча…

— …неужто хотят его распять…

— …экое, мать их, кощунство…

Приговоренный стал еще беспокойнее, хотя, накрепко привязанный к стулу, мог только вертеть головой. Длинные волосы, не заплетенные в косицу, но собранные в хвост, хлестали его по лицу и липли к обслюнявленному рту.

По приказу командира, солдат открыл ящик и достал из него трубку.

— …бляха-муха! Что за хрень?

— …дурью попотчуют, чтоб мне лопнуть…

— Опием? Так ему ж за то и прописан пеньковый галстук…

Увидев трубку, узник весь напрягся, взмокшее лицо его перекосилось. Толпа смолкла, когда узнику вставили мундштук в рот, и он жадно, с шумом затянулся. Прикрыв глаза, человек замер, потом выдохнул дым и вновь присосался к трубке.

И тут зловещую тишину прорезал негодующий возглас:

— От имени американцев я выражаю протест!

К мандарину под тентом приблизились три джентльмена в сюртуках и шляпах. Слова их потонули в вознесшемся гуле толпы, но и так было ясно, что разговор, к вящей радости матросов, идет на повышенных тонах.

— …вот так и надо! Нехрен рассусоливать…

— …молодца! Вставь ему хорошенько…

— …а то весь такой из себя…

Разговор с мандарином завершился тем, что американцы подошли к шесту и спустили свой флаг. Потом один из них закричал, обращаясь к толпе:

— Видали, чего здесь творится? Издевательство, небывалое в истории анклава! Хотят устроить казнь прямо под нашим флагом! Ясно, чего они удумали — свалить на нас вину за смерть этого человека! Дескать, мы его подельники! Мало того, казнью здесь, на площади, они намекают, что мы — контрабандисты, торгующие зельем. Эти длиннохвостые обезьяны обвиняют нас — Соединенные Штаты! Англию! — в подлости и преступлении! Что вы на это скажете, парни? Неужто станете терпеть? Позволите осквернить наши флаги?

— …да ни в жизнь…

— …игрищ захотелось, так получат…

— …надерем задницу, коль того желают…

Голос толпы становился все громче, но приговоренный затих и, уронив голову на грудь, как будто дремал, безразличный к своей судьбе. Он не сопротивлялся, когда два солдата его развязали

и, вздернув на ноги, повели к устройству, приготовленному для казни. Однако за шаг-другой до него узник вдруг откинул голову, словно только сейчас увидел крест, и тогда странно булькнул горлом, и колени его подломились.

— …видок-то у него паршивый…

— …эва, кажный волос дыбом…

Последняя реплика прозвучала прямо за спиной Нила, и он, обернувшись, увидел дюжего моряка с пустой бутылкой в руке. Матрос неспешно размахнулся, бутылка, кувыркаясь, взлетела над толпой и затем разбилась вдребезги возле солдат, которые тотчас вскинули ружья наизготовку.

— Ах ты, сучий потрох! — завопили матросы, увидев наставленные ни них дула.

Рядом исторгли оглушительную брань ласкары, Нил матерился вместе с ними. Его голос уже не принадлежал ему, но был неотличимой частью слаженного хора незнакомцев, вдруг ставших братьями, и хор этот требовал схватить камень с земли и присоединить его к буре из камней и бутылок, что взвилась над майданом и пролилась на каски конвоиров и навес мандарина. Вскоре солдаты бежали, прихватив с собою узника и прикрывая начальника.

— Да уж, такая забава случается не каждый день! — хохотали моряки, окрыленные победой.

Изгнав неприятеля, толпа занялась трофеями: разломала деревянный крест, навес, стол и стулья, свалила обломки в кучу и, облив самогоном, запалила большой костер. Один матрос сорвал с себя рубаху и швырнул ее в огонь. Другой, подзуживаемый товарищами, туда же отправил свои штаны. Под аккомпанемент ритмичных хлопков в ладоши полуголые моряки пустились в пляс.

Победа, увенчавшаяся срывом казни, пьянила не меньше спиртного, жаркого костра и вопящей толпы. Нил, весь отдавшийся ликованию, не понял, почему новообретенные друзья-ласкары вдруг смолкли и, дернув его за рукав, прошептали:

— *Палао, бхай, джалди…* Валим, брат! Живо!

— Что случилось?

— Гляди, тьма китайцев… прут сюда…

Через мгновенье град камней обрушился на толпу. Один угодил Нилу в плечо и сшиб его с ног. Приподнявшись с земли, он увидел сотни горожан, хлынувших на майдан: они разламывали изгороди палисадников перед факториями и вооружались штакетинами. Человек шесть с дрынами уже бежали к нему. Нил вскочил и

кинулся к ближайшей фактории, в кои-то веки порадовавшись малому размеру анклава — до входа было всего несколько шагов.

Он видел, что двери вот-вот закроют, но запыхался и даже не мог крикнуть, чтоб подождали. К счастью, кто-то его узнал и, придержав дверь, замахал рукой:

— *Бхаго, мунши-джи, бхаго!* Скорее, скорее!

На самом пороге что-то сильно ударило его в висок. Нил покачнулся и грянулся оземь.

Очнулся он в своей каморке, на своей кровати. В голове бухало — сказались выпивка и удар. Над ним стоял Вико со свечкой в руке.

— Как вы, мунши-джи?

— Ужасно.

Нил попытался сесть, но голову заломило сильнее, и он откинулся на подушку.

— Который час?

— Половина восьмого вечера. Вы все пропустили, мунши-джи.

— Что — все?

— Бунт. Знаете, они чуть не прорвались в фактории. Таранами ломали двери.

— Никто не погиб?

— По-моему, нет. Но вполне мог. Кое-кто из саибов взялся за оружие. Вообразите, что было бы,

если б они начали стрелять в толпу. К счастью, полиция прибыла раньше и в считаные минуты очистила майдан. И вот, когда буча улеглась, кто же появился?

— Кто?

— Британский представитель капитан Эллиотт. Он как-то узнал о беспорядках и с отрядом сипаев и ласкаров примчался из Макао. Если б толпа еще не разошлась, его люди, наверное, открыли бы огонь, и тогда неизвестно, чем бы оно все обернулось. Слава богу, к тому времени кавардак закончился.

— И что сделал капитан Эллиотт?

— Созвал митинг и выступил с речью, что ж еще? Мол, ситуация выходит из-под контроля, и теперь он самолично проследит, чтобы английские шлюпки не доставляли опий в Кантон.

— Вон как? — Нил медленно сел и потрогал забинтованную голову. — А как сет-джи? С ним все хорошо?

— Да, вполне. Он отправился в клуб на ужин с мистером Дентом и мистером Слейдом. На улицах тихо. Если б не поломанные изгороди да битое стекло на площади, вроде как ничего и не было.

— **Все,** как я предсказывал. — Дент мрачно уставился в тарелку. — Вместо защиты наших

свобод капитан Эллиотт намерен объединиться с мандаринами и лишить нас прав. Его сегодняшняя речь не оставляет в том никаких сомнений.

Возник стюард с подносом, готовый подать йоркширский пудинг. Бахрам не любил это блюдо, однако заметил, что его нынешний вариант, пышный, исходящий паром, заметно отличается от обычного размоклого месива.

Нынче клубная челядь была услужлива как никогда, словно искупая вину за давешние беспорядки. Перед ужином стюард шепнул Бахраму: зная его любовь к маканезским кушаньям, он приберег нечто необычное — хрустящие дольки сушеной трески, осьминога на гриле и рис с жареной уткой. Бахрам обрадовался, но сейчас, глядя на горку риса, увенчанную сочными кусками утки, обжаренной до цвета красного дерева, почувствовал, что потерял интерес к еде.

А вот аппетит Слейда последние события, похоже, только разожгли — редактор жадно расправлялся с огромным ростбифом.

— Да уж, немыслимое позорище! — проговорил он с набитым ртом. — Это вопиющий кошмар, что капитан Эллиотт выступает с подобными заявлениями. Сдается, он метит на должности полицмейстера и главного таможенника Под-

небесной!

— И заметьте, он вводит ограничения именно для английских торговцев, — подхватил Дент. — Уму непостижимо!

— Это лишний раз доказывает, что он ни черта не смыслит в сложившейся ситуации, — сказал Слейд. — Эллиотт понятия не имеет, что так называемую контрабанду начали американцы. Ведь первые шлюпки с опием отвалили от бостонской шхуны «Коралл», верно?

— Да, так и было!

— И потом, капитан Эллиотт не имеет полномочий на подобные экстравагантные заявления от нашего имени. Англия и Китай не заключали никаких дипломатических конвенций. Следовательно, он присвоил себе консульское право, коим не обладает.

— Возмутительно! — Дент яростно тряхнул головой. — Человек, получающий жалованье из наших налогов, пытается навязать нам, свободным торговцам, скверные китайские правила.

Бахрам, сидевший лицом к окну, заметил ярко освещенные цветочные лодки, появившиеся на подернутом туманом озере Белый Лебедь; на одной, что была ближе других, он углядел развалившихся на подушках мужчин и девушек,

перебиравших струны музыкальных инструментов. Идиллия, словно нынче ничего не случилось, словно весь переполох лишь привиделся во сне.

Но и днем, глядя из окна конторы, Бахрам не мог поверить, что все это происходит наяву: на майдане установили виселицу, чтобы казнить какого-то бедолагу. Ощущение нереальности усилилось, когда появилась привязанная к стулу жертва. В какой-то момент человек этот взглянул на факторию; спутанные волосы скрывали его лицо, но, казалось, распахнутые глаза несчастного смотрят прямо на Бахрама. Он вздрогнул и отпрянул от окна, а когда снова посмотрел на площадь, там уже полным ходом шла стычка, приговоренный и палачи исчезли.

— Что стало с тем человеком, которого собирались удушить? — вдруг спросил Бахрам, перебив редактора. — Его отпустили?

— Ну уж нет, он лишь получил отсрочку на часок-другой, — сказал Слейд. — Потом его доставили к месту казней и быстренько укокошили.

— Бедняга, — покачал головой Дент. — Мелкая сошка, маклак, каких здесь сотни.

Бахрам снова посмотрел в окно: деревенская свадьба на другом берегу озера запускала фейерверк, и казалось, будто взлетавшие шутихи

чертят дуги одновременно в небе и на зеркальной глади воды. Любуясь этим зрелищем, Бахрам припомнил давнюю ночь, когда они с Чимей лежали рядышком в лодке, будто зависшей в сияющем световом шаре; он тогда достал из кармана все серебро и высыпал монеты в ее ладони, а она засмеялась: «Мистер Барри платить Давай тоже».

Вид озера стал нестерпим. Бахрам опустил взгляд в тарелку и увидел, что нетронутая еда покрылась застывшим утиным жиром. Он отодвинул стул и поднялся.

— Прошу прощенья, господа, что-то мне неможется. Я, пожалуй, пойду.

— Что, не дождетесь десерта и портвейна? — спросил Слейд.

— Как-нибудь в другой раз, — улыбнулся Бахрам.

— Разумеется. Выспитесь хорошенько, и аппетит вернется.

— Всенепременно. Доброй ночи, Ланселот. До свиданья, Джон.

— Спокойной ночи.

Бахрам сбежал по лестнице и, запахнув чогу, вышел во двор Палаты, где по привычке огляделся, высматривая фонарщика Апу. Обычно Вико или кто-нибудь из слуг присылали его встретить

хозяина, однако ввиду недавних событий Бахрам не удивился, обнаружив пустой двор.

Не мешкая, он вышел из ворот датской фактории и оказался на майдане, затянутом густым туманом с реки. Берег уже был не виден, освещенные окна факторий читались размытыми пятнами.

На другой стороне озера еще взлетали шутихи. Туман создавал необычный эффект: огоньки взорвавшейся ракеты как будто застывали в его щупальцах. Очередная их россыпь высветила человеческую фигуру шагах в десяти впереди. Лица Бахрам не видел, но узнал приметную походку.

— Давай!

Ответа не последовало. Искры погасли, туман потемнел. Однако вспышка новой ракеты опять явила того человека.

— Давай! — громче позвал Бахрам. — Привет! Почему не хотеть говорить с мистер Барри?

Опять никакого ответа.

Бахрам ускорил шаг, но тут из туманной пелены донесся голос Вико:

— Патрон, вы где?

Бахрам обернулся и увидел дрожащее пятно фонаря.

— Я здесь, Вико!

— Стойте там. Подождите меня.

Бахрам остановился, через минуту в тумане проявилось лицо Вико, освещенное фонарем.

— Я решил вас встретить, патрон. Нынче все фонарщики попрятались, а туман-то густой, как вы, думаю, без света. Шел к Палате и услыхал ваш голос. С кем вы разговаривали?

— С Даваем.

— С кем? — вытаращился Вико. — С кем, вы сказали?

— С Даваем. Он шел впереди меня. Ты его не видел?

— Нет, патрон. — Вико взял хозяина под руку и повел к дому. — Но это был не он. Вы обознались.

— Что ты выдумываешь? — удивился Бахрам. — Я уверен, что видел Давая. Он был чуть впереди.

Вико покачал головой.

— Нет, патрон. Вы обознались.

— Да что ты заладил! Говорю же, это был Давай.

— Вы не могли его видеть, — мягко сказал Вико. — Мы думали, он сбежал, но, оказывается, его арестовали.

— Вот как? — Бахрам почесал бороду. — И, выходит, отпустили? Иначе как он здесь очутился?

Вико остановился.

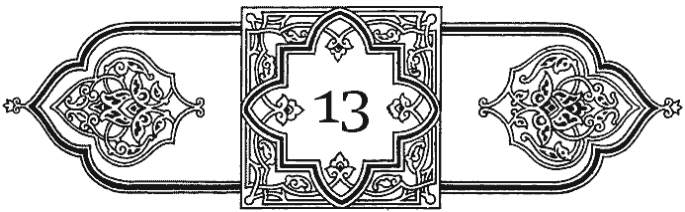
— То был не он, патрон. Давай мертв. Это его собирались казнить на майдане. Власти объявили имя осужденного — Хо Лао-кин. Помните, так назвался Давай. После бучи его отвезли на место казней. И там удавили.



Часть третья
Комиссар Линь



13



4 января 1839!!

Такого, милая Пагли, еще не бывало, чтобы я начал письмо в одном году, а закончил в следующем! Но что ж тут поделаешь, если движение на реке замерло полностью? Однако нынче утром прошел слух, будто скоро запрет снимут, и я, вспомнив о своем недописанном письме, достал эти страницы из ящика стола, где они покоились с 12 декабря.

Перечитав последний абзац, я решил сохранить оборванное предложение: как недоеденные блюда на столах Помпеи говорят о неожиданном извержении Везувия, так и этот маленький фрагмент свидетельствует о внезапности бунта, в тот день разразившегося в Кантоне.

Поскольку новостям не требуются лодки, ты, конечно, узнала о тех событиях, даже не получив моего письма. Я не стану обременять тебя рассказом о них, только вложу в конверт вырезку с репортажем мистера Слейда, опубликованным в «Кантонском дневнике». Скажу лишь, что все это происходило на моих глазах, и я чрезвычайно благодарен судьбе, усадившей меня в моей комнате. Тем самым я избежал телесных повреждений (в отличие от горемык на майдане) и, располагая отменным наблюдательным пунктом, соблазна приблизиться к месту действия.

Для тебя не секрет, милая Паглизелла, что твой бедный Дрозд не рожден героем, а посему ты не удивишься, узнав, что я не тронулся с места, покуда не восстановился порядок. Ближе к вечеру Задиг-бей сказал, что британский суперинтендант капитан Эллиотт прибыл в Кантон и собирается выступить перед обитателями Города чужаков. Получив заверения, что моей персоне ничто не угрожает, я решил сопровождать Задиг-бея на митинг, который намечался в английской фактории, расположенной напротив моего отеля на другом краю майдана.

К тому времени в анклаве воцарился покой, повсюду стояли постовые, а вот зевак и лотошников

было не видно. Однако недавняя смута оставила свои следы: на земле сверкало битое стекло, поломанные изгороди валялись, точно ветки деревьев, покореженных бурей; на воротах факторий виднелись глубокие вмятины, и казалось чудом, что их створки еще держатся в петлях.

Больше других пострадала американская фактория, где обитает Чарли, и я обомлел, увидав пустые глазницы окон его конторы — помещения, в котором он мне позирует! Тревога — мое второе имя, и ты, милая Пагли, сможешь представить, какое облегчение меня охватило, когда вскоре я увидел Чарли живым и невредимым. Однако он был очень взволнован и охарактеризовал нынешние беспорядки как чрезвычайно дурное предзнаменование. Мол, это лишний раз доказывает: иностранные купцы глубоко заблуждаются, полагая, что в вопросе опия народ и его правители сильно расходятся. Напротив, люди всецело поддерживают государственные меры против зелья, они безмерно возмущены вседозволенностью чужеземцев, иначе не ополчились бы на нас так, что потребовалось вмешательство полиции.

Незаконная торговля опием лишила нас расположения Добра, превратив в сводников нена-

сытного Зла; нам следует опасаться, что рано или поздно мы пострадаем от всплеска страстей, кои сами же и пробудили.

Здешний класс образованных людей, сказал Чарли, пришел к убеждению, что чужеземным купцам, точно детям, неведомо благоразумие (по-китайски — *таоу-ле*). Беспрецедентное решение мандаринов устроить казнь на майдане — знак того, что они отринули всякую надежду по-иному достучаться до здравомыслия иноземцев.

Способ, конечно, отвратительный, но вот так мандарины пытаются привлечь внимание чужаков к последствиям их действий. Но когда мы вошли в зал заседаний, нас охватило смятение, ибо на лицах коммерсантов не было ни малейших следов раскаяния, одна воинственность, и все они сокрушались лишь о том, что мало всыпали китаезам, атаковавшим анклав.

Общий настрой зала породил в нас сомнение: преуспеет ли капитан Эллиотт там, где мандарины потерпели неудачу? И вообще, признает ли он факт нарушения закона? Но все же я тешил себя надеждой, что капитан, не связанный с торговлей, видит ситуацию в ином ракурсе.

Задиг-бей не разделял моего оптимизма. Нужно помнить, сказал он, что капитан Эллиотт — ис-

тинный саиб, в колониях он как рыба в воде, это его природная среда обитания. Сын бывшего губернатора Мадраса, племянник британского наместника в Индии, он долго служил в английском флоте. Корни и воспитание не позволят ему пойти против своих.

— Что он за человек? — спросил я.

— Вы всё поймете, едва он войдет в зал и начнет говорить, — сказал Задиг-бей.

И он был прав.

Капитан Эллиотт появился при полном параде и со шпагой на поясе. Наверное, это было обдуманно, ибо шум в зале мгновенно стих. Я думаю, порядок возник скорее благодаря этим атрибутам, нежели внешности их обладателя, поскольку даже я, мастак в сем деле, затрудняюсь воскресить в памяти его облик (хотя прекрасно помню цвет и покрой одежды).

Казалось, он настолько сросся со своей синей формой, что стал воплощением целого взвода коротко стриженных солдафонов с ухоженными усами. А когда он заговорил, возникло впечатление команды, отданной с корабельных шканцев: такой невыразительный и властный голос мог принудить к благоразумию всякого. Мандарины, сказал он, должны проявить здравомыслие и

воздержаться от казней на майдане, но и английским торговцам надлежит, не переча здравому смыслу, прекратить откровенную доставку опия в своих лодках. Британское правительство строго осуждает подобную практику, порочащую империю, и он, капитан Эллиотт, решительно настроен с этим покончить, ради чего даже готов сотрудничать с китайскими властями, и так далее и тому подобное.

Иными словами, капитан возражал против контрабанды опия в английских лодках. О главном — груженных опием кораблях, стоявших возле островов, и вообще транспортировке опия из Индии в Китай — он не обмолвился ни словом. Да и что он мог сказать, если торговлю опием спонсировала и поддерживала та самая империя, которую он представлял?

Признаюсь, зал заседаний я покинул с трепещущим сердцем. И Задиг-бей был не особо воодушевлен тем, что услышал. Он убежден, что обе стороны, и капитан Эллиотт, и мандарины, уже не контролируют ситуацию. Иностранные купцы не потерпят вмешательства китайцев или британского представителя в свои дела, поскольку считают, что доктрина свободной торговли выдала им лицензию поступать как вздумается.

А среди населения растет возмущение тем, что иноземцы безнаказанно попирают закон; если б не полиция, народ давно бы сжег фактории и выгнал чужаков из города.

Я подумал, Задиг-бей слегка сгущает краски, однако вскоре убедился, что он ни на йоту не преувеличил в своей оценке нрава горожан. Сейчас я поведаю, как сделал это открытие, и ты, милая Пагли, поймешь в полной мере, отчего после этого я оказался надолго прикован к постели.

Вот что произошло.

Мы с Джаквой условились, что 13-го (на другой день после беспорядков) он придет ко мне позировать для портрета. Я прождал до заката, но он так и не появился, и тогда я пошел справиться о нем в студии Ламквы. Едва я туда вошел, как понял, что случилось нечто ужасное, ибо вместо обычных улыбок и приветствий меня встретили мрачные взгляды и хмурые лица.

В студии Джаквы не было, но никто из подмастерьев не пожелал сказать, где он, и мне пришлось обратиться к Ламкве.

Вот что я узнал: в день бунта Джаква вместе с товарищами работал в мастерской, когда вдруг за окном промаршировали солдаты. Снедаемые любопытством, рисовальщики побросали кисти

и побежали на майдан, невзирая на увещевания Ламквы. А там уже буянили чужеземцы, и злосчастье свело Джакву со сворой пьяных матросов, которые его избили, сломав ему руку.

Можешь представить, дорогая Пагли, как я был этим убит! Не скрою, я разрыдался! Конечно, я бы тотчас проведал своего раненого Друга, но это не представлялось возможным, даже если б его дом не располагался за стенами цитадели. Ламква предупредил, что мне, чужаку, благоразумнее не покидать пределов анклава, дабы не навлечь на себя ярость горожан.

Словно всего этого было мало, на обратном пути меня подкараулили подмастерья. Парни, что прежде были так дружелюбны, осыпали меня бранью и оскорблениями. Я уже не помню их дословно, но суть была в том, что мы, чужеземцы, ничуть не лучше разбойников и убийц, нам неведома цивилизованная сдержанность, мы недостойны жить в Кантоне и прочее.

Ты знаешь меня, как никто, милая Пагли, и, наверное, поймешь, что я был совершенно *раздавлен*, и потому надолго засел в своей мансарде. Минуло Рождество, потом Новый год, а я безвылазно оставался в номере, хотя получил несколько приглашений. Мысль о том, что я могу

вновь подвергнуться нападкам или даже столкнуться с теми, кто искалечил, Джакву, приводила меня в ужас и отчаяние.

Прежде я не раз сожалел о том, что появился на свет, но еще никогда это чувство не было так сильно. Нужно покинуть Кантон, говорил я себе, неразумно и бессовестно быть нежеланным гостем, но меня преследовала мысль, что уже нигде я не изведаю такого Счастья. Как расстаться с местом, одарившим меня сокровищем, которое я столь долго и безуспешно искал, — Дружбой?

Не знаю, что со мной стало бы, если б не Задиг-бей — только благодаря его заботе я не умер от голода. Пару раз меня навестил Чарли, но из-за нынешней ситуации у него почти нет свободного времени — он надумал собрать подписи под петицией, призывающей чужеземных купцов отказаться от торговли опием и сдать имеющийся груз властям. Сия инициатива предсказуемо вызвала злобные насмешки, из-за чего Чарли сам пал духом и не в силах кого-то ободрить.

Не представляю, как долго я пребывал бы в безысходном унынии, но меня спас Задиг-бей, поманив исполнением моей давней мечты — увидеть Кантон с высоты башни Умиротворение моря. Он настойчиво убеждал меня выйти из ком-

наты, говоря, что с отъездом ужасного мистера Иннеса (да, тот все же покинул город) ситуация значительно улучшилась. Задиг-бей даже заказал для меня паланкин, предвидя мои ссылки на непомерную слабость для пеших походов. Лишенный такой отговорки, я уже не мог отказаться, чему теперь чрезвычайно рад: увидеть раскинувшийся перед тобою город — впечатление непередаваемое!

Ты, наверное, помнишь, дорогая Пагли, что однажды я показал тебе репродукцию «Вида Толедо» кисти Эль Греко? Если мысленно растянуть те серые ограды, придав им форму гигантского колокола, получишь представление об очертаниях Кантона, обнесенного стенами, за которыми город испещрен бесчисленными улицами, тесными и просторными, и проспектами, украшенными триумфальными арками. Однако независимо от ширины все они идеально прямые и пересекаются под прямым углом. Районы легко различимы: кварталы маньчжурских ямыней не спутаешь с теми, где сгрудились лачуги бедняков. Памятники приметны, точно главные фигуры на шахматной доске, а общественные здания выделяются многоярусными крышами и вознесшимися шпилями.

Лишь тогда я понял, как мне повезло с гидом: Задиг-бей детально изучил город и поведал обо всех его достопримечательностях, пока я их разглядывал в подзорную трубу, которую он прихватил с собою. Помнится, вначале он обратил мое внимание на храм во славу основания цитадели, ровесницы Рима! И здесь, сказал Задиг-бей, боги приложили руку к рождению города: пять дэвов сошли с небес и указали место на берегу реки; бессмертные стояли на столпах, каждый держал во рту колос в знак благословения жителей: «Пусть голод никогда не посетит ваши края».

Удивительная легенда вкупе с видом расстилавшегося внизу города произвела на меня сильное впечатление. Еще острее я почувствовал свою чужесть и пропасть, отделявшую меня от цитадели. Я припомнил оскорбления подмастерьев и вдруг подумал, что, наверное, они правы: и впрямь, это беспардонная наглость — навязывать свое присутствие столь неповторимому, древнему и самобытному поселению.

Я поделился своим выводом с Задиг-беем, однако он категорически его опроверг:

— Необычность Кантона в том, что весь он полон напоминаниями о чужаках. Знаете, даже

ангел-хранитель города — иноземец, он вообще-то ачха!

— Невероятно! — воскликнул я, но Задиг-бей заверил, что так оно и есть, и в доказательство направил подзорную трубу на храм богини Гуань Инь, которая, согласно легенде, была *бхикшуни* — буддистской монахиней из Индии, отказавшейся от Бодхисаттвы, просветления и блаженства нирваны, дабы заботиться о простых смертных.

Не правда ли, это потрясающий факт: божественная покровительница Кантона некогда носила сари?

Не успел я оправиться от изумления, как Задиг-бей перевел трубу на монастырь вдалеке, где столетиями обитали индийские буддисты, в том числе знаменитый монах Дхарамьяса из Кашмира.

Но это еще не все! Ниже по реке стоит храм, основанный самым известным буддистским миссионером Бодхидхармой, уроженцем Мадраса, в Кантон приехавшим из южной Индии.

И на этом чудеса не закончились: Задиг-бей показал на крышу самой старой в мире мечети, построенной еще при жизни пророка Магомета! Внушительное сооружение внешне ничем не отличается от обычной китайской церкви, за

исключением минарета, какой видишь в любом мусульманском святилище Бенгалии.

Но как же так вышло, спросил я, что выходцы из Индии, Аравии и Персии смогли построить монастыри и мечети в городе, запретном для чужеземцев?

И тут я узнал, что так было не всегда: в прежние времена, сказал Задиг-бей, в Кантоне обитали сотни тысяч индусов, арабов, персов и африканцев. В эпоху династии Тан (известной великолепными лошадьми и картинами!) императоры *предлагали* чужеземцам обосноваться в Кантоне вместе с женами, детьми и слугами. Им были разрешены собственные суды, церкви и свободное передвижение. Арабы, чрезвычайно любившие этот город, называли его Зайтун, то бишь «олива». Здесь бывал даже Марко Поло, и, возможно, он смотрел на город с того самого места, где сейчас стоял я!

Не удовольствовавшись сказанным, Задиг-бей решил удивить меня еще больше.

— Вы знаете, как Жемчужная река получила свое название? — спросил он и, услышав мой отрицательный ответ, направил подзорную трубу на остров неподалеку от иностранного анклава — каменистый кусочек суши с руинами постро-

ек, чужеземцами прозванный «Голландской дурью». — Китайцы именуют этот остров иначе — Жемчужным. Легенда гласит, что его не было до приезда заморского торговца драгоценностями — то ли араба, то ли армянина, то ли индуса. Независимо от роду-племени, для своего ремесла он был слишком неловок, ибо самый дорогой жемчуг уронил в реку. Вы подметили, какие тут мутные воды, в которых все мгновенно исчезает? Все, но не тот жемчуг. Лежа на дне, он светился, точно фонарь, и медленно рос, покуда не превратился в остров. С той поры водный поток, называвшийся «Западной рекой», получил имя Чжуцзян, то бишь Жемчужная река.

Вообрази, как я был ошарашен!

— Немыслимо! — воскликнул я. — Неужто я должен поверить, что своим именем Жемчужная обязана индусу?

— Да, сие вполне возможно, — кивнул Задигбей.

— А что произошло потом? Почему арабы, персы и индусы отсюда убрались?

— История знакомая: династия Тан пришла в упадок, народ разобщился. Возникли голод, беспорядки, и, как обычно в такие времена, нашлись смутьяны, постаравшиеся взвалить вину на чу-

жаков. Повстанцы ворвались в город и убили всех — мужчин, женщин и детей, сто тысяч с лишним человек сгинули в потоке крови. Память о том была столь горька и неизгладима, что целые столетия заморские гости сюда не казали носа. — Задиг-бей помолчал и гордо улыбнулся. — Но когда иностранцы вновь проторили дорогу в эти края, первыми были мои земляки.

— Армяне? — уточнил я.

— Да, — кивнул Задиг-бей. — Одни посуху прибыли из Лхасы, где со времен Римской империи была большая армянская община. Другие морем добрались из Персии и с Индостана. К четырнадцатому веку в Кантоне жили сотни армян. Одна женщина даже построила армянскую церковь.

— Прямо в городе, обнесенном стенами?

— Вероятно. Только учтите, это было почти пятьсот лет назад, тогда стены здесь не стояли.

— Но, значит, иностранцев допускали в город?

— О да, ведь запрет ввели всего около ста лет назад. — Задиг-бей вновь развернул трубу к «Голландской дури». — Когда в Кантон прибыли первые голландцы, им потребовалось место для пакгаузов, какие португальцы обустроили себе в Макао. Им выделили этот островок, и голландцы испросили разрешение построить там госпиталь

для хворых моряков. Ну как этому откажешь? Китайцы дали добро, и голландцы завезли на остров уйму странно тяжелых кадок и бочонков, в которых, по их словам, были провизия и стройматериалы. Но как-то раз одна такая бочка упала, раскололась, и из нее выкатились пушечные ядра! «Что же это за еда для хворых?» — спросили китайцы, но ответа, естественно, не получили. Стало ясно, что под видом госпиталя голландцы затеяли строительство форта! Уличив их в обмане, китайцы не устроили скандал, но избрали путь, который отныне стал их излюбленной тактикой в противостоянии с европейцами: бойкот. Они перекрыли подвоз провианта, и вскоре голландцам, подъевшим все свои запасы, пришлось покинуть остров. Китайцы уразумели, что европейцы ни перед чем не остановятся ради захвата их земель, но, надо отдать им должное, они, в отличие от других восточных наций, люди практичные. Если возникает проблема, они ищут ее решение. И вот чем они ответили — Городом чужаков. Он возник не от желания китайцев держать на удалении всех иноземцев, но оттого, что европейцы дали им массу поводов для недоверия.

Ты не представляешь, милая Пагли, какое

живительное воздействие оказал на меня этот рассказ!

Кантон предстал в совершенно ином свете, и явись передо мною Джаква, я бы сказал ему, что я вовсе не из тех чужаков с пушечными ядрами, но скорее тот, кого в эпоху Тан сюда влекло искусство — живопись и фарфор.

К счастью, объяснения эти не понадобились, ибо на другой же день на пороге моем возник Джаква собственной персоной! Рука его была в лубке, наложенном костоправом, но это не помешало ему заключить меня в дружеские объятья!

Ты, конечно, понимаешь мою радость от того, что Джаква ни на миг не приравнял меня к злодеям с майдана: напротив, он ужаснулся, узнав об обвинениях, какие обрушили на меня его товарищи. Позже он укорял их столь яростно, что в знак извинения они преподнесли мне картину, на которой мы с Джаквой рука об руку прогуливаемся по майдану. Пусть это не шедевр, но я в жизни не владел ничем драгоценнее!

Так что, о моя прекрасная роза Паглсбери, все опять хорошо: я воссоединился с другом, хандра меня оставила, и я так счастлив, что не могу представить день, когда придется покинуть этот город…

Даже на секунду не допускай мысли, милая Пагли, что я забыл о твоих камелиях — ничуть! Как только возобновится движение на реке, я тотчас предприму новую попытку добраться до Фа-Ти.

В заключение не могу пройти мимо эпизода, о котором ты поведала в своем последнем письме — твоей маленькой стычке с корабельным коком. Не принимай это близко к сердцу, дорогая, — в твоем замечании, что на камбузе пахнет как в *crêperie*, блинной, нет ничего дурного. Кок обиделся зря. Видимо, он, не владея французским, не понял твоего комплимента его блинам и расстроился, совершенно ошибочно посчитав, что ты сравниваешь его камбуз с нужником, который в грубом английском просторечье именуется *crappery*, то бишь, извини, сральником.

Ах, как хотелось бы видеть лицо кока после твоих слов о том, что ты обожаешь запах поджаристых *crêpes*! Клянусь, это было нечто незабываемое!

Бахрам свою религию чтил, однако не фанатично — он бы и рад дотошно соблюдать все обряды, но этому препятствовали условия деловой жизни. И все же он не расставался с седре и кошти, а на прикроватной тумбочке всегда ле-

жал том Хорде Авесты[53]. В Бомбее он частенько сопровождал Ширинбай в ее ежедневных посещениях Храма Огня и старался не пропускать проповедей муллы Фероза. В Кантоне он сам ухаживал за жертвенником в своей спальне: каждодневно окуривал ладаном изображение Пророка, регулярно менял под ним цветы и фрукты и следил, чтобы лампада горела всегда. Но, главное, стремился по возможности не изменять основным принципам зороастризма, привитым с детства: *хумата, хухта, хваршта* — добрые мысли, добрые слова, добрые дела.

Добродушным, но почтительным отношением к религии Бахрам не отличался от соплеменников, однако разнился с ними отсутствием легковерия — в кругу торговцев он был в числе тех немногих, кто никогда не искал руководства провидцев, астрологов, прорицателей и прочих. Если в том он был белой вороной, то лишь потому, что больше полагался на собственный ум и свою дальновидность, нежели ворожбу знахарей-ясновидцев.

Но вот сейчас, когда холодный декабрь сменился студеным январем, он начал сильно

---

[53] Примечания: 53

Хорде Авеста (Малая Авеста) — сборник зороастрийских священных текстов и молитв.

сомневаться в своей прозорливости: куда ни глянь, везде неразбериха, каждый день все новые заявления и указы, добавляющие сумятицы.

Порой вечерами из окна своей спальни он смотрел на майдан, и ему мнилось, будто он видит Давая, который манит его, предлагая последовать за ним к реке, укутанной клубящимся туманом. Конечно, это был обман зрения, но Бахрам понимал, что отныне стал добычей всевозможных страхов и видений: Давай всегда будет караулить его в тени. Даже мысленно он не произносил «Хо Лао-кин» или «Давай», ибо теперь звучание этих имен казалось мантрой, вызывающей мертвых.

Но как ни старался он их изгнать, в голове аукало их эхо.

Однажды за завтраком секретарь сказал:

— Сет-джи, мистер Слейд выступил с большой статьей, в которой резко критикует капитана Эллиотта.

— За что же?

— Редактор разъярен тем, что британский представитель открыто высказался против контрабанды опия.

— Прочтите-ка, мунши-джи.

— «Из слов капитана Эллиотта явно следует, что он и английское правительство осуждают

контрабанду опия по реке, но поощряют ее вне водных пределов и на китайском побережье. Во втором случае доставка сотни ящиков не станет ни преступлением, ни злом, а вот в первом — провоз даже одного ящика или нескольких футляров явится и тем, и другим! Восхитительная логика правительства и общественных деятелей! Выдающийся пример морали политиков и коммерсантов! И как же капитан Эллиотт объяснит это местным властям, не касаясь вопроса опийной торговли в целом?» — Нил остановился и глянул на хозяина. — Дальше читать, сет-джи?

— Да, продолжайте.

— «До нас дошли слухи, что *через гильдию китайских купцов* капитан Эллиотт подал петицию губернатору Кантона. Тем самым он предал достояние британских граждан и опорочил их в глазах лживой, продажной и несправедливой власти. Говорят, в петиции капитан просит губернатора назначить его командиром китайского патрульного судна, дабы он самолично изгнал английские лодки с реки. Это весьма смахивает на преступное посягательство на права королевы, ибо капитан действует как зарубежный соверен, не имея на то полномочий.

Всем хорошо известно, *что фактически все*

китайские законы никогда не применялись к иностранцам, за исключением случаев тяжкого преступления. Так пусть китайцы курят опий, а император с магнатами потакают своей непростительно жестокой привычке приносить в жертву человеческие жизни, все это до поры, когда „взметнутся копья и остроги, дабы отмстить неправедной власти“». — Нил вновь оторвался от газетной страницы. — Здесь и вас упоминают, сет-джи.

— Меня? — Бахрам оттолкнул тарелку и резко встал из-за стола. — Что там сказано?

— «Мы никак не ожидали, что британский суперинтендант станет пресмыкаться перед кантонским губернатором, предлагая свои услуги против тех, кого по должности обязан хотя бы защищать. Когда капитан Эллиотт проявит себя на службе мандаринам, его превосходительство, видимо, возложит на него задачу по высылке господ Дента, Джардина и Модди».

— Что такое? Там написано «высылка»?

— Да, сет-джи, мистер Слейд употребил это слово. Он подразумевает, что казнь Хо Лао-кина стала сигналом…

— Хватит! — Бахрам зажал уши. — Замолчите!

— Слушаюсь, сет-джи.

Бахрам заметил, что у него дрожат руки. Чтобы прийти в себя, он отправил секретаря:

— Ступайте к себе, мунши-джи. Я вас позову, когда понадобитесь.

— Слушаюсь, сет-джи, — поклонился Нил.

Едва за ним затворилась дверь, Бахрам подошел к окну и посмотрел на майдан. В последнее время площадь стала малолюдной, и нынешний ее контингент заметно отличался от прежних праздных гуляк — народ как будто неусыпно следил за обитателями факторий.

Вот и сейчас показалось, что несколько пар глаз обратились на Бахрама. За ним слежка? Или он просто себя накручивает?

Самое паршивое, что правды не узнать.

Бахрам перевел взгляд на шест, где некогда развевался американский флаг. Со времени бунта ни одна фактория не поднимала свой стяг, и вид анклава, лишившегося привычного разноцветья, стал иным. Голые флагштоки как будто напоминали о том дне, когда на площади установили приспособление для казни и внесли стул с привязанным…

Имя едва не слетело с языка, и захотелось прополоскать рот, в котором возникло пакостное ощущение. Бахрам вышел из конторы, направля-

ясь в свою спальню. По традиции парсов, дверь спальни украшал торан — вышитая бисером занавеска, которую мать подарила Бахраму на свадьбу. За эти годы торан, сопровождавший его во всех поездках в Китай, стал связью с прошлым и талисманом удачи.

Бахрам уже хотел войти в спальню, но тут заметил, что край слегка провисшего торана защемлен меж дверью и косяком. Он попытался выпростать материю, но старые нитки лопнули, и бисер дождем пролился на пол. Опешивший Бахрам отпрянул от двери и чуть слышно прошептал:

— *Дадар тхамари мадад!..* Господи, спаси и помилуй!..

Упав на колени, он стал выуживать бусины из щелей меж половицами и складывать в карман чоги.

Подбежал слуга:

— Позвольте я соберу, сет-джи…

— Нет! — гаркнул Бахрам, не поднимая головы. — Уйди! Пшел вон!

Он не мог допустить, чтобы кто-нибудь чужой прикоснулся к матушкиному бисеру, и ползал на четвереньках, пока не собрал все бусины. Поднявшись, в коридоре он заметил слуг, которые,

сбившись в кучку, молча на него таращились.

— Убирайтесь! — заорал Бахрам. — Нечем заняться, что ли? Прочь отсюда!

Он хлопнул дверью спальни, лег на кровать и, почувствовав закипавшие на глазах слезы, зарылся лицом в подушку.

На другой день Вико сообщил об уведомлении городских властей, согласно которому всем факториям надлежало опечатать свои черные ходы. Мелочь, но она сильно встревожила Бахрама, гадавшего, не имеет ли это прямого отношения к нему. Может, кто-нибудь видел, как он покидал Бухту через калитку черного хода? Или заприметил Вико в тот день, когда он…

— Никто не видел, как ты провел сюда того человека? — спросил Бахрам. — Сейчас шпионы повсюду. Может, они караулили у черного хода?

— Вы говорите о Давае?

— Молчи! Ты меня прекрасно понял! Ни к чему называть имя.

Управляющий как-то странно посмотрел на него и опустил взгляд.

— Виноват, патрон, больше не повторится.

Однако он не мог заглушить эхо, звучавшее в голове Бахрама.

Через несколько дней Вико вошел в контору

и доложил:

— К вам мистер Кинг, патрон. Просит принять.

— Что ему нужно?

— Не знаю, он не сказал.

Чарльз Кинг и прежде наносил визиты, собирая деньги на разные благотворительные акции. При этом случались разговоры и на другие темы. Однажды Кинг спросил об изображении *фаравахара*[54], висевшем в конторе, после чего завязалась долгая беседа о природе добра и зла и вечной битве между Ахура-Маздой и Ахриманом.

В своем нынешнем состоянии Бахрам был совсем не расположен к подобным дискуссиям, однако не хотел отказом в приеме настроить против себя человека, имевшего хорошие отношения с мандаринами.

— Пусть войдет.

Постаравшись привести мысли в порядок, Бахрам с обычной сердечностью приветствовал гостя:

— Чарльз, рад вас видеть! Входите, входите!

— Доброго дня, Барри.

---

[54] Примечания: 54

Фаравахар — главный символ зороастризма, изображающий фраваши, ангела-хранителя. Изначально представлял собою окрыленное солнце, к которому позже был добавлен человеческий образ.

Бахрам отвесил поклон и показал на кресло:

— Прошу садиться. Чем могу служить, Чарльз?

— Я пришел к вам, потому что обеспокоен нынешней ситуацией в Кантоне. По-моему, если так будет продолжаться и дальше, в скором времени Великобритания вторгнется в Китай. Но ради чего? Ради сохранения доходов от опия, ради защиты зелья, потребление которого постыдно даже для китайских язычников.

— Но сия торговля имеет давние корни, — сказал Бахрам. — Нельзя ожидать, что все изменится в одночасье.

— Нет, конечно, но перемены нужны, и мы сами должны измениться. Если помните, недавно я предложил выступить с ручательством. На мой взгляд, это тем более необходимо сейчас, и я намерен вновь поднять этот вопрос на Совете. Ваша поддержка имела бы огромное значение.

— Ручательство? Касательно чего?

Гость достал из кармана бумагу и прочел:

— «Мы, нижеподписавшиеся, считаем, что опийная торговля несет в себе зло коммерческое, политическое, социальное и моральное; она нарушает законы Китая, настраивает власти и народ против расширения нашей коммерции и нашего свободного проживания в стране,

подрывает надежду на истинное христианское усовершенствование. Посему мы заявляем о своем отказе участвовать в приобретении, транспортировке и продаже зелья, как лично, так и через посредников». — Кинг поднял взгляд и усмехнулся. — Я рассчитывал обсудить этот текст на общем собрании, но, к сожалению, никто не пришел, и подпись под ручательством стоит только одна — моя. Однако я думаю, что в свете недавних событий многие пересмотрят свое отношение к данному вопросу.

Бахрам беспокойно поерзал в кресле.

— Но дело-то не в нас, Чарльз. Неужто думаете, доставка опия прекратится, если мы подпишем ручательство? На наше место придут другие, ибо не мы, но китайцы в ответе за эту торговлю. Опий жаждут они.

— Не могу с вами согласиться, Барри. Зелье привлекательно своей доступностью, именно его безудержный поток и порождает пристрастие.

— И что вы предлагаете сделать? В трюмах кораблей, что стоят в море, тысячи ящиков с опием. Что будет с этим товаром?

— Скажу, не мямля, Барри: весь груз надлежит сдать властям.

— Вот как?

Всего на миг Бахрам подумал, что гость шутит, но бесхитростное выражение на смуглом лице собеседника развеяло эту надежду.

Бахрам сложил пальцы домиком и прокашлялся.

— Однако, Чарльз, вы предлагаете нечто весьма экстремальное. Вам, конечно, это известно: многие купцы загрузились товаром лишь потому, что имелись знаки предстоящей легализации опийной торговли в Китае. Об этом говорилось в памятных записках некоторых мандаринов.

— Вы правы, Барри, — кивнул Кинг. — Едва в китайском правительстве зашла речь о легализации этой торговли, наша фирма «Олифант и компания» тоже подумала, что так оно и будет. Ан нет. Памятные записки отвергнуты, оппозиция «порочной грязи» не ослабла. Всякие сомнения на этот счет рассеялись 12 декабря, не так ли?

— Что вы имеете в виду?

— Вы должны понимать, Барри, что губернатор не зря вознамерился провести казнь Хо Лао-кина в самом центре анклава.

Бахрам потупился, спрятав руки под чогу.

— И в чем был замысел?

— Вы, наверное, знакомы с письмом губернатора на эту тему? Оно было написано в ответ на

заявление Палаты, обвинившей его в надругательстве над иностранными флагами. В письме говорилось: «Смертный приговор, который Хо Лао-кин сам себе вынес, стал результатом действий порочных чужеземцев, внедривших тлетворное зелье в Кантон; казнью на территории анклава мы желали побудить к размышлению иностранцев, которые были рождены и воспитаны вне лона цивилизации, однако имеют человеческие сердца».

Внезапно Бахрам вспомнил взгляд приговоренного на окно его конторы и, вздрогнув, невольно схватился за кошти, ища защиты и успокоения.

— Вы слышали, Барри, что власти получили полное признание обвиняемого? Хо Лао-кин рассказал, как его, еще мальчишку, вовлек в опийную торговлю купец, подаривший ему шарик зелья. Говорят, он, выслушав приговор, сам попросил, чтобы его казнили на майдане.

Бахрам больше не мог этого слышать; он встал и вымучил улыбку:

— Все это очень интересно, Чарльз, и я, разумеется, обдумаю ваши предложения. К сожалению, сейчас у меня много дел. Надеюсь, вы меня простите.

— Да-да, я понимаю.

Несколько изумленный, Чарльз Кинг покинул контору, а Бахрам прошел в спальню и, не выпуская кошти из рук, бросился на кровать.

Утро началось с плохой новости: придя в контору, Бахрам узнал, что Линь Цзэсюй уже на пути в Кантон.

— Известие верное, сет-джи, — сказал Нил. — Вечером 31 декабря он получил назначение от Сына Неба.

— Значит, здесь новый губернатор?

— Никак нет. Он наделен гораздо большей властью. Его должность называется «верховный имперский комиссар» — юм-чаэ по-кантонски. Он будет скорее наместником, в его подчинении адмиралы, генералы и все прочие.

— И для чего все это?

— Император возложил на него особую задачу по искоренению опийной торговли. Назначая кандидата на должность, со слезами на глазах он сказал, что в загробном мире не встретится с отцом и дедом, ежели не сумеет выкорчевать сие зло.

Бахрам замер возле окна.

— Вы уверены, что это не досужие сплетни?

— Уверен, сет-джи. Отставной губернатор и его заместитель сделали совместное заявление. В

весьма жестком тоне они обращаются к чужеземным купцам. Я подобрал несколько выдержек.

— Читайте.

— «В прошлом эдикты против опия выходили один за другим, и мы, губернатор и его заместитель, не раз отдавали соответствующие команды и прибегали к увещеваниям. Однако вы озабочены только своей выгодой, и потому все наши слова влетали вам в одно ухо и тотчас вылетали из другого. Наш великий император, питающий глубокое отвращение к пагубному пристрастию, денно и нощно размышлял, как избавить страну от сей напасти. Он приказал министрам своего двора подумать и разработать планы. Кроме того, император только что назначил высокопоставленного чиновника своим особым комиссаром в Кантоне, дабы здесь опробовать предлагаемые меры. Комиссар уже в пути и вот-вот прибудет. Его задача — пресечь тлетворную пагубу, с корнем вырвать зло; даже если топор в его руке преломится, даже если лодка под ним даст течь, он не остановится, пока не выполнит свой долг».

— Там что-нибудь сказано о предполагаемых способах борьбы?

— Да, сет-джи. «Со всем почтением мы получили указ, предписывающий адмиралам всех

баз и командирам гарнизонов направить войска для поимки местных контрабандистских лодок и выдворения подозрительных чужеземных судов из наших вод. Как стало известно, уже проведены сотни арестов. Что касаемо злодеев, поседевших на сей гнусной торговле, их ждет суровое наказание, как было с преступником Хо Лао…» — Нил осекся, не дожидаясь окрика. — *Мааф карна*, прошу прощения, сет-джи.

Но это извинение, напротив, усугубило тревогу Бахрама: секретарю что-то известно? Челядь тайком обсуждает состояние хозяина?

В голове пульсировала боль, и Бахрам решил прилечь.

— Пока все, мунши-джи. Я вас позову, как буду готов.

— Хорошо, сет-джи.

Через день-другой пришла редкая гостья — хорошая новость: чужеземным кораблям вновь разрешено заходить в Кантон. Но тут же выяснилось, что численность опийной флотилии, стоявшей на якоре возле островов, возросла за счет новых судов из Бомбея и Калькутты.

Затем хлынули письма, поведавшие о состоянии опийного рынка в Индии. Бахрама ошеломило известие, что прошедший год оказался

небывалым по урожайности мака, рынки Бомбея и Калькутты перенасыщены, цены на опий обвалились, теперь им торгуют все кому не лень.

Новость огорчила чрезвычайно: досадно было узнать, что, стоило чуть-чуть подождать, и весь груз обошелся бы вдвое дешевле, но, хуже того, теперь отпал вариант вернуться домой с полными трюмами — при нынешних индийских ценах на опий не удастся окупить даже малую долю затрат.

А через день-другой в Кантон потянулись бомбейские купцы — в основном парсы, слегка разбавленные мусульманами и хиндустанцами. Почти все — молодые мелкие торговцы, прежде не бывавшие в Городе чужаков. Среди них оказался родственник Ширинбай — Диньяр Фердун-джи. Бахрам давно его не видел и очень удивился, когда в контору вошел весьма симпатичный молодой человек с волевым подбородком, рослый и плечистый.

— Диньяр, ты ли?

— Он самый, дядюшка. — Парень одарил крепким рукопожатием. — Как поживаете?

Бахрам отметил его хорошо скроенные брюки, сюртук превосходного сукна, идеально повязанный галстук и черную блестящую шляпу вместо

тюрбана.

Диньяр привез подарки от Ширинбай и дочек — обновки к наврузу, персидскому Новому году, наступавшему в марте. Передав гостинцы, он стал расхаживать по конторе, с чуть насмешливой улыбкой разглядывая ее обстановку. Все это время он неумолчно стрекотал по-английски, передавая приветы и весточки от бомбейских знакомых.

Удивленный его свободным владением иностранным языком, Бахрам спросил на гуджарати:

— *Алту соджху инглиш болвану кахен тхи сейкхию дикра?* Сынок, где ты выучился так хорошо говорить по-английски?

— Тетушка наняла мне учителя, мистера Вустера. Знаете его?

— Нет.

Тем временем Диньяр подошел к окну и посмотрел на майдан.

— Отличный вид, дядюшка! Я бы хотел когда-нибудь занять эту комнату.

Бахрам усмехнулся:

— Сперва наладь свое дело, сынок, такие апартаменты недешевы.

— Они того стоят, дядюшка, отсюда видна

жизнь города.

— Это верно.

— За той декабрьской передрягой вы наблюдали из этого окна?

— Какой еще передрягой?

— Когда на площади хотели казнить… этого, Хо… как его?

— *Кай най.* Понятия не имею. — Бахрам тяжело опустился в кресло и отер лоб. — Прости сынок, дел невпроворот…

— Конечно-конечно, дядюшка, зайду попозже.

Весь день Бахрам отворачивался от окна, чтобы ненароком не глянуть на майдан. Но вечером, когда он уже готовился отойти ко сну, с улицы донесся странный шум — нечто вроде песнопения, сопровождаемого треньканьем цимбал.

Теперь не выглянуть было невозможно. Раздернув шторы, Бахрам увидел дюжину человек, собравшихся в центре майдана. Колеблющееся пламя свечей тускло освещало их лица — все китайцы, но не из тех, что обычно наведывались на площадь: некоторые, включая запевалу, были в балахонах даосских священников.

Бахрам вдруг вспомнил, что нечто подобное уже видел: Чимей, вечно боявшаяся неприкаянных духов и голодных призраков, однажды

из-за какой-то ерунды позвала священника. И что, эти тоже изгоняют нечистую силу? Но из кого? И почему на том самом месте, где стояло приспособление для казни?

Бахрам лихорадочно задергал шнурок вызывного колокольчика, посылая сигнал на кухню.

Через пару минут в спальню ворвался встревоженный Вико.

— Что случилось, патрон?

Бахрам поманил его к окну:

— Глянь-ка на этих певунов. Вон тот, что машет кадилом, похоже, священник?

— Возможно, кто их разберет?

— Смотри, они стоят на том самом месте, где был приговоренный.

Вико пожал плечами и промолчал.

— Что они там делают? Изгоняют нечистую силу?

Вико снова пожал плечами, глядя в сторону.

— Что это означает? — не отставал Бахрам. — Я хочу знать. Может, и другие видели ту фигуру в тумане? Ты ничего не слышал об этом?

Вико вздохнул и задернул шторы.

— И зачем о том думать? — сказал он тоном, каким взрослые успокаивают детишек. — Пользы-то никакой, правда?

— Ты не понимаешь. Мне стало бы легче, если б я знал, что не один видел то… чем бы оно ни было…

— Забудьте об этом. — Вико подошел к тумбочке и плеснул в стакан щедрую порцию опийной настойки. — Выпейте, патрон, вот от этого вам вправду полегчает.

Бахрам залпом осушил стакан.

— Ладно, Вико, можешь идти, — сказал он, забираясь в постель.

Управляющий взялся за дверную ручку, но приостановился.

— Патрон, не забивайте себе голову. От вас зависит много людей, здесь и на родине. Ради нас вы должны быть сильным. Вам нельзя терять мужество, нельзя нас подвести.

Бахрам улыбнулся; настойка подействовала, по телу растеклось ласковое тепло. Страхи исчезли, возник покой. Бахрам уже не помнил, отчего минуту назад был так испуган и подавлен.

— Не волнуйся, Вико. Я в полном порядке. Все будет хорошо.

В улыбке сверкнув золотыми зубами, Аша-диди встретила Нила на расписном входе в свою плавучую харчевню:

— *Номошкар, Анил-бабу!* Вы очень кстати. Тут

у меня кое-кто из Калькутты.

В дальнем конце лодки маячила монументальная фигура в бесформенном одеянии: бабье сложение, голова луковкой и длинные распущенные волосы не оставляли сомнений в том, кто это. Нил замер, но бежать было поздно, поскольку Аша-диди уже представляла его своему гостю:

— Вот господин, о котором я вам говорила, Ноб Киссин-бабу. Он тоже из Бенгалии, письмоводитель Анил Кумар.

Ноб Киссин-бабу, угощавшийся супом-пюре с лепешками, поднял взгляд от тарелки и нахмурился. Глаза его округлились, потом сузились. Нил догадался о безуспешных попытках представить его без бороды и усов, но заставил себя сохранять спокойствие и надеть вежливую улыбку.

— *Номошкар*, — сказал он, сложив ладони у груди.

Не ответив на приветствие, Ноб Киссин-бабу жестом предложил ему сесть.

— Я не уловил вашего досточтимого имени, — сказал он по-английски. — Соблаговолите уточнить.

— Анил Кумар, письмоводитель.

— Чем изволите заниматься?

— Служу секретарем у сета Бахрама Моди.

— Надо же! — вскинул брови Ноб Киссин. — Стало быть, мы с вами коллеги.

— Вот как?

— Да, я — *гомуста* Бернэм-саиба. Он тоже предприниматель.

Нилу потребовались все силы, чтобы скрыть шок от известия.

— Мистер Бернэм здесь? — с деланным безразличием спросил он.

— Да, он прибыл на своем новом корабле.

— Что за корабль?

Ноб Киссин вновь сощурился, вглядываясь в лицо Нила.

— «Ибис». Может, слыхали?

К счастью, перед Нилом появилась тарелка с бирьяни. Он потупился и покачал головой:

— Нет, не знаю.

Ноб Киссин вздохнул и перешел на бенгали:

— Вы кушайте, Анил Кумар-бабу, а я вам расскажу про «Ибис». Бернэм-саиб приобрел эту шхуну в прошлом году, и я тотчас понял, что она привнесет большие перемены в мою жизнь. Вы спросите, с какой стати человек, получивший английское образование, сходу делает подобные выводы? Позвольте вам сказать, что перед вами не тот, кем

он кажется. Под его внешней оболочкой скрыта иная сущность, которая в прежней жизни была пастушкой и сбивала масло для бога-озорника, его воровавшего. Я уже давно знал, что в один прекрасный день оболочка спадет и скрытое существо выйдет наружу, точно тот, кто хорошенько выспался и теперь откинул москитную сетку. Но когда это произойдет? И как? Вопросы эти меня сильно мучили, и вот, увидев «Ибис», я вмиг понял, что сей корабль станет орудием моего преображения. На борту шхуны был некий Захарий Рейд, с виду простой моряк, но я сразу догадался, что и он не тот, кем кажется. Еще не повстречавшись с ним, я услыхал, как он играет на свирели — инструменте божественного музыканта из Бриндабана[55]. Я ничуть не сомневался, что его появление — знак и я должен попасть на этот корабль. Мне повезло, я получил должность корабельного суперкарго. Шхуна перевозила сотню кули и двух узников, один из которых был бенгалец ваших, примерно, лет, Анил-бабу. Прежде он был раджой, но разорился и совершил подлог. Его разлучили с женой и сыном, лишили

[55] Примечания: 55

Бриндабан (Вриндаван) — индийский город 5000 храмов, место поклонения вайшнавов. В древности на его месте был лес, где Кришна проводил свои божественные игры.

дворца и слуг, заточили в тюрьму и предали суду, который приговорил его к семи годам каторги на Маврикии. Я встречал этого раджу на улицах Калькутты, когда удача еще не отвернулась от него: типичный заминдар — высокомерный, ленивый и порочный. Но корабли и море умеют изменить людей, вы согласны, Анил-бабу?

— Да, наверное… — сказал Нил, на секунду оторвавшись от бирьяни.

— Не знаю, кого из нас «Ибис» изменил больше, но, увидев бывшего раджу в кандалах, я почувствовал странную связь с ним. Мой внутренний голос шептал мне: это твой сын, твое нерожденное дитя. Я старался помочь: навещал узников в камере, приносил им еду и прочее. Как суперкарго, я имел свой ключ от камеры, и однажды узники попросили меня не запирать дверь. Я это исполнил, и ночью, в разгар шторма, они и еще несколько человек бежали с корабля. На другой день были обнаружены следы того, что баркас их перевернулся и все беглецы погибли. К несчастью, ответственность за все возложили на безвинного Захария Рейда, который сейчас пытается оправдаться в Калькутте. Я же понес иную кару — потерял свое новообретенное дитя, и боль моя была столь нестерпимой, что по

возвращении в Калькутту я решил повидать его жену и сына…

Невероятным усилием воли Нилу удалось не вскинуть голову и продолжить жевать.

— …уже получивших весть о его смерти. Но вот сейчас вы удивитесь, Анил-бабу: рани Малати, которая всегда свято соблюдала традиции, не носила белых вдовьих одежд, не разбила браслеты, не стерла вермильон с пробора. Мужа ее объявили погибшим, но она была абсолютно уверена, что он жив. Признаюсь, ее непоколебимая вера убедила в том и меня. Рани просила, чтобы в моих скитаниях я помнил о возможной встрече с ним. Но даже если он жив, я вряд ли его узнаю, сказал я. Наверняка он сменил имя и облик и, кроме того, поостережется открыться мне, зная, что я работаю на мистера Бернэма, виновника его разорения и изгнания. Но она меня не слушала. Если каким-то чудом ваши пути пересекутся, сказала Малати, уверьте его, что никогда его не предадите, ибо он по-прежнему вам названый сын, а мне — муж…

— Хватит! — Нил огляделся, удостоверяясь, что их никто не слышит, и, подавшись вперед, прошептал: — Вы не обманываете меня, Ноб Киссин-бабу? Вы вправду видели мою жену Малати

и моего сына Радж Раттана? Не лгите мне.

— Да, видел.

— Как она, моя жена?

— На удивление, молодцом. Учит грамоте вашего мальчика и других ребятишек. Жена и сын ни секунды не сомневаются в вашем возвращении.

К глазам Нила подступили слезы, и он опустил голову, чтобы незаметно их сморгнуть. Он вспомнил лицо Малати, каким впервые его увидел — в день их свадьбы, когда ему было четырнадцать, а ей годом меньше. Он вспомнил, как даже в постели она прятала лицо под накидкой и отвернулась, когда он ее приподнял. Как с открытым лицом пришла к нему в калькуттскую тюрьму, и лишь тогда он понял, в какую невероятную красавицу превратилась девочка, на которой он женился.

Ничего удивительного, что Малати сумела приспособиться к новым жизненным обстоятельствам, поразительно другое — ее отказ поверить в его смерть. Откуда она могла это знать? Но эта ее уверенность говорила о такой любви, перед которой меркли все слова.

— А как мой сын?

— По словам матери, за неполный год, что вы его не видели, он возмужал. Смелый, крепкий паренек, все грозится сбежать из дома и отпра-

виться на ваши поиски.

Нил вспомнил тот день, когда его арестовали в калькуттском дворце Расхали. На крыше они с Радж Раттаном запускали воздушных змеев, и он обещал мальчику вернуться через десять минут…

— Надо привезти ему китайских змеев, — пробормотал он. — Здесь они просто великолепные.

— Ваша жена сказала, теперь он сам мастерит их из бумаги. Мол, змеи напоминают ему о вас, когда он их запускает.

У Нила перехватило горло не только от воспоминаний о своих близких, но и от стыда за то, как поначалу он обошелся с Ноб Киссином. В этом странном и слегка лукавом человеке были сочувствие и необъяснимая притягательность. И ведь если б не он, Нил сейчас здесь не сидел бы. По сути, Ноб Киссин — добрый ангел-хранитель, надо не опасаться его, а благодарно принять как дар.

— Я очень рад вас видеть, — сказал Нил. — Простите, что не сразу вам открылся. Все это из-за мистера Бернэма. Если он проведает, что я здесь, мне конец.

— А как же он проведает? Об этом известно только мне, но я, будьте покойны, ему ничего не скажу.

— Но вдруг он меня узнает?

— О, этого не опасайтесь! — рассмеялся Ноб Киссин-бабу. — Вы так изменились, что сперва даже я не узнал вас. Для мистера Бернэма все местные на одно лицо, и он вас никогда не распознает, если сами себя не выдадите.

— Вы думаете?

— Не сомневайтесь.

Нил облегченно выдохнул.

— Пожалуйста, расскажите еще о моей жене и сыне…

Заканчивался январь, и в связи с грядущим отбытием Уильяма Джардина в Англию его друзья и сторонники пришли к единодушному мнению: нельзя допустить, чтобы отъезд выглядел поражением или, хуже того, признанием вины (не секрет, что китайские власти считали «Железноголовую крысу» архизлодеем). И оттого подготовка к прощальному ужину шла с демонстративным размахом: задолго до означенной даты всем стало ясно, что это будет невиданно пышное событие.

Ужин намечался в Зале заседаний, самом просторном и величественном помещении иностранного анклава. Чужеземцам известный под названием «Консульство», зал этот располагался

в доме № 1 британской фактории, которая отстояла от индийской лишь на ширину Свинского проулка, и потому хорошо просматривалась из конторы Бахрама. Хотя последний не числился в близких друзьях Джардина, он отнюдь не остался безучастным к переполоху, вызванному предстоящим ужином, подготовка к которому была столь шумной и зрелищной, что даже помогла пересилить возникшее отвращение к виду из окна. Выглянув на улицу, Бахрам видел длинные вереницы кули, через майдан тащивших бадьи с овощами и мешки с крупой. Однажды, всполошенный диким визгом и хрюканьем, он подбежал к окну и увидел стадо свиней, навеки скрывшееся в британской фактории. А в другой раз узрел еще более впечатляющую картину: строй уток вперевалку шествовал через майдан, парализовав на нем все пешеходное движение — на причале «Очко» последняя утка еще только ковыляла по сходням, а первая уже добралась до Консульства.

Преображался внешний вид британской фактории. Зал заседаний располагал большой верандой с колоннами, смотревшей на «Заемный променад» — обнесенный оградой палисадник перед фасадом. На время ужина веранде предстояло

стать «гостиной», и бригада декораторов затянула ее громадными белыми полотнищами. Вечером, когда в ней зажигались десятки ламп, она превращалась в гигантский фонарь, сияющий во тьме.

Впечатляющая картина привлекала зевак со всего города; не за горами был китайский Новый год, и иллюминированное Консульство стало еще одним аттракционом для множества прогулочных лодок на Жемчужной реке.

Тем временем Бахрам начал собственные приготовления к проводам. Как старейшина кантонских ачха, он счел своим долгом обеспечить индийской общине видное место на торжестве хотя бы для того, чтобы всем напомнить: товар, обогативший Джардина, происходил из Индии и поставлялся бомбейскими партнерами. Бахрам надумал преподнести коллеге прощальный подарок, для чего пустил подписной лист. За несколько дней удалось собрать сумму в тысячу гиней, и было решено перевести эти деньги прямиком в Англию, где знаменитая ювелирная мастерская изготовит серебряный столовый сервиз с монограммами Джардина. За ужином об этом подарке объявят в прощальной речи, которую произнесет Диньяр Фердун-джи, лучше всех в общине владевший английским.

К вечеру торжества ожидания достигли предела, и казалось, соответствовать им просто невозможно. Но, войдя в Консульство, Бахрам не нашел не единого повода для разочарования: величественную лестницу украшали шелковые занавеси и цветочные композиции, на полотняных стенах импровизированной гостиной сияли инициалы Джардина, дорические колонны были увиты цветочными гирляндами, в люстрах ярко пылали спермацетовые свечи, а настенные зеркала в позолоченных рамах вдвое увеличивали пространство. Даже был оркестр — вклад в вечер торгового судна «Инглис», стоявшего на якоре в Вампоа. В честь шотландских корней Джардина музыканты услаждали слух рассаживающихся гостей напевами высокогорий.

Бахрам, режиссировавший подготовку парсов к торжеству, был удовлетворен впечатлением, какое произвели их белые тюрбаны, шитые золотом туфли и парчовые чоги. Однако он счел, что предпринимателю его ранга негоже сидеть в общей группе соплеменников, и озаботился местом для себя во главе стола среди членов Совета.

Соседями его оказались Ланселот Дент и рослый дородный человек с лоснящейся окладистой бородой до середины груди. Лицо его было как

будто знакомо, однако имя не вспоминалось. Но тут на помощь пришел Дент:

— Позвольте, Барри, представить вам Бенджамина Бернэма из Калькутты. Возможно, вы уже встречались?

Бахрам был знаком с ним шапочно, но, угадав в нем союзника Дента, приветствовал его сердечным рукопожатием:

— В Кантон изволили прибыть недавно, мистер Бернэм?

— Пару дней назад. Бесконечные проволочки с пропуском. Пришлось ожидать в Макао.

В разговор вмешался Слейд, сидевший по правую руку от Бернэма:

— Однако время ожидания не прошло впустую, верно? — Он саркастически усмехнулся. — Ведь вы свели знакомство с пафосным капитаном Эллиоттом.

При упоминании британского представителя Бахрам оглядел зал.

— Нынче он здесь?

— Нет, конечно, его не позвали, — сказал Слейд. — Но даже если б он получил приглашение, то вряд ли соизволил бы преломить хлеб вместе с нами. Похоже, он считает, мы ничем не лучше преступников, поскольку имел наглость

именно так характеризовать нас в письме к лорду Палмерстону.

— Неужели? Но как вы о том узнали, Джон?

— Через мистера Бернэма. — Слейд подмигнул. — Его озарила гениальная идея сделать копии с последних депеш капитана в Лондон.

Бернэм поспешил отречься от подобной чести:

— Это все мой гомуста, истинный пройдоха, но весьма полезный. Он бенгалец, а в канцелярии Эллиотта служит его земляк, так что пояснения излишни.

— И что сказано в письме?

— Ха! — Слейд достал из кармана бумагу. — С чего бы начать? Ага, вот прекрасный образчик. «Мне предельно ясно, милорд, что поставка опия окажет чрезвычайно зловредное влияние на все виды торговли. С увеличением риска и постыдности сего промысла, он очень быстро попадет в руки самых безрассудных молодчиков, что запятнает фигуру европейца несмываемым позором. До недавнего времени, милорд, я полагал, что на свете нет места безопаснее для жизни и собственности иноземца, нежели Кантон, однако печальные события 12 декабря составили иное впечатление. Места обитания чужеземцев почти два часа были во власти распаленной чер-

ни, ворота одной фактории разнесли в щепки, пришлось открыть пальбу в воздух, от которой, к счастью, никто не пострадал. В ином случае правительство ее величества и британская общественность встали бы перед фактом, что кровопролитие и погром на неопределенный срок положили конец торговым отношениям с данной империей. И все эти злосчастья, милорд, случились по вине жадных до наживы безрассудных личностей, которые безоговорочно уверены в своей неподсудности любым законам, британским или китайским». — Побагровевший Слейд негодующе фыркнул. — И это пишет человек, который вроде как должен представлять наши интересы и которому мы платим жалованье! Этот Иуда, другого названья нет для него, нас погубит!

— Вы слишком драматизируете, Джон, — спокойно сказал Дент. — Эллиотт — всего-навсего функционер, орудие в чужих руках. Весь вопрос в том, чьим целям он собирается служить, нашим или мандаринским.

Барабанная дробь возвестила прибытие первого блюда — густого черепахового супа. Подачу его сопровождала оживленная мелодия, под прикрытием которой Бахрам обратился к своему соседу:

— Я слышал, мистер Бернэм, в Калькутте цены

на опий рухнули. Вам удалось сделать существенную покупку?

— О да, — улыбнулся Бернэм. — Мой нынешний груз превосходит все прежние.

Бахрам удивленно вытаращился.

— И вас не беспокоят все эти попытки запретить торговлю?

— Ничуть, — отрезал Бернэм. — Я даже отправил свой «Ибис» в Сингапур, чтоб еще прикупить. Я абсолютно уверен, что растущий спрос на опий сметет все запреты. Мандаринам не выстоять против стихии свободной торговли.

— По-вашему, утрата твердого руководства мистера Джардина не будет иметь негативных последствий?

— Напротив, лучшего нельзя и желать. С божьей и нашей помощью мистер Дент заполнит пробел. А присутствие мистера Джардина в Лондоне нам чрезвычайно выгодно. Человек исключительной тактичности, он обладает подходом, и лорд Палмерстон наверняка к нему прислушается. Кроме того, он сможет иными способами оказывать влияние на правительство. У него много друзей в парламенте, и он знает, как распорядиться своими деньгами.

Бахрам покивал.

— Демократия — чудесная штука, мистер Бернэм, — проговорил он мечтательно. — Замечательный сумбур, который отвлекает простолюдинов, позволяя мужам вроде нас решать все серьезные вопросы. Я надеюсь, что Индия и Китай когда-нибудь смогут насладиться этим благом.

— Вот за это и выпьем!

— Ура! Ура!

После столь обнадеживающей беседы, первой за весьма долгое время, вечер показался Бахраму воистину прекрасным. Скверное настроение последних дней бесследно улетучилось, и Бахрам сосредоточился на отменном угощении, какого еще никогда не подавали в британской фактории — превосходные блюда следовали одно за другим. С усердием воздав должное кушаньям и вину, он даже обрадовался небольшой передышке, когда мистер Линдси позвонил в колокольчик и поднял свой бокал.

Первый тост был за здоровье королевы, второй — за президента Соединенных Штатов.

— Как всякий родитель гордится силой, талантом и предприимчивостью своего потомства, так и Великобритания не нарадуется здоровью и прибавлению мощи своего западного детища! — сказал мистер Линдси, салютуя бокалом.

Затем последовали здравицы в честь отъезжающего, перемежаемые шутливыми тостами: чтоб не переводилась денежка в карманах! чтоб не знать недостатка в друзьях-собутыльниках! Потом оркестр грянул песню «Старое доброе время», и когда отзвучали ее последние такты, слово взял Джардин:

— Позвольте выразить искреннюю благодарность за ваши добрые пожелания. Тепло этого вечера я увезу с собою, я буду помнить его до конца своих дней.

Переполненный чувствами, он смолк и откашлялся.

— Я долго прожил в этой стране и могу сказать о ней хорошие слова: здесь мы защищены законом надежнее, чем в любой другой части Востока или даже света. В Китае иностранец может спать с открытыми окнами, не опасаясь за свою жизнь и имущество, которые бдительно охраняет превосходная полиция; дела ведутся с беспримерной легкостью и, как правило, чрезвычайной порядочностью. Не могу не упомянуть обходительность китайцев во всех их сношениях и операциях с иноземцами. Эти и некоторые иные аспекты…

Стало заметно, что Джардин ужасно растроган:

он перевел взгляд на своих ближайших друзей, и голос его осекся. В зале царила мертвая тишина, пока он старался справиться с волнением. Джардин отер платком лоб и продолжил:

— Вот причины, по которым многие из нас охотно вновь приезжают сюда и надолго здесь остаются. Я, господа, высоко ценю кантонское общество, хотя его обвиняли и обвиняют в том, что оно представляет собою гнездилище контрабандистов. Нет, контрабандисты не мы, господа! Это удел китайского правительства и его чиновников, всячески потакающих незаконным операциям, да еще Ост-Индской компании, вскормившей контрабандную торговлю!

Шквал аплодисментов заглушил окончание речи Джардина и не стих даже после того, как он сел на место. Лишь звоном колокольчика и ударами в гонг с трудом удалось восстановить порядок. Настала очередь выступить Диньяру Фердун-джи, и едва он заговорил, Бахрам понял, что не ошибся с выбором оратора, в изящных формулировках сообщившего о прощальном подарке. Особо впечатлила концовка его спича:

— Много сказано о том, что Ост-Индская компания открыла парсам путь в Китай. Что ж, это, конечно, справедливо, но таково было веление

времени, и кто осмелится утверждать, что дух свободной торговли сюда не проник бы, если б компания не существовала вовсе? Никто! Мы бы все равно проложили себе дорогу в Китай, и вот мы здесь вопреки большому противодействию, и нам не нужна сторонняя помощь, ибо свободная торговля ни от кого не зависит и самодостаточна для повсеместного распространения и процветания!

Слова эти были встречены одобрительными выкриками, а один молодой человек так взбудоражился, что вскочил на лавку и провозгласил тост: «За свободную торговлю во всем мире, за уничтожение всех монополий и в первую голову самой одиозной — китайской!»

Тост шумно поддержали и всего громче в той части зала, где сидели Дент и его друзья.

— За свободную торговлю, джентльмены! — Дент поднял бокал. — За очистительный поток, который сметет всех тиранов, великих и малых!

Застолье подходило к концу, стюарды спешно освобождали место для танцев. Оркестр заиграл вальс, и толпа расступилась, пропуская шедших под руку Джардина и Уэтмора. Все понимали, что эти старинные друзья, поседевшие в обществе друг друга, вместе танцуют, наверное, в послед-

ний раз. Пара закружилась, и в зале не осталось человека, у которого не увлажнились бы глаза.

Прослезился даже Слейд.

— Ох, бедняга Джардин, — причитал редактор, — он еще сам не понимает, как будет тосковать по нашей туретчине.

Почувствовав в себе редкую охоту к танцам, Бахрам пригласил Дента на тур вальса. Однако прекрасному завершению вечера помешал неприятный инцидент. Бахрам уже изготовился взять Дента за талию, но тут в дальнем конце зала вспыхнул конфликт — бомбейские купцы сцепились с полудюжиной молодых англичан, назревала драка. К счастью, Диньяр не участвовал в потасовке, и с его помощью Бахрам развел забияк. Видя, что страсти еще не улеглись, он счел за благо вывести соплеменников из зала.

— В чем дело? — на улице спросил Бахрам. — Что произошло?

— Эти сволочи, сет, по-всякому обзывались! Мол, валите отсюда, обезьянам тут не место!

— Да они же пьяные. Не обращали бы внимания.

— Да как же не обращать, сет? Мы сдали деньги на ужин, а нас величают черномазыми обезьянами!



14



20 февраля 1839.
Отель «Марквик».

Драгоценная моя махарани Паглинагора,

Твой верный слуга Дрозд счастлив сообщить о своем совершенно потрясающем открытии! Возможно, это всего лишь мое измышление, не знаю, ну да бог с ним, ибо наконец-то появились кое-какие подвижки в деле с твоими рисунками. Однако все по порядку.

Благодаря китайскому Новому году первая половина месяца буквально пролетела: две недели никто не работал, город содрогался в праздничной гульбе, на улицах только и слышалось *Гон хей фа-цай!* И вот, едва гулянья стихли, как на моем пороге объявился А-Мед! Ты, конечно, помнишь

посланника, доставившего меня на встречу с господином Чаном (он же Линьчон, он же А-Фей или как тебе угодно). Я так давно не получал вестей о Чане, что уже утратил всякую надежду вновь его увидеть. И потому чрезвычайно обрадовался появлению А-Меда. Не скрою, милая Пагли, все мои чаяния касательно поручения мистера Пенроуза были связаны с Чаном, ибо, кроме него, ни одна душа не смогла пролить свет на таинственную золотистую камелию: никто ее не видел, никто о ней не слышал, никто не понимал, почему его отвлекают всякой ерундой. Право, все мои усилия оказались настолько бесплодны, что я подумывал о необходимости вернуть мистеру Пенроузу его щедрый аванс (что было бы затруднительно, поскольку денежки уже истрачены. Не так давно портной Вон показал мне изысканный съемный воротник, отороченный мехом, и я тотчас понял, что это стало бы прекрасным подарком Джакве к Новому году. Я не ошибся: друг мой пришел в восторг и от всей души отблагодарил меня так необычно, что потребовать воротник обратно уже нельзя…).

И вот на моем горизонте появился А-Мед; после традиционных приветствий он сказал, что господин Чан, ненадолго вернувшийся в Кантон,

желает знать, получил ли я зарисовки коллекции мистера Пенроуза. Да, уже давно, ответил я, и сгораю от нетерпения предъявить их господину Чану в любое удобное ему время. Расплывшись в улыбке, А-Мед сообщил, что «начальника» его как раз неподалеку и будет рад принять меня прямо сейчас.

— Прекрасно! — воскликнул я, сбегал к себе за рисунками, и мы вышли на улицу.

Я полагал, встреча состоится, как здесь заведено, в какой-нибудь чайной или харчевне, коих в изобилии на улице Тринадцати факторий подле городских стен. Однако А-Мед свернул к реке. Я уж подумал, мы опять сядем в лодку, но, оказалось, путь наш лежал к Шамяню!

Кажется, я уже рассказывал об этой песчаной косе, в отлив предъявляющей свои заиленные берега. Она расположена в оконечности Города чужаков, неподалеку от датской фактории, и весьма прославлена тем, что служит излюбленным причалом для аляповатых «цветочных лодок». Видимо, на одной из них и предполагалась (средь бела дня!) наша встреча с господином Чаном.

Цветочные лодки занимают свою нишу среди самых больших и, бесспорно, самых ярких судов Жемчужной реки. Вид их настолько необычен,

что в любом другом месте они казались бы порождением буйной фантазии, чему способствуют павильоны, кабины, застекленные и открытые террасы, гирлянды из сотен фонариков и шелковые драпировки. На входе высятся красно-золотистые ворота, украшенные изображениями сказочных существ: извивающихся драконов, ухмыляющихся демонов и зубастых грифонов. Предназначение этих чудищ в том, чтобы оповестить всякого ступающего на борт: он входит в мир, совершенно отличный от скучной повседневной реальности. Вечерами на темной глади реки эти лодки в зареве огней и впрямь выглядят плавучим волшебным царством. Однако сейчас, при свете утреннего солнца, они казались усталыми, печальными, не столько яркими, сколько мишурными, присмиревшими и готовыми признать свое поражение в их безнадежной войне с повседневностью.

В прилив к Шамяню можно подобраться только вплавь, но когда река отступает, из-под воды, как по волшебству, появляются каменные мостки, по которым А-Мед и подвел меня к одной из огромных лодок. Высокие золоченые ворота ее были заперты, на палубе мы увидели только старуху, занятую постирушкой. Услышав окрик А-Меда,

она подхватилась и распахнула скрипучие створки ворот. Мы поднялись на борт и прошли в салон, где царил беспорядок — следствие развеселой ночи. На стенах гостиной, устланной коврами и уставленной изящной резной мебелью, висели свитки с каллиграфически выполненными иероглифами и фантастическими пейзажами; окна были затворены, здесь крепко пахло табаком, благовониями и опием.

Не задерживаясь в салоне, А-Мед прошел в коридор, по обеим сторонам которого располагались каюты; двери в них были плотно закрыты, изнутри не доносилось никаких звуков, кроме храпа. Возле темной лестницы А-Мед остановился и жестом предложил мне дальше следовать одному.

Меня изрядно потряхивало, когда я опасливо поднимался по трапу, не представляя, чего ожидать. Лестница привела меня на залитую солнцем террасу, где обложенный подушками господин Чан возлежал на кушетке. Как и прежде, одет он был в китайском стиле — серый халат, черная шапочка, однако приветствовал меня исключительно в английской манере — рукопожатием и возгласом «Здорово, здорово!». Указав на стул рядом с кушеткой, господин Чан подал мне чаш-

ку с чаем и выразил сожаление по поводу столь долгого перерыва в наших встречах, виной чему были обстоятельства, заставившие его пуститься в разъезды.

Он не производит впечатления человека, склонного к светским беседам, и потому я, дождавшись паузы, сразу вручил ему иллюстрации, выполненные Эллен Пенроуз. К моему удивлению, он даже не раскрыл папку, но отложил ее в сторону, сказав, что изучит рисунки позже, а пока хотел бы переговорить на иную тему.

— К вашим услугам, — сказал я.

— До меня дошел слух, что вы состоите в близком родстве со знаменитым английским живописцем Джорджем Чиннери и сами вы художник, работающий в той же манере.

— Да, все верно, — подтвердил я, и тогда господин Чан спросил, не знакомо ли мне, случайно, одно полотно мистера Чиннери, известное как «Портрет молодой евразийской дамы».

— Разумеется, знакомо, — сказал я, что было истинной правдой, поскольку я прекрасно знаю эту картину.

Из всех папашиных работ, созданных в Китае, больше всего я люблю именно эту. Тебе известна, милая Пагли, моя давняя привычка делать

копии впечатливших меня картин. К счастью, я не изменил ей и на сей раз, сделав небольшую, но, отважусь сказать, идеально соответствующую оригиналу копию. Вот и сейчас я смотрю на изображение юной дамы в просторной блузе синего шелка и широких белых брюках. В ее манере носить богатые одежды сквозит изящная небрежность. Абрис нежного лица напоминает лист сердцевидной формы, взгляд удивительно больших темных глаз одновременно ласков и тверд. Блестящие черные волосы, разделенные прямым пробором и мягкими волнами ниспадающие к вискам, украшены розовой хризантемой. Круглое окно на заднем плане создает эффект рамки внутри рамки: оно обрамляет голову дамы и предлагает вид на далекие горные вершины, затянутые туманной дымкой. Все детали интерьера — табурет под дамой, потолочная лампа с кистями, столик на длинных ножках и фарфоровый чайничек — безошибочно китайские. Оттенок кожи и высокие скулы дамы тоже явно азиатские, однако ее манера улыбаться, постановка ног, да и вся поза в целом указывают на некую долю иноземного в ней.

На мой взгляд, это одно из лучших папашиных творений, но я, как ты знаешь, далеко не всегда

беспристрастный судия. Вполне возможно, моя любовь к этой картине продиктована сочувствием к модели, полукровке по имени Аделина, ибо мне известны обстоятельства ее жизни и смерти (сейчас я о них поведаю, и ты согласишься, что они не могут не тронуть даже самое черствое сердце).

Из моего рассказа ты поймешь, что мое знакомство с историей персонажа картины отнюдь не поверхностно (ушло немало времени и сил, чтобы вытрясти ее из папашиных подмастерьев), но, к счастью, мне хватило духу не сообщать о том господину Чану.

— Да, я знаю этот портрет, — сказал я. — А почему он вас интересует?

— Не могли бы вы, мистер Чиннери, сделать его копию? Я хорошо заплачу.

Я слегка замешкался, представив, как взбеленится «дядюшка», если о том проведает. Но, с другой стороны, как ему узнать, когда господин Чан совершенно неуловим, да и к тому же мои финансовые обстоятельства не позволяли пренебречь заказом.

— Я охотно возьмусь, — сказал я.

— Прекрасно. Завтра я покидаю Кантон, отлучка моя продлится четыре недели. Очень хотелось

бы, чтоб к моему возвращению копия была готова. Ваш гонорар составит сто долларов серебром.

У меня аж перехватило дыхание, ибо сумма эта лишь немногим уступала той, какую запросил бы мой папаша, но тебе будет приятно узнать, что моя ошеломленность не заставила меня забыть о деле, по которому я пришел.

— А что насчет иллюстраций и золотистой камелии? — спросил я.

— Ах да! — небрежно бросил господин Чан. — На досуге я гляну рисунки. К этому разговору мы вернемся при нашей следующей встрече через четыре недели.

На том, милая Пагли, все и закончилось.

Я тотчас отправился в отель и натянул холст на подрамник. Но, приступив к работе, я понял, что задача не так проста, как мне думалось. Попытки воскресить в памяти прелестное лицо были сродни вызову духа умершего, и мне стало казаться, что меня преследует призрак Аделины, ибо именно здесь, в Кантоне, она свела счеты с жизнью, в той самой реке, что я вижу из своего окна, неподалеку от студии, открытой ее дедом на Старой Китайской улице и до сих пор существующей. Еще и в этом мы с ней схожи — она тоже родилась в творческой семье. Дед ее, которого звали

Читква, был ярчайшей фигурой кантонской художественной школы и первопроходцем во всех отношениях. В тридцать с небольшим (кажется, было это в 1770-м) он отправился в Лондон, где Королевская академия устроила выставку его работ, произведшую сенсацию. Читкву чествовали повсюду: Цоффани[56] написал его портрет, он был приглашен на обед с королевской четой. После ван Дейка ни один иностранный художник не удостаивался подобного приема в Лондоне. Однако, несмотря на громадный успех, жизнь его закончилась бесславно. По возвращении в Кантон он влюбился в женщину незнатного рода, которую одни причисляли к лодочницам, другие к «цветочницам».

Читква уже был отцом изрядного выводка детей от многочисленных жен и любовниц, однако вопреки яростному противодействию дальних и близких родичей взял под крыло свою новую возлюбленную, которая родила ему сына. Этого ребенка и его мать он окружил любовью и заботой, каких прежде от него не получал никто. Как ты понимаешь, это породило большую зависть и немалые опасения касательно судьбы семейной

[56] Примечания: 56

Иоганн Йозеф Цоффани (1733–1810) — немецкий художник-неоклассик, большую часть жизни работавший в Англии.

собственности. Неизвестно, имело ли все это отношение к смерти Читквы, скажем только, что он внезапно испустил дух после застолья, из-за чего возникли упорные слухи об отравлении. Как бы то ни было, у юной наложницы и ее сына отобрали все, кроме единственного слуги, и остались они одни на белом свете.

Будь обстоятельства его рождения иными, мальчик, прошедший кое-какое обучение у своего отца, легко пристроился бы в одну из бесчисленных кантонских студий. Но городские художники, представлявшие собою тесно спаянный мирок, не пожелали принять его в свою среду. Парень перебивался случайными заработками, делая иллюстрации для ботаников и коллекционеров. История гласит, что некий богатый американец подметил способного юношу и увез его в Макао, где помог ему открыть собственную студию. Вот тогда-то молодой человек и взял себе имя, под которым прославился — Аланцае.

Как нередко бывает с потомством, зачатым, так сказать, на изнанке простыни, он пошел в отца гораздо больше любого другого из детей Читквы. Вскоре Аланцае стал самым известным портретистом в Макао, и к нему повалили валом чужеземные торговцы, капитаны и, разумеется,

местные чиновники-португальцы, заказывавшие изображения собственных персон, а также своих отпрысков и, уж конечно, супружниц. Среди этих деятелей был один идальго благородных кровей и преклонных лет из числа тех сверчков, что уютно стрекочут в щелях древних империй и, используя связи, намертво вцепились в свои должности. Прежде сей прекрасный кабальеро служил в Гоа, португальской метрополии в Азии, где потерял одну жену и обзавелся другой: первую супругу унесла малярия, и он женился на шестнадцатилетней девушке, на полвека моложе его. Новобрачная-метиска происходила из некогда знатной, а ныне переживавшей трудные времена семьи и была по всем статьям писаной красавицей, можно сказать, розаном; и вот муж, ошалевший от радости, что заполучил этакую бутоньерку в свою петлицу, заказал ее портрет, дабы запечатлеть всю утреннюю свежесть ее очарования.

Признаюсь, милая Пагли, история эта меня заворожила, и я как будто собственными глазами вижу прелестную сеньору индо-португальских кровей и юного красавца, китайского художника: она в кружевной мантилье, он, темноглазый и длинноволосый, в шелковом балахоне. Вообрази

молоденькую женушку, которая принадлежит дряхлому старцу, не способному на исполнение супружеского долга, и полного сил живописца с девственно чистой душой. Видишь ли ты, как под присмотром хмурых дуэний, перебирающих четки, они ловят взгляды друг друга? Но все это, увы, напрасно! Сеньора столь же благочестива, сколь хороша собой, она не уступит соблазну, и страсть художника, не найдя иного выхода, выплескивается на холст. Кисть нежит и ласкает его, горячим ярким фонтаном изливается чувство, и вот семя брошено, в живописном образе зарождается жизнь, которая приходит в мир как дитя любви, как нечто прекрасное, что еще больше укрепляет привязанность, возникшую в миг творения. И все же… и все же… осуществление сего невозможно. Общество не спускает с них сурового взора. Однако небеса сжалились над влюбленными: старый кабальеро, дряхлевший, как я уже сказал, не по дням, а по часам, почил вскоре после завершения портрета (говорят, с ним его и похоронили). После кончины старика сеньора остается в Макао якобы для того, чтобы скорбеть над его могилой, но очень быстро секрет выходит наружу: она стала тайной женой Аланцае!

Вообрази скандал, сплетни и злословье: от

пары отвернулись все их знакомые — китайцы, европейцы и даже земляки из Гоа. Поток заказов вдруг пересох, художник, некогда такой востребованный, стал парией, он влачит жалкое существование, зарабатывая на жизнь изготовлением вывесок и безвкусной росписью стен. Но эти двое все равно счастливы, ибо они обрели друг друга, и вскоре их любовь вознаграждается бесценным даром — дочкой Аделиной. Они ликуют, еще не зная, что конец их счастья близок — дни Аланцае сочтены, к нему уже подкрадывается мрачная смерть, принявшая обличье тифа.

После его кончины сеньора, выбиваясь из сил, доводит дочку до порога отрочества, а затем и сама безвременно сходит в могилу, и юную Аделину отдают в приют, где сироты и дети из малоимущих семей кое-как существуют на милостыню общества.

Коротко говоря, Аделина (больше известная как Адели) была не того нраву, чтобы вечно торчать в стенах сиротского приюта. Она сбежала в Макао, где со временем стала самой знаменитой куртизанкой (по слухам, тогда-то мой папаша ее и приметил, а что еще о том говорят — предоставляю твоему воображению).

Как водится, покровителей не устраивало, что

приходится делить такую красотку с соперниками. Между любовниками, среди которых было много людей богатых и влиятельных, разгорелась яростная борьба, но победа досталась тому, с кем никто не мог состязаться. В какой-то момент своей жизни Адели стала заядлой опийной пристрастницей, и ею завладел человек, исправно снабжавший ее зельем; безымянный и безликий, словно тень, он носил прозвище Старший Брат. В роли его содержанки Адели, как ты понимаешь, превратилась в птицу в золотой клетке и была отрезана от своей прежней жизни. Дабы отсечь любые сомнения в ее верности, новый хозяин перевез Адели из Макао в кантонское поместье, куда и наведывался на досуге. Но люди такого сорта редко имеют возможность расточать время на любовницу, как бы того ни хотелось; когда Старший Брат не мог навестить ее лично, через своего доверенного помощника он присылал подарки в виде денег, украшений и опия. Вот тот молодой человек и стал единственным звеном, связующим Адели с внешним миром, ее спасательным кругом.

Вряд ли нужно говорить, чем все это закончилось: их, разумеется, накрыли, парень бесследно исчез, а что до Аделины… Говорят, она предпочла

броситься в реку, нежели жить без любимого.

Дочитав досюда, ты, милая Пагли, вероятно, задашься вопросами, какие возникли и у меня: зачем господину Чану этот портрет? Кто ему Адели? И кто *он* такой? В поисках ответов ты наверняка придешь к тем же догадкам (открытиям?), что сами собой напрашивались в моих рассуждениях… Только не опасайся, что эти неизбежные ошеломляющие умозаключения помешают мне исполнить взятый заказ, а также долг перед мистером Пенроузом — твой бедный Дрозд не такая уж рохля, как можно подумать…

Через четыре недели ты, дражайшая графиня Паглинбергская, получишь мое очередное письмо, а дотоле прощай!

С наступлением февраля стали просачиваться сообщения о скором прибытии нового назначенца — Верховного комиссара, Имперского наместника. Эти сведения Совет получал в основном через переводчика Палаты — Сэмюэля Фирона.

Члены Совета с нетерпением ждали отчетов этого молодого стройного блондина, и при всяком его появлении по гостиной пробегала рябь волнения. Редактор Слейд с особой настойчивостью обхаживал юного переводчика и давеча подтянул

его к своему столику, зацепив рукояткой трости за локоть.

— Ну что, мой мальчик, есть ли какие новости?

— Так точно, мистер Слейд.

— Тогда присаживайтесь, я хочу услышать их из ваших уст. Мистер Бернэм уступит вам свой стул. Правда, Бенджамин?

— Да, конечно.

Фирон подсел к столику, за которым уже расположились Дент и Бахрам. Новость, которую он сообщил, изумила всех: оказывается, дорожные издержки комиссар оплачивает из своего собственного кармана! Мало того, он делает все возможное, чтобы не вводить государственную казну в ненужные расходы.

Известие было встречено недоверчивыми возгласами: мысль, что мандарин не захочет поживиться за казенный счет, казалась несуразной. Все, в том числе и Бахрам, согласно покивали, когда мистер Бернэм высказал мнение, что комиссар просто рисуется, дабы одурачить простофиль.

— Попомните мои слова: удавку затянут тем туже, чем незаметнее накинут.

Все долго переваривали сию мудрость.

Нынче Фирон вновь принес удивительную новость, но Слейд лишь досадливо крякнул, ибо не успел усадить его за свой столик — толмача перехватил мистер Уэтмор.

— А, Фирон! — вскричал без пяти минут председатель Палаты. — Угостите нас чем-нибудь интересным?

— Да, сэр, есть чем.

Все столики тотчас опустели, народ сгрудился вокруг переводчика.

— И что же вы узнали?

— Говорят, сэр, прибытие Верховного комиссара откладывается.

— Вот как? — ехидно сказал Слейд. — Вероятно, он страдает от последствий слишком бурного празднования Нового года?

— Никак нет, сэр. Насколько я знаю, комиссар встречается с учеными, в первую очередь с теми, кто сведущ в жизни заморских земель.

И вновь раздались недоуменные возгласы: членам совета казалось невероятным, что существуют китайские ученые, проявляющие интерес к зарубежью. По крайней мере, многие были готовы согласиться со Слейдом, который, оглушительно реготнув, сказал:

— Чтоб мне лопнуть, господа, все опять упрется

в ревень!

Все прекрасно помнили, что прежние попытки китайцев изучить жизнь рыжеволосых бесов всегда заканчивались нелепыми выводами, как, например, в случае с ревенем. Эта культура составляла лишь крохотную долю в кантонском экспорте, но местные власти почему-то были убеждены, что без сего насущного элемента европейского меню чужаки мгновенно погибнут от запора. В моменты конфронтации китайские чиновники не раз вводили эмбарго на экспорт ревеня. Обстоятельство, что ни один чужеземец не разбух и не лопнул, ничуть не поколебало их веры в свою теорию.

Для пущего эффекта Слейд процитировал памятную всем записку императору, неизменно вызывавшую смех:

— Исследования показали, что чужеземцы, на день-другой лишенные китайского чая и ревеня, слабеют глазами и страдают запором в степени, угрожающей их жизни…

Отсмеявшись, Бернэм вытер глаза и заявил:

— Спору нет, лорд Нейпир[57] попал в точку, сказав, что китайцы — нация непревзойденного

---

[57] Примечания: 57

Джон Нейпир (1550–1617) — шотландский математик, один из основоположников логарифмического исчисления.

идиотизма.

Ему возразил Кинг, уже давно беспокойно ерзавший на стуле:

— Сомневаюсь, сэр, что лорд Нейпир, который был набожным христианином, мог выступить со столь злобным высказыванием.

— Позвольте вам напомнить, Чарльз, что он был еще и ученым, а потому не лицемерил, когда здравый смысл приводил его к неоспоримым выводам.

— Именно оттого, сэр, что лорд Нейпир был не только добрым христианином, но также предтечей Шотландского Просвещения, я не могу поверить в подобные его суждения.

— Что ж, бьемся об заклад? — сказал Бернэм.

Тотчас раскрыли журнал для пари и на разграфленной странице записали ставку в десять гиней. Затем из библиотеки принесли книгу с мемуарами лорда Нейпира и быстро отыскали нужный абзац: «Провидение позабавилось, снабдив китайскую нацию, для которой весьма характерны скудоумие, алчность, кичливость и упрямство, завидным пространством земель и населением, составляющим почти треть всей человеческой расы».

Поскольку цитата не содержала слова «идио-

тизм», арбитром в пари выступил председатель Палаты, присудивший победу Бернэму, который снискал еще большее уважение тем, что пожертвовал выигрыш больнице преподобного Паркера.

Вечер закончился на веселой ноте, однако скопление слухов вокруг приезда комиссара мешало обычной работе Палаты и создавало атмосферу тревожного ожидания. Вот в таких условиях мистер Уэтмор устроил небольшой ужин в честь Хью Линдси, покинувшего пост председателя.

За трапезой румяный весельчак Линдси пребывал в несвойственной ему задумчивости, а когда отгремели благодарственные речи и он поднялся для ответного слова, встревоженность его стала весьма заметной.

— Надо признать, что до сих пор опийная торговля сулила огромную прибыль, оправдывавшую возможные риски. Однако надо помнить, что она велась с разрешения либо при попустительстве китайских властей. Возникают сомнения, что так будет продолжаться и дальше. Каков же выбор? Либо прекратить эту торговлю вообще, либо найти способ избежать вмешательства китайцев. Скажем честно: первое, прекращение опийной торговли, будет неприемлемо, пока су-

ществуют другие варианты. А посему выход прост и очевиден: *обустройство на китайском побережье поселения под эгидой британской короны.*

Вместе со всеми Бахрам вежливо похлопал этому заявлению, в котором не было ничего нового — подобные предложения поступали и раньше. Преимущества базы для прибрежной торговли были очевидны: иностранные купцы смогли бы продавать опий и другие товары без оглядки на китайские власти. Вдобавок это избавило бы купцов от опасностей и злопыхательства, сопровождавших доставку грузов на материк — последнее стало бы заботой местных контрабандистов. Западная благопристойность не замарана, виноваты китайцы.

Единственным препятствием для этой идеи было многообразие мнений о месте устройства базы. Бахрам слышал немало странных предложений на этот счет, но вот мистер Линдси выдал нечто совершенно удивительное:

— Полагаю, нет нужды говорить, что существует множество свободных пунктов, прекрасно подходящих для нашей цели, однако, на мой взгляд, ничто не сравнится с архипелагом, недавно захваченным британским правительством — островами Бонин, расположенными между

Японией и Формозой.

Бахрам знать не знал об этих островах и о том, что они захвачены британцами; он не представлял, какая от них может быть польза, и потому обрадовался контрпредложению Слейда:

— Наверняка найдется что-нибудь получше и поближе к Китаю, ну вот, например, та же Формоза.

Все задумались, но тут стало ясно, что предложение Слейда было лишь данью краснобайству.

— Да нет же, сэр! — прогремел он, стремительно меняя тактику. — Невозможно, чтобы после двухвековой коммерции мы покинули наши фактории и убрались из Кантона. Именно здесь следует обустроить наши позиции и показать китайцам, что при попытках ограничить зарубежную торговлю их хваленая держава разлетится вдребезги. Не время ли задаться вопросом о возможных последствиях для империи под властью невежественных и упрямых правителей, которые ничего не знают о жизни за пределами Китая и упорно цепляются за собственные догмы? Ответ ясен: мы должны здесь остаться хотя бы ради того, чтобы защитить китайцев от них самих. Я не сомневаюсь, что вскоре британское правительство сочтет необходимым вмешаться в

ситуацию, как уже не раз бывало в других местах, дабы усмирить гражданские волнения.

Грянула овация, и все поздравили Слейда с тем, что он вновь нашел удовлетворительное решение для трудного вопроса.

К концу февраля потеплело, а уже в первую неделю марта пришла удушающая жара. На майдане появился новый вид разносчиков, торговавших холодным питьем и замороженными сластями, которые хранились в глиняных горшках, обернутых сеном и тряпками.

На закате Нил частенько выходил на площадь, чтобы охладиться ледяным напитком. Одним вечером он столкнулся с близоруким Комптоном, который куда-то так спешил, что даже не протер запотевшие очки.

— А, Нил! *Дим аа?*

— *Хоу лэн*. Куда это вы так несетесь?

— На причал, нанять лодку.

— Вот как? Зачем?

— Неужели не знаете? Завтра юм-чаэ прибывает в Гуанчжоу.

— Кто?

— Верховный комиссар Линь. Все жители нанимают лодки, чтобы на него посмотреть. Если желаете, присоединяйтесь. Завтра в первой поло-

вине часа дракона будьте на причале.

— В семь?

— Да. Придете?

— Не знаю, работы много.

Комптон рассмеялся:

— Не волнуйтесь, завтра никто не работает, даже воротилы.

Удивительное предсказание сбылось: вечером Вико объявил завтрашний день выходным для всего персонала. Хозяйский завтрак в конторе тоже отменялся — сет приглашен наблюдать за прибытием комиссара с веранды Консульства.

С утра стало ясно, что весь город охвачен нетерпеливым ожиданием: вдалеке стучали барабаны, трещали фейерверки; за перекусом на скорую руку повар Место сообщил, что базары пусты, а лавки на улице Тринадцати факторий закрыты. Все, даже лоточники и бродяги, спешили хоть краем глаза увидеть юм-чаэ.

Когда Нил вышел на майдан, с веранд британской и голландской факторий уже доносился гул зрителей, а на причале «Очко» было не протолкнуться. Целых полчаса он высматривал Комптона и наконец увидел его в компании детишек, которых тот вел к ожидавшему их сампану.

Трое мальчиков — его сыновья, сказал Комп-

тон, остальные — дети знакомых. Ребятне явно наказали не бедокурить, не дразнить гостя «черным ачха», но вести себя примерно, и шалуны, опустив глаза долу, скромно приветствовали Нила, а потом даже одергивали озорников в соседних лодках, когда те отпускали нелестные замечания о его тюрбане и ангаркхе.

Отчалили, но в столпотворении лодок, двигавшихся борт к борту, плыли еле-еле.

Нил поразился скоплению народа:

— Прямо будто праздник какой! И что, так всякий раз, когда в город приезжает большой начальник?

— Нет! — рассмеялся Комптон. — Обычно все наоборот — люди прячутся. Но Линь Цзэсюй — иное дело, он не такой, как прочие…

Прибытию комиссара, пояснил печатник, предшествовала молва о нем, породившая чрезвычайное брожение умов. Рассказы о его поездке заставили людей предположить, что он, видимо, последний из породы начальников, которая считалась давно сгинувшей: неподкупный слуга народа, ученый и умница, истинный государственный муж, воспетый в легендах и притчах.

Если другие чиновники, окруженные огромным эскортом, всегда путешествовали за ка-

зенный счет, то своей весьма небольшой свите — полудюжине вооруженных охранников, повару и паре слуг — юм-чаэ платил из собственного кошелька. Приближенные других начальников, ничуть не стесняясь, тянули деньги из тех, кто искал встречи с их боссом, но комиссар строго предупредил своих людей: уличенный во взяточничестве сядет в тюрьму. В гостиницах и постоялых дворах он заказывал самую обычную еду, категорически отвергая дорогие изыски вроде птичьих гнезд и акульих плавников. В пути он не бражничал с другими шишками, но встречался с учеными и знающими людьми, у которых спрашивал совета, как управиться с ситуацией в южных провинциях.

— С моим учителем юм-чаэ тоже повидался, — гордо сказал Комптон.

— А кто он?

— Его имя Чан Нань-шань, но, как своего учителя, я называю его Чжун Лоу-сы. В Гуанчжоу его все знать. Он писать много книг. Теперь будет советник юм-чаэ.

— Он едет вместе с комиссаром?

— Конечно! Может, вы его увидеть.

Толпа заволновалась, почувствовав приближение комиссара, и вскоре в поле ее зрения возник

величавый баркас, затянутый малиновыми полотнищами в золотых блестках, сверкавших под солнцем. На палубе выстроилась команда, одетая в белую форму с красным кантом и островерхие ротанговые шляпы.

Баркас подошел ближе, и Нил увидел комиссара Линя, сидевшего на носу судна в тени огромного зонта. За спиной его стояли мандарины в шапках с красными и синими шариками, чуть дальше — шеренга гвардейцев в шлемах с плюмажами из конского волоса.

На фоне рослых солдат и ярких стягов, трепетавших на ветру, юм-чаэ выглядел маленьким и одетым блекло.

Подчиняясь размеренным взмахам весел, баркас плыл довольно быстро, однако Нил успел хорошо рассмотреть комиссара. Против ожидания, тот не был хмурым и чопорным, но с живым интересом оглядывал толпу — глаза его на гладком пухлом лице с высоким лбом, темными усиками и клочковатой бородкой светились умом.

Комптон дернул Нила за рукав и показал на корму:

— Смотрите, вон Чжун Лоу-сы!

Согбенный старик с жиденькой седой бородой,

подслеповато щурясь, рассматривал скопление лиц. Каким-то чудом он заметил Комптона, и оба раскланялись.

— У вас хорошие отношения? — спросил Нил.

— Да, он частенько заходит в мою печатню поговорить о том о сем. Его интересуют английские книги и публикации «Кантонского дневника». Как-нибудь вы с ним познакомитесь.

— Я бы очень хотел, — сказал Нил, разглядывая сутулого старца, этакий образ китайского мудреца.

Зрителей, следивших за церемонией встречи с веранды Консульства, ошеломил ее финал, когда комиссар остановился у ворот цитадели и заговорил с местными чиновниками. Похоже, он их о чем-то спросил, потому что те показали на иностранный анклав. Комиссар оглянулся, и вот тогда каждому на веранде показалось, что он смотрит именно на него.

Взгляд этот смутил членов Совета, и все они согласились с Дентом, сказавшим:

— Не будем заблуждаться, господа, намерения сего человека отнюдь не мирные.

Вместе со всеми Бахрам отправился на завтрак, с учетом жаркой погоды накрытый на тенистой веранде Палаты. Море эля и отменные блюда

не придали веселья трапезе, вскоре принявшей характер военного совета. Условились встречаться регулярно и обсуждать добытые сведения; новому председателю мистеру Уэтмору было поручено создать службу нарочных, дабы Совет мог собраться в любое время дня и ночи. Решили, что в случае кризиса церковный колокол британской фактории послужит набатом, возвещающим общую тревогу.

После этих довольно зловещих приготовлений наступило некоторое затишье, не требовавшее нарочных и набатного перезвона. Скупые новости не давали повода для беспокойства: новый глава проводит собрания и занят обустройством своего жилища. Озадачило только известие, добытое Фироном: комиссар не захотел обосноваться в той части города, где обитали военачальники и крупные чиновники, но местом своей резиденции выбрал старейшее образовательное учреждение Кантона — академию Юэ Линь.

В Совете никто не слышал об этом заведении, и даже Фирон не знал, где оно расположено: чужеземцам было нелегко заполучить план города, и посему география цитадели для них представляла определенную загадку. Самая подробная из тех немногих карт, что все же имелись, была у

председателя Торговой палаты: основой для нее послужил двухсотлетней давности план, начертанный голландцами, в который теперь вносили новшества, какие удавалось раздобыть. В целях безопасности карта хранилась в запертом шкафу в кабинете председателя, куда, по приглашению мистера Уэтмора, и направились члены Совета.

На расстеленной карте Кантон предстал в виде колокола или купола: вершину холма на севере помечала башня Умиротворение моря, относительно ровная линия внизу листа означала реку, шестнадцать проемов в стенах цитадели подразумевали входные ворота. Сам город был представлен в виде сетки разномастных улиц и проспектов, пересекавшихся под прямыми углами.

Карта показала, что иностранный анклав и район административных зданий разделены не только городскими стенами, но и густо населенными жилыми кварталами: Город чужаков выглядел крохотным придатком в юго-западной оконечности цитадели. Район, где обитали мандарины и маньчжурские военачальники, был в северном секторе города, и чужеземцы считали большой удачей свою удаленность от местных властей — вот почему было важно знать местопо-

ложение резиденции Верховного комиссара. Она оказалась в неуютной близости к иностранным факториям.

— Все ясно, — сказал Дент. — Он направляет свой корабль нам наперерез. Готовит залп из бортовых орудий.

В ответ Слейд выпятил грудь и вдохновенно произнес:

— Что ж, сэр, вот и определилась линия нашего поведения. Зарубежной общине надлежит оставаться абсолютно спокойной и бездеятельной. Пусть китайские власти сделают первый ход, к чему они всегда понуждают своих оппонентов, зная, что тем самым получат преимущество. Но в кои-то веки этим воспользуемся мы. — Громовержец многозначительно помолчал и закончил: — В надвигающейся буре нам следует быть не дубом, но ивой.

Выступление его немедленно получило единодушную поддержку:

— Правильно!

— Отлично сказано, Джон!

Бахрам радостно присоединился к хору голосов. Он опасался, что британские горячие головы займут чрезмерно воинственную позицию, и теперь облегченно выдохнул, когда самая буйная из них

призвала к сдержанности.

— Прямо в яблочко, Джон! Сейчас лучше быть ивой, нежели дубом. Сперва дождемся бури.

Однако предсказанный разгул ненастья замешкался: в последующие дни ощущались только бесцельные порывы встречного ветра. Тревога, вспыхнувшая от известия о приказе комиссара доставить к нему осужденных поставщиков опия, угасла после сообщения, что он смягчил им наказание. Пошли разговоры о том, что суровость наместника, возможно, преувеличена, но их опровергла следующая новость: юм-чаэ покинул Кантон, отправившись инспектировать фортификации на Жемчужной реке.

Члены Совета дружно испустили вздох облегчения, радуясь предстоящим спокойным дням, жизнь анклава стала входить в привычное русло, но вот комиссар вернулся и сделал первый ход.

Бахрам завтракал, когда на пороге дома № 1 фактории Фантай-Хон появился нарочный. Его встретил Вико, который, выслушав сообщение, бегом кинулся наверх и без стука вошел в контору.

Бахрам снимал пробу с пакоры из первых весенних овощей. Секретарь вслух читал последний номер «Дневника», но смолк, увидев Вико.

— Патрон, только что прибыл нарочный с известием об экстренном собрании.

— Заседание Совета?

— Нет, патрон, общее собрание Палаты, но членам Совета прибыть срочно.

— Не знаешь, в чем там дело?

— Собрание созвано по просьбе купцов гильдии Ко-Хон. Они уже там, вам надо поторопиться.

Бахрам допил чай и встал из-за стола.

— Приготовь мне чогу — хлопчатую, но не слишком тонкую.

В последние дни жара спала, по майдану гулял неожиданно свежий ветерок. Бахрам плотнее запахнул чогу. Тут его окликнули Дент, Слейд и Бернэм, направлявшиеся к Палате. Прибавив шагу, Бахрам их догнал.

Общие собрания обычно проходили в Большом зале, где уже были расставлены стулья, обращенные к высившейся трибуне. В первом ряду сидели, глядя прямо перед собой, китайские купцы в официальных одеждах и шапках с шариками, означавшими их ранги; вдоль стены выстроились их переводчики и слуги.

Места рядом с китайской делегацией пустовали — первые два ряда отводились для членов Совета. Усевшись, Бахрам и его коллеги обратили

внимание на председателя Уэтмора, о чем-то возбужденно говорившего с переводчиком Фироном. Оба выглядели усталыми и расстроенными, особенно Уэтмор — небритый, всклокоченный, он напрочь утратил свой всегдашний лоск.

— Боже мой, у них такой вид, будто всю ночь не спали, — сказал Дент.

Слейд скривил губы в сардонической усмешке:

— Возможно, Уэтмор стал давать уроки турецких услад.

Но тут объект его шпилек взошел на трибуну и взял в руку молоток, с первым ударом которого в зале воцарилась тишина.

— Господа, я признателен за ваш быстрый отклик на зов, — сказал мистер Уэтмор. — Поверьте, я бы не стал вас беспокоить, если б не серьезность вопроса, поднятого нашими коллегами из гильдии Ко-Хон, чьих представителей вы видите в зале. Меня просили информировать вас о том, что вчера гильдию в полном составе вызвали в резиденцию имперского наместника, Верховного комиссара Линь Цзэсюя, где она пробыла до поздней ночи. На рассвете китайские коллеги передали мне указ комиссара, в котором он обращается к иноземным торговцам Кантона, то бишь к нам. Я тотчас вызвал переводчика, и он

приступил к работе, которая еще не завершена, однако Фирон заверил, что сможет изложить суть наиболее важных частей документа. — Он посмотрел на Фирона. — Вы готовы, Сэмуэль?

— Да, сэр.

— Что ж, мы вас слушаем.

Переводчик положил стопку бумаг на пюпитр и стал читать:

— «Воззвание имперского комиссара, его превосходительства Линь Цзэсюя к иноземцам.

Общеизвестно, что чужестранцы, прибывающие торговать в Кантоне, пожинают огромную прибыль. Сие подтверждено фактами. Число ваших кораблей, в прежние годы не превышавшее нескольких десятков, значительно возросло. Зададимся вопросом, есть ли на всей земной шири под небесами другой торговый порт, столь урожайный по выгодам? Наши чай и ревень — товары, без которых вы, чужеземцы из дальних краев, не проживете и дня…»

— Ага! — Слейд радостно ухмыльнулся. — Ну что я говорил?

— «Благодарны ли вы, иноземцы, за милости, оказанные вам Императором? Надо уважать наши законы и в погоне за прибылью нельзя наносить вред другим. Как же так вышло, что

вы завозите нам опий и одурманиваете наших людей, разрушая их жизни? Я знаю, что вы десятки лет обольщали и сбивали с толку китайский народ, а ваши неправедные накопления не поддаются счету. Такие деяния порождают гнев в каждом человеческом сердце и выглядят непростительными в глазах небес…»

Бернэм, сидевший рядом с Бахрамом, злобно прошептал:

— На себя посмотри, лицемер чертов! Ты со своими дружками-мандаринами в стороне, что ли?

— «…одно время запрет на опий ослаб, однако ныне великий Император переполнен гневом и не остановится, доколе полностью не покончит с зельем. Вы, иностранцы, обитающие на нашей земле, должны благоразумно подчиниться нашим законам, как поступают сами китайцы».

По залу прокатился негодующий ропот:

— …подчиняться законам длиннохвостых обезьян?

— …глядишь, и в колодку закуют, как в Средние века…

— …или удавят, как Хо Лао-кина…

Бахрам вздрогнул — опять это имя! Он посмотрел на китайскую делегацию, и ему показалось, что один толмач, наблюдавший за ним, поспеш-

но отвел взгляд. Сердце его забилось, пальцы стиснули набалдашник трости. Он почувствовал, что толмач опять смотрит на него, и приказал себе сидеть спокойно. Пока он боролся с паникой, Фирон читал дальше:

— «…Я, имперский посланник, родом из прибрежной провинции Фуцзянь и прекрасно знаю все ваши чужеземные хитрости и уловки. Мне известно, что в трюмах ваших кораблей, изрядное число коих стоит у Линтина и других островов, десятки тысяч ящиков с опием. Вы намерены тайком доставить их на берег. Но как вам продать свой груз? Нынче опий запрещен категорически, все знают, что он — смертельная отрава. Так зачем вам хранить его в трюмах, неся большие убытки, и держать корабли на якоре, подвергая их опасностям шторма, пожара и прочих бедствий?» — Переводчик сделал паузу, чтобы перевести дух. — «Суммируя все вышесказанное, я издаю указ, по ознакомлении с коим чужеземным торговцам надлежит незамедлительно и с должным почтением передать весь груз опия официальным представителям власти. Пусть гильдия Ко-Хон возьмет это под свой контроль и составит поименный список чужеземных купцов с указанием числа сданных ими ящиков и общего

веса опия, который затем ответственные лица предадут огню, дабы пресечь творимое им зло. Даже гран зелья не может быть утаен…»

Возмущенный гул, росший в зале, заглушил слова переводчика:

— …сдать весь груз?

— …чтоб его сожгли?

— …бредни ополоумевшего самодура!..

Мистер Уэтмор вскинул руки:

— Тише, тише, господа! Это еще не все.

— Не все?

— Да, имеется и другое требование. Комиссар желает клятвы. — Уэтмор повернулся к переводчику: — Пожалуйста, Фирон, прочтите эту часть указа.

— Слушаюсь, мистер Уэтмор. — Фирон перебрал листы. — «Говорят, в своих сделках вы, иноземцы, придаете большое значение понятию „добросовестность“. Приказываю подготовить выполненное китайским и чужеземным письмом обязательство, которое четко установит: отныне и во веки веков ни один ваш корабль не посмеет прибыть к нам с опием. Но ежели такое произойдет, весь груз будет конфискован, а команда и пассажиры преданы смерти…»

— Позор!..

— Это уж ни в какие ворота!..

Зал взревел, и перепуганные китайские купцы поспешили укрыться за спинами своей свиты. Ни крики, ни молоток председателя не смогли восстановить тишину. Мистер Уэтмор поспешил к членам Совета.

— В таком духе продолжать бессмысленно, здесь мы ничего не решим, — сказал он. — Объявляю срочное заседание Совета. Китайцам нужен ответ немедленно.

— Делегация готова ждать? — спросил Дент.

— Да, они сами на этом настаивают, поскольку не могут вернуться без ответа.

— Что ж, идем заседать.

Под невообразимый гвалт члены Совета и китайская делегация покинули зал через боковую дверь и поднялись на третий этаж. Первые гуськом прошли в апартаменты председателя, вторые остались ждать в приемной.

Коммерсанты расселись в конференц-зале, но многих из них весьма озадачило присутствие переводчика Фирона.

— Скажите, мистер Уэтмор, — обратился Слейд к председателю, — вы так прониклись своим юным дружком, что ввели его в Совет?

Уэтмор одарил редактора ледяным взглядом.

— Он здесь, чтобы дочитать указ.

— Там еще что-то? — удивился Дент.

— Да, нечто. — Уэтмор кивнул переводчику — мол, приступайте.

— «Мне уже известны имена бесчестных чужеземцев, давно торгующих опием. И я прекрасно знаю добропорядочных обитателей иностранных факторий, никогда не имевших с ним дела».

При упоминании «добропорядочных чужеземцев» гневные взгляды обратились на Чарльза Кинга. Он же, притворившись, будто их не замечает, смотрел прямо перед собой.

— «Добропорядочен тот, кто укажет на нечестивых торговцев, понудит их сдать свой груз и покажет пример в принятии на себя вышеупомянутого обязательства, и тогда я, имперский посланник, не замедлю наградить его отличительным знаком своего одобрения».

Слейд не выдержал и взорвался:

— Ну это уже беспредельная мерзость — сулить награду иудам!

Он в упор смотрел на Чарльза Кинга, и потому не оставалось сомнений, кого он имеет в виду. Кинг побагровел и собрался ответить, но его опередил мистер Уэтмор:

— Прошу вас, господа, дайте Фирону закончить.

Хочу напомнить, что он не член Совета, а посему воздержитесь от *всяких* обсуждений в его присутствии.

Слейд внял упреку, и переводчик, изрядно оробевший, продолжил чтение:

— «Горе и радость, бесчестье и почет — в ваших руках! Выбор за вами. Я приказал купцам китайской гильдии пройти по вашим факториям и растолковать вам суть дела. Мною установлен срок в три дня на ваши размышления и принятие обязательства. Не стоит прибегать к проволочкам и выжиданию!»

Зал буквально кипел негодованием, однако никто не проронил ни слова, пока не закрылась дверь за юным переводчиком. Мистер Уэтмор занял председательское место и кивнул Бернэму. Тот откинулся на стуле, огладил шелковистую бороду и спокойно сказал:

— Назовем вещи своими именами: нам открыто угрожают, наши жизни, собственность и свобода в опасности. Однако обвиняют нас лишь в том, что мы соблюдаем законы свободной торговли, которые мы не можем не чтить, как не можем пренебречь законами природы и божьими заповедями.

— Полноте, мистер Бернэм! — перебил его

Чарльз Кинг. — Вряд ли Господь повелел вам привозить безмерный груз опия вопреки воле и законам этой страны.

— Уймитесь, Кинг! — рявкнул Слейд. — Или напомнить, что закон имеет силу только у цивилизованных народов? Китайцы в их число не входят, и это подтверждено действиями комиссара, коль вам еще нужны доказательства.

— То есть вы считаете, что цивилизованный народ не станет запрещать опий? Однако, сэр, это противоречит политике наших собственных правительств.

— Похоже, мисс Кинг, — с подковыркой сказал редактор, — ваша любовь к Поднебесной лишила вас способности понимать простой английский. Вы извратили мои слова. Угрозы комиссара выставляют его существом, не имеющим понятия о цивилизованности. Не он ли в своем обращении обещает науськать жителей на нас? Не он ли намекает, что наша собственность и жизнь зависят от его милости? Уверяю вас, сэр, что в представителе любого цивилизованного государства вы не встретите этакую гордыню вкупе с тщеславием и неслыханным высокомерием.

— Господа, господа! — вмешался мистер Уэтмор. — Сейчас не время и не место дискутировать

о цивилизованности. Позвольте напомнить, что нам выдвинут ультиматум и коллеги из гильдии ожидают нашего ответа.

— Ультиматум! — взъярился Слейд. — Само это слово невыносимо для британского уха! Любой отклик на него нанесет оскорбление королеве!

— Вот тут я с вами не соглашусь, Слейд. — Дент задумчиво побарабанил пальцами по столу. — Я считаю, ультиматум — наиболее желательный вариант развития событий.

— Помилуйте, как это?

— Противник поднял «Веселого Роджера» и произвел бортовой залп. Теперь очередь за нами.

— И что вы предлагаете сделать? — спросил Бернэм.

Дент всех оглядел и улыбнулся.

— Ничего. Я предлагаю не делать ничего.

— Совсем ничего?

— Да. Скажем нашим китайским коллегам, мол, это чрезвычайно важный вопрос, требующий всестороннего рассмотрения и консультаций, на что уйдет какое-то время. Тем самым мы получим возможность понять, каков этот Линь. Поставить ультиматум легко, а вот действовать по его условиям непросто.

Дент смолк и стал чертить каракули на листке.

Молчание нарушил Бернэм:

— Черт возьми, Дент, вы правы! Гениальный ход! Наша задача — ничего не делать. Поглядим, кусач ли пес, что так громко лает.

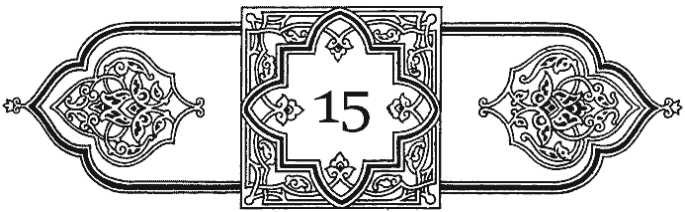
Мистер Уэтмор покачал головой:

— Я сомневаюсь, что китайские купцы этим удовольствуются. Не забывайте, в Консу их ждут с нашим ответом.

— Значит, с ними пойдете вы, Уэтмор, и, конечно, любимец мандаринов мистер Кинг, — усмехнулся Дент. — Вам не составит труда объяснить, что на рассмотрение требований комиссара понадобится время. Довод вполне убедительный, не подкопаешься.



15



Отель «Марквик».
20 марта 1839.

Милая моя Пагли,

Ты, конечно, помнишь, что я обещал написать через четыре недели. Вышло немного дольше, но мои новости, обещаю тебе, окупят задержку. Пожалуйста, не вообрази, что все это время тебя не было в моих мыслях, — с большой охотой я перечитывал твои письма. Мне очень интересны все ваши события, в частности, решение мистера Пенроуза переместить свою коллекцию на остров, где ты нашла хорошо орошаемый участок. Вполне разумно дать бедным растениям отдых от корабельной жизни, для которой они вовсе не предназначены, было бы жестоко лишить их

природной среды обитания, коль она совсем рядом. И почему бы мистеру Пенроузу не подумать о создании небольшого питомника на острове? Я поделился идеей с Бабурао, и он сказал, что вполне возможно организовать аренду подходящего участка земли.

Только представь, дорогая принцесса Паглионе, как было бы здорово устроить на краю сего огромного континента филиал питомника Пенроуза, через который шел бы обмен растениями между Корнуоллом и Китаем. По-моему, это станет весьма прибыльным делом, и, если оно осуществится, ты, надеюсь, не забудешь отблагодарить беднягу Дрозда, подкинувшего эту идею.

Но хватит балаболить! Я понимаю, тебе невтерпеж узнать о моих кантонских делах, и рад сообщить, что времени зря не терял — потому-то я и молчал, что не имел ни единой свободной минутки. Принимая заказ, я знал, что господин Чан вернется в точно означенный срок, и оттого был полон решимости закончить портрет вовремя. Но в том-то и была загвоздка, ибо задача оказалась сложнее, чем я полагал. Через неделю трудов я понял, что мне нужен помощник, иначе к сроку не поспеть. Я надумал позвать Джакву (разумеется, за щедрое вознаграждение), и,

как выяснилось, это было превосходной идеей. Каждый день, отработав у Ламквы, он приходил ко мне, и мы так прелестно проводили время вдвоем, что не будет преувеличением сказать: это были самые счастливые и познавательные дни в моей жизни! Умолчу о том, быстро ли мы продвигались в создании портрета, ибо художники, творящие в тесном соседстве, не избегнут соблазна порассуждать об искусстве, и в этом отношении мы с ним, пожалуй, грешнее других. Чем больше мы трудились вместе, тем интереснее нам были наши художественные склонности, и мы не жалели времени, чтобы одному освоить способы и приемы другого. Знаешь, даже когда мы передавали друг другу свои кисти, возникало ощущение чего-то привычного и вместе с тем волнующе нового! Мы не могли и представить, сколько всего неизведанного таят в себе эти наши любимые орудия! Всякая минута казалась проведенной с пользой, если углублялись наши познания о едва уловимых разновидностях волосков и щетинок; всякий миг не был потрачен втуне, если посвящался исследованию изящного, но крепкого черенка; всякий час был прожит не зря, если удавалось понять, как выманить волшебное свечение, сокрытое в сем инструменте.

Тебе известно, милая Пагли, что я всегда был жаден до знаний, и Джаква обучил меня совершенно потрясающим приемам (как я завидую его школе и опыту!). Теперь я умею достичь невероятных эффектов, чуть меняя ритм движения руки; я могу управлять дыханием, позволяя своим жизненным силам перетечь в кисть; я освоил искусство изгнать все посторонние мысли и целиком сосредоточиться на моменте созидания; я научился выжидать, ловя божественное мгновенье для финального мазка, завершающего творение.

Не стану отрицать, мы часто забывали о портрете и, увлекшись моим обучением, не уделяли прекрасной Аделине должного внимания. Лишь недавно я осознал, что до сих пор она не одета и не обута, на заднем плане все еще нет круглого окна с видом на далекие вершины, а у чайного столика всего одна ножка! Мы рьяно взялись за дело, работали днем и ночью, и вот вчера утром я, пробудившись, понял, что портрет почти готов! У меня будто гора с плеч свалилась, ибо нынче, по моим расчетам, должен был появиться А-Мед. Не теряя времени, я соскочил с кровати и стал наносить последние штрихи. Знаешь, работа эта бесконечна: стоит сделать мазок в одном месте,

как тотчас кажется необходимым уравновесить его цветовым пятном в другом, и я бы, наверное, занимался этим целый день, но меня прервал стук в дверь.

На пороге стоял меланхоличный мистер Марквик, в руке он держал записку на мое имя, которую только что доставили; я не избалован подобного рода посланиями, и радость моя удвоилась, когда на конверте я разглядел печать Чарли Кинга! Это было нечто вроде приглашения: Кинг извещал, что нынче седьмая годовщина смерти Джеймса Перита, его Друга. Обычно в этот день, 19 марта, он ездит на Французский остров и возлагает цветы на могилу. Утром соблюсти традицию ему помешало какое-то срочное совещание, и потому он это сделает ближе к вечеру. Если у меня есть время и желание присоединиться к нему, он будет рад оставить за мной место в лодке.

Хоть убей, я не мог отказаться от такой поездки! Я тотчас написал ответ и хотел сам занести его Кингу, но тут как нарочно появился А-Мед! Прикинув, что до вечера успею вернуться, я отдал записку слуге. Потом тщательно обернул холст слоями бумаги и последовал за А-Медом.

Наверняка ты задаешься вопросом, куда на сей раз лежал наш путь. Мне он тоже не давал покоя,

и я, справившись у своего провожатого, узнал, что мы вновь направляемся в Фа-Ти. Однако нынешней поездке сопутствовала некая скрытность, из-за чего я слегка волновался, ощущая этакий *фриссон* (или *супсон*? никак не запомню). Всю дорогу мы провели в павильоне, служившем нам защитой от глаз полицейских, которые несколько раз останавливали нашу большую лодку и допрашивали несчастных гребцов о цели их путешествия.

Такая повышенная бдительность тебя, наверное, удивит, и надо, видимо, пояснить, что две последние недели, пока мы с Джаквой предавались восхитительным изысканиям, весь Кантон был озабочен делами совсем иного рода. Вообще-то я не следил за городскими событиями, но был в курсе происходящего благодаря любезности Задиг-бея, снабжавшего меня новостями.

Десять дней назад состоялось долгожданное прибытие юм-чаэ, имперского комиссара, сопровождаемое большой помпой: в городе объявили выходной, чему мы с Джаквой были чрезвычайно рады, ибо получили возможность целиком посвятить себя творчеству. Кажется, перед комиссаром поставлена задача покончить с опийной торговлей, и он решительно настроен ее выполнить

— издано несколько указов, потому-то чиновники с полицейскими и проявляют невиданное усердие.

Я воздержался от вопроса, с чем связаны наши меры предосторожности, ибо прекрасно понимал, что правдивого ответа все равно не услышу. Как и в прошлый раз, мы свернули в тихую протоку, однако пунктом нашего назначения стал не питомник «Жемчужная река», но скрытое за ним поместье, обнесенное высокой оградой. Ты, наверное, помнишь мое описание этого имения, похожего на крепость? Что ж, добавить нечего, кроме одного: нынче оно имело вид укрепления в осаде, чему способствовали многочисленные вооруженные посты.

Не выбираясь на сушу, мы приблизились к имению, на задах которого имелся неприметный причал, и были встречены отрядом мрачных солдат, поспешно сопроводивших нас к большим красным воротам. Снедавшее меня беспокойство исчезло, как только распахнулись их тяжелые створки.

Я думаю, нигде на свете не придают столь большого значения порталам, как в Китае. Здесь они не заурядные проемы для входа и выхода, но тоннели, соединяющие разные измерения.

Сейчас меня снова, как на пороге сада Панхиквы, посетило чувство, что я вступаю в царство, существующее в иной плоскости.

Передо мной расстилался искусно сотворенный ландшафт: ручьи и мостики, пруды и взгорки, валуны и рощицы, извилистые тропинки и волнообразные оградки. Прелесть таких садов еще и в том, что они усиливают впечатление от времени года. В ноябре я видел сад Панхиквы расписанным печальными красками осени, но сейчас была весна, и здесь на всех деревьях и кустах ярко сияли бутоны, а воздух благоухал ароматами цветов.

Будь я один, я бы часами бродил по этим дорожкам, но А-Мед, не дав мне отвлечься, увлек меня к рукотворному холму, увенчанному шалашом из какого-то неземного материала — полупрозрачного с виду и пурпурного по цвету. Лишь подойдя ближе, я понял, что передо мной огромная глициния: ветки ее с пышными цветочными гроздьями, источавшими сладкий пьянящий аромат, цеплялись за шпалеры, создавая полог, в пятнистой тени которого стояли пара кушеток, чайный столик и стулья. На одной кушетке возлежал господин Чан в своем неизменном халате.

Казалось, он спит, но едва я вошел в шалаш, как

Чан открыл глаза и сел.

— Привет, мистер Чиннери. Как ваше здоровье?

Английский его, так не вязавшийся с антуражем, уже не удивлял.

— Благодарю, господин Чан. Как ваше?

— Грех жаловаться, грех жаловаться, — проскрипел он, точно старый ревматик. — Что с портретом?

— Готов. — Я пристроил подрамник с холстом на стул.

Сдача заказа всегда сопряжена с волнением: ты беспокойно вглядываешься в лицо клиента, пытаясь угадать его отклик по выражению глаз или тени улыбки. На лице Чана не отразилось ничего, хотя мне показалось, что на мгновенье взгляд его затвердел. Он кивнул и жестом предложил мне сесть на вторую кушетку. Потом хлопнул в ладоши, и через пару минут слуга опустил на столик поднос, укрытый салфеткой. Сдернув ее, Чан вручил мне полотняный кошель:

— Ваш навар, мистер Чиннери.

Вышло это грубовато, но меня окатило громадным облегчением от того, что работа моя принята.

— Весьма признателен, — сказал я с непод-

дельной благодарностью (признаюсь, душа моя, последнее время я был несколько стеснен в средствах).

— Вот и хорошо, я получил картину, а вы свои деньги. Не желаете ли разделить со мною трубку?

Лишь теперь на подносе, поданном Чану, я заметил трубку, иглу, горелку и коробочку слоновой кости. Предназначение сих предметов было мне знакомо, поскольку я часто видел их в папашином доме. И я знал, что совместное курение опия у китайцев считается знаком внимания к гостю. Отказаться не было повода, но внутренний голос призывал к осторожности. Чан передал мне трубку, и я сделал маленькую затяжку, ожидая, что дым, как табачный, обдерет гортань. Ничуть не бывало: дым этот, жирный и густой, словно дорогое масло, только ласково обволакивал горло. Не менее удивила и быстрота его воздействия. Через мгновенье мне казалось, что я всплываю к пологу, сотворенному глицинией.

Говорят, опий действует непредсказуемо: большинство людей впадает в безмолвное оцепенение, но есть и такие, кого он превращает в безудержных говорунов. И вот теперь я в том убедился: мой язык отяжелел, а Чан стал невероятно

общителен. Не знаю, как это вышло, но вдруг оказалось, что он рассказывает о своей поездке в Англию, случившейся тридцать лет назад.

Я слушал, смежив веки, но не пропускал ни слова, и тут перед моими глазами стали возникать *картины* из этого рассказа. Под удивительной властью зелья я ощутил себя пятнадцатилетним садовником А-Феем — одиноким китайским пареньком на палубе корабля Ост-Индской компании, рассекающего океанские волны на пути в Англию.

Мой груз, растения в ящиках, мне дороже жизни: днем я их поливаю, ночью сплю рядом с ними; в зной сооружаю навесы из своей одежонки, в шторм прикрываю собственным телом. Матросы не упускают случая напакостить мне. Команда состоит из ласкаров и англичан, готовых вцепиться друг другу в глотку, объединяет их только ненависть ко мне, для них я ничем не лучше обезьяны. Мы пересекаем экватор, и я покоряюсь их обряду, состоящему из пьянки и мазанья сажей, но меня вдруг связывают и валят на палубу. Я слышу скребущий звук — матросы тупым ножом пилят мою косицу. Пытаюсь вырваться, но понимаю, что будет только хуже. Я лежу неподвижно, запоминаю всех извергов и

строю план мести. В ночную полувахту, когда все клюют носом, я забираюсь на мачту и подрезаю перты[58]. Через два дня во время шторма канат рвется, и здоровяк-марсовой, вожак корабельной банды, исчезает в море…

В сады Кью я доставляю небывалое число китайских растений, мною собранных для Керра, который о том, где их найти, знает не больше того, где раздобыть опий, и потому в обоих случаях полагается на меня. Но успех коллекции приписан ему, а я — всего лишь обезьяна, ее доставившая.

Я молчу, я почти превратился в немого, уже и не вспомнить, когда я мог свободно изъясниться на родном языке. Десятник, в доме которого я живу, каждодневно лупит своих детей, я тоже не избегаю порки; кормят гадким варевом, я постоянно голоден. На мой взгляд, Кью вовсе не сад, а неухоженные дебри. Однажды я нарочно учиняю погром в оранжерее, желая быть застигнутым. Меня переселяют к священнику, которого я ненавижу еще больше садовников; одним вечером, когда он осоловел от бренди, я сбегаю, поживившись содержимым его кошелька. Я шагаю к Гринвичу, ведомый огнями ярмарочной площа-

[58] Примечания: 58

Перты — тросы, протянутые под реем. Матросы на них встают и, улегшись на рей, крепят или убирают паруса.

ди, где впервые за долгое время могу затеряться в толпе. Под навесом пляшут люди, я незаметно к ним присоединяюсь, меня втягивают в танец. Народ здесь знакомый: тачечники, лоточники, зеленщики, цыгане. Мое появление их ничуть не удивляет, на рассвете мы вместе перебираемся на другой берег Темзы, и я как будто попадаю из Хонама в Гуанчжоу. В трущобах Восточного Лондона все привычно: скопище лачуг, их босоногие обитатели, тележки, навозные кучи на мостовых, запах жареных каштанов, богачи в портшезах, удирающие щипачи. Я как будто вернулся домой, обогнув земной шар…

Вот это путешествие!

Не правда ли, удивительно, милая Пагли: стоит возгордиться широтой своих познаний о мире, как выясняется, что повсюду несметно людей, повидавших такое, что тебе и не снилось?

Не знаю, что повлияло — опий или потрясающий рассказ, но к моменту ухода я уже совершенно размяк. Чан проводил меня к лодке, и я опомниться не успел, как опять очутился в отеле. Казалось, минула вечность с тех пор, как я вышел из номера, однако еще даже не смеркалось. Голова кружилась, и я собрался прилечь, но взгляд мой упал на стол, где лежала записка от Чарли. В

панике я вспомнил о намечавшейся поездке на кладбище Французского острова.

Чарли уже уехал? Устал меня ждать? Ополоснув лицо, я кинулся в Американскую факторию. Каково же было мое удивление от того, что он еще не вернулся с утреннего совещания! Я узнал, что вместе с мистером Уэтмором, председателем Торговой палаты, и купцами китайской гильдии он отправился в Консу, Дом Совета, и с тех пор его не видели.

Вообрази, любезная Пагли, терзавшее меня беспокойство! Почему моего друга так долго не отпускают? Он арестован? Но в чем его обвиняют?

Я побежал к Дому Совета, однако ворота были заперты. Охрана сказала, что делегаты еще не выходили.

Ну и денек!

Я вернулся в гостиницу, твердо вознамерившись через час снова пойти к Консу, но, видимо, еще был во власти опия, ибо свалился и заснул.

Утром я тотчас отправился на квартиру Чарли, где мне сказали, что из Консу он вышел поздно ночью и еще долго совещался с мистером Уэтмором. Совершенно измочаленный, домой он вернулся под утро и сейчас спит.

Наверное, ты представляешь мое состояние,

милая Пагли, в голове такой сумбур, что я забыл сообщить тебе чрезвычайно важную новость…

Погоди, стучат в дверь…

В Палате наблюдалось небывалое скопление торговцев, уже с утра истомленных желанием из первых уст узнать о долгом пребывании делегации в Консу. Минул полдень, но купцы все еще оставались в неведении, и потому, снедаемые любопытством, стекались в клуб, рассчитывая, что мистер Уэтмор выйдет из добровольного заточения ради своего обычного стакана негуса.

Час глинтвейна наступил и прошел, но никто из делегатов так и не появился, только стало известно, что еще с ночи мистер Уэтмор вместе с Фироном заперся в своем кабинете.

Новость нисколько не улучшила настроение Слейда, который, тряся брылями, изрек очередную загадочную сентенцию:

— Если наш Ахиллес укрылся в шатре, то без Патрокла ему, конечно, не обойтись.

— «Патрокл»? — Бахрам озадаченно нахмурился. — Что это, новое лекарство?

— Наверное, можно и так сказать.

— А где Чарли Кинг? Он тоже принимает «патрокл»?

— Вероятность этого не исключена, — серьезно

сказал Слейд. — *Ab ore maiori discit arare minor*[59].

— Что это значит?

— «Молодой вол учится пахать у старого».

— Невероятно! Время уходит, а они озабочены пахотой? Когда истекает срок ультиматума?

— Через два дня. Однако им все равно — турки известны своим небрежением ко времени.

Отобедали, но от делегатов не было вестей. Бахрам посидел за стаканом портвейна и решил идти домой. Уход его всех удивил:

— Так рано на боковую, Барри?

— Вы перешли на деревенский режим?

Бахрам уже встал и отвесил прощальный поклон:

— Извините, господа, нынче лягу пораньше. Завтра у нашей общины большой праздник — Навруз, наш Новый год, и я встану с рассветом. — Он улыбнулся и оглядел сотрапезников. — Разумеется, будет отмечание, в полдень милости прошу ко мне на застолье.

Бернэм и Слейд переглянулись.

— Спасибо, конечно, Барри. — Бернэм поерзал на стуле. — Признаюсь, я не любитель языческих празднеств, так что не стану вам мешать.

---

[59] Примечания: 59

Искаженная латинская поговорка *A bove majore discit arare minor*.

Бахрам рассмеялся:

— Доброй ночи, господа. Если кто передумает, знайте, что вы желанные гости.

— Спокойной ночи.

По возвращении домой Бахрам сразу улегся в постель. На рассвете он зажег благовония и обошел дом, совершив окуривание, в спальне тщательно протер жертвенник. С раннего детства он был приучен к тому, что Навруз — день чистоты и очищения, когда мрачную тень Ахримана изгоняют из всех уголков жилища. Бахрам понимал, что его усилия носят символический характер, но ощущение тряпки в руке порождало теплые воспоминания о прошлом.

После часовой уборки он даже вспотел и, велев принести горячей воды, хорошенько вымылся; потом вызвал слугу и с его помощью облачился в новые одежды, из Бомбея присланные родными.

На завтрак Место приготовил его любимые парсийские блюда: омлет *акури* с овощами и зеленью, хрустящую *бхакру*, пирожки *дар-ни-пори* с начинкой из сладкой чечевицы, яйца вкрутую, жареное филе морского леща, пышки *кхаман-наларва* с кокосом и сладкую манную кашу *раво* на молоке и топленом масле.

В другое время Бахрам растянул бы удоволь-

ствие от кушаний, но сегодня его ждало много дел. Как старшина общины, он пригласил к себе всех кантонских парсов. Большой склад на первом этаже был вычищен и подготовлен к торжеству, но до прихода гостей еще предстояло установить праздничный жертвенник.

— Вико, где кружевная скатерть?

— Вот, патрон, все готово.

Едва установили жертвенник с дароносицей, содержащей кувшин розовой воды, блюда с орехами катеху, рисом и сахаром, цветы и изображение пророка Заратустры, как стали прибывать первые гости. Бахрам всех встречал в дверях, приветствуя объятьем и сердечным *Сал Мубарак*, с Новым годом!

Из уважения к родословной одного гостя, происходившего из семьи священнослужителей, Бахрам попросил его прочесть молитвы и вести застолье. Тот на удивление хорошо справился с задачей, произнося слова на древнем языке так отчетливо, что даже Бахрам, слабо подкованный в писании, разобрал отдельные строки вроде *зад шекастех баад Ахреман* — да будет Ахриман повержен и сражен!

Сколько себя помнил, эта часть молитвы, столь ярко представлявшая противостояние Добра и

Зла, всегда производила на него неизгладимое впечатление. Нынче благоговейный страх, вызванный этими словами, был так силен, что его охватила дрожь, и он прикрыл глаза, как будто ощутив опаляющее пламя той борьбы. Колени его подогнулись, и он ухватился за спинку стула, чтобы не упасть. Однако Бахрам сумел выстоять весь молебен, по окончании которого, не теряя времени, пригласил гостей в столовую, по-особому украшенную к празднику.

Пришел Задиг-бей, и раньше отмечавший Навруз в индийской фактории. Успокоенный присутствием друга, Бахрам усадил его по правую руку и стал потчевать разносолами от Место: рыбой, жареной до хрустящей корочки и томленой в листьях; *джардалу ма гошт* — бараниной с абрикосами; козлятиной в миндальном соусе; *гур пер эда* — омлетом с бараньими мозгами; всевозможными котлетами: в томатной подливке, а также из мозгов ягненка, поджаристыми сверху и нежными внутри; кебабом из креветок и лепешками из рисовой муки; *пулао* с сушеными фруктами, орехами и шафраном и другими яствами. Все это сдабривалось красным и белым вином, а на десерт Место подал пирожные, заварной крем и блинчики с кокосом. А еще он исхитрился раздо-

быть у заречных тибетцев *дахи*, который подал с сахаром и специями, красиво присыпав молотым мускатным орехом и корицей.

После ухода гостей Задиг остался на стаканчик чая.

— Ну и пир, Бахрам-бхай, хватило бы на целый полк! Ты превзошел самого себя!

Похвала, подведшая черту под хлопотами и переживаниями этого дня, навеяла воспоминания. Бахрам посмотрел на небольшой портрет матери, висевший на стене конторы.

— Знаешь, Задиг, в моем детстве случались времена, когда у нас в доме не было ничего, кроме лепешек из проса. Мы были так бедны, что питались даже рисовым отваром. А заправкой риса нам служили только сырой лук, перец чили, да еще маринованные манго. Раз-другой в месяц нам доставалось по кусочку вяленой рыбы, считавшейся лакомством. А теперь вот… — Бахрам смолк и огляделся. — Жаль, мама не видит всего этого. Интересно, что она сказала бы.

Задиг лукаво усмехнулся:

— Интереснее, как она отнеслась бы к тому, что все это благодаря опию.

Слова эти, сказанные вроде бы в шутку, Бахрама задели, и он еле сдержался, чтобы не ответить

резко. Отставив стакан с чаем, он спокойно проговорил:

— Я знаю, что она сказала бы — «Без грязной почвы лотос не расцветет». Она бы поняла, что сам по себе опий ничего не значит, он всего лишь почва, важно, что из нее произрастает.

— И что же из нее произрастает, Бахрам-бхай?

Бахрам выдержал взгляд приятеля.

— Будущее, Задиг-бей, вот что. Если все сложится и я получу прибыль, то смогу проложить новый путь для себя и, возможно, для всех нас.

— Новый путь? О чем ты?

— Как ты не понимаешь: мы живем в мире, построенном другими. Если не воспользоваться изредка открывающимися возможностями, нам в нем не удержаться, нас вытеснят. Я видел, как это произошло с моим тестем, и не допущу, чтобы подобное случилось со мной.

— А что стряслось с твоим тестем?

Бахрам прихлебнул чай.

— Я расскажу тебе историю «Анахиты». Прекрасный корабль, верно? Покойный тесть в него всю душу вложил. Годами он строил корабли для англичан — для Ост-Индской компании и королевского флота. Построил пять фрегатов, три линкора и несколько малых судов. Оснащенные

по последнему слову техники, они были лучше и дешевле тех, что спускались на воду в Портсмуте и Ливерпуле. И что, по-твоему, сделали английские корабелы, поняв это? Когда им выгодно, британцы рассуждают о свободной торговле, но тут озаботились так изменить правила, чтобы компания и королевский флот больше не смогли заказывать корабли в Бомбее. А потом изобрели законы, по которым использование кораблей индийской постройки в зарубежной торговле стало чересчур дорогим удовольствием. Мой тесть одним из первых понял, куда ветер дует. Он сообразил, что в таких условиях бомбейскому кораблестроению не выжить. Потому-то и захотел, чтобы «Анахита» стала его лучшим творением. Он не раз говорил мне: видишь, что происходит с нашими верфями? То же самое случится со всеми нашими ремеслами. Надо искать другой путь, иначе нас сметут, это лишь вопрос времени.

— Что-то я не совсем понимаю, Бахрам-бхай.

— Это означает, что нам надо найти свой собственный путь. Мы должны вести дела там, где переменой законов нас не оставят за бортом.

— Это где же?

— Не знаю. Может, в самой Англии. Или еще где в Европе. А то и в Китае. — Бахрам хитро улыб-

нулся. — Наверное, мы смогли бы обустроить свое собственное государство. Совсем маленькое. Когда денег много, это вполне возможно.

Задиг расхохотался:

— Выглядит подстрекательством к бунту!

— Неужто? — удивился Бахрам, усмехнувшись. — Вздор! Я верноподданный ее величества…

Закончить он не успел, потому что дверь распахнулась и на пороге возник запыхавшийся Вико.

— Патрон, только что был посыльный от Уэтмора. Созывают собрание. Срочно!

21 марта.

И вот опять, милая Пагли, я продолжаю прерванное письмо, однако ничуть не жалею о том, что мне помешали, ибо помеха была необыкновенно желанной! Скажу только, что вскоре после того как открыл дверь, вместе с Чарли Кингом я очутился в лодке, направлявшейся к Французскому острову!

Этот внушительный кус земли, располагающий холмами и возделанными долинами, лежит за островом Хонам по направлению к Вампоа. Иностранное кладбище обустроено на лесистом склоне, неподалеку от берега. Тихий уголок этот

составляет контраст суете на реке, до которой меньше мили. Рядом с кладбищем бежит ручей в обрамлении высоких деревьев, бросающих тень на могилы. Окутанная грустью картина напоминает о сельских пейзажах Констебля: из высокой травы выглядывают обросшие мхом покосившиеся надгробья. Горестно читать их надписи, ибо жизнь тех, кто под ними лежит, оборвалась на заре, и я не мог отделаться от мысли, что я уже старше большинства из них.

Могила Перита одна из немногих ухоженных — Чарли платит местному селянину, чтоб за ней приглядывал. Когда мой друг возложил цветы и, преклонив колени, прочел молитву, я заметил слезу, скатившуюся по его щеке.

Все, больше не буду о том говорить, иначе опять расплачусь; добавлю только, что сцена эта была невероятно трогательной, и я, не имея сил сдержаться, промочил свой платок насквозь.

На обратном пути Чарли неумолчно говорил о своем покойном друге, и я понял, отчего он так привязан к Китаю. Могила Перита стала якорем, удерживающим его в этой стране. И это одна из многочисленных причин, по которым он считает китайцев не обособленной, но самой обычной нацией со всеми присущими ей человеческими

достоинствами и недостатками, однако, уверен он, пользоваться слабостями ее безвольных представителей непорядочно. Самое ужасное, говорит Чарли, что китайцы видят неразрывную связь между опием и христианством, и виноваты в том иноземные купцы. Поскольку многие поставщики зелья громогласно клянутся в своей набожности, жители Поднебесной, естественно, делают вывод, что торговля опием ничуть не противоречит христианским заповедям. Нестерпимо горько, что языческий нравственный принцип оказывается выше христианского.

Когда Чарли о том говорил, лицо его болезненно кривилось, и я не ошибся, предположив, что он встревожен недавними событиями.

В нашем с Джаквой столь счастливом затворничестве я почти ничего не знал о происходящем в Городе чужаков, но даже если бы постоянно бывал на людях, вряд ли что-нибудь изменилось бы, ибо меня не причислишь к категории «серьезных персон». Чарли же, поскольку он член Совета, пребывает в самой гуще событий. Рассказ его о последних перипетиях стал для меня полным откровением (не скрою, милая Пагли, меня весьма взволновало, что я избран конфидентом в столь важных делах).

Оказывается, Торговая палата получила указ новоявленного комиссара, в котором тот требует сдать весь опий, хранящийся на кораблях, и поклясться покончить с его контрабандой в Китай. Ясное дело, Совет взвился, поскольку у многих его членов огромный груз опия, а они не из тех, кто безропотно расстанется с непомерным богатством, повинуясь какому-то указу, пусть даже составленному в жестком тоне. На последнем заседании Чарли попытался убедить коллег, что временные потери быстро окупятся торговлей иными товарами, и примером тому его собственная фирма, показавшая всему свету: можно получить существенную прибыль, не связываясь с опием.

Но, конечно, ослепленному деньгами ничего не докажешь. Совет грубо отмахнулся от Чарли и решил последовать предложению мистера Дента направить ответное письмо: дескать, Палата внимательно изучит указ комиссара, но вопрос этот серьезный, требующий больше времени на рассмотрение, исследование, консультации и прочее.

Чарли был категорически против письма, но так сложились неблагоприятные обстоятельства, что ему пришлось войти в состав делегации, до-

ставившей депешу в Консу. Дело в том, что Чарли и мистер Уэтмор, председатель Палаты, земляки, оба из Бруклина. Они знакомы с детства, их семьи дружили. Уэтмор всегда симпатизировал Чарли и старался всячески ему помочь. Вот почему тот не мог отказаться, когда Уэтмор попросил сопроводить его в Консу.

Там их встретили Хоуква, Моуква и другие купцы китайской гильдии, включая Панхикву, кого наконец-то освободили. Скрепя сердце посланники ознакомили своих давнишних друзей с ответом Палаты, но их переживаниям не сравниться с потрясением и горечью, какие охватили китайских купцов.

Конечно, все они прожженные дельцы, но, видимо, чересчур понадеялись на своих зарубежных приятелей и убедили себя, что те непременно учтут большую опасность, грозящую китайским коллегам. Осознание того, что Палата, по сути, игнорирует срок ультиматума, их ошеломило. Они не сомневаются, что комиссар устроит показательную казнь членов гильдии, и не могли поверить, что чужеземцы подвергают риску их жизни ради суммы, ничтожной по сравнению с прибылью, полученной ими за все это время. Зрелище тяжкое, сказал Чарли, но всего ужаснее

было видеть горе их сыновей и сподвижников, которые плакали, не стесняясь своих слез.

Словно всего этого было мало, делегацию препроводили на встречу с мандаринами. Сам комиссар не присутствовал, только его доверенные лица и заместители, которых ответ Палаты тоже потряс. Моментально разгадав намерение увиливать и затягивать время, они предупредили чужеземцев, что с комиссаром Линем подобная тактика не пройдет. Затем делегатов подвергли допросу, но обходились с ними учтиво, а по завершении встречи даже преподнесли в подарок чай и шелк!

Чарли считает, что это лишний раз подчеркивает безукоризненную позицию китайцев, требования которых невелики и вполне разумны: чужеземные купцы должны сдать имеющийся опий и отказаться от его контрабанды впредь. А вот поведение иностранцев совершенно дискредитировало их заявления о принадлежности к высшей цивилизации, хотя они прекрасно знают: попытайся китайцы тайком ввезти опий в их страны, контрабандистов тотчас отправили бы на виселицу.

Однако не все потеряно — на пепелище дня Чарли удалось одержать маленькую победу. По-

сле визита к китайцам Уэтмор был совершенно выбит из колеи и буквально умолял Чарли проводить его домой. Тот согласился, и, как оказалось, не зря. Без тлетворного влияния мистера Джардина Уэтмор стал гораздо податливей (в какой-то момент он даже расплакался на груди у Чарли!). После долгих увещеваний и взываний к совести Чарли удалось склонить его на свою сторону! Они составили бумагу о полном принятии требований комиссара! Нынче Уэтмор представит документ Совету, переводчик Фирон трудился над ним все утро, чтобы после подписания он тотчас ушел по назначению. Правда, неизвестно, будет ли бумага подписана. Чарли ожидает настоящую баталию, но, заполучив в союзники Уэтмора, верит в победу. Все может решить один голос, и он очень надеется на Бахрама Модди. В душе тот хороший человек, считает Чарли. Давеча он навестил Бахрама и видел, что тот не может забыть события 12 декабря. Стоило упомянуть имя казненного, и он вздрогнул, словно увидел призрака! Значит, в нем жива совесть, и есть надежда, что, голосуя, он сделает правильный выбор.

Признаюсь, меня восхищает бестрепетная решимость Чарли вступить в схватку. Смотрю на него и вижу нежный облик юного Жерико,

однако внешность обманчива, в сердце своем он неистовый боец. Когда я спросил, где он черпает силы идти против всех, он ответил строкой из Писания: «Не следуй за большинством на зло»! Если вправду и один в поле воин, это про него.

Да, барабаны войны вот-вот загрохочут! Из окна я вижу членов Совета, направляющихся к Торговой палате! Вон Уэтмор, рядом с ним Чарли… конечно, и Слейд вышел на тропу войны, а в авангарде мистер Модди!

Кто бы мог подумать, что Торговая палата превратится в театр военных действий? В отличие от Чарли, я не боец и не смельчак, но сейчас хотел бы скакать с ним плечо к плечу (или вернее сказать «седло к седлу»?). Вообрази картину, милая Пагли: твой горемыка Дрозд врывается в зал заседаний, дабы сразиться с полчищем купцов!

Кстати о театре: зная мою любовь к сценическим эффектам, ты, лапушка Пагли, уже догадалась, что изюмину я приберег напоследок, но теперь должен ее предъявить, поскольку Бабурао, после полудня отбывающий на острова, обещал, что завтра ты получишь это письмо.

Как ты понимаешь, воспоминания о моей встрече с господином Чаном слегка затуманены дымом из совместно выкуренной трубки. Но я

прекрасно помню, что, провожая меня, он сказал о своем нетерпении получить ваши растения, упомянув подобранную им коллекцию, которая будет интересна вам. К сожалению, Чан сильно ограничен временем, ибо скоро дела могут вновь позвать его в дорогу, а ситуация здесь настолько неопределенна, что никто не знает, как долго река останется открытой. Короче, обмен должен произойти немедленно или никогда.

Поскольку ни ты, ни мистер Пенроуз сейчас не сможете прибыть в Кантон, у вас не остается иного выбора, как доверить сию операцию мне. Предлагаю вам прислать с Бабурао пять-шесть растений, а уж я постараюсь, чтобы сделка получилась выгодной для вас. Сразу скажу, что не знаю, получу ли я золотистую камелию: на вопрос, удалось ли раздобыть эту особь, Чан, помнится, ответил весьма уклончиво.

В любом случае, ваше Пагличество, вам надо поспешить!

В зал заседаний Бахрам вошел одним из последних. Мистер Уэтмор уже занял председательское кресло; одетый, как всегда, с иголочки, выглядел он, однако, усталым, а помятое лицо его странно подергивалось, словно в гримасах.

Бахрам сел на свое обычное место и, отметив

соседний пустующий стул, шепотом спросил Слейда:

— Где Дент?

Редактор пожал плечами:

— Видимо, какие-то неотложные дела, ибо опаздывать не в его правилах.

Подождав еще минуту-другую, Уэтмор велел затворить дверь.

— Жаль, что мистер Дент отсутствует, — начал он, — однако ждать больше не можем, времени у нас мало, и все вы, конечно, хотите узнать о результатах визита в Консу. Прошу прощения, если я злоупотребил вашим терпением, но, как вы поймете, перед нашей встречей требовалось сделать перевод кое-каких документов. Сейчас я их распространю, только сперва дам краткий отчет о вчерашнем событии. В Консу нас встретили наши добрые знакомые из китайской гильдии — Моуква, Панхиква, Минква, Пуанкхеква и другие. Все они, замечу, пребывали в чрезвычайном волнении, близком к панике. Надеюсь, мистер Кинг это подтвердит.

Чарльз Кинг, сидевший на другом конце стола, тоже выглядел измученным, однако голос его был чист и тверд:

— Я имел несчастье посмотреть в глаза людям,

охваченным смертельным страхом. Не передать, господа, как тяжело видеть его на лицах наших старых друзей, которые нас обогатили, не раз приглашали на трапезы и обеспечили комфортом.

Отзвук этих слов еще не угас, когда отворившаяся дверь впустила Дента.

— Ради бога, джентльмены, простите за опоздание.

— Вы очень вовремя, мистер Дент, — сказал Уэтмор. — Вас наверняка заинтересует документ, который я собираюсь огласить. — Он взял лист и оглядел присутствующих. — Это указ имперского комиссара, направленный в гильдию Ко-Хон. Именно это послание посеяло ужас в душах наших друзей. Я думаю, господа, вам следует с ним ознакомиться. Вы позволите?

— Что ж, прочтите.

— Ладно, давайте послушаем.

— «Опий льется потоком, отравляющим всю империю, однако купцы гильдии по-прежнему ручаются за чужеземцев огулом, заявляя, что корабли их свободны от зелья. Не спят ли купцы беспробудным сном? Не про них ли сказано „Воруя колокольчик, затыкают себе уши“? Основатели гильдии, люди состоятельные и знатные, до такого никогда не опустились бы, а все вы

себя замарали. Клянусь, я сгораю от стыда за нынешних членов гильдии, которых, похоже, не интересует ничто, кроме наживы.

Моя главная цель — полное истребление опийной торговли, и посему я отдал распоряжение чужеземцам сдать весь опий, какой имеется на их судах, превращенных в склады отравы. Я призвал их подписать обязательство, изданное на китайском и иных языках: отныне и навеки они прекратят доставку опия в Китай, а ежели кто дерзнет, вся его собственность будет конфискована. Гильдии Ко-Хон вменяется в обязанность донести до сведения иноземных торговцев мои приказы во всей их категоричности. Во имя высокой цели вам, купцам гильдии, надлежит действовать энергично. На сдачу груза и подписание обязательства отпущено три дня. Промедление или неуспех в поставленной задаче будут расценены как сговор с иноземными преступниками, и тогда я, Верховный комиссар, безотлагательно подам ходатайство о вынесении смертного приговора и казни двух членов гильдии. Потом не говорите, что вас не уведомили вовремя».

По залу прокатился оторопелый ропот. Бахрам решил, что ослышался:

— Вы сказали «казни», мистер Уэтмор?

— Да, мистер Модди.

— То есть, если мы не сдадим груз и не подпишем обязательство, двух китайских купцов отправят на виселицу? — спросил Линдси.

— Нет, сэр, их не повесят, но обезглавят. Наши друзья Хоуква и Моуква уверены, что они первые в очереди.

Все за столом дружно ахнули.

— Никакого сомненья, этот комиссар Линь — чудовище, — сказал Бернэм. — Лишь безумец настолько не ценит человеческую жизнь, что двух людей этак запросто предаст смерти.

С другого конца стола раздался голос Кинга:

— Неужели, мистер Бернэм? Весьма похвально, что вы так печетесь о человеческой жизни. Но позвольте спросить: почему ваша забота не распространяется на тех, кого вы подвергаете опасности опия? Вы не осознаете, что, доставляя его, всякий раз приговариваете сотни, а то и тысячи людей к смерти? Вы не считаете свое поведение чудовищным?

— Нет, сэр, — хладнокровно ответил Бернэм. — Ибо не моя подпись стоит под приговором тем, кто ублажает себя опием. Вердикт выносит иная, незримая мощная сила, имя которой свободный

рынок, то бишь дух вольности, божественное дуновение.

— И вам хватает совести называть себя христианином! — вскипел Кинг. — Нет большего идолопоклонства, чем представлять рынок соперником Всевышнего!

— Господа, господа! — Уэтмор постучал по столу, призывая к порядку. — Не время для богословских дебатов! Мы должны рассмотреть ультиматум, и не забудьте, что на кону человеческие жизни.

— А что тут обсуждать? — пожал плечами Бернэм. — Раз комиссар Линь — чудище и безумец, то с ним не сговоришься.

Уэтмор хотел ответить, но его опередил редактор Слейд:

— Вот тут мы с вами расходимся, Бернэм. На мой взгляд, он ни то, ни другое, а просто чрезвычайно хитрый мандарин. Комиссар хочет нас запугать, чтоб затем похваляться своими подвигами и заработать очередной шарик на шапку. Я не верю ни в его грозность, ни в ужас, который изображают наши друзья из Ко-Хон. Мне совершенно ясно, что они заодно с комиссаром и разыгрывают маленький спектакль: надели маски страха, рассчитывая заполучить наш товар даром. По-

добным фарсом нас потчуют не впервой. Не стоит покупаться на заурядную китайскую уловку.

— И что вы предлагаете? — спросил Бернэм. — Каков ваш план?

— Я предлагаю держаться твердо, продемонстрировав им нашу непреклонность. Как только китайцы это увидят, Хоуква и Моуква скоренько все уладят: сунут в лапу одному, подмажут другого — и дело с концом. Они останутся при головах, а мы — при своем товаре. Но если дадим слабину, потеряем всё, сейчас самое главное проявить принципиальность.

— Вот как? — изумился Кинг. — И какие же принципы лежат в основе контрабанды опия?

— Похоже, сэр, вам нравится быть незрячим! — Бернэм грохнул кулаком по столу. — Свобода и право — это ли не принципы, которые обеспечивают возможность вольным людям вести дела без оглядки на всяких тиранов?

— По этой логике, сэр, всякий душегуб оправдает свои действия естественным правом. Если ваша хартия свобод несет смерть и горе неисчислимой массе людей, она не что иное, как лицензия на убийство.

Кинг и Бернэм вскочили, испепеляя друг друга взглядами. Уэтмор вновь забарабанил по столу:

— Прошу вас, господа! Я вынужден напомнить: дело срочное, некогда вести абстрактные дискуссии. Время поджимает, и оттого мы с мистером Кингом взяли на себя смелость набросать черновик нашего ответа комиссару.

— Да неужели? — усмехнулся Дент. — Спору нет, вы славно потрудились, Уэтмор. И что же там сказано?

— Если коротко, мы извещаем Верховного комиссара о готовности выполнить его требования, но с некоторыми оговорками.

— Вон как! — Губы Дента сошлись в нитку. — То есть вы с дружком Чарли состряпали бумагу от нашего имени, ни с кем не посоветовавшись? И ручаетесь положить конец торговле, существовавшей еще до нашего рождения, принесшей несметное богатство вам и вашим приятелям, не исключая мистера Джардина?

Имя это смутило Уэтмора, голос его задрожал:

— Разумеется, в письме говорится, что прежнюю позицию китайских властей отличала двойственность, способствовавшая убеждению в скорой легализации опийной торговли. Однако слово и дело комиссара отметают все имевшиеся сомнения. Теперь нет повода мешкать с ручательством, которого он требует.

— Да ну? — медово переспросил Дент. — А как мы поступим с кораблями, что стоят у Гонконга и других островов? Безропотно опустошим их трюмы и сдадим груз?

— Вовсе нет. Письмо разъясняет, что нам принадлежат суда, но не содержимое трюмов. Груз — собственность инвесторов из Бомбея, Калькутты и Лондона. Сдать его нельзя, но можно отправить корабли обратно в Индию.

Для Бахрама это было наихудшим вариантом.

— Как — отправить обратно? — вскричал он. — А известно ли вам, мистер Уэтмор, что в Бомбее из-за невиданного урожая сырца опийные цены рухнули? Куда мы денем груз? Кто его купит? Вернуться в Индию равносильно краху.

Бахрам оглядел собрание, заметив, как сощурились торговцы. Он уже давно усвоил, что в английском языке для них нет ничего страшнее слова «крах», и не преминул сгустить краски:

— Мы-то — ладно, мы люди состоятельные и уж как-нибудь справимся. Но что будет с теми, кто беднее? О них вы подумали? О тех, кто вложил в груз все свои сбережения. Что ждет их?

— Вот именно! — крикнул Слейд. — Похоже, кто-то шибко расчувствовался из-за фантазии, в которой пролилась китайская кровь, и не видит

последствий от сдачи груза. Кинг и Уэтмор так сопереживают страданиям китайцев, что охотно поступятся всей опийной торговлей. А ничего, что в этом случае многим торговцам уготованы разорение и нищета? Судьба изгоев, долговая яма, прозябанье в богадельне, а то и голодная смерть?

— Ай, бросьте! — перебил его Кинг. — Надо же, наскребли последние крохи, и теперь их ждет долговая тюрьма! Неужто человек на краю бедности станет вкладывать свои гроши в торговлю опием? Уж я-то знаю, этим занимаются лишь те, кто имеет свободный капитал, и потому богадельня им грозит не больше, чем нам с вами. В том-то и мерзость этой торговли — ради наживы кучка богачей готова жертвовать миллионами жизней.

— Ну так я и думал! — всплеснул руками Слейд. — У мистера Кинга сердце изболелось по друзьям из Поднебесной, однако он совершенно равнодушен к страданиям своих собратьев. Но почему же он так стремится ввергнуть их в беду? Ответ прост! Потому что на приватной встрече Хоуква сказал: если не уступите, я лишусь головы. Но он прожженный делец и ради своей выгоды скажет что угодно.

Уэтмор вяло возразил:

— Уверяю вас, он искренне считает, что первым отправится на плаху. На него было страшно смотреть, у меня просто сердце разрывалось.

— Будет вам! — рявкнул Слейд. — Избавьте от ваших турецких излияний! Вы же председатель Палаты, а ведете себя как старая баба на посиделках вдовиц.

— Подобные выражения, мистер Слейд, не пристали члену Совета, — сухо сказал Уэтмор. — Но я оставлю их без внимания, ибо время не терпит. Уверьтесь, что Хоуква, Моуква и другие купцы были напуганы неподдельно, я это видел своими глазами.

— Хоуква? — Дент издал громкий наигранный смешок. — Нынче я встретил его на Старой Китайской улице, потому-то и опоздал на собрание. Он сказал, что юм-чаэ пригрозил гильдии, но все это не больше чем слова. Хоуква известный ловкач, и, я думаю, он нарочно изобразил дикий страх, зная, что господа Кинг и Уэтмор характером, скажем так, мягче, нежели большинство мужчин. Со мной или с кем другим этот фокус не прошел бы. Когда мы встретились, он, уверяю вас, был в прекрасном расположении духа.

Все молчали, переваривая услышанное, и только Кинг, красный как рак, выкрикнул:

— Это наглая ложь, мистер Дент!

— На вашем месте, мисс Кинг, я бы следил за языком, — прошипел Слейд. — За такие слова, знаете ли, могут вызвать к барьеру.

— Даже если так, сэр, я не стану трусливо молчать. Я тоже видел Хоукву и утверждаю, что он отнюдь не притворяется, но буквально раздавлен ужасом. Уж поверьте, купцы гильдии вправду охвачены страхом за свою жизнь и имущество. Я вовсе не адвокат деспотических методов, хочу лишь сказать: не в нашей власти повернуть вспять события, которым дан ход. Заклинаю вас помнить о том, что коммерческие потери можно легко и быстро компенсировать, а вот пролитую кровь уже не восстановишь. Нашим китайским коллегам угрожает реальная опасность; пусть порой мы их хаяли, но они по-прежнему наши друзья и соседи. Разве кто-нибудь в здравом уме станет колебаться в выборе между карманом инвестора и головой соседа?

Впечатление от сего страстного выступления было смазано Дентом, который во все время речи оглядывал стол, по головам пересчитывая своих сторонников. Дождавшись тишины, он буднично сказал:

— Что ж, налицо коренное расхождение: Кинг

уверовал, что Хоуква и иже с ним обуяны смертельным страхом, а я столь же неколебимо убежден, что это очередное надувательство. По-моему, наши китайские коллеги играют на чувствах тех из нас, кого природа обделила мужественностью.

— При чем здесь мужественность? — опешил Кинг.

— При том! — врезался Бернэм. — Вам ли не знать, что изнеженность — проклятье азиата? Оттого-то он столь падок на опий, потому-то столь зависим от начальства. Если б местное дворянство не размякло от своей любви к живописи и поэзии, эта страна не пребывала бы в столь жалком состоянии. Пока здесь не возобладает энергичная мужественность, китайцы не оценят всей прелести вольности и первостепенной важности свободной торговли.

— Вы впрямь считаете, что мужественность — порождение доктрины свободной торговли? — спросил Кинг. — Будь оно так, мужчины стали бы редкостью наподобие райских птиц.

— Господа, господа! — вмешался Уэтмор. — Прошу вас говорить по существу дела.

— Верно, нечего рассусоливать и терять время, — сказал Дент. — Мистер Уэтмор уведомил

нас о содержании своего письма, у меня же иное предложение: дать ответ в общих чертах. Мы заверим гильдию, что согласны с необходимостью в будущем положить конец опийной торговле и создадим комиссию, коя изыщет наилучший путь ее завершения. Этим мы убьем двух зайцев: Верховный комиссар получит повод для отмены репрессий, а мы ничего не отдадим. — Он оглядел собрание и повернулся к Уэтмору: — Ну вот, господин председатель, у нас два варианта: мой против вашего. Давайте поставим их на голосование.

Заметив, что слова эти встречены одобрительным гулом и кивками, Кинг вскочил на ноги.

— Погодите! — сказал он, вцепившись в столешницу. — Вопрос этот нельзя решать простым поднятием рук. Не только потому, что сделанный нами шаг будет иметь далеко идущие последствия, но еще и потому, что среди нас есть тот, кто представляет огромное население, и он один вправе говорить от имени территорий, производящих сей спорный товар. — Кинг посмотрел на Бахрама. — Речь, конечно, о вас, мистер Модди. На вас возложена тяжелая ноша, ибо вы в ответе за свою страну и ее соседей. Мы, иные члены Совета, родом из далеких государств, результат

сегодняшнего голосования не затронет наших наследников, а вот ваши дети и внуки ощутят его на себе в полной мере. Призываю вас, мистер Модди, хорошенько поразмыслить о своем долге: ваше слово и ваш голос имеют большой вес. В наших беседах вы не раз говорили о том, что в вашей вере, как никакой другой, отражена вечная борьба Добра со Злом. Перед тем как сделать выбор, загляните в пропасть, на краю которой вы стоите. Подумайте не о сиюсекундном, но о вечном. — Кинг помолчал и тихо спросил: — Что выбираете, мистер Модди: свет или тьму, Ахура-Мазду или Ахримана?

Слова эти были точно удар грома. У Бахрама затряслись руки, и он поспешно спрятал их в рукава чоги. Чарли Кинг поступил нечестно, ужасно нечестно — приплел страны и континенты, да еще и веру! Какое ему, Бахраму, дело до стран и континентов? В первую очередь он должен думать о самых близких, ведь так? И что за радость будет им, если он разорится? Ради детей — дочек и Фредди — он охотно пожертвует своим благополучием в загробном мире. Его насущный долг — сделать их счастливыми, даже если этим он навеки перекроет себе дорогу на небеса.

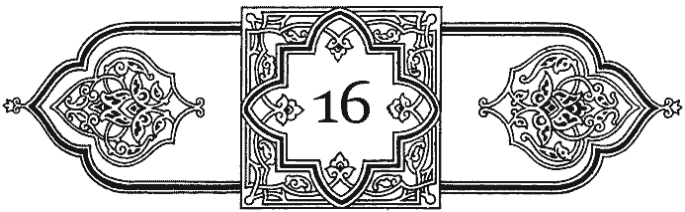
Правая рука привычно скользнула под ангарк-

ху и нащупала кошти, придающий уверенности. Бахрам глубоко вздохнул, откашлялся и посмотрел в глаза Кингу.

— Мой голос за вариант мистера Дента, — сказал он.



16



Приступ ревматизма уложил Хорька в постель, и потому отбором растений для отправки в Кантон занималась Полетт.

Наскоро переговорив с наставником, она составила коллекцию из шести особей: саженца дугласовой пихты, куста красной смородины, двух представителей северо-западного побережья Америки — невысокого куста орегонского винограда, уже выпустившего желтые цветки, и горшка с *гаультерией шаллон*, похвалявшейся глянцевыми листьями и нежными соцветиями в форме колокольчиков. Компанию им составили выходцы из Мексики — *шуазия* с прелестными белыми бутонами и великолепная *фуксия блестящая*, числившаяся в сокровищах Хорька.

Полетт уже привязалась ко всем этим растениям, особенно к буйному орегонскому винограду. С болью в сердце наблюдала она, как матросы их опускают в корабельную гичку, чтобы затем перегрузить в джонку Бабурао, и чувствовала себя матерью, отправляющей своих деток в неизведанную жизнь.

— Я знаю, сэр, что Кантон для меня закрыт, — сказала Полетт, — но нельзя ли хоть немного проводить наших питомцев?

Хорек поскреб бороду и пробурчал:

— Можете доехать до Линтина, только не маячьте там.

— Правда, сэр?

— Пусть джонка возьмет на буксир гичку с матросом, чтобы вам было на чем вернуться.

— Ой, спасибо, сэр. Большое спасибо!

Полетт выбежала на палубу и крикнула матросам, что тоже едет.

В своей джонке, покачивавшейся рядом с гичкой, Бабурао приготовил помост для растений. С замиранием сердца Полетт смотрела, как лебедкой их перегружают, и облегченно выдохнула, когда вся эта операция завершилась благополучно. А затем по переброшенному трапу и сама забралась в джонку.

На лодке Бабурао она еще не бывала, и знакомство с ней сперва обернулось разочарованием. За время стоянки брига Полетт повидала всякие необычные суда, бороздившие воды подле Гонконга: похожие на гусениц пассажирские лодки с рядами лавок, узкие и длинные; лодки-катафалки, уставленные гробами; двухмачтовые джонки «утиный хвост» с многоярусными надстройками и самые, наверное, завораживающие лодки, более сотни футов длиной, в виде китов, как будто процеживающих воду в поисках пищи.

В этаком корабельном изобилии джонка, по дешевке купленная дедом Бабурао где-то на севере и называвшаяся *ша-чуань*, то бишь «песчаная лодка»[60], выглядела неприметной. Полетт никак не могла запомнить ее длинное имя, но это не имело значения, поскольку Бабурао всегда называл свое плавучее средство «Кисмат», то есть «рок», уверяя, что именно это слово иероглифами начертано на борту лодки.

Как на всяком другом судне Жемчужной реки, по бокам форштевня джонки были нарисованы два гигантских глаза, как будто высматривающих добычу или врагов. Всего шестидесяти футов

[60] Примечания: 60

Песчаная лодка — древнее китайское судно с плоским днищем, благодаря которому можно плавать по мелководью без риска сесть на мель.

длиной, лодка уступала «Ибису» и «Редруту» в размерах, однако превосходила их числом мачт, коих было целых пять. Правда, вид у них был странный — они смахивали на покосившиеся свечи в канделябре. Лишь две мачты честно стояли на палубе, но и они кренились — одна вперед, другая назад. Три остальные мачты, больше похожие на шесты, были приторочены к палубному ограждению, и казалось, расставлены наобум. Местоположение руля тоже вызывало удивление, ибо располагался он не по центру, а с боку кормы и управлялся не штурвалом, но огромным румпелем, торчавшим на крыше рубки.

Короче говоря, вздернутая корма, разнородные мачты и бочкообразный корпус создавали облик неуклюжего корыта. Но впечатление это было обманчиво, ибо под парусами джонка шла плавно, как всякое судно ее класса.

Плаванье началось с обряда, весьма напоминающего пуджи, которые Полетт повидала в Калькутте: в честь Тьен Хау и Гуань Инь (богинь благополучия, сродни индийским Лакшми и Сарасвати, пояснил Бабурао) воскурили благовония. Но затем обряд вдруг взорвался в буквальном смысле слова: захлопали шутихи, ударили гонги, полыхнули бесчисленные подожженные полос-

ки красно-золотистой бумаги (дабы отпугнуть бхутов, ракшасов и прочую нечисть, пояснил Бабурао). Возник такой шум-гам, поддержанный кряканьем переполошенных уток, ревом младенцев и хрюканьем свиней, что Полетт ничуть не удивилась бы, если бы джонка взлетела в небеса, точно ракета. Однако на пике гвалта «Кисмат» распустил паруса и тронулся вперед, оставляя за собою дымный шлейф.

В устье Жемчужной реки, взбаламученном встречными течениями и забитом лодками, требовалось незаурядное судоходное мастерство. Наблюдая за матросами, Полетт отметила, что «Кисмат» разительно отличается от «Ибиса» и «Редрута» не только обликом, но еще и работой команды. Она-то полагала, что китайский «лауда» сродни индийскому «накхода», целиком или отчасти соединяющему в себе ипостаси шкипера, суперкарго и судовладельца. Однако Бабурао управлял судном совершенно иначе, нежели капитаны на Хугли или в Бенгальском заливе; мало того, в команде «Кисмата» было несколько женщин, работавших наравне с мужчинами. Никто из матросов, независимо от пола, не потерпел бы грубого приказа в категоричном тоне, и потому Бабурао обращался к ним льстиво, словно

пытаясь убедить в разумности своих пожеланий. Самое удивительное, что по большей части он вообще молчал, ибо все, похоже, и без подсказки знали, что им надо делать, не мешкая оспорить всякое указание. Возникавшие конфликты обычно разрешались не демонстрацией капитанской власти, но вмешательством одной из женщин.

Несколько часов джонка осторожно лавировала меж рыбацких лодок, острозубых рифов и истерзанных волнами островков. И вот по носу замаячила скала в кайме сердитых бурунов.

— Остров Линтин, — сказал Бабурао.

Джонка медленно вошла в бухту на восточной оконечности острова, где на якоре стояли два необычного вида судна иноземной постройки: лишенные мачт и такелажа, они смотрелись вдоль разрезанными бочками.

Это были последние брандвахты, поведал Бабурао, британская и американская, которые использовались только для хранения опия перед его дальнейшей развозкой. Много лет они стояли на приколе у Линтина, давая возможность торговцам опием избавиться от груза и спокойно миновать таможенные посты в устье Жемчужной реки. Еще недавно тут было полно чужеземных судов, хлопотливо освобождавших

свои трюмы от «мальвы» и «бенгали», а флотилия «резвых крабов» готовилась доставить этот груз на материк.

Однако зловещий вид изуродованных судов не мог испортить первозданную красоту острова, над крутыми холмами которого проносились облака. Прежде чем бросить якорь, Бабурао терпеливо маневрировал на середине бухты.

Затем последовал еще один обряд с благовониями, подношениями и сжиганием бумаги.

— Опять пуджа? — спросила Полетт, но спутник ее почему-то медлил с ответом. Она уже начала раскаиваться в своем любопытстве, и тут Бабурао вдруг сказал:

— Да, но не такая, как перед отплытием. Иная.

— Какая же?

— Поминание моего дада-бхай, старшего брата, который здесь сгинул… Случилось это давно, но я, оказавшись в этих местах, всегда тут останавливаюсь.

Старший брат, рассказал Бабурао, тоже плавал на «Кисмате», унаследовав занятие отца и деда. Но однажды кто-то ему сказал: «Ты парень крепкий, шел бы в гребцы „резвого краба“. Заработаешь несравнимо больше, чем извозом и ловлей рыбы». Удержать его не вышло, он под-

рядился гребцом. Работа была тяжелая, однако за каждую ездку брат получал премиальные в виде шматка опия, который мог продать и выручить деньги. Но, совсем юнец, он частенько сам выкуривал свою премию. Вскоре он работал только за опий, без которого уже не мог обойтись. За несколько лет брат так ослаб телом и умом, что больше не мог служить ни гребцом, ни кем другим. Превратился в тень самого себя и целыми днями лежал на баке «Кисмата». Однажды, когда джонка бросила якорь вот в этом месте, он перевалился через борт, и больше его не видели.

— В то время я, чхота-бхай, младший из четырех братьев, был совсем маленьким. Отец решил, что для меня будет лучше уехать, и нашел мне место слуги на манильском судне. Он понимал, что иначе я тоже стану опийным пристрастником, как мои братья.

— Значит, это случилось не с одним братом?

— Нет, два других пошли той же дорожкой. Они видели, что произошло со старшим, но не совладали с собой — возжелав денег, стали гребцами «резвых крабов». Одного брата нашли возле Вампоа, его обезглавленное тело плыло по протоке. До сих пор неизвестно, кто и за что его убил, но ясно, что это было связано с «черной грязью».

Второй брат прожил дольше, успел жениться и народить детей. Но он тоже курил опий и умер в двадцать с небольшим. После этого отец решил продать джонку — мол, опий превратил реку в ядовитый поток. Весть о его решении застала меня в Калькутте. Но я не мог допустить продажи «Кисмата», ведь я вырос на этой лодке. Я любил эти воды и подумал, что пора сюда вернуться.

— Не жалеете? — спросила Полетт.

— Сказать по правде, даже не знаю. Смотрю вокруг и все больше тревожусь. За сыновей и внуков. Как им жить, не задохнувшись в ядовитом дыму? — Бабурао помолчал и взял ее за плечо: — Идемте, я вам кое-что покажу.

Он помог Полетт забраться на площадку на полуюте и подал подзорную трубу:

— Смотрите вон туда. Видите форт в устье реки? Ласкары называют его *шер-ка-му*, «пастью тигра», а британцы — «полосатиком». Он построен недавно и кажется неприступным. Однако ночью любой может спокойно войти в него. Все часовые и командиры обкуренные. От этой чумы нет спасения.

Не прошло и часа, как в Городе чужаков все узнали о победе сторонников Дента. Вико, ознакомивший обитателей индийской фактории

с подробностями заседания, как в воду глядел, предсказав триумфальное застолье: вскоре стало известно, что к вечеру соберутся друзья хозяина.

Это вызвало небольшую панику на кухне, однако к приходу гостей все было готово: шампанское охлаждено, блюда с тефтелями, оладьями и пирожками ждали подачи на стол.

Первыми пришли Дент и Бернэм, за ними подтянулись Слейд и другие. Подавальщики, обслуживавшие гостей, информировали прочих слуг о том, что происходит за столом: сперва Бернэм вознес благодарственную молитву небесам, приведшим его клан к победе, затем сет-джи провозгласил тост за истинного лидера мистера Дента.

Однако Вико не расстался с мрачными опасениями.

— Еще неизвестно, чем все закончится, — сказал он. — Пусть Дент переиграл Кинга, но комиссара ему так легко не одурачить, и патрон это понимает. Он произносит здравицы, а сам-то встревожен.

В конце вечера подавальщики подтвердили, что хозяин и впрямь чем-то слегка озабочен. Доказательством тому стал его отказ присоединиться к Денту и его друзьям, отправившимся

ужинать в клубе. После их ухода он тотчас лег в постель.

В кухне челядь, не опасаясь потревожить удалившегося в спальню сета, шумно налегла на изрядные остатки шампанского и кушаний. Когда бутылки были осушены, а подносы опустошены, Вико надумал всех обучить бальным танцам.

— Идите-ка сюда, мунши-джи, — позвал он, — я покажу вам пару па. Начнем с вальса.

Место начал отбивать ритм на большой медной сковороде, остальные захлопали в ладоши, и аккомпанемент этот заглушил протесты Нила, который вскоре уже неловко вальсировал с Вико, стараясь не сбиться с шага.

Вид сей кружащейся пары вызвал безудержный смех, появился кувшин с грогом, после чего в танец влились все, за исключением Место: слуги, охранники, мойщики посуды и даже степенные менялы расшалились, как детишки. Затем, по команде Вико, музыкальный ритм сменился и был объявлен новый танец под названием кадриль. Танцоры, получившие приказ встать в два ряда и взяться под руки, ринулись друг другу навстречу так рьяно, что многие повалились на пол. Задыхаясь от смеха, народ изумлялся тому, что этакая катавасия считается танцем.

Наконец хохот стих, и все услыхали, как кто-то барабанит во входную дверь. Вико поднялся с пола и пошел выяснить, в чем там дело. Когда он вернулся, на лице его не было и следа былого веселья.

— Нарочный из Палаты, — сказал Вико. — Срочное совещание, хозяину надлежит прибыть немедленно.

На этих словах церковные часы отбили одиннадцать ударов.

— Какое еще совещание? — удивился Нил. — В этакую пору?

— Да. Китайские купцы только что вернулись со встречи с комиссаром Линем и просят чужеземцев собраться — у них очень важное сообщение. — Вико уже направился к лестнице, но, обернувшись, крикнул: — Кто нынче дневальный? Быстро к хозяину!

Дежурный слуга был изрядно пьян, пришлось облить его водой, прежде чем отправить наверх. Через полчаса Бахрам, облаченный в темную чогу, вышел из спальни; все с облегчением отметили, что тюрбан его завязан надлежаще и вообще одет он безупречно.

В такой час фонарщика было не найти, и Вико, взяв факел, сам сопроводил хозяина до Палаты.

Потянулось томительное ожидание, но вернулись они уже около двух часов ночи и сразу прошли в хозяйскую спальню, где еще с полчаса о чем-то говорили.

Когда управляющий появился в кухне, бодрствовал один только Нил, трудившийся над своей «Хрестоматией». Вико плеснул в стакан добрую порцию водки маотай.

— Что там было на совещании? — спросил Нил.

Управляющий выпил и снова наполнил стакан.

— Похоже, патрон и его друзья слегка поторопились отметить победу.

— Вот как?

— Вы не представляете, мунши-джи, какая грядет заваруха…

В главном зале Торговой палаты, полном народу, горели лампы и стоял гул голосов, как перед началом спектакля. Вико отыскал себе местечко на задах.

Двенадцать китайских купцов сидели в ряд: разумеется, Хоуква, Моуква и Панхиква, и к ним еще добавилась молодежь вроде Етука, Фонтая и Кинквы. Все они привели с собою толмачей и слуг, которые держали над ними фонари, порож-

давшие пляшущие тени на стенах. Чужеземные торговцы устроились в тусклой части зала: одни сидели, другие стояли — их лица маячили в сумраке, не поддававшемся свечам, мигавшим в настенных канделябрах. На одном краю нейтральной полосы, разделявшей две эти группы, выстроилась фаланга китайских толмачей, на другом высился юный переводчик Фирон.

Совещание началось с того, что купцы гильдии известили иноземных коллег об отклике юм-чаэ на письмо Палаты. Поскольку решался вопрос жизни и смерти, они отказались от делового жаргона и предпочли услуги толмачей, из-за чего каждое слово проходило через фильтр нескольких ртов.

— Мы передали Верховному комиссару ваше письмо, и он попросил своего заместителя его зачитать. Выслушав послание, его превосходительство сказал: «Чужеземцы просто-напросто потешаются над гильдией. Но со мной это не пройдет. Если к завтрашнему утру опий не сдадут, в десять часов я прибуду в Консу, и тогда вы узнаете, что к чему».

— Что он имел в виду? — не понял Нил.

— Это означает, мунши-джи, что он тотчас разгадал маленькую хитрость мистера Дента и

посулил исполнить свою угрозу, если к утру не получит опий.

— Угрозу касательно казней?

— Скажу вам, мунши-джи, даже с последнего ряда я видел, что дело швах: у купцов дрожали руки, слуги их плакали, кто-то лишился чувств, его вынесли из зала. Однако все это не убедило Палату. По примеру Дента и Бернэма, торговцы стали оспаривать каждое слово, выспрашивать, с чего вдруг китайцы решили, что их и вправду обезглавят — как будто человек в здравом уме станет об этом врать. Купцы вновь и вновь повторяют: если к десяти часам не будет опия, двое из них лишатся голов. А у Палаты опять вопросы, снова тары-бары, но вот, наконец, кто-то предложил: сдать не весь опий, а, скажем, тысячу ящиков. Может, юм-чаэ этим удовольствуется?

— И что, все согласились?

— Да, в конце концов, но торговались, как на базаре. Даже потребовали оплатить сданный опий. С чего это вдруг? — изумились китайцы. А им в ответ — это цена ваших голов, убытки за ваш счет.

— Неужели они так сказали?

— Ну, примерно. — Вико покачал головой. — Понимаете, мунши-джи, делец всегда озабочен

прибылью, это общеизвестно. Порой ему приходится маленько шельмовать. Такие вот правила игры. Нынче заработал, завтра немного потерял — для большинства торговцев это вполне нормально. Но типы вроде Бернэма, Дента и Линдси смотрят на жизнь иначе. С помощью Хоуквы, Моуквы и других купцов они получили неисчислимый доход. Однако сейчас, когда речь о жизни и смерти, они торгуются, словно базарные бабы. Поневоле задумаешься: если уж они так низко ценят жизнь друзей, мы с вами для них, наверное, вообще прах.

— Погодите, а мистер Кинг? Уж он-то не в их компании?

— Нет. Он говорил об обязательствах Палаты перед гильдией и давних дружеских связях, но доводы его никого не убедили. Однако подействовали слова переводчика — тот сказал, что в городе очень неспокойно и может вспыхнуть бунт, если пострадает кто-нибудь из китайских купцов. Коммерсанты струхнули и решили предложить комиссару тысячу ящиков в виде откупа.

— Думаете, он согласится?

Вико пожал плечами:

— Узнаем только завтра утром. Тогда-то и станет ясно, сохранят ли китайцы свои головы. — Он

снова налил себе водки и качнул бутылкой: — Выпьете, мунши-джи?

Нил отказался — время позднее, а утром надо встать пораньше, чтобы к приезду комиссара быть у ворот Консу. После тяжелого дня хозяин поспит дольше и, если что, не станет бранить за отлучку, продиктованную беспокойством о ситуации.

Утром на майдане Нил сразу почувствовал, как что-то неуловимо изменилось. В криках беспризорников не слышалось былой веселости, и подаянию они ничуть не обрадовались. В голосах сопливой оравы, преследовавшей Нила, звучала неподдельная злость. Мальчишки отстали в начале Старой Китайской улицы, где также ощущались перемены: взгляды прохожих светились злобой, напомнившей о беспорядках в день сорванной казни.

Нил одолел половину улицы, когда его окликнул А-Тор, старший сын Комптона:

— Здравствуй, А-Нил! Отец тебя звать, ходить скоро-быстро!

— А что такое?

А-Тор пожал плечами:

— Ходить, приходить!

Минуя печатню, они сразу прошли к дому,

который нынче, как никогда, выглядел оазисом безмятежности: цветущая вишня в центре мощеного двора казалась фонтаном из белых лепестков, бьющим сквозь расселину в плитах.

Неподалеку в тени козырька кровли сидел Комптон, рядом с ним расположился белобородый старец, которого Нил уже видел в день прибытия комиссара.

— Доброе утро, А-Нил.

— Здравствуйте, Комптон.

— Познакомьтесь с моим учителем Чжун Лоусы.

Оба китайца встали и поклонились, Нил постарался не отстать в вежливости приветствия.

Низенький каменный столик был накрыт к чаю, Комптон указал Нилу на свободный стул; они справились о здоровье друг друга, а затем печатник спросил:

— Вы, наверное, знаете о ночном совещании?

— Да, — кивнул Нил. — Торговцы предложили сдать тысячу ящиков опия.

— Верно. Рано утром купцы гильдии доложить об этом юм-чаэ.

— И каков результат? Его превосходительство удовлетворен?

— Нет. Он прекрасно понимать, что хитрые

чужеземцы намерены сторговаться. Они думают, его можно подкупить, как прежнего губернатора. Но юм-чаэ тотчас отвергать их предложение.

— И что теперь будет? Хоукву и Моукву казнят?

— Нет. Его превосходительство понимать, что китайские купцы сделали все возможное. И он знать, что есть иноземцы, согласные с его приказом. Вся беда от кучки торговцев. Пришла пора наказать преступников, творящих зло.

— И о ком же речь?

— А как вы думаете?

— Дент и Бернэм?

Комптон кивнул.

— Джардина нет, и Дент занял место первого злодея. За ним давно наблюдают — контрабанда, подкуп, он главарь.

— И что с ним сделают?

Комптон помялся, глянул на старца.

— Только между нами, А-Нил. Понимаете? Никому не слова.

— Да, конечно.

— К Денту есть вопросы. Его задержат.

— А Бернэма?

— Нет. Пока хватит одного британца. — Печатник помолчал. — Но арестуют еще одного

человека.

Нил прихлебнул чай — крепкий пуэр вязал рот.

— Кого же?

Прежде чем ответить, Комптон о чем-то перемолвился со старцем.

— Имейте в виду, А-Нил, я говорю это вам одному. Многие считают, что нужно арестовать индуса. Почти весь опий приходить из тех краев. Нет индусов — нет зелья. Их надо остановить. Лучший способ — в острастку всем взять одного. В пару Денту.

— И кто кандидаты?

— Всего один. Вожак кантонских ачха.

Почувствовав, как пересохло во рту, Нил отхлебнул чаю, и только тогда смог выговорить:

— Сет Бахрам-джи?

— Скажем прямо, А-Нил, он в ответе за зло, о нем много известно. И потом, он союзник Дента.

Нил уставил взгляд в чашку, представив закованного в колодку Бахрама на пути в тюрьму, как было с Панхиквой. Вспомнилась некогда удивлявшая преданность слуг своему хозяину. И тут он вдруг понял, что теперь и в нем живет такая же преданность, граничащая с любовью. Казалось, между ним и Бахрамом возникли кровные

узы, не позволяющие сыну осуждать родителя. И если он станет соучастником тех, кто причинит вред Бахраму, то не простит себе этого до конца жизни.

— Знаете, ваша позиция вполне понятна, — сказал Нил. — Только учтите вот что: даже если сет Бахрам-джи и все другие индусы прекратят торговать опием, ничего не изменится. Да, зелье поступает из Индии, но торговля им почти целиком в руках британцев. В Бенгальском президентстве они установили монополию на производство опия и не подпускают к нему индусов, за исключением крестьян, которые выращивают мак и страдают от зелья не меньше китайцев, его покупающих. В Бомбее британцы не смогли стать монополистами, потому что контролируют не весь регион. Вот почему местные коммерсанты вроде сета Бахрам-джи сумели занять нишу в опийной торговле. В общей баснословной прибыли только их доходы чахлым ручейком возвращаются в Индию, все остальное поступает в Англию, иные европейские страны и Америку. Если завтра Бахрам-джи и все прочие бомбейские купцы перестанут продавать опий, результат будет один: англичане станут полновластными хозяевами этого рынка. Не индусы,

но британцы познакомили китайцев с зельем. Если вдруг все ачха умоют руки, англичане и американцы озаботятся тем, чтобы опийный поток не иссяк.

Дождавшись, когда Комптон переведет его слова старцу, Нил выложил довод, прибереженный напоследок:

— Знаете, что произойдет, если вы приравняете Бахрам-джи к Денту?

— Что?

— Палата выручит Дента, пожертвовав Бахрамом. Британец выскользнет из вашей хватки.

— Ох ты! Неужели?

— Не сомневаюсь. Заметьте, чужеземцы в гораздо большем долгу перед гильдией Ко-Хон, однако не замешкались подвергнуть риску своих китайских друзей. Так станут ли они хлопотать за Бахрама?

Нил смолк и, откинувшись на спинку стула, прихлебнул чай. Комптон перевел вопрос старца:

— Чжун Лоу-сы интересуется: вы с мистером Модди земляки? И одной касты?

— Нет, наши провинции расположены далеко друг от друга — как Маньчжурия и Гуандун. У нас даже разные веры.

— Скажите, почему вы так ему преданы? Чем он отличается от Дента и Бернэма?

— Сет Бахрам совсем другой. В иных обстоятельствах он бы стал зачинателем гениальных новшеств. К несчастью, он родом оттуда, где даже прекрасный человек не может быть верен себе.

— Вы говорите об Индостане?

— Да, о нем.

Комптон перевел, и в глазах старца промелькнуло сочувствие. Потом он что-то тихо сказал, словно самому себе.

— Чжун Лоу-сы говорит: юм-чаэ должен исполнить свой долг, чтобы Китай не превратился в еще один Индостан.

— Все верно, — кивнул Нил. — Потому-то я здесь с вами.

Из-за яростных стычек на ночном совещании Бахрам смог уснуть только после доброй порции опийной настойки. Спал он крепко и пробудился от боя церковных часов, отсчитавших одиннадцать ударов.

Окна были закрыты ставнями, темноту в спальне нарушала только лампадка на жертвеннике. Еще слегка очумелый, Бахрам испугался, что проспал весь день до самого вечера, но потом разглядел полоски света, пробивавшегося сквозь

щели в ставнях. Сразу вспомнились события прошедшей ночи: противоречивые доводы сторон, убитый вид Хоуквы и Моуквы, предостережение Дента: уступим хоть ящик, и тогда потом отдадим всё. Дело решило вмешательство переводчика, предрекшего бунты в том случае, если пострадает кто-нибудь из китайских купцов. Вот тогда-то Уэтмор и предложил сдать тысячу ящиков как выкуп за жизнь членов гильдии.

Наравне с другими торговцами Бахрам согласился пожертвовать частью своего груза, однако никто не знал, примет ли комиссар Линь предложение Палаты. Лишь в десять утра станет ясно, готов ли он исполнить свои угрозы.

А сейчас-то одиннадцать, минул целый час после означенного срока! Возможно, Хоуква и Моуква уже покойники.

Бахрам яростно дернул шнур вызывного звонка, и в дверях моментально возник слуга.

— Где Вико?

— Вышел, сет-джи.

— А секретарь?

— В конторе, сет-джи. Дожидается вас.

Бахрам махнул слуге:

— Одеваться! Быстро!

Поспешно одевшись, он прошел в контору и

спросил Нила:

— Утром вы ходили к Дому Совета?

— Да, сет-джи.

— И что там было? Комиссар Линь вынес вердикт?

— Нет, сет-джи. Я прождал до половины одиннадцатого, но комиссар так и не появился. Никакого вердикта. Ничего.

— Точно ли?

— Да, сет-джи, абсолютно.

От нахлынувшего облегчения закружилась голова, Бахрам ухватился за дверной косяк. Раз комиссар до сих пор не прибыл в Консу, это означало только одно: предложение Палаты принято. Ну да, тысяча ящиков — не шутка: даже год назад такой груз опия стоил бы триста двадцать пять тысяч таэлей, что примерно равнялось одиннадцати с половиной тоннам серебра в слитках. Если комиссар Линь оставит себе лишь малую часть этого богатства, он все равно сможет обеспечить поколения своих потомков. На всем белом свете вряд ли сыщется тот, кто устоит перед таким искушением.

Казалось, будто с плеч свалился тяжеленный груз. Как приятно, когда в доме полный порядок: завтрак накрыт, Место, перекинув салфетку через

руку, изготовился потчевать хозяина. Наслаждаясь снизошедшим умиротворением, Бахрам сел за стол; в кои-то веки он не желал никаких новостей, но хотел лишь спокойно позавтракать.

— Зачитать вам «Дневник», сет-джи?

— Нет, мунши-джи, не сегодня. Лучше ступайте, разыщите Вико.

— Слушаюсь, сет-джи.

Бахрам оглядел сервированный стол: сразу видно, что нынче Место расстарался. С утра, наверное, обежал лавочников, чтобы приготовить *чар-сиу-баау*, воздушные пирожки с начинкой из жареной свинины, и вареники *чиу-чау*, фаршированные арахисом, чесноком, луком, сушеными креветками и грибами. Не забыл он и любимое блюдо хозяина из меню парсов — *колми бхарело поро*, омлет с тушеными помидорами и мясистыми креветками.

Бахрам начал есть и одарил повара улыбкой:

— Превосходно! Почти как матушкина стряпня!

Довольный Место, ухмыльнувшись, подтолкнул к нему вареники:

— Отведайте, хозяин, прямо с пылу с жару.

Бахрам ел медленно, смакуя каждое блюдо. Прошел почти час, он закончил трапезу, однако

ни Вико, ни секретарь не появились.

— Куда же они запропастились? Место, пошли мальчишку, пусть найдет их.

Едва повар скрылся за дверью, как в контору вошли запыхавшиеся Нил и Вико.

— Патрон, взвод гвардейцев отправился на квартиру мистера Дента! С ними вай-юань.

Последний, местный полицмейстер, редко заглядывал в Город чужаков.

— Невероятно! — воскликнул Бахрам. — Что им там понадобилось?

Ответил Нил:

— У них ордер на арест мистера Дента. Его обвиняют в контрабанде и кое в чем другом.

— Это в чем же?

— В шпионаже и попытках разжечь смуту в стране.

— Так он арестован?

— Его препроводят в Старый город на допрос.

Бахрам нахмурился:

— Откуда вам все это известно?

— Мне рассказал гомуста мистера Бернэма, он живет в той же фактории. Гомуста-бабу все видел своими глазами.

Бахрам отъехал на стуле и вскочил на ноги.

— Дента забрали или он еще в доме?

— Пока в доме, патрон. Там уже собираются иноземные торговцы.

— Я тоже должен пойти, — сказал Бахрам. — Где мои чога и трость?

Идти было совсем недалеко, и всего через пару минут он прибыл на место, однако на входе в факторию стояли рослые гвардейцы в шлемах с плюмажами. К счастью, Юн-Том, толмач китайской гильдии, узнал Бахрама и попросил часовых его пропустить.

Квартира Дента располагалась в последнем строении, смотревшем на улицу Тринадцати факторий. Чтобы попасть туда, предстояло пройти через несколько дворов, обычно многолюдных, а сейчас совершенно пустых. И только мощеный двор перед домом Дента был полон народу — в основном китайцев, уныло сидевших на корточках под приглядом маньчжурских гвардейцев.

Пробираясь сквозь эту сидячую толпу, Бахрам почувствовал, что кто-то дернул его за рукав.

— Господин Модди, помоги, пожалуйста…

Бахрам удивился, узнав Аттока, младшего сына Хоуквы: одежда всегда аккуратного и прибранного парня была в беспорядке, лицо в потеках грязи.

— Что случилось, Атток? Отец твой здесь, в

доме?

— Да. И Панхиква там. Юм-чаэ обещал рубить башка, если господин Дент не идти. Прошу, господин Модди, поговори с ним.

— Конечно. Сделаю все возможное.

Дверь в дом была распахнута, Бахрам беспрепятственно прошел внутрь.

Дент тоже занимал квартиру в трех этажах, первый из которых, как правило, отводился под хранилище. Переступив порог, Бахрам как будто очутился на складе разнородных вещей, накопившихся за долгое время: напольные часы, лаковые изделия, мебель в европейском стиле, но местного производства, да еще необычные диковины — чучела животных, керамика и тому подобное.

Сейчас в этой пыльной, тускло освещенной кладовой было битком народу. В центре комнаты на изящной козетке сидел навытяжку хмурый мандарин, в одной руке он держал свиток, в другой веер. Слева от него со стены таращилось огромное чучело головы носорога, а справа на полу скорчились Хоуква и Панхиква, закованные в цепные ошейники. Одежда купцов была так испачкана, словно их волоком тащили по земле, а с шапок исчезли шарики, свидетельствующие

об их высоком ранге.

Но ведь еще недавно всякий мандарин обращался к ним подобострастно! Вид двух богачей, съежившихся, точно попрошайки, был настолько невероятен, что Бахрам протер глаза — они ли это?

Оправившись от изумления, в дальнем углу комнаты он разглядел Дента, Бернэма, Уэтмора и других иноземцев, сгрудившихся вокруг переводчика Фирона. Бахрам прошел к ним, уловив конец фразы Бернэма:

— …любой ценой держаться принципа юрисдикции. Растолкуйте полицмейстеру, что он не властен над мистером Дентом, как и всяким другим британцем.

— Я, знаете ли, пытался, сэр, — терпеливо отвечал Фирон. — Вай-юань говорит, что он действует от имени Верховного комиссара, по указу императора наделенного особыми полномочиями.

— Так вдолбите ему, что никто, даже сам Великий Маньчжур, не вправе вершить суд над подданным английской королевы!

— Я сомневаюсь, что он прислушается, сэр.

— Тем не менее ступайте и поставьте его в известность.

— Слушаюсь.

Дент растер руками лицо. Бахрам отметил его бледность, нездоровый вид и обгрызенные ногти.

— Дорогой мой, это ужасно! — Бахрам пожал ему руку. — Чего они от вас хотят?

Дент был в таком состоянии, что не мог вымолвить ни слова, вместо него ответил Бернэм:

— Говорят, препроводят его в Старый город и зададут несколько вопросов. Но, похоже, у них совсем другие намерения.

— Прошел слух, будто комиссар распорядился найти повара, знакомого с европейской кухней, — добавил Уэтмор.

— Зачем это? — опешил Бахрам. — Они что, собираются отправить Дента в тюрьму?

— Возможно, — мрачно усмехнулся Бернэм. — Или того хуже — готовят ему тайную вечерю.

— Не надо, Бенджамин! — заламывая руки, взмолился Дент. — Зачем вы нагнетаете?

Вернулся Фирон.

— Вот ответ вай-юаня, сэр: в императорских указах однозначно установлено, что все иноземцы, обитающие в Китае, обязаны соблюдать местные законы.

— Но было-то по-другому, — сказал Уэтмор. — В Кантоне чужеземцы всегда вели дела, сообразуясь

с собственными установлениями. Пожалуйста, объясните это полицмейстеру, Фирон.

— Слушаюсь, сэр.

Переводчик отошел, но тотчас вернулся.

— Вай-юань просит подойти к нему. Он хочет говорить с вами напрямую.

— Подойти? — возмутился Слейд. — Чтоб он смешал нас с грязью, как смешал Хоукву и Панхикву? Неслыханная наглость!

— Но он требует, сэр.

— Давайте подойдем, — сказал Дент. — Не стоит его злить.

Торговцы встали перед полицмейстером, стараясь не смотреть на двух китайских купцов, закованных в цепи.

— Вай-юань спрашивает: в ваших странах чужеземцы освобождены от соблюдения местных законов?

— Нет, — сказал Уэтмор. — Ни в коем случае.

— Тогда почему вы считаете, что китайские законы вас не касаются?

— Так сложилось, что иноземная община Кантона руководствуется собственными правилами.

— Но лишь до тех пор, пока они не противоречат нашим законам. Мы вас многажды предупреждали, издавали указы и манифесты, однако вы,

пренебрегая законом, продолжаете везти к нам опий. Кто же вы, если не преступники?

— Пожалуйста, Фирон, объясните господину полицмейстеру, что мы, англичане и американцы, пользуемся определенными свободами, узаконенными в наших странах, и должны, в первую очередь, соблюдать собственные законы, — сказал Уэтмор.

Чтобы это объяснить, ушло какое-то время.

— Вай-юань не верит в существование стран, настолько варварских, что они дают свободу своим торговцам действовать во зло народам иных государств. Ибо это уже не свобода, но истинное пиратство, коего не потерпит ни одно правительство.

Потеряв терпение, Слейд застучал тростью об пол.

— Господи ты боже мой! Нельзя ли покончить с этим словоблудием? Скажите-ка ему, Фирон: он поймет, что такое свобода, увидев нацеленное на него жерло английской пушки.

— Я не могу это перевести, сэр.

— Конечно, не нужно, — сказал Дент. — Однако Слейд зрит в корень. Пора просить о вмешательстве капитана Эллиотта.

Слушая их, Кинг только криво усмехался, но

теперь вступил в разговор:

— Виноват, мистер Дент, не вы ли со Слейдом ратовали за то, чтобы Эллиотт держался подальше от Кантона? Если не ошибаюсь, именно вы заявляли, что участие в делах государственного представителя извратит законы свободной торговли.

— Сейчас это уже не вопрос торговли, — холодно сказал Дент. — Не понимаете, что речь идет о нашей безопасности?

— Понимаю! — рассмеялся Кинг. — Для вас государство — что Бог для агностика, взывающего к нему, лишь когда припечет.

— Простите, сэр, вай-юань ждет ответа, — перебил Фирон. — Что мне сказать?

Решение принял Уэтмор:

— Скажите, мы не можем предпринять какие-либо действия без консультации с английским представителем капитаном Эллиоттом, который сейчас в Макао. Он уже извещен и скоро сюда прибудет.

Поглощенный этим разговором, Бахрам ничего не замечал вокруг и вздрогнул, услыхав над ухом голос Задига:

— Бахрам-бхай, можно тебя на пару слов?

— Да, конечно.

Они отошли в сторонку, укрывшись за большим шкафом.

— Я должен кое-что тебе сообщить, Бахрам-бхай.

— Ну выкладывай.

Задиг пригнулся ближе.

— Мне доподлинно известно, что и твое имя было в ордере на арест.

— Какой еще ордер? О чем ты?

— Тот ордер, что выдан на арест Дента. Еще утром там значился и ты. Тебя собирались арестовать. Видимо, в последний момент твое имя вычеркнули.

— С какой стати меня арестовывать? — вытаращился Бахрам. — Что я сделал?

— Похоже, власти хорошо информированы о том, что происходило в Палате. Они явно знают, что Дент был против сдачи опия. А ты его поддержал.

— Откуда им это известно? Но если так, почему меня вычеркнули?

— Наверное, смекнули, что Палата может пожертвовать тобой в обмен на Дента.

— Но Совет этого не допустит? — Бахрам вдруг осип. — Правда?

— Послушай, Бахрам-бхай, ты не американец,

не англичанин, за тобой нет военных кораблей. Если Палате придется выбирать между тобой и Дентом, кого, по-твоему, она предпочтет?

Бахрам почувствовал, как пересохло во рту, но все-таки сумел выговорить:

— Что мне делать, Задиг-бей? Подскажи.

— Ступай домой. И какое-то время тебе лучше не высовываться.

Бахрама терзали сомнения, однако он решил последовать совету друга. На выходе из фактории ему помнилось, что гвардейцы смотрят на него как-то особенно, и вообще повсюду мерещилось неусыпное наблюдение. Бахрам почти бежал, но все равно двухминутная дорога показалась нескончаемо долгой.

Даже укрывшись в конторе, он не обрел покой — знакомые стены как будто превратились в клетку. Стоило выглянуть в окно, как его встречали взгляды невесть откуда взявшихся гвардейцев; стоило сесть за стол, как воображение рисовало картины того, что было бы, останься его имя в ордере. А если бы закованные в цепи купцы явились к нему и стали умолять сдаться на милость юм-чаэ? Представилось, как в углах перешептываются соотечественники: бедная Ширинбай… муж в тюрьме… несмываемый позор…

И опийная настойка не сумела оказать своего обычного воздействия: сон, сморивший Бахрама, был коротким и тревожным. Сперва привиделось, что его фраваши, ангел-хранитель, покинул своего подопечного, бросив на произвол судьбы. Бахрам рывком сел в кровати и обнаружил, что комната погружена в могильную тьму — погасла даже лампадка на жертвеннике. Шатаясь, он выбрался из постели и, сломав несколько спичек, вновь запалил светильник. Но едва сомкнул веки, как его посетило новое видение, хуже прежнего. Он увидел себя на мосту к *Чинват-пул*, царствию небесному, вход куда охранял ангел-судия *Мехер Давар. Кам немон зам, кутхра немон айем?* Какой край мне предназначен, куда идти? — пролепетал Бахрам. Длань привратника указала во мрак под мостом, и Бахрам, перевалившись через перила, полетел в бездонную пропасть.

Очнулся он весь в поту и еще никогда так не радовался пробуждению. Услыхав бешеное треньканье вызывного звонка, Вико пулей влетел в спальню.

— Что с вами, патрон? Что случилось?

— Вико, ступай к дому Дента и узнай, что там происходит. Возьми с собой секретаря.

— Сегодня не работаем, патрон? — озадачился

управляющий.

— Нет, мне нездоровится. Пусть завтрак подадут в спальню.

— Слушаюсь.

Весь остаток утра Вико и Нил по очереди информировали хозяина: китайские купцы собрались возле дома Дента, потом отправились в Торговую палату, надеясь, что ее руководство убедит англичанина покориться. Там им ответили: «Мы не вправе к чему-либо понуждать наших торговцев». «Но зачем нужна такая Палата, которая не может повлиять на своих членов?» — недоумевали китайцы.

Во второй половине дня Нил доложил, что видел Задиг-бея, в составе делегации переговорщиков и толмачей тот направлялся к мандаринам.

Через несколько часов появился и сам Задиг, усталый, но взбудораженный.

— Где ты был? В Консу?

— Нет, впервые в жизни я оказался в Старом городе…

Через ворота Шулань делегацию препроводили в храм богини Гуань Инь. Сперва переговорщики ждали во дворе, усевшись в тени огромного дерева. Потом их провели на территорию, где жили священники, угостили чаем и фруктами. Вскоре

прибыли высокопоставленные мандарины: казначей провинции, министр соли, министр зерна и судья. В трепетной надежде делегаты ожидали лицезреть самого юм-чаэ, но он не появился.

Мандарины справились об их именах и откуда они родом, а потом спросили:

— Почему господин Дент не подчиняется приказу юм-чаэ?

От имени делегатов ответил переводчик Том:

— Чужеземцы уверены, что его посадят в тюрьму, как только он придет в Старый город.

Потом слово взял судья:

— У Верховного комиссара зоркий глаз и большие уши. Он знает, что Дент — очень богатый капиталист. Комиссар получил прямое указание императора покончить с опийной торговлей. Он хочет предостеречь Дента, выявив подноготную его занятия. Если Дент не придет добровольно, его притащат силой. Окажет сопротивление — будет убит.

Делегаты молчали, и тогда выступил казначей:

— Почему вы так оберегаете этого Дента? Неужто не дорожите торговлей с Китаем?

— Дорожим, — перевел Том. — Но жизнь Дента дороже.

И тут произошло нечто удивительное: ответ

делегатов так понравился, что мандарины захлопали в ладоши. Невероятно…

Задиг не успел закончить рассказ, его перебил Вико, влетевший в спальню.

— Патрон, гляньте на улицу!

Бахрам с Задигом бросились к окну: перед английской факторией колыхалась толпа зевак, пялившихся на тюрбаны сипаев с ружьями на плечо. Знаменосец держал в руках британский флаг.

— Наверное, прибыл капитан Эллиотт, — сказал Задиг.

— Слава богу, слава богу! — воскликнул Бахрам и, прикрыв глаза, вознес благодарственную молитву. Впервые за долгое время он почувствовал себя в безопасности — приезд британского представителя как будто даровал долгожданную передышку.



17



25 марта 1839.
Отель «Марквик», Кантон.

Дорогая моя Пагли,

Плохие новости сообщать нелегко, да еще когда времени в обрез. Ты поймешь, почему мне вдвойне тяжело писать это письмо: я не только должен известить тебя о своей ужасно досадной неудаче, но вдобавок сделать это как можно быстрее, ибо в Городе чужаков зреет нечто зловещее. Вот и сейчас, когда я пишу эти строки, на крыше фактории грохочут молотки и слышен топот ног, напоминая, что времени мало и надо быть кратким…

Ты порадуешься, узнав, что Бабурао, невзирая на многочисленные препоны, благополучно

доставил твои драгоценные растения. На реке, по его словам, творилось черт-те что, поскольку британский представитель капитан Эллиотт спешил из Макао в Кантон, стремясь опередить китайские власти. В излучине реки Бабурао видел его тендер с командой ласкаров и взводом сипаев, взявших на прицел пограничников, когда те попытались остановить их судно.

Такая спешка продиктована тем, что миссия капитана носит характер спасательной экспедиции (надеюсь, это поможет тебе представить переполох, с недавних пор царящий в Городе чужаков). Комиссар затребовал к себе мистера Дента, и тот перепугался до смерти! Он уверен, что его заточат в тюрьму, и потому отказался покинуть свое жилище, а сторонники его, опасаясь той же участи, оказывают ему всяческую поддержку.

О том вчера мне поведал Чарли Кинг, который все видел своими глазами. Комиссар осознал, что чужеземцы охотнее пожертвуют жизнью китайских купцов, нежели расстанутся с опием, и предпринял конкретные шаги: прекратил выдачу выездных пропусков, лишив иностранцев возможности сбежать из Кантона, и ополчился на самого крупного неисправимого контрабандиста. Все это застало врасплох Дента и его

приспешников, полагавших, что статус европейца освобождает их от личной ответственности за преступления.

Стоило видеть Дента, когда ему предъявили ордер на арест. В мгновенье ока от него осталась лишь жалкая оболочка прежнего человека, он тотчас забыл свою хваленую доктрину свободной торговли и спрятался под юбкой мамки-правительства. Дент и его дружки держатся спесивыми фанфаронами, однако в сущности они — презренные трусы и были бы полными ничтожествами, если б за ними не стояли британская армия и флот, гаранты их наживы.

Теперь ты, наверное, поймешь, милая Пагли, какой ажиотаж вызвало прибытие капитана Эллиотта. Огромная толпа китайцев и чужеземцев наблюдала, как он сходит с судна и шествует к английской фактории, над которой моментально взвился британский флаг. Затем капитан направился к жилищу Дента, и тот, дрожа как лист, под защитой Эллиотта перебрался в английскую факторию, ставшую его логовом и убежищем. Чарли говорит, это позор и бесчестье для Британии, укрывшей отъявленного преступника под своим флагом.

Вскоре иноземных торговцев созвали на общее

собрание; приглашение меня не касалось, но ты же знаешь, до чего я любопытен. Я не мог пропустить этакое событие и напросился в спутники к Задиг-бею. Ты не представляешь, дорогая Пагли, какой бедлам царил в английской фактории — торговцы всех мастей спешили занять места, мы с боем взяли два стула.

Хотелось бы сказать, что капитан выступил с вдохновенной речью, однако это была обычная начальственная тягомотина. Он ни словом не обмолвился о том, что его правительство потворствует контрабанде опия, и даже не помянул обвинения, выдвинутые против Дента и ему подобных. Зато объявил, что немедленно потребует выездные пропуска для всех иностранцев и отказ сочтет недружественным актом (знаешь, у меня перед глазами возникла картина: главарь банды врывается в судебный зал и требует, чтобы его головорезов освободили из-под стражи тотчас и без всяких условий). Наиболее тревожным моментом в выступлении капитана стал его настоятельный совет здешним обитателям перевезти свои пожитки на английские корабли, стоящие у Вампоа. Все мгновенно поняли, что дело пахнет эвакуацией. Я думаю, ты представляешь, милая Пагли, всю степень моего огорчения. Что тут говорить,

возможная разлука с Джаквой и расставание с единственным местом на земле, оделившим меня крохой счастья, просто убивает…

Погруженный в глубокую печаль, я сидел в своем номере и раздумывал, что теперь делать, как вдруг появился Бабурао.

Конечно, я чрезвычайно обрадовался, что твои растения благополучно прибыли в Кантон, однако (скажу честно, надеясь не уронить себя в твоих глазах) мне было совсем не до них. И потом, я не имел представления, что с ними делать. Как без сопровождения А-Меда доставить их в питомник «Жемчужная река»? Я даже не знал, где сейчас господин Чан, поскольку с нашей последней встречи не видел ни его самого, ни его помощника.

Однако я понимал: уж если заниматься обменом, то прямо сейчас, ибо чужеземные торговцы бросили перчатку властям, отказавшись не только сдать опий, но и подвергнуться допросам. Яснее ясного, без последствий это не обойдется.

Бабурао был вполне согласен со мной: комиссар так легко не уступит, он наверняка перекроет реку, и потому важно провести обмен, пока этого не произошло.

Уже смеркалось, отправляться в Фа-Ти было

поздно, и мы условились о поездке завтра рано утром. И вот нынче спозаранку я пошел к реке, где в сампане меня ждал Бабурао, заботливо устроивший шесть горшков с твоими растениями в теньке под навесом (последние дни здесь стоит невыносимая жара). Мы тотчас отплыли, и я горжусь тем, что оказался не таким уж бестолковым проводником, ибо смог указать протоку, ведущую к питомнику.

Но только мы в нее свернули, как впереди замаячили сторожевые лодки, а на берегах возникли военные отряды.

Наверное, ты, дорогая Пагли, не удивишься, что Бабурао проявил большую сообразительность, нежели твой бедолага Дрозд: он толкнул меня в бамбуковую конуру, велев спрятаться за растениями. Я весьма проворно исполнил приказ и, точно котенок, свернулся меж горшков (скажу, там было не очень уютно, ибо дугласова пихта ничуть не обрадовалась моему появлению, а я уразумел, что ее ветви не зря называют «игольчатыми»).

Меж тем Бабурао уверенно правил лодкой, готовый, если что, назвать иной пункт назначения. Разумеется, на подъезде к питомнику его остановили и подвергли долгому допросу. Попробуй

представить мое состояние, милая Пагли: меня жутко трясло от страха, и к тому еще добавились неописуемые страдания, ибо твоя маленькая злыдня смородина исхитрилась засунуть свой листок мне в нос и я еле сдерживался, чтоб не расчихаться.

К счастью, самообладание не изменило моему кормчему; я, конечно, не понимал его слов, но, видимо, он был убедителен, поскольку нас пропустили, не обыскивая лодку.

Мы поплыли дальше, и я осмелился приникнуть к щели в моем бамбуковом укрытии. Увы, я был совсем не готов к тому, что увидел, и прямо-таки весь похолодел. Вообрази, усадьба была разрушена! Ворота снесены, сады уничтожены! На берегу стояли работники Чана со связанными за спиной руками; страшно и подумать, какая судьба им была уготована.

Ни Чана, ни А-Меда я не увидел, но, честно сказать, не особо приглядывался, ибо в голове моей роились ужасные картины, представлявшие, что стало бы со мной, окажись я в питомнике.

Прости, дорогая, сводит живот, и если я продолжу воображать ожидавший меня кошмар, мне придется переменить штаны.

Я давно подозревал, что господин Чан, он же

Линьчон, он же А-Фей, скажем так, многолик. И только мое неистребимое любопытство не позволило удержаться от общения с ним. Не скрою, интригующая история его жизни разожгла мой интерес: необычайно странно, что человек в равной степени увлечен цветами и опием. Хотя теперь я понимаю, что в этом нет никакого противоречия, ибо и то, и другое пьянит. Можно ли сказать, что одно неизбежно приводит к другому? Ведь опий — порождение цветов, а в видениях опийных пристрастников возникают сады неземной красоты.

В общем, нам с Бабурао очень повезло, что мы так легко отделались от неприятностей. На обратной дороге мы решили, что растения нужно вернуть тебе немедленно, поскольку дорогие твоему сердцу питомцы, проделавшие столь дальний путь, требуют надлежащего ухода, какой мы обеспечить не можем. Наверное, милая Пагли, сейчас лучше посадить их в твоем островном питомнике — пусть себе растут и множатся в ожидании благоприятных времен. Я понимаю, вы с мистером Пенроузом сильно огорчитесь, но, возможно, вас утешит мысль, что до поры до времени растения останутся с вами. Еще не все потеряно, дорогая Пагли, и я прошу тебя в минуту

печали поразмыслить над китайским афоризмом, который я почерпнул от Джаквы во время нашего совместного изучения «Пути кисти»: «Чтобы обрести, нужно уступить, чтобы ухватить — выпустить, чтобы победить — проиграть»…

Ах, я опять наворотил кучу слов (как видишь, давешнее потрясение не избавило меня от болтливости)! Тем временем тучи сгущаются — грохот на крыше стал еще громче. По словам мистера Марквика, местные власти сооружают переходные мостки, которые соединят дома, стоящие по разные стороны улицы Тринадцати факторий. Это облегчит властям доступ в анклав и позволит расставить наблюдателей на крышах…

Вот сейчас я глянул в окно и увидел людской поток, хлынувший из факторий. Это китайцы, служившие у иноземцев уборщиками, поварами и прочими. На головах они несут тюки, баулы и бегут, как от чумы…

Стучат в дверь… наверное, Бабурао пришел за письмом… больше ни слова… заканчиваю…

Спасаясь от несносной жары, Нил и прочая челядь сидели в самом прохладном помещении — смежном с кухней пустующем складе, куда вдруг вбежал слуга-подавальщик:

— Вы только гляньте, что творится!

Отставив стаканы с водой и шербетом, все поспешили к дверям: в крытом пассаже китайцы, нагруженные узлами с матрасами, одеждой и кухонной утварью, потоком устремлялись к выходу из фактории.

В ряду чужеземцев, подолгу обитавших в Кантоне, Бахрам был среди тех немногих, кто привозил своих слуг. Поскольку нанять местных было гораздо дешевле, многие торговцы просили компрадоров подыскать им поваров, уборщиков и других работников. Вот они-то сейчас и покидали факторию все разом, словно кто-то их уведомил о скором извержении вулкана, вынудив спасаться бегством.

Затесавшись в эту толпу, Нил увидел рядом с собою китайца, часто доставлявшего провиант в индийскую факторию.

— А-Тэй! Куда вы все так спешить?

— Юм-чаэ приказать — вся китайса уходить. Не мочь оставаться.

На майдане Нил узрел такие же потоки работников, выливавшиеся из всех тринадцати факторий. Иноземцы собирались в кучки, наблюдая за этим зрелищем. Возле одного флагштока Нил углядел своего знакомца, нынче в шафрановом одеянии.

— Что происходит, Ноб Киссин-бабу?

— По-моему, все очевидно, — ответил гомуста. — Выводят местное население. Анклав изолируют.

Исход слуг длился всего полчаса. Затем на майдане появились полицейские. Рассыпавшись веером, они отдали приказ, после которого цирюльники тотчас свернули навесы, торговцы съестным погасили жаровни, а устроители сверчковых боев загнали своих бойцов в их домики. Пока лоточники и разносчики упаковывали товар, иных завсегдатаев майдана — жуликов, зазывал и певцов — собрали в кучу и выпроводили вон.

Меж тем и на реке шла кипучая деятельность. Небольшие флотилии судов разворачивались носом к факториям; по окончании их маневра стало ясно, что они возвели трехрядный заслон: первые два ряда — баркасы с изрядным числом матросов на борту, последний — лихтеры, пришвартованные друг к другу и не оставившие места для прохода даже крохотной лодки. Затем, как бы подчеркивая, что о побеге нечего и думать, отделение солдат вытащило все чужеземные шлюпки на берег.

— Видите, как все тщательно спланировано? —

сказал Ноб Киссин-бабу. — Теперь тут и мышь не проскочит. И даже лягушка.

Нил предложил ему осмотреться, и они вместе прошлись по Городу чужаков. Очень быстро выяснилось, что все подходы к анклаву перекрыты: в Свинском проулке, на обеих Китайских улицах, Старой и Новой, стояли пикеты, разворачивавшие обратно всех, кто не имел специального пропуска.

Улица Тринадцати факторий превратилась в этакую нейтральную полосу: черные ходы факторий замуровали еще раньше, а теперь на всем протяжении мостовой стояли солдаты с мушкетами и лядунками.

К закату вокруг анклава установили фонарные столбы, и вечером весь майдан был залит ярким светом.

В индийской фактории царило подавленное настроение; по приказу хозяина Вико, Место и кухонные рабочие долго составляли полный перечень продуктов, хранившихся в кладовой. Как выяснилось, бобов, риса, сахара, масла и муки хватит на месяц, а вот питьевой воды — всего на пару дней.

— Что ж такое они задумали? — сказал Вико. — Может, хотят уморить нас голодом?

Не успела начаться дискуссия, как у входных дверей возникла вереница из кули — оказалось, городские власти распределяли провиант. Индийская фактория тоже получила свою долю: шестьдесят кур, две овцы, четыре гуся, пятнадцать бадей питьевой воды, бочонок сахара, кульки с печеньем, мешки с мукой, кувшины с маслом и еще много всякого другого.

— Ничего не понимаю. — Вико поскреб в затылке. — Нас хотят уморить или откормить на убой?

Всю ночь на майдане трубили морские раковины, звенели гонги, слышались резкие команды *Кань-чо! Цау-чо! Поглядывай! Смотри в оба!* Уснуть было невозможно.

Утром, наскоро позавтракав в кухне, Нил вышел на майдан и поразился произошедшим переменам: за ночь, точно в сказке, ярмарочная площадь превратилась в строевой плац. Все прежние обитатели майдана исчезли, зато появились вооруженные солдаты, человек пятьсот, а то и больше: одни маршировали, другие несли караул под стягами своих подразделений.

Днем новшества продолжились: в центре майдана бригада рабочих возвела палатку, которую заняла группа толмачей, возглавляемая старейшиной Томом.

Они-то здесь зачем?

Получив задание все выяснить, Нил доложил хозяину: это пункт приема заявлений и жалоб иноземцев. Если, к примеру, чужаку нужно что-нибудь постирать, пусть обратится к толмачам, и они проследят, чтобы заявка была исполнена должным образом.

У Бахрама отвисла челюсть.

— Они держат нас в заточении, но озаботились нашим бельишком?

— Да, сет-джи. Говорят, не хотят причинять нам даже малейших неудобств.

Чуть позже под балконом английской фактории поставили несколько больших кресел, в которые уселись купцы китайской гильдии. Сменяя друг друга, они сидели там сутки напролет. Похоже, купцы отбывали наказание за то, что не сумели уговорить чужеземных партнеров сдать контрабанду.

Потом на майдан приплелись замызганные ласкары и матросы-европейцы. Днем раньше они получили увольнение на берег, провели его, конечно, в притонах Свинского проулка и вот, очухавшись, узрели разительную перемену анклава. Попавшие в ловушку моряки теперь искали какую-нибудь работу.

Известие о новой рабочей силе взбудоражило торговцев, лишившихся обслуги: даже толком не одевшись, они выскакивали из домов и, отпихивая друг друга, хватали еще не вполне проспавшихся матросов. За несколько минут всех разобрали, все были наняты.

После полудня, когда город изнывал от палящего солнца, в индийскую факторию влетел Ноб Киссин-бабу:

— *Бачао!* Бедствие! Надлежит немедленно предпринять меры по спасению!

— Кого?

— Коров! Им грозят солнечный удар и ожоги!

После ухода китайских работников маленькое городское стадо осталось безнадзорным, и судьба страдавших от жары буренок не могла не тронуть нежное сердце пастушки, скрытой под оболочкой гомусты. Она не успокоилась, покуда Нил не собрал слуг в строительную бригаду, соорудившую бамбуковый навес над коровьим загоном.

Ближе к вечеру на майдане появилась новая милиция, почти целиком сформированная из недавних слуг в домах чужаков. Теперь они были вооружены пиками и палками и облачены в куртки, перехваченные красными кушаками. Каждый милиционер имел ротанговый щит, а

голову его украшала твердая островерхая шляпа с крупными иероглифами.

Кое-кого из них Нил знал, и потому опешил от того, как изменились их манеры: прежде, в ипостаси скверно одетых слуг, они излучали угодливость, теперь же, облачившись в новенькую униформу, держались с невиданным высокомерием.

К ужину Место сотворил куриное пиршество: *маргхи на фарча*, окорочка в тесте, *аллети-палети*, пряные потроха, *маргхи на май вахала*, нежное филе с приправами и котлеты под хрустящей корочкой.

— Прямо праздничный стол! — сказал Нил. — Что, есть повод?

— Есть, — кивнул Вико. — Хозяин уже давно не выходит из дома. Вот Место и приготовил его любимые парсийские блюда, чтоб вывести из уныния.

Утром секретарь капитана Эллиотта доставил депешу: срочное собрание в английской фактории. Пренебречь этим было нельзя, и Бахрам, спешно одевшись, вышел на улицу.

Из своего окна он наблюдал за событиями на майдане, и потому до некоторой степени был подготовлен к переменам, но лишь теперь ощу-

тил их в полной мере. Он не мог и представить, что в один прекрасный день город очистится от разносчиков и наперсточников. Бахрама, как всякого иноземца, лоточники раздражали, и он частенько желал им провалиться, но ему даже не приходило в голову, что вместе с ними исчезнет и дух анклава.

Конечно, приятного мало пробираться сквозь толпу попрошаек и побирушек, но еще противнее шагать под хмурыми взглядами милиционеров. Самое гадкое, что многих из тех, кто сейчас с палками и пиками наперевес патрулировал анклав, Бахрам знал визуально. Вон тот, к примеру, служил стюардом в клубе; еще недавно он подавал тебе жареную утку, а сейчас сверлит взглядом, словно ты беглый арестант. Как будто кто-то взял и вывернул все наизнанку: самые ничтожные людишки, лакеи и коробейники, ранее пресмыкавшиеся перед иноземцами, теперь смотрели осуждающе и оценивающе.

Особо плотное оцепление было перед английской факторией — как только там поселился Дент, ее взяли под неусыпное наблюдение, дабы преступник не сбежал. Под балконом живым укором былым друзьям, не помнящим добра, сидели китайские купцы. Минуя их, Бахрам поклонил-

ся, ему ответили, но лица китайцев остались неулыбчивы и бесстрастны.

Наряд сипаев, встретивший Бахрама в фактории, узнал его и препроводил в библиотеку — красивый просторный зал, где вдоль стен высились стеллажи с книгами в кожаных переплетах, а в дальнем конце, под зеркалом в золоченой оправе, зиял разверстый рот камина с большой полкой. Оглядевшись, Бахрам понял, что уже собрались все члены Совета и другие коммерсанты.

Спиной к очагу стоял капитан Эллиотт: морская форма и шпага на поясе придавали ему величественный, воинственный вид. Он знал Бахрама и ответил на его поклон, пока тот усаживался в задних рядах.

Затем капитан постучал кончиком ножен по облицовке камина, призывая к тишине, и, приосанившись, сказал:

— Господа, нынче я собрал вас для того, чтобы оповестить о результате моих попыток вступить в переговоры с комиссаром Линем. Два дня назад я направил местным властям письмо с просьбой о выдаче вам выездных пропусков. В моем послании говорилось, что в противном случае я буду вынужден сделать вывод о насильственном

задержании подданных и кораблей моей страны и действовать соответственно. Далее я отметил, что угрожающие акции кантонских властей неизбежно подвергнут опасности мир между нашими странами, тогда как я всей душой желаю его сохранить. В установленном порядке мое письмо было передано Верховному комиссару. И вот я получил ответ.

По залу пробежал удивленный ропот — все знали, что руководство провинции уже давно отказалось от сношений с британским представителем напрямую. Кто-то спросил:

— Неужто комиссар отошел от обычая и направил письмо вам лично?

Капитан покачал головой:

— Нет, его многословный ответ был передан по административным каналам. Решив, что вам необходимо с ним ознакомиться, я попросил своего переводчика Роберта Моррисона выбрать несколько абзацев. Сейчас он их зачитает.

Капитан сел, уступив место перед камином переводчику — дородному, степенному мужчине лет под тридцать, сыну известного миссионера; всю сознательную жизнь он провел в Китае и слыл авторитетом в языке и культуре этой страны.

Моррисон разгладил ладонью страницы.

— Господа, это собственные слова комиссара Линя, я постарался передать их как можно точнее.

«Я, Верховный комиссар Линь, знаю, что чужеземцы, ведущие торговлю с нашей страной, долгое время пользовались значительными привилегиями. Однако они принесли нам опий, страшную отраву, кою сбывают в обогащение себе и во зло другим. На посту комиссара я издал указ, в котором обещал не ворошить прошлое и лишь потребовал сдать весь привезенный опий, прекратив его доставку впредь. Три дня, отпущенные на ответ, истекли в безмолвии. Мне стало известно о большой партии опия, привезенной Дентом, которого я призвал на допрос. И вновь трехдневное промедление, и вновь неподчинение приказу. Как результат, наложен временный запрет на всю торговлю, приостановлена выдача выездных пропусков. В письме английского коменданта нет признания вышеозначенной волокиты, но лишь требование пропусков. Спрошу: ежели мои приказы не исполняют, а на вызовы мои не являются, какие еще пропуска? Эллиотт прибыл в Поднебесную на должность английского коменданта. Однако его страна, запретившая

опий у себя, поощряет совращение китайского народа. В водах Гаунчжоу давно стоят груженные опием корабли, но Эллиотт не в силах их изгнать. И снова спрошу: чем командует этот комендант?»

Бахраму вдруг показалось, что с ним говорит необычайно умный и суровый человек, принявший облик переводчика Моррисона. Что за диво, как этот Линь Цзэсюй сумел превратиться в молодого англичанина? Неужели на свете есть люди, обладающие столь мощной натурой, что являют себя через свои слова, не важно, где, когда и на каком языке произнесенные?

Что же он за человек, Линь Цзэсюй? Откуда взялись его необычная мощь, властность и непоколебимая уверенность?

— «Теперь всю ответственность за скорое и безоговорочное исполнение моих приказов сдать опий и подписать ручательство я возлагаю на Эллиотта. Ежели он с этим справится, я сочту своим долгом его похвалить. Коли он может сказать что-нибудь вразумительное, пусть даст четкий ответ. Но ежели он начнет пустословить и задумает темной ночью сбежать вместе с охраной, то лишь подтвердит убеждение, что ему не хватает духу взглянуть в глаза своим соотечественникам.

Однако сможет ли он проскочить сквозь ячейки обширной сети, закинутой небесами?»

Моррисон замялся и опустил листы.

— Дальше читать, мистер Эллиотт?

Слегка побагровевший капитан кивнул:

— Да, продолжайте, пожалуйста.

— «Эллиотт должен уразуметь, что ему надлежит, убоявшись злодеяния, искать пути к покаянию и исправлению: однозначно повелеть всем чужеземцам подчиниться моим приказам и сдать весь опий, хранящийся в трюмах их кораблей. Отныне все иностранцы будут вести только законную торговлю, в награду получая неистощимую прибыль. Но ежели Эллиотт, обрядившись в одежды притворного неведения, сам навлечет на себя беду, в том будет виноват он один, и где же ему тогда искать покаяния?»

Бахрам слушал, зажмурившись; он облегченно выдохнул и открыл глаза, лишь когда переводчик, закончив чтение, вернулся на свое место.

Капитан Эллиотт вновь встал у камина.

— Что ж, господа, комиссар Линь сказал свое слово. — Голос капитана был тих и бесцветен. — Теперь уже никаких сомнений в том, что он намерен всеми доступными средствами получить опий. Комиссар осознает, что не сможет

силой захватить груз, ибо ваши корабли легко отразят любую его атаку. И посему он будет держать нас в заложниках, пока вы не сдадите опий. Надо сказать, положение безвыходное. Побег явно невозможен: мы окружены со всех сторон и пребываем под неусыпным надзором; шлюпки наши лежат на берегу, чтобы мы не воспользовались ими, даже если сумеем пробиться к реке. Неудачная попытка окончится ранеными и унижением. Сейчас мы не можем прибегнуть к силовому решению проблемы, поскольку не располагаем боевыми кораблями и воинскими частями. На создание достаточного экспедиционного корпуса уйдет не один месяц. Но даже если б мы имели необходимый боевой ресурс, атака на Кантон немыслима, ибо она подвергнет опасности наши жизни. Нападение невозможно, пока не эвакуированы обитатели анклава, а моя главная забота — полная безопасность всех подданных ее величества. Вряд ли нужно говорить, что нас не отпустят, пока требования комиссара не будут выполнены. — Эллиотт глубоко вздохнул и нервно потеребил ус. — Так что, господа, напрашивается неизбежный вывод: вам придется сдать весь опий.

Повисла оглушительная тишина, затем вознес-

ся хор выкриков:

— Это грабеж, сэр, чистой воды грабеж! Просто возмутительно!

— Вы осознаете, капитан, что речь о товаре на миллионы долларов?

— И потом, он нам не принадлежит! Вы предлагаете обворовать наших инвесторов?

Дождавшись паузы, капитан Эллиотт вновь заговорил, но уже в примирительном тоне:

— Господа, я ни секунды не оспариваю справедливость ваших доводов, только суть не в этом, тут вопрос нашего освобождения. Комиссар устроил западню, и мы в нее попались; сдача опия — единственный способ вырваться из комиссарской хватки, других вариантов нет.

Слова его лишь подлили масла в огонь.

— Нет вариантов? Для подданных самой мощной на свете державы?

— Знаете, сэр, вы порочите свой мундир!

— Мы вам не лягушатники, что при первой же угрозе вскидывают лапки кверху!

Состроив обреченную мину, капитан бросил взгляд на Слейда. Под несмолкаемый шум редактор поднялся со своего места и, стуча тростью, прошествовал к камину.

— Господа! — рявкнул он. — Вы прекрасно зна-

ете, что я расположен к вам как никто другой. Но сейчас мы должны, вспомнив выражение *fallaces sunt rerum species*, прислушаться к бессмертному Сенеке: не верь всему, что видишь.

«А капитан-то умнее, чем я считал, — подумал Бахрам. — Он знает, что не пользуется авторитетом, и заручился поддержкой влиятельной особы».

— Призадумайтесь, господа, и вы поймете, что захватом нашей собственности комиссар оказывает нам великую услугу, ибо дает лорду Палмерстону долгожданный казус белли — повод объявить войну.

Возмущенные голоса понемногу стихли, наступила тишина.

— Я постарался погрузиться в этот вопрос, — продолжил Слейд, — и даже беглое знакомство с ним снабдило примерами, когда захват британской собственности давал основания для объявления войны. Так было в 1622 году после «амбонской резни», во время коей голландцы уничтожили английское поселение на острове и подвергли его обитателей страшным пыткам. Позже Голландия выплатила репарацию в триста тысяч гульденов. Известен также один, по крайней мере, случай, когда правительству Ис-

пании пришлось возместить урон, нанесенный британским подданным. Но это лишь прецеденты, ибо история коммерции не знает столь беспримерного грабежа, какой, прикрываясь нравственностью, затевает комиссар Линь.

— Позвольте, мистер Слейд! — Со своего места поднялся Чарльз Кинг. — Вы не отметили коренное различие между этими прецедентами и данным случаем, когда речь о *контрабандном товаре*. Всем известно, что китайскому закону о запрете опия почти сорок лет, и он постоянно ужесточается. Или напомнить вам, что по британским законам ввоз запрещенных товаров карается штрафом в тройном размере от стоимости груза? Может, еще сказать, что в Британии всякий, уличенный в контрабанде, считается уголовным преступником и его ждет смертный приговор?

— Не надо ли напомнить *вам*, мистер Кинг, что мы не в Британии, но в Китае? Здешнее законодательство не выдерживает никакого сравнения с британским: ни одного судебного разбирательства, ни одного ареста.

— Ах, вот оно что! — усмехнулся Кинг. — Вы недовольны тем, что комиссар не взял под стражу контрабандистов и не конфисковал запрещен-

ный товар силой, но лишь многократно уведомил о своем требовании сдать груз? Вам не по нраву, что нарушителей закона здесь считают не случайными преступниками, но организованной группировкой, выказывающей открытое неповиновение официальной власти? Однако пометьте себе, сэр, что принцип коллективной ответственности лежит в основе китайского законодательства.

Лицо Слейда налилось кровью.

— Вы себя позорите, сэр, сравнивая английский закон с прихотью тирана! — прорычал он. — Если вам, американцу, угодно пресмыкаться перед маньчжурской деспотией, что ж, дело ваше. Только не ждите, что и мы, свободные люди, покоримся китайским самодурам.

— Но…

Кинг не успел ничего сказать, его перебили выкриками:

— Хватит, наслушались!

— Ему здесь не место!

— Трепло лицемерное!

Кинг оглядел зал, оттолкнул свой стул и молча покинул собрание.

— Скатертью дорога!

— Отрасти косу, тебе пойдет!

Когда порядок восстановился, Дент встал и подошел к камину.

— Я полностью согласен с мистером Слейдом, — сказал он. — Требование комиссара — это неприкрытый грабеж. Однако нет худа без добра: если комиссар пойдет прежним курсом, он даст прекрасную возможность правительству ее величества поквитаться за причиненные нам унижения, поставив торговые отношения с Китаем на прочную основу. Чего не смогли решить многолетние переговоры, быстро уладят пара-другая канонерских лодок и небольшой экспедиционный корпус.

Слейд, не желая уступать главенства, пристукнул тростью об пол:

— Позвольте вам напомнить, господа, напутствие короля Вильгельма IV своим посланникам в Канаде: «Держите в уме, что нам нельзя их потерять!» Нет нужды говорить, что торговля с Китаем для Британии несравнимо важнее тех Канад. Ежегодный доход от нее достигает пяти миллионов фунтов, она представляет собою жизненный интерес коммерсантов, производителей и мореходов Соединенного Королевства, существенно влияет на прибыль наших компаний в Индии. Мы не можем лишиться этой торговли в

угоду скудоумию, пасующему перед нынешними трудностями.

Поняв, что ветер дует в его сторону, капитан Эллиотт позволил себе улыбнуться:

— Заверяю вас, господа, сего не будет.

— Случись вооруженное столкновение, а все к этому идет, — сказал Дент, — всякий, кто хоть немного осведомлен о состоянии китайской обороны, не усомнится в превосходстве наших сил. Нет сомнений и в том, что, разрешив конфликт, британское правительство щедро компенсирует наши потери. — Сложив пальцы домиком, он оглядел зал. — Все мы деловые люди и прекрасно понимаем всю подоплеку. По сути, это будет не сдача груза… — Дент помолчал и усмехнулся, — …а выдача ссуды, и комиссар вернет ее с большими процентами, что ему послужит наказанием за гонор, а нам — наградой за терпение.

Бахрам заметил, как многие согласно покачивают головами, и вдруг понял, что он один совершенно обескуражен таким оборотом событий. Тревога его еще больше усилилась, когда все молчанием встретили слова капитана Эллиотта:

— Как я понимаю, возражений не последует?

Бахрам старался как можно реже говорить по-английски на публике, но сейчас не сдержал

крик, рвавшийся из груди:

— Нет! Я протестую!

Капитан посуровел и удивленно вскинул бровь:

— Прошу прощенья?

— Сдаваться нельзя, капитан! Надо проявить твердость. Неужто не понимаете? Если сейчас уступить, он, этот комиссар, победит, не взявшись за оружие, не уронив ни единого волоса с наших голов. Он победит одними этими… — Бахрам показал на листки в руках переводчика, — …писульками, как их там, указами, приказами, письмами…

Лицо капитана сморщилось в улыбке:

— Уверяю вас, мистер Модди, виктория комиссара будет недолгой. Как морской офицер, скажу вам: сражения выигрывают не письмоводители.

— Однако он одержал верх, не так ли? По крайней мере, в нынешней битве. — Бахрам не знал, как еще выразить свое отчаяние и чувство, что его предали. Глаза б не глядели на этого капитана! Только дурак мог надеяться, что тот найдет благоприятный выход из ситуации.

Развернувшись на стуле, Бернэм одарил Бахрама широкой улыбкой:

— Поймите, мистер Модди, победа комиссара,

если она имеет место, иллюзорна. Нам вернут все, что мы отдадим, и даже сверх того. Наши инвесторы получат хорошую прибыль. Надо лишь подождать.

— В том-то и дело, — сказал Бахрам. — Сколько придется ждать?

Капитан Эллиотт потер подбородок.

— Года два. Может, три.

— Два-три года!

Бахрам подумал о сердитых письмах, скопившихся в конторе, и представил, как будет объясняться с инвесторами; перед глазами возникли злорадствующие шурины, осыпающие Ширинбай попреками: «Говорили тебе, он жулик, а ты позволила ему промотать твое наследство…»

— Наверняка ваши инвесторы подождут, мистер Модди, — не отставал Бернэм. — В конце концов, это лишь вопрос недолгого времени.

Время!

Уже весь зал смотрел на Бахрама, и гордость не дала ему сказать, что вот времени-то у него нет совсем. Двухлетняя задержка расчетов станет нарушением договора, и предательство капитана Эллиотта обернется крахом, банкротством и долговой тюрьмой.

Но здесь и сейчас об этом не скажешь. Бахрам

выдавил улыбку:

— Да, конечно. Мои инвесторы подождут.

Торговцы кивнули и отвернулись. Избавившись от их взглядов, Бахрам попытался сидеть спокойно, однако это ему не удалось — руки-ноги ему не подчинялись. Подхватив полы ангаркхи, он тихонько выскользнул из зала. Свесив голову, Бахрам слепо брел коридорами фактории, потом вышел на улицу, где даже не взглянул на китайских купцов, и уже на майдане услышал, что его окликает знакомый голос:

— Бахрам-бхай! Бахрам-бхай.

Он остановился, поджидая запыхавшегося приятеля.

— Что тебе, Задиг-бей?

— Верно ли, что капитан Эллиотт попросил всех торговцев сдать опий?

— Да.

— И они согласились?

— Да.

— Что будешь делать, Бахрам-бхай?

— А что я могу сделать? — Бахрам смахнул навернувшиеся слезы. — Сдам груз, как все.

Задиг подхватил его под руку и повел к реке.

— Это всего лишь деньги, Бахрам-бхай. Скоро ты вернешь, что потерял.

— Дело не в деньгах, Задиг-бей.

— А в чем?

Бахрам сглотнул душившее его рыдание.

— Я продал душу Ахриману, — просипел он. — И оказалось, напрасно. Зазря.

Нил вышел на майдан, и тут его окликнули из палатки толмачей.

— Для тебя сообщение от Комптона, — сказал Юн-Том. — Завтра в полдень ты приходить Старая Китайская улица. Он быть там.

— Возле заслона?

— Да, там.

— Хорошо.

На другой день в означенное время Нил подходил к условленному месту. На фоне безлюдной улицы и запертых лавок преграда, сооруженная из заостренных бамбуковых стволов, выглядела весьма внушительно, караульные были вооружены мушкетами и саблями.

Нил невольно замедлил шаг, всматриваясь в скопище зевак на противоположном конце улицы. Он бы, наверное, не разглядел Комптона в плотной толпе, если б тот не помахал рукой:

— А-Нил! Я здесь!

Печатник предъявил дежурному офицеру дощечку с иероглифами, после чего Нилу позво-

лили миновать заслон.

— Что вы ему показали, Комптон? — спросил Нил. — Почему меня пропустили?

— Важное дело. Сейчас поймете.

В печатне Комптон отпер шкафчик и подал Нилу бумажный листок:

— Вот, посмотрите.

Список из восемнадцати фамилий, где против каждой значились цифры, был выполнен иероглифами и продублирован латиницей. Нил сразу понял, что это перечень главных иноземных торговцев, ведущих дела в Кантоне.

— Что это за цифры?

— Груз опия, заявленный купцами. Как думаете, не врут?

Первым в списке значился Ланселот Дент, его груз был самым крупным — свыше шести тысяч ящиков. Вторым шел Бахрам, против его имени стояло число 2670.

Заметив, что Нил колеблется, Комптон сказал:

— *Чен-ман*, только честно, А-Нил. Это весь его опий?

— Деталей я не знаю и могу только предполагать, но думаю, что число верное. Однажды наш управляющий сказал, что в шторм хозяин потерял чуть больше десятой части груза. А в другой

раз он обронил, что разбились триста с лишним ящиков. Если посчитать, все сходится.

Комптон покачал головой:

— Потеря большая — почти миллион таэлей серебром.

— Да ну? — опешил Нил. — Так много?

— *Хай-бо,* серьезный урон! — Комптон ткнул пальцем в листок: — Что скажете о других?

Нил обратил внимание на имя Бернэма, против которого стояла скромная тысяча, и радостно усмехнулся. Наконец-то появилась возможность хоть немного поквитаться за причиненное зло.

— Вот это число неверное, — сказал он.

— Откуда знаете?

— Счетовод Бернэма — мой приятель. Он говорил, что нынче его хозяин взял груза больше, чем сет Бахрам-джи.

— Вот как?

— Да. Сведения точные.

— Хорошо, я прослежу, чтобы они дошли до комиссара.

С каждым днем Бахрам спал все хуже. Слуги закрывали ставни наглухо, и все равно яркий свет с майдана исхитрялся проникнуть в спальню. По стенам и потолку бродили колеблющиеся тени патрулей, совершавших обход, а гулкое эхо

команд, звучавших на площади, доносилось даже сквозь затворенные окна.

То и дело Бахрама будили звоны гонгов и кимвал, и он лежал без сна, таращась на призрачные тени и прислушиваясь к голосам. Порой чудились шаги в коридоре и шепот возле кровати, и тогда Бахрам еле сдерживался, чтобы не дернуть шнур вызывного звонка. Но Вико не пришел бы (он занимался доставкой груза со шхуны на склад, устроенный на берегу), а кроме него поговорить было не с кем.

Даже опийная настойка не помогала — от нее все звуки казались громче, а сны становились ярче. Однажды после доброй порции настойки привиделся сон, в котором Чимей пришла в индийскую факторию. В прошлом она частенько грозилась это проделать — такое, говорила она, бывало сплошь и рядом: переодевшись в мужское платье и заплетя косицу, «цветочницы» тайком пробирались к чужеземцам, и все было шито-крыто.

Во сне это был самый обычный день, Бахрам собирался в клуб, и тут к нему вошел Вико:

— Патрон, вас спрашивает китаец, некий Ли Сынь-сан.

— Кто такой? Я его знаю?

— Не ведаю, патрон. По-моему, раньше он не приходил. Но, говорит, дело важное.

— Ладно, проводи его в контору.

В тот час там уже никого не было — секретарь ушел в свою комнатушку, слуги закончили уборку. Бахрам сел в кресло. Вскоре дверь отворилась, впустив низенького худощавого человека в круглой шапочке и халате с отделкой.

Тусклый свет не позволял разглядеть лицо визитера, и потому Бахрам его не узнал.

— Здравствуйте, Ли Сынь-сан, — сказал, обозначив поклон.

Гость промолчал, но потом, дождавшись ухода Вико, расхохотался:

— Мистер Барри совсем глюпый!

Бахрам обомлел.

— Чимей? Зачем сюда приходить? Ты поступать очень плохо!

Как будто не слыша его, Чимей взяла лампу и стала разглядывать всякие вещицы, скопившиеся в конторе. По лицу ее было видно, что они ей не нравятся.

— Ай-ай, одно старье. Зачем мистер Барри держать тут?

В общении с ним она частенько прибегала к этому тону, ворчливому и вместе с тем снис-

ходительному, каким журят малыша. Бахрам рассмеялся.

А вот письменный стол ей глянулся — Чимей дотошно его рассмотрела и подергала запертые ящики.

— Что прятать внутри?

Бахрам достал из кармана связку ключей и отпер ящик, в котором хранилась лакированная шкатулка.

— Это моя дарить тебе, верно?

— Да, Чимей, твой подарок.

— Почему здесь держать? Не любить?

— Любить, любить.

Потеряв интерес к столу, Чимей оглядела комнату.

— Где мистер Барри спать? Тут нет кровать.

— Спать другой комната. — Бахрам машинально показал на дверь. — Но Чимей туда нельзя.

Не обратив внимания на его слова, Чимей толкнула дверь и вышла в коридор. Бахрам плелся следом, вяло упрашивая ее вернуться. В спальне Чимей легла на шелковое покрывало и медленно расстегнула халат. Как зачарованный, Бахрам прилег рядом и уже коснулся ее обнаженной груди, но Чимей вдруг передумала.

— Твой кровать не хорош. Лодка лучше. Идем,

мистер Барри. Идем река.

— Зачем? Раз уж ты здесь, останься.

— Нет, — не сдавалась Чимей. — Пора идти река. Тут плохо.

Бахрам был готов уступить, но что-то его удержало.

— Нет, сейчас не могу. Останься, Чимей, побудь со мной.

Ответа не было, он потянулся к ее руке, но Чимей вдруг пропала, и только занавески колыхнулись на распахнутом окне.

Бахрам проснулся весь в поту; увидев, что окно и впрямь открыто настежь, он вскочил и поспешно его затворил.

Била дрожь, какой уж тут сон. Бахрам запалил свечу, отыскал ключи и прошел в контору. Отпер ящик, в котором стояла покрытая пылью лакированная шкатулка, подарок Чимей. Смахнул пыль и откинул крышку: изящная костяная трубка, стальная игла и восьмигранная коробочка, тоже слоновой кости. Коробочка была пуста, но Бахрам вспомнил, что по приезде Вико принес ему образчик готового опия. Он отомкнул другой ящик: сверток с опием был на месте.

Взяв шкатулку и сверток, Бахрам вернулся в спальню. Поставил свечу на прикроватную тум-

бочку, раскрыл сверток, подцепил иглой кроху бурого вещества и подержал ее над пламенем. Потом перенес зашипевший опий в трубку и глубоко затянулся.

Когда дымное облачко растаяло, Бахрам задул свечу и откинулся на подушку. Вот теперь он уснет хорошо и покойно. Как же раньше-то не додумался?

Утром он проснулся много позже обычного. За дверью слышались шарканье шагов и шепот обеспокоенных слуг. Бахрам поспешно спрятал лакированную шкатулку и сверток с опием в баул. Затем на пару минут открыл окно, проветривая комнату, и впустил слугу.

— Завтрак накрыт в конторе, сет-джи.

При мысли о еде Бахрама замутило.

— Я не голоден. Пусть все унесут, я только выпью чаю.

— Мунши спрашивает, чем ему сегодня заняться. Говорит, нужно ответить на письма.

— Нет. — Бахрам покачал головой. — Скажи ему, нынче работы не будет.

— Слушаюсь, сет-джи.

Остаток утра Бахрам провел в кресле у окна, глядя на реку и то место, где некогда стояла лодка Чимей.

Ближе к полудню на майдане ласкары устроили представление — вскарабкавшись по флагштокам, демонстрировали акробатические трюки. Зрелище развлекло Бахрама, и он подумал, что надо бы с кем-нибудь послать им несколько монет. Но встать из кресла и дернуть шнур звонка показалось непосильной задачей. Во второй половине дня стало знойно, и Бахрам решил устроить себе сиесту; он уже лег в кровать, но потом решил, что после пары затяжек опием сон будет лучше. Достав атрибуты, Бахрам выкурил трубочку и вновь растянулся на простынях.

Еще никогда в жизни он не испытывал такого умиротворения.

Последующие дни и ночи как-то перемешались, и порой, слыша бой церковных часов, Бахрам удивлялся тому, что некогда эти звоны регулировали его жизнь.

Однажды слуга доложил о приходе Задига. Бахрам был совсем не расположен к разговорам, но друга уже проводили в контору. Бахрам переоделся и ополоснул лицо, однако вид его ошеломил давнего приятеля.

— Что с тобой, Бахрам-бхай? Ты страшно исхудал.

— Правда? — Бахрам себя оглядел. — А у меня

впечатление, что я переедаю.

Он не лукавил — теперь после двух ложек ему казалось, что он наелся до отвала.

— И ты очень бледный, Бахрам-бхай. Слуги говорят, ты не выходишь из дома. Надо почаще бывать на воздухе, взял бы да прогулялся по майдану.

Предложение отнюдь не прельстило.

— Выйти на улицу? Зачем? Там ужасная жара. Дома гораздо лучше.

— На майдане всегда увидишь что-нибудь интересное.

С улицы донесся странный звук — как будто чем-то твердым ударили по доске. Бахрам подошел к окну. На майдане играли в крикет, и, что удивительно, среди игроков были парсы. Позицию бэтсмена занимал Диньяр Фердун-джи, облаченный в белые брюки и кепку.

Задиг встал рядом с другом.

— Где это Диньяр выучился играть в крикет?

— Наверное, здесь. Не представляю, где еще он мог научиться.

— Вот видишь, на майдане всегда что-нибудь происходит. Вышел бы и сам сыграл, все-таки разнообразие.

От одной этой мысли на Бахрама накатила

страшная усталость.

— Да куда мне, я понятия не имею об этой игре.

— Ну и что?

Помолчали.

— Мы с тобой старики, Задиг-бей, — сказал Бахрам. — Будущее за такими, как Диньяр.

Раздались аплодисменты — мяч, отбитый Диньяром, улетел на край майдана. Опершись на биту, с самоуверенным видом мастера парень оглядел площадку. Бахрама кольнула зависть.

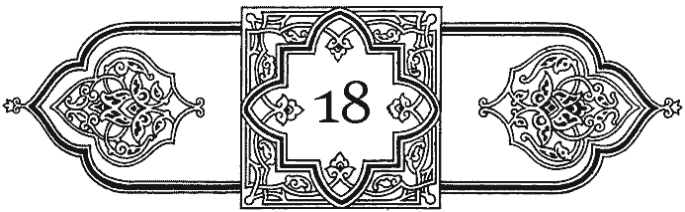
— Как думаешь, Задиг-бей, в своем будущем вспомнят ли они нас? Не забудут ли, через что мы прошли? Осознают ли, что их нынешняя жизнь стала возможной благодаря капиталу, который мы сколотили, и нашему опыту? Поймут ли, что их будущее куплено ценой жизни миллионов китайцев?

Диньяр со всех ног рванул к калитке противника.

— И ради чего все это, Задиг-бей? Ради того, чтобы эти ребята говорили по-английски, носили шляпы и брюки, играли в крикет? — Бахрам закрыл окно, звуки с улицы стали глуше. — Может, так и выглядит царство Ахримана, а? Нескончаемая суета в пустыне забвения.



18



5 июня, дом № 1 американской фактории, Кантон.

Дражайшая Паглиоса,

Такое чувство, будто с последнего письма к тебе прошла целая вечность, но в эти дни было нельзя и помыслить о сношении с внешним миром. Власти уведомили, что всякий, кого поймают за доставкой корреспонденции, будет сурово наказан, так что какие уж тут письма. Только самый бесчувственный человек мог бы ради пустопорожней болтовни подвергнуть своего почтальона риску бастинадо[61], правда же?

---

[61] Примечания: 61

Бастинадо — порка, в которой удары бамбуковыми палками наносятся по ягодицам и ступням жертвы.

Но все это в прошлом. Торговцы сдали опий, и комиссар сдержал слово: с завтрашнего дня Кантон могут покинуть все желающие, кроме шестнадцати иноземцев, коих сочли злостными преступниками. Через день-другой отбудет Задиг-бей, предложивший доставить мои письма, и потому с пером в руке я вновь сижу за столом.

За это время, любезная Пагли, столько всего произошло, что даже не знаю, с чего начать. Вот, пожалуй, наибольшая перемена в моей жизни: я съехал из отеля. В день моего последнего письма к тебе Город чужаков лишился всех китайских слуг, которые, подчиняясь приказу властей, покинули иноземных хозяев. Ввиду этого бедный мистер Марквик решил закрыть свое заведение.

Вообрази мое положение — куда мне деваться? Но тревоги мои были напрасны — навестивший меня Чарли предложил поселиться в его доме (видел ли свет человека добрее?). Он и слышать не хотел о квартплате, только попросил написать ему пару-тройку картин, на что я, конечно же, охотно согласился. И вот с тех пор я обитаю в американской фактории: комната вдвое просторнее и гораздо роскошнее моего прежнего жилища, но и здесь есть окно с видом на майдан. Мне повезло необычайно: я ужасно тоскую по Джакве, однако

имею возможность изредка видеть его за баррикадами, а он через толмачей передает мне всякие гостинцы вроде фиников и цукатов. Меж тем обитать рядом с Чарли чудесно, и я гоню мысли о том, что когда-нибудь этому придет конец.

Наверняка до тебя дошли слухи о претерпеваемых нами тяготах, но ты не верь ни единому слову, милая Пагли. Еды и питья у всех вдосталь, и самой большой тяготой можно считать отсутствие слуг, однако, на мой взгляд, это чрезвычайно благотворное обстоятельство. Не передать, сколь приятно, прогуливаясь по анклаву, видеть неправедно нажившихся и вконец обленившихся чужеземных купцов, кому нынче приходится собственноручно драить полы, заправлять постели, варить яйца на завтрак и так далее. В кои-то веки справедливость восторжествовала.

Ты не поверишь, какое жалкое зрелище представляют собою отдельные типы: давеча один пожилой толстяк в ночной сорочке выскочил из дома и, ковыляя за мной, буквально умолял поступить к нему лакеем. «Что вы, сэр! — надувшись, сказал я. — Я служу у Кинга и не помышляю о перемене места».

Бесконечное удовольствие наблюдать за сценами, какие происходят между иноземцами и

толмачами, несущими дежурство в палатке на майдане. Последним наказано принимать все жалобы и заявки чужаков, осаждающих их круглосуточно. Господин А. желает отдать в стирку замаранную рубашку; господин Б. возмущен тем, что не получил свою ежедневную порцию родниковой воды; пока господин Ц. мел полы, на нем лопнули штаны, и он требует их немедленной починки; господин Д. желает корзину апельсинов, а господин Е. уверяет, что все съестные припасы похитили наводнившие его дом крысы, и посему ему срочно необходимы три окорока и пять караваев. Вот прибегает взмыленный мистер Ф.: по его дому бродил теленок, и если такое повторится, из своего мушкетона он пристрелит скотину, и плевать ему на последствия. Жалоба от мистера Дж.: его оскорбили гвардейцы, и ежели обидчиков не накажут хорошенько, он всех их изничтожит бамбуковой тросточкой. Толмачи терпеливо слушают, изредка вставляя реплики: «*Хаэ йо?* Как же так? Начальника сердиться, шибко их ругать…» Они ребята добрые и не показывают, как все это их потешает.

Мистер Бахрам Модди, бомбейский купец, один из немногих, чей домашний уклад не пострадал, поскольку у него собственный корабль и он при-

возит своих слуг. Однако ему грозят огромные коммерческие потери — говорят, он владеет десятой частью опия, подлежащего сдаче. Мистер Модди так удручен этой бедой, что почти не выходит из дома и даже со своим ближайшим другом Задиг-беем видится крайне редко.

А вот челядь его не унывает: в последнее время она устраивает этакие дни открытых дверей, приглашая всех желающих откушать за ее столом. Нет слов, чтобы выразить мой восторг, милая Пагли: в сем доме отменная кухня, и только отведав тех кушаний, я понял, до чего же истосковался по дхоту и карибату!

Да и компания сотрапезников чрезвычайно хороша: управляющий Вико — весельчак и выдумщик забавных способов «скоротать время» (сейчас он в отлучке, надзирает за передачей хозяйского груза властям, и нам его очень не хватает). Секретарь мистера Модди весьма интересная и даже загадочная личность: говорит, он из Типперы, однако его выговор на бенгали выдает в нем уроженца Калькутты, хоть он в том упорно не признается. (Кстати, в разговоре с ним я упомянул свою калькуттскую знакомицу Полетт Ламбер, и могу поклясться, несравненная моя, что твое имя ему знакомо! Услыхав его, он

побледнел, насколько позволила его смуглость.)

Среди завсегдатаев трапез в кухне мистера Модди несколько парсов, и один из них, Диньяр Фердун-джи, просто очарователен. Как-то вечером мы раздумывали, чем бы себя позабавить, и меня осенило поставить пьеску. Оглянуться не успели, как мы уже репетировали «Анаркали, куртизанку из Лахора» (ты, наверное, знаешь, что это была любимая роль моей матушки, и я всегда мечтал ее сыграть).

Не высказать, какое удовольствие мы получили, милая моя! Я сам пошил себе костюмы, а секретарь превосходно справился с ролью жестокого императора-старика Акбара. Диньяр проявил себя великолепным партнером, отменно сыграв Джахангира; он прекрасно танцует и поет, и я дополнил пьесу парочкой новых арий, которые мы исполняли, гоняясь друг за другом вокруг дерева (в нашем спектакле его изображала колонна). Все получилось так здорово, что по возвращении в Бомбей Диньяр намерен собрать театральную труппу!

Воистину он — сгусток энергии: однажды увидел, как англичане играют в крикет, и уговорил их обучить его этому спорту (Диньяр был с ним знаком, но не мог овладеть им раньше, поскольку

в Бомбее местных не допускали в спортивные клубы). Вскоре он постиг все тонкости игры и, подготовив команду индусов, вызвал английскую факторию на матч. Однако в последнюю минуту выяснилось, что им не хватает одного игрока, и представь себе, душенька Пагли, именно твоему бедолаге Дрозду выпало восполнить пробел!

Ты ведь в курсе, моя дорогая, что я терпеть не могу всякие игры и уж тем более крикет. Но, разумеется, я не мог отказать моему Джахангиру, особенно после того, как он меня приобнял и стал буквально умолять, клятвенно заверяя, что убережет от всякого членовредительства. И впрямь, поначалу все было мирно, только я, хоть убей, все равно не пойму, чем привлекательна игра, в которой как будто ничего не происходит. (Между прочим, изумленные китайские гвардейцы спросили, не платят ли нам за эту беготню; разумные люди, они не могли взять в толк, ради чего еще можно гоняться за мячиком.) А потом вдруг все вокруг завопили: «Лови, Дрозд, лови!» Я возвел очи горе и увидел, что мерзкий мяч летит прямо на меня. Первым моим порывом было дать деру, но мне помешала изгородь коровьего загона, в которую я уперся спиной. И тогда я, вспомнив наставления Джаквы, изгнал из головы все мыс-

ли, целиком сосредоточился на объекте моего желания и — ап! — каким-то чудом ухватил метательный снаряд, злобно рассекавший воздух! Оказалось, я совершил большое дело, ибо после поимки мяча, пущенного лучшим бэтсменом противостоящей стороны, наша команда захватила калитку соперников и одержала победу. Диньяр, вне себя от радости, поклялся основать индийский крикет-клуб в Бомбее, и я надеюсь, ему это удастся. Вообрази, дорогая Пагли, как было бы забавно поглядеть на ораву индусов, в дневное пекло гоняющихся за мячиком!

Только не подумай, милая моя, что все свое время я тратил на легкомысленные пустяки — сие невозможно, когда живешь под одной крышей со столь возвышенным человеком, как Чарли Кинг! Такая оценка его бы смутила (он наискромнейший из людей), но я вправду считаю его великим, ибо требуется величие души, чтобы решительно выступить против соотечественников, да еще в одиночку, да еще зная, что сама история тебя не пощадит, поскольку ты показал всю *лживость* отговорок, какими сильные мира сего пытаются себя обелить.

Как ни странно, я убежден, что только один человек отдает должное его мужеству и честности,

и это Верховный комиссар. Хотя в том, наверное, нет ничего удивительного, ибо, я думаю, он и сам в таком же положении. Действия его принимают далеко не все даже среди китайцев, и, по слухам, комиссар нажил себе уйму врагов. В этой провинции очень многие разбогатели на опии, и они, конечно, поносят Линя не слабее, чем иноземцы — Чарли. Похоже, между этими двумя существует некая связь: в мире, где правят коррупция и алчность, они остаются неподкупными, и чего удивляться, что это вызывает ненависть их соплеменников.

Что ни говори, но и впрямь есть узы, связующие Линя и Чарли. Комиссар даже вынес Кингу благодарность в указе, который был расклеен по всему Городу чужаков (представь, какое впечатление это произвело на Дента и иже с ним!).

Давеча власти приступили к уничтожению сданного опия, и Чарли был среди немногих иноземцев, допущенных наблюдать за событием. Он подробно описал мне сию картину, и я так проникся его рассказом, что решил запечатлеть все происходившее на холсте и уже сделал несколько набросков, горячо одобренных Чарли.

Акцию устроили в прибрежной деревеньке, которая расположена в болотистой лощине,

изрезанной ручьями и окруженной рисовыми полями. Ящики с опием складировали на размеченной площадке, от которой прорыли канавы к реке. Во избежание хищений была установлена круглосуточная охрана, а всех рабочих обыскивали на входе и выходе.

Ящики прибывали день за днем, и наконец число их достигло двадцати тысяч трехсот восьмидесяти одного. Общая стоимость сего груза просто невообразима — чтобы его выкупить, говорит Задиг-бей, нужны тонны серебра! (Представляешь ли ты, милая Пагли, курган из серебряных слитков? В голове не укладывается, что весь этот опий собирались продать за один торговый сезон!)

Но вот наступает день, когда комиссар дает команду приступить к уничтожению огромной горы ящиков. Как ты думаешь, чем он занят накануне акции? Вообрази, он сочиняет стихотворную молитву, в которой просит бога моря уберечь обитателей глубин от яда, что вскоре на них прольется.

В установленный час комиссар усаживается в возведенном павильоне и дает отмашку начать работу. Вскрывают ящики, разбивают футляры; перемешанный с известью и солью опий сбрасы-

вают в канавы с водой, затем поднимают шлюзы, позволяя образовавшемуся раствору стечь в реку. Труд тяжелый — за целый день пятьсот рабочих успевают ликвидировать не больше трех сотен ящиков.

Вот такую картину видит Чарли. Комиссар приглашает его к себе в павильон. Это их первая встреча лицом к лицу, и Чарли удивлен тем, что комиссар вовсе не таков, каким его изображают недруги: он невысок и весьма тучен, однако чрезвычайно подвижен и выглядит моложе своих лет; холеное полное лицо его украшено жиденькой бородкой, взгляд темных глаз пронзителен. После обмена любезностями он спрашивает, кого из китайских купцов Чарли считает самым честным. Тот медлит с ответом, и комиссар заходится смехом.

Может получиться великолепное полотно, правда? Я думаю назвать его «Комиссар Линь и опийная река».

Чарли был в восторге от зрелища, в котором зелье, как он выразился, предназначенное служить топливом для похоти и безумия в борделях сотен городов, превращается в прах. Но к радости его примешивалась ужасная горечь, ибо он понимал, что век комиссарской победы недолог:

флотилия английских и американских боевых кораблей уже взяла курс на Китай, а в исходе войны, случись она, сомневаться не приходится. Чарли настолько встревожен, что написал большое письмо капитану Эллиотту. По-моему, это прекрасный образчик эпистолярного жанра, и я, завзятый копиист, не удержался от того, чтобы переписать несколько абзацев (листки эти я вложу в конверт с моим письмом).

Чарли часто впадает в уныние, ибо, на его взгляд, грядут великие потрясения. Так оно или нет, я не знаю, да и мне, если честно, все равно. Я считаю, нужно жить моментом. Согласись, милая Пагли, такое бывает редко, чтобы два хороших человека противостояли ополчившимся силам зла.

Как всегда, я грешу многословием, однако не могу закончить это письмо, обойдя молчанием одну большую странность, случившуюся на прошлой неделе.

Как-то утром на пороге дома был обнаружен адресованный мне ярко-красный конверт, в каком здесь обычно присылают приглашения. Письмо на английском исходило (либо претендовало на это) от господина Чана (или А-Фея, как тебе угодно). Вот что в нем сказано:

«Дорогой мистер Чиннери, по неотложному

делу я должен покинуть город и не знаю, когда вернусь. Жаль, что так вышло, ибо я приготовил для вас прелестные цветы. Правда, среди них нет золотистой камелии, ибо сего растения НЕ существует. Его выдумал Уильям Керр. Как и многое другое, что приписывают Китаю, это ФИКЦИЯ. Мистификация Керра преследовала единственную цель — побольше выкачать денег из спонсоров. Картинки нарисовал художник Аланцае, а Керр подсказал ему ботанические детали. Я это знаю, потому что служил садовником у матери художника, рекомендовавшей меня Керру. Я бы очень хотел сам поведать обо всем этом мистеру Пенроузу, да вот теперь не уверен, выпадет ли случай. За сим прощайте, Ленни Чан (Линьчон)».

Ей же ей, милая Пагли, я не знаю, как это понять, и даже не буду пытаться. Все это чрезвычайно странно, хотя для Кантона, наверное, обычно.

Цветы и опий, опий и цветы!

Парадоксально, что сей город, впитавший в себя изрядно мирового зла, в ответ одаривает красотой. Читая твои письма, я поражался числу растений, преподнесенных им миру: хризантемы, пионы, тигровые лилии, глицинии, рододендроны, азалии, астры, гардении, бегонии,

камелии, гортензии, примулы, нандина, можжевельник, кипарис, чайные розы плетистые, розы многолетние и многое другое. Будь моя воля, я бы предписал всем садовникам на свете помнить, что их цветочное богатство досталось им от щедрот сего многолюдного, зловонного, шумного, сластолюбивого места под названием Кантон.

Когда-нибудь забудут всё — Город чужаков и его «дружбы», опий и «цветочные лодки», и даже, наверное, картины (вряд ли кто-нибудь любит здешние творения (и их авторов) больше меня, а многих вообще воротит от сего незаконнорожденного искусства, не китайского и не европейского целиком).

Все канет в забвение, а вот цветы Кантона останутся, правда же, милая Пагли?

Они бессмертны и будут цвести вечно.

Чарльзу Эллиотту, эсквайру и прочая.

Почти сорок лет британские торговцы, поощряемые Ост-Индской компанией, вели торговлю в ущерб основным законам и главным интересам Китайской империи. В результате валюта страны обесценена, чиновники коррумпированы, множество жизней загублено. Сия торговля стала дурным предзнаменованием правительствен-

ных замешательств, привнесла плаху и темницу в уложение о наказаниях, а в сердцах обычных людей породила страх лишиться имущества, достоинства, чести и счастья. Все сословия, от императора на троне до бедняка в лачуге, ощутили ее жало. Мы часто видим, как ее жертвами становятся представители низших классов, но государственные бюллетени свидетельствуют, что она оставила свою мету бесчестья и гибели даже на императорской родне.

Справедливость не позволяет счесть усилия, предпринятые китайцами для обуздания чинимого им зла под маской дружбы, поводом для еще большего растерзания страны. Практическая сметка не велит жертвовать законной доходной торговлей с Китаем, бросая ее на алтарь зловредной коммерции. И тем громче призыв воздержаться от применения силы в неправедной схватке не с китайскими правителями, но с их народом. Как ни мощна Великобритания, у нее нет морального права подвергать опасности жизнь населения в три-четыре миллиона.

Опийная торговля опорочила Господа в глазах язычников много успешнее любых иных набегов во все времена. «Текучая отрава», «мерзкая грязь», «страшная напасть от чужаков» — эти и

сотни других имен получил опий на языке сей империи. Чужеземное зелье ославило себя повсеместно, а нравы его поставщиков оставили о себе память в каждом китайском селении.

Как так вышло, что Мальва, Бихар и Бенарес стали главными производителями опия? Почему огромные земельные пространства, прежде занимаемые иными культурами, ныне отданы маку? Отчего посевные площади его, и так уже безмерные, быстро увеличиваются?

Опийная торговля — детище Ост-Индской компании, порожденной британским государством. Индийские доходные статьи, включая означенную торговлю, неизменно одобряются парламентом. Производство и сбыт, как неотъемлемое звено цепи, высочайше одобрены для одной страны и запрещены для другой. Английский купец получил добро высшего законодательного органа на продажу товара Ост-Индской компании. На его стороне симпатия и пример власти, и какое ему дело до возбранений, исходящих от странных и гадких деспотов, что управляют Китаем? Введенный в заблуждение парламентом, он укрепляется в своей позиции, видя, что общество безмолвствует. Это ли не повод уведомить английский народ, что в человеколюбии он уступает китай-

цам? Не пора ли христианам откликнуться на действия язычников, взбунтовавшихся против дьявола-искусителя? Мой старинный друг, владеющий китайским языком, сказал: «О зелье я говорил с сотнями людей, и *никто* не выступил в его защиту или оправдание». Жертвы опия не находят слов в его пользу. В Англии всякого приветит богатая лицензированная пивная, а китайский курильщик опия, мучимый виной и стыдом, ищет потайной уголок.

Подсчитано, что произведенный опий измеряется восьмьюдесятью тысячами ящиков. Из сего громадного числа явствует, что возделывание индийского мака должно быть прекращено повсеместно и немедленно. Земли, захваченные сим губительным растением, надлежит вернуть культурам, не наносящим вреда человеческой жизни, добродетели и счастью.

Известно, что потребление зелья уже стало привычкой нездоровой части западного общества. (В Великобритании его торговый оборот за 1831—32 гг. составил двадцать восемь тысяч фунтов.) Если так пойдет дальше, во что превратится нация через одно-два поколения?

Спору нет, нынче Провидение устанавливает наиважнейшие связи посредством националь-

ных вкусов. Вот так, к примеру, любовь к чаю сплотила Англию и Китай. Однако следует помнить: то же самое Провидение, что использует сии особые предпочтения для дружеских уз, может применить их для общественной экзекуции. Да не случится того, что подобная кара — рикошет порока в соблазнителя — ожидает западные государства в их торговле с Китаем.

Да пребудут божественная истина и мощь в каждом нашем усилии приблизить царство всеобщего согласия и вольности, но эра сия должна стать ровесницей времени, когда «не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать».

Остаюсь, досточтимый сэр,
искренне ваш,
Ч. У. Кинг

И вдруг все закончилось. Заслоны исчезли, лавки на обеих Китайских улицах распахнули двери и ставни.

Однако Город чужаков почти обезлюдел — остались только шестнадцать торговцев, которым отказали в выездных пропусках, и их челядь.

Последние дни заточения в опустевшем анклаве стали истинной пыткой, и обитатели индийской фактории облегченно вздохнули,

получив известие, что сдача опия наконец-то завершена и вскоре всех отпустят восвояси.

За день до отъезда Нил прошелся по городу, попрощавшись с Аша-диди и поболтав с толмачами, с которыми успел подружиться. Последней остановкой стала печатня, во внутреннем дворе Комптон угостил его чаем. Они поговорили о незаконченной «Хрестоматии», а потом печатник вручил Нилу конверт:

— Вот вам в подарок последняя верстка.

— Верстка чего?

— Письма.

— И кто его автор?

— Письмо Линь Цзэсюя английской королеве.

Нил оторопел.

— Комиссар обратился к королеве Виктории?

— *Хай*, письмо переведено и отпечатано. Позже прочтете.

— Непременно. — Нил встал. — Спасибо, Комптон.

— Не на чем.

В дверях Нил задержался.

— Знаете, давно хотел вас спросить…

— О чем?

— В день моего знакомства с учителем Чжун Лоу-сы кое-что в ваших словах меня озадачило.

— Что же?

— Вы сказали, что сет Бахрам-джи в ответе за зло.

— Верно, — кивнул Комптон. — Помнить Хо Лао-кина, казненного?

— Да.

— Перед смертью он шибко бояться, бледный, губы белый, точно призрак увидеть. Много-много говорить. Мистер Модди первый дать ему опий, вот так все и начаться. Тогда Модди здесь иметь женщина, тетка Хо Лао-кина. Прижить с ней сын. Вы это знать, А-Нил?

— Кое-что слышал. Рассказывайте.

— Парень вырос, нужна работа. Хо Лао-кин отвозить его в Макао, сводить с контрабандистами. Парень год-другой работать, потом попадать беда и хотеть уехать. Просить отца увезти его в Индию, но отец сказать: нет, будь здесь. Дело совсем плохо. Главарь хотеть его убить, парень бежать в Гуанчжоу, прятаться у матери. Бандиты прижать Хо Лао-кина, он им сказать, что парень на лодке матушки. Они за ним приходить, но его нет, только мать.

— И что потом?

— Они убить женщину и уплыть. — Комптон сурово поджал губы, покачал головой. — Мистер

Модди плохой, делать много зла. Оставьте его, А-Нил, берегитесь. Все, кто с ним рядом, пострадают за его дела.

Нил, раздумывая, помолчал.

— Может, вы и правы, — наконец сказал он. — Но вот какая штука: почти все, кто ему близок, его любят. И я в их числе, потому что узнал, какое у него большое и доброе сердце. И этим он отличается от всяких Бернэмов, Дентов, Фердун-джи и прочих. Попомните мои слова: они-то ничего не потеряют. А вот Бахрам-джи лишится всего, и причиной тому его душа.

— Вы верный человек, А-Нил, — усмехнулся Комптон.

— Индусы вообще очень верные, и это, наверное, наш самый большой недостаток. У нас считается грехом предать того, с кем вместе ел соль.

Печатник рассмеялся.

— Вот как? Ладно, в нашу следующую встречу накормлю вас солью.

— Не хлопочите, — улыбнулся Нил. — Я уже отведал вашей соли.

Комптон поклонился.

— *Цзой гинь*, А-Нил.

— *Цзой гинь*, Комптон. Прощайте.

Вечером, упаковав пожитки, Нил распечатал конверт, полученный от Комптона. Он раз-другой перечитал письмо комиссара Линя и, поддавшись порыву, перевел несколько фрагментов на бенгали, записав их в «Хрестоматию».

Небесный путь один для всех, он не понуждает ради собственного блага чинить зло другим. Все люди схожи: любят жизнь и ненавидят то, что ей угрожает. Двадцать тысяч лиг разделяют наши страны, но Небесный путь одинаков для всех, и устремления наши ничем не разнятся, ибо на свете нет слепца, не умеющего отличить плоды жизни и смерти, пользы и вреда.

Всех обитающих в пределах четырех морей Двор Поднебесной считает одной большой семьей, и благостыня нашего великого императора, подобно небесам, укрывает все сущее, даже в самом дальнем уголке ничто не лишено его любви и заботы. В порту Кантон торговля процветала со дня его основания. Почти сто тридцать лет существуют добрые и взаимовыгодные отношения между ко-

ренными жителями и чужеземцами из заморских краев.

Но есть род злонамеренных иностранцев, кои производят и сбывают опий, ради барышей обрекая глупцов на гибель. Сперва число пристрастников было невелико, но порок распространялся, и отрава проникала все глубже. Дабы навеки покончить со злом, мы ввели чрезвычайно суровые наказания продавцам и покупателям опия.

Оказалось, злодеи производят ядовитое зелье в местах, пребывающих под вашим правлением. Конечно, это происходит не с вашего благословения и далеко не во всех подвластных вам землях. Мы знаем, что в Англии и доминионах курение опия запрещено строго-настрого. Стало быть, вам ведомо, насколько сие зелье губительно. Но достойно ли отвести напасть от себя и направить ее на другие народы? Как смеют жадные до наживы торговцы потчевать наших людей смертоносной отравой? Если б какая-нибудь нация явилась в Англию и стала обольщать ваших подданных опием, вы бы, Ваше Величе-

ство, вполне справедливо возненавидели ее всей душой. Насколько нам известно, вы, Ваше Величество, человек доброго сердца, который не сделает другим того, чего не желает себе. Надобно запретить не курение, но продажу опия, а еще лучше — его производство, что уничтожило бы порчу на корню. Если же вы не решитесь пресечь сей губительный поток, народ ваш предстанет алчным себялюбцем, коему нет дела до других. Сие противно человеческой природе и уводит с Небесного пути.

Может, так и было задумано, что курс лодок, увозивших последних чужеземцев, пролегал мимо площадки для уничтожения сданного опия. Знай об этом Бахрам, он бы задернул шторку на окошке своей каюты, а теперь не успел даже зажмуриться и увидел, как сотни рабочих, точно муравьи, туда-сюда снуют, разбивая ящики и отправляя их содержимое в огромный чан.

Пояснять, чем они заняты, не требовалось; Бахрам, полжизни возивший эти ящики из древесины манго, узнал их даже издали. Вспомнились шторм в Бенгальском заливе и попытка спасти

драгоценный груз, чуть не стоившая ему жизни; вспомнилось, сколько сил было потрачено на сбор огромной партии и связанные с нею надежды. Смотреть было тяжело, и все равно Бахрам не мог отвести взгляд от рабочих, по пояс в опийной слякоти топтавшихся в чане. Казалось, топчут его самого, превращая в темную жижу, которую потом сольют в канавы.

От желания опия саднило горло, ломило голову и грудь, но на виду у слуг не закуришь, придется ждать до «Анахиты». Бахрам лег на койку и стал отсчитывать часы.

Только после полуночи он наконец-то был один в своей каюте. Бахрам отворил иллюминатор, запер дверь и приготовил трубку. У него жутко тряслись руки, но после первой затяжки дрожь прошла и весь он расслабился.

Ночь выдалась душная и безветренная; Бахрам снял пропитавшиеся потом кошти и седре и, оставшись в одних рейтузах, улегся в койку.

В иллюминатор виднелись хребты и вершины Гонконга, на фоне яркой луны читавшиеся силуэтами. Рядом со шхуной то и дело проплывали лодки, слышались плеск воды под веслами, смех и ворчанье лодочниц. Знакомые звуки эти казались эхом минувшего, и Бахрам ничуть не

удивился, услыхав, что кто-то его окликает:

— Мистер Барри! Мистер Барри!

Выглянув в иллюминатор, он увидел сампан, подплывший к корме «Анахиты». Паренек в лодке опирался на весло, островерхая шляпа затеняла его лицо.

— Иди, мистер Барри, — прошептал он, боясь, видимо, разбудить корабельную команду, но Бахрам слышал его отчетливо. — Иди, она тебя ждать. — Мальчишка показал на плетеную кабинку. — Там.

В случае пожара или иного бедствия иллюминатор мог служить спасательным люком, под ним стоял застекленный ящик, в котором хранилась веревочная лестница. Закрепив крюки на раме, Бахрам распустил ее за борт. Парень ухватил нижнюю перекладину, Бахрам пролез в иллюминатор и очень осторожно стал спускаться.

— Давай, мистер Барри, давай!

Ощутив под ногами днище, Бахрам выпустил лестницу и оттолкнулся от борта шхуны.

Мальчишка опять показал на кабинку:

— Туда, мистер Барри. Она тебя ждать.

Бахрам нырнул под бамбуковый навес, и тотчас чья-то рука коснулась его голой груди. Он вмиг узнал эти огрубелые пальцы.

— Чимей?

В ответ раздалось хихиканье. Во тьме Бахрам распахнул объятья:

— Чимей, приди!

Потом, как бывало прежде, они улеглись на носу лодки, глядя на дрожащее отражение яркой луны. Отблески его озаряли лицо Чимей, в воде облик ее сливался с лунным диском: она как будто улыбалась, манила из глубины.

— Приди, мистер Барри, приди. Скорей!

Бахрам рассмеялся.

— Иду, Чимей, иду. Уже пора.

Вода была такой теплой, словно они еще не разомкнули объятья.

Полетт заметила свисавшую веревочную лестницу, когда ранним утром совершала свой ежедневный поход к делянке, арендованной Хорьком для растений.

Оттуда открывался чудесный вид на пролив, и всякий раз, взобравшись по крутому склону, она усаживалась в теньке под деревом, чтобы перевести дух и сосчитать корабли на якорной стоянке.

В последнее время число их значительно возросло, поскольку многие англичане покинули Макао и теперь квартировали на своих заякоренных судах. Под сенью гонконгских хребтов и

вершин возникло этакое плавучее поселение, где среди иноземных кораблей сновали китайские лодки, предлагавшие все виды услуг от стирки до доставки провианта — фруктов, овощей, мяса, кур и всякого другого.

В скоплении разномастных судов «Анахиту» выделяли изящные линии и ухарские мачты. Отправляясь за растениями на восточной оконечности острова, Полетт и Хорек не раз проплывали мимо этой шхуны, отвечая на приветственные взмахи вахтенных ласкаров.

Нынче течение развернуло «Анахиту» кормой к склону, потому-то Полетт и заметила веревочную лестницу, спущенную из иллюминатора в воду. Это было странно, но вскоре она о том забыла и занялась сбором растений.

Через час работы жара и духота заставили сделать перерыв. Глянув на изящный трехмачтовик, Полетт поняла, что там что-то происходит: веревочная лестница исчезла, а по палубе носились матросы и, сложив ладони рупором, как будто кого-то звали.

Еще через час, по склону спускаясь к месту, где ее ждала гичка «Редрута», Полетт увидела, как со шхуны спустили шлюпку. Дюжина матросов в тюрбанах, налегая на весла, гребла к острову.

Держась извилистой тропки, Полетт потеряла шлюпку из виду и вновь увидела ее, когда та уже пристала к берегу. Матросы явно что-то разглядели и, выскочив из шлюпки, помчались к своей находке, скрытой выступом холма. Через минуту над берегом вознеслось эхо пронзительных воплей на хиндустани:

— *Яхан!* Здесь! Мы нашли его!..

Полетт прибавила шагу и вскоре увидела матросов: стоя на коленях перед полуголым утопленником, вынесенным на берег, они рыдали и рвали на себе волосы.

Один бородач в тюрбане обернулся и заметил Полетт. Он был как будто незнаком, но изумление, возникшее на его лице, говорило о том, что он-то ее знает. Человек поднялся с колен и подошел к Полетт.

— Мисс Ламбер? — тихо проговорил он.

Полетт тотчас узнала этот голос.

— *Апни?* Это вы? — сказала она на бенгали. — Вы были на «Ибисе»?

— Да, я. — По щекам его струились слезы.

— Что случилось? — спросила Полетт. — Кто это?

— Вы помните А-Фатта? Он тоже был на «Ибисе».

— Да, конечно, — кивнула Полетт.
— Это его отец. Сет Бахрам Моди.

Согласно семейной легенде, Нил обнаружил письма Дрозда совершенно случайно.

В конце своего гостевания на ферме Колверов он попросился пожить в домишке, где некогда обитала Полетт. Всю обстановку крытой жестью хижины, приютившейся в кокосовой роще, составляли кровать, колченогий стол да пара стульев. Никаких следов пребывания здесь Полетт не было, однако Нил ощущал ее присутствие, как бывает, когда затылком чувствуешь чей-то взгляд. На четвереньках он исползал плитчатый пол, простучал стены и вдобавок обшарил землю вокруг хижины, надеясь отыскать какой-нибудь куст или цветок, посаженный Полетт, но в здешних местах росли только кокосы и морской виноград.

Неудача еще больше укрепила его в том, что след остался и он прямо на виду, надо только понять, что это и где оно. Мысль эта изводила и не давала уснуть. Ворочаясь на кровати, Нил уронил подушку и вот тогда-то нащупал бугор под тюфяком. Он зажег лампу, приподнял тюфяк и увидел сверток. Распустил кожаную бечевку и осторожно развернул парусину.

В руках его оказалась пачка листков. Верхний, от времени пожелтевший, был испещрен крупными, слегка выцветшими буквами, написанными косым, стремительным почерком.

Нил придвинул к себе лампу и стал читать.

Улица Игнасио Баптисты, 8.
Макао.
6 июля 1839.

Любезная Пагли,

Ты не представляешь, как я счастлив получить твое письмо! За последнее время только оно меня и порадовало. Просто замечательно, что с Захария сняты все обвинения и он направляется в Китай!

Я всей душой рад за тебя, моя милая, и жду других, еще более приятных вестей, кои позволят назвать тебя «Пагли-лучезарная», ибо только твои сообщения смогут рассеять окутавший меня мрак.

В Макао мне плохо, и это потому, наверное, что живу я в папашином доме. Хотя нет, ни город, ни «дядюшка» не виноваты в моей хандре, все дело в том, что я ужасно скучаю по майдану, факториям, Свинскому проулку, Старой Китайской улице, мастерской Ламквы, но всего более — по Джакве. Я утешаюсь лишь тем, что и он думает обо мне. Я это знаю, ибо давеча он прислал гостинец — как

всегда, сласти, но упакованные весьма необычно в кусок шелка, который при ближайшем рассмотрении оказался рукавом его халата! Никакой записки, конечно, не было, поскольку мы можем общаться только изустно. Признаюсь, сей шелк меня заинтриговал чрезвычайно: что это, гадал я, просто сувенир или средство зашифрованного послания? Чем больше я о том думал, тем крепче уверялся в последнем и, в конце концов, решился прибегнуть к помощи папашиных китайских подмастерьев. Их отклик тотчас укрепил мою догадку: они захихикали и покраснели, однако ничего не сказали. Лишь с помощью лести и подкупа мне удалось заполучить объяснение: в стародавние времена жил-был китайский император, души не чаявший в своем Друге, и когда однажды тот уснул на его руке, он предпочел отрезать рукав бесценного халата, нежели тревожить сон дорогого человека!

Невероятно трогательная история, правда? Однако она не ободрила меня, но лишь усугубила мои страдания: если прежде я скучал по Кантону, то теперь затосковал смертельно.

Вдобавок я, захваченный бесами тоски, стал добычей кошмаров: они появились в ту ночь, когда две недели назад на побережье обрушился

страшный шторм — ты, конечно, его помнишь, ибо он, наверное, изрядно потрепал ваш бриг.

В какой-то миг той долгой страшной ночи, когда ветер немного унялся, я смежил веки и вообразил себя в Кантоне, однако он предстал охваченным бунтом еще ужаснее того, что случился 12 декабря.

В цитадели произошло нечто жуткое, и огромная толпа хлынула в Город чужаков. Нынче не было войск, чтоб ее сдержать, и народ крушил все подряд. Люди с горящими факелами врывались в фактории и поджигали строения. Я выскочил из своей комнаты и вдоль городских стен побежал к башне Умиротворение моря. С ее высоты я увидел цепь пожаров над рекой, полыхавших всю ночь. Утром взошедшее солнце явило ужасную картину: Город чужаков сгорел дотла, сгинуло все — отель «Марквик», мастерская Ламквы, питейные Свинского проулка, флагштоки майдана. Все было стерто с лица земли, осталось только пепелище…

И вот эти видения, милая Пагли, преследуют меня почти каждую ночь. Я не могу от них избавиться даже наяву, они стали единственной темой моих картин. Я написал дюжину эскизов и один пошлю тебе с этим письмом.

Хотелось бы передать его лично, однако я так угнетен, что не в силах тронуться с места. Все Чиннери таковы: в радости воспаряют к небесам, в печали низвергаются в пропасть уныния. Где нынче я и пребываю, дорогая моя Пагли.

Я ужасно завидую твоему блаженству, императрица сердца моего, но зависть эта белая. Я очень рад за тебя и только жалею, что не могу радоваться рядом с тобой, хотя, признаюсь, не хотел бы, чтоб в своем счастье ты забыла бедолагу Дрозда.

Нил читал ночь напролет, а затем показал письма Дити, утром заглянувшей к нему в хижину. Неграмотную Дити листки не заинтересовали, но вот найденный среди них рисунок — объятый пламенем Город чужаков — тотчас привлек ее внимание.

— Что за место? — спросила она. — Где оно расположено?

— Наверняка ты о нем много слышала, — сказал Нил. — От Калуа и твоего брата Кесри Сингха, там воевавших, от Джоду и Полетт.

— А, так это Чин-калан?

— Да, по-английски Кантон.

— Почему он в огне?

— Да вот, понимаешь, странная штука… — Нил перевернул рисунок и показал на подпись «Худ.

Э. Чиннери, июль 1839 г.» в правом нижнем углу. — Автор по прозвищу Дрозд, приятель Полетт, датировал свою работу июлем 1839 года. Однако Тринадцать факторий были уничтожены семнадцатью годами позже. Похоже, Дрозд увидел вещий сон.

— Значит, этого города больше нет?

Нил покачал головой.

— Нет, он сгорел дотла. В войну британские и французские корабли из орудий обстреляли Кантон. Горожане пришли в ярость, увидев, что лишь чужеземный анклав остался нетронутым. Толпа сожгла фактории, их так и не восстановили.

— Потом ты там бывал?

— Да, — кивнул Нил. — Последний мой визит туда состоялся почти через тридцать лет после первого. Все изменилось до неузнаваемости. Майдан превратился в пустошь, от факторий не осталось камня на камне. Новый иностранный анклав возвели неподалеку, на песчаной косе Шамянь. Тамошние дома ни имели ничего общего с Тринадцатью факториями, да и вся атмосфера нового поселения ничуть не напоминала прежний Город чужаков. Получился обычный «белый город», какой британцы строили повсюду, доступ в него китайцам, за исключением слуг, был

закрыт. Чистые улицы в зелени деревьев, дома степенные и скучные, как их обитатели. Однако за фасадом невозмутимой респектабельности скрывались торговцы, привозившие индийский опий в небывалых объемах. Одержав победу в войне, англичане быстро положили конец китайским попыткам запретить зелье.

Мне были противны чопорные европейские здания, выстроенные на фундаменте смертоносной алчности; новый анклав выглядел монументом, возведенным силами зла в ознаменование их триумфального шествия по истории. Не терпелось уйти оттуда, все вокруг было так не похоже на Кантон моих воспоминаний, что я засомневался: уж не приснился ли он мне? Но потом я вышел на улицу Тринадцати факторий, единственную уцелевшую часть Города чужаков. Там по-прежнему были лавки, торговавшие картинами. В одной я нашел городской пейзаж с майданом и тринадцатью факториями… — Нил посмотрел на рисунок Дрозда и сглотнул ком в горле. — Картина была мне не по карману, но все равно я купил ее, ибо понял: если б не эти живописные свидетельства, никто бы не поверил, что такой город вообще существовал.



Конец второй книги трилогии